ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

РСФСР—ПРООБРАЗ СОЮЗА ССР

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ И НАРОДЫ ВОСТОКА

У ИСТОКОВ МАЛОЙ АНТАНТЫ

ДВЕ БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

АНТОНИ ИДЕН: НАЧАЛО ПУТИ

АВВАКУМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

№ 11 НОЯБРЬ 1972 г.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» · МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

Рецензии

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

По страницам зарубежных журналов

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

СТАТЬИ

К 50-летию образования СССР

РСФСР И СТРОИТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ (1917—1922 гг.)

О. И. Чистяков

Российская Советская Республика явилась исторически первым социалистическим государством. Вслед за РСФСР возникают другие советские республики — независимые и автономные. Они выделяются из состава Советской России. При этом РСФСР помогает им оформиться и укрепиться, щедро делится своим опытом.

Литература по истории национально-государственного строительства в нашей стране весьма обширна. За последние годы созданы крупные обобщающие труды, в том числе двухтомная «История национально-государственного строительства в СССР» (М. 1968, 1970). Много внимания уделено проблеме национально-государственного строительства в двух вышедших томах «Истории Советского государства и права» (М. 1968). Следует отметить также коллективный труд «Национальная государственность союзных республик» (М. 1968). Большое количество работ создано за последние 10—15 лет по истории национальной государственности союзных республик [1]. Серьезное внимание было уделено проблеме взаимоотношений советских республик в первые годы Советской власти [2]. Продолжается исследование истории автономных республик [3]. Вопросы национально-государственного строи-

---

[1] «История Советского государства и права Узбекистана». Тт. I—III. Ташкент. 1960—1968; А. Агзамходжаев и Ш. З. Уразаев. Развитие советской государственности в Узбекистане. М. 1960; Н. Д. Дегтяренко. Развитие советской государственности в Таджикистане. М. 1960; С. А. Раджабов. В. И. Ленин и советская национальная государственность. Душанбе. 1970; С. З. Зиманов. В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата. 1970; «История государства и права Советского Казахстана». Тт. I—II. Алма-Ата. 1961—1963; Д. С. Киселев. Развитие советской государственности в Туркменистане. Ашхабад. 1963; В. О. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига. 1967; «Очерки истории государства и права БССР». Вып. второй. Минск. 1969; Ш. Н. Петросян. История конституционного развития советской государственности в Армении. Ереван. 1968, и др.

[2] Д. Л. Златопольский. Образование и развитие СССР как союзного государства. М. 1954; С. С. Кравчук. О характере отношений между советскими республиками до образования СССР. «Вестник» Московского университета. Серия X. Право. 1963, № 3; М. И. Куличенко. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918—1920 годах. Харьков. 1963; В. М. Курицын. Государственное сотрудничество между Украинской ССР и РСФСР в 1917—1922 гг. М. 1957; С. Л. Ронин. К истории Конституции СССР 1924 года. М.-Л., 1949; С. И. Якубовская. Объединительное движение за образование СССР. М. 1947, и др.

[3] Х. М. Бербеков. Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик. 1961; М. А. Казанбиев. Создание и укрепление национальной государственности наро-

тельства затрагиваются, в частности, в «Очерках истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма» (М. 1970). Следует отметить выход в свет и ряда других работ по этой проблематике [4]. Все перечисленные и многие другие исследования касаются разных сторон истории советского национально-государственного строительства. Затрагивают они в той или иной мере и вопрос о значении Российской Федерации в этом процессе. Однако специально эта проблема, как правило, авторами не ставится. Единственным, кажется, исследованием по ней является книга Ш. З. Уразаева [5]. Однако автор исследует влияние России лишь на создание узбекской государственности. К тому же работа посвящена роли не только РСФСР, но и Советского Союза в целом, в силу чего Российской Федерации уделяется все же ограниченное внимание.

Конечно, в пределах статьи невозможно в полной мере охватить весь объем такой большой темы, как роль РСФСР в национально-государственном строительстве в нашей стране. Поэтому автор ставит перед собою более ограниченную задачу: наметить хотя бы основные вехи этого процесса в 1917—1922 годах.

Исторические судьбы нашей страны сложились так, что Россия стала центром притяжения многочисленных нерусских народов. Объединение вокруг России позволяло им более успешно обороняться от внешних врагов, налаживать на основе разделения труда экономические связи, развивать культурный обмен. Объединение в составе единого государства создавало условия для сплочения трудящихся классов разных народов в их борьбе с эксплуататорами. «Народы нашей страны веками совместно боролись против царизма, социального и национального угнетения»,— подчеркивается в Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР [6]. Нельзя, конечно, забывать, что указанная прогрессивная тенденция сталкивалась при этом с прямо противоположной — со стремлением царизма к угнетению народов, подавлению их национальной государственности, культуры.

Конец всем видам угнетения трудящихся — и социальному и национальному — положила Великая Октябрьская социалистическая революция. В 1917 г. бывшая Российская империя, буржуазно-помещичья Россия стала Российской Советской Республикой. Она первоначально охватывала всю территорию страны в тех ее границах, которые существовали на 25 октября 1917 года. Октябрьское вооруженное восстание, свершившееся в Петрограде и свергнувшее буржуазное Временное правительство, имело значение для всей страны. Такую же роль сыграл и II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший создание Советского государства. Съезд выразил волю трудящихся всей страны, в том числе и ее национальных районов. Таким образом, понятия «Российская Советская Республика» и «Советское государство» первоначально совпадали. Однако это положение сохранялось недолго.

дов Дагестана. Махачкала. 1970; его же. Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920—1940 гг.). Махачкала. 1960; его же. Очерки истории советского строительства в Дагестанской АССР (1921—1937 гг.). Махачкала. 1965; Р. С. Мулукаев. Развитие советской государственности в Северной Осетии. Орджоникидзе. 1958, и др.

[4] К. Н. Нурбеков. Возникновение Киргизской советской национальной государственности. Фрунзе. 1964; его же. История государства и права Киргизской ССР (1918—1936). Фрунзе. 1960; М. К. Мухарямов. Октябрьская революция и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917—1920 гг.). М.. 1964; Б. Е. Сагария. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921—1931 гг.). Сухуми. 1970; Ш. З. Уразаев. В. И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестане. Ташкент. 1967; М. Хакимов, Я. Серый. Борьба большевиков за создание национальной советской государственности в Туркестане. Ташкент. 1964; Ш. Хафизов. Образование Татарской АССР. Казань. 1960.

[5] Ш. З. Уразаев. Роль РСФСР и СССР в создании советской государственности в Узбекистане. Ташкент. 1965.

[6] «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года. М. 1972, стр. 5.

Национальная политика Коммунистической партии, Советского государства, направленная на раскрепощение народов, провозглашенное Советской Россией право наций на самоопределение создали возможность для возникновения других советских республик. Уже в декабре 1917 г. образовалась Украинская ССР. В конце 1918 — начале 1919 г. сложилась целая семья советских республик на западных окраинах, освобождаемых от германской оккупации и власти местных националистов. Это были Латвийская, Эстонская, Литовская, Белорусская ССР; две последние объединились вскоре в единую Литовско-Белорусскую республику. В ходе освобождения Кавказа от интервентов и националистов здесь в 1920—1921 гг. образовались Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР, объединившиеся затем в Закавказскую Федерацию. Все названные республики возникли путем выделения из состава Советской России. И последняя не только не препятствовала этому процессу, но всесторонне помогала новым республикам оформиться и укрепиться.

Не ограничиваясь провозглашением общего принципа о предоставлении всем народам права на самоопределение, Совнарком РСФСР 4 декабря 1917 г. опубликовал специальный манифест к украинскому народу, в котором подчеркнул право Украины «совершенно отделиться от России» или установить с нею любые государственно-правовые отношения [7]. При подготовке создания прибалтийских советских республик осенью 1918 г. местные большевики первоначально предполагали ограничиться автономией своих национальных районов. Но ЦК РКП(б) посоветовал создать именно суверенные советские республики народов Прибалтики и Белоруссии [8]. Все они сразу же были признаны Советской Россией. Откликаясь на первый запрос эстляндского советского правительства, Совнарком РСФСР 7 декабря 1918 г. издал декрет, которым безоговорочно признавал независимость Эстляндской Советской Республики [9]. Аналогичные акты были приняты 22 декабря в отношении Латвии и Литвы.

Независимые советские республики возникали в борьбе с интервентами и белогвардейцами, с местной националистической буржуазией. Поэтому их существование в большой мере зависело от помощи Советской России. Летом 1918 г. РСФСР, связанная условиями Брестского мира и не имевшая еще достаточной армии, не могла оказать прямой военной поддержки народам Украины, Белоруссии и Прибалтики, боровшимся против германских оккупантов и сотрудничавших с ними националистов. Обстоятельства изменились осенью того же года. В связи с революцией в Германии и окончанием первой мировой войны был аннулирован Брестский договор, и Советская Россия, создавшая к этому времени регулярную Красную Армию, смогла помочь своим западным братьям. Эта решительная военная поддержка в значительной степени обусловила освобождение западных окраин нашей страны и создание здесь новых советских республик.

В аналогичных условиях возникали и закавказские советские республики. Пока Закавказье было отрезано от Центральной России белогвардейцами, борьба трудящихся этого края против своих националистических правительств не давала решающих результатов. Но когда Красная Армия, разгромив Деникина и других белых генералов, вышла на подступы к Закавказью, ситуация изменилась. В апреле 1920 г. трудящиеся Азербайджана свергли власть мусаватистов, и ревком только что провозглашенной здесь советской республики обратился к Советской России: «Просим немедленно оказать реальную помощь пу-

[7] «Декреты Советской власти». Т. I. М. 1957, стр. 178.
[8] М. И. Куличенко. Указ. соч., стр. 37—45.
[9] «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1957, стр. 603.

тем присылки отрядов Красной Армии»[10]. Такая помощь была немедленно оказана. Аналогично развивались события и при образовании Армянской и Грузинской советских республик.

Но помощь РСФСР не ограничилась военной поддержкой. Разоренные войной, интервентами и белогвардейцами, новые республики не могли существовать без экономической помощи своей старшей сестры — Советской России. И она, сама испытывая муки голода и холода, тем не менее делилась чем могла с братскими советскими республиками.

Учесть и показать размеры этой помощи в полном объеме невозможно, ибо она осуществлялась в разных формах и по разным каналам, не всегда документировалась и не все документы до нас дошли. Тем не менее даже неполные данные позволяют судить о размахе такой поддержки республик со стороны РСФСР. Только за первые три месяца 1919 г. правительство Украины получило 1 675 млн. рублей. Но деньги от РСФСР оно получало и до этого и позднее. Только в декабре 1918 г. правительство Эстонии дважды получало крупные суммы. Дважды получала в это время деньги и Латвия. Неоднократно они выделялись Литве, Белоруссии и Литовско-Белорусской республике[11]. Но, кроме таких прямых ассигнований, много средств отпускалось для финансирования отдельных отраслей хозяйства и на определенные, конкретные мероприятия. Вскоре же после образования Армянской ССР, уже в 1921 г., с помощью РСФСР в Армении было реконструировано 18 оросительных каналов, восстановлена Эчмиадзинская оросительная система. Совет Труда и Обороны РСФСР в 1922 г. ассигновал Армении на развитие хлопководства 375 тыс. золотых рублей. Советская Россия помогла Армянской ССР строительными материалами, оборудованием для полиграфической, текстильной промышленности, для строительства электростанций[12]. Подобного рода помощь предоставлялась всем советским республикам. Нельзя при этом забывать, что некоторые республики (Украина, Азербайджан), в свою очередь, оказывали посильную помощь РСФСР и другим братским республикам.

Однако значение РСФСР для новых советских республик не ограничивается прямой помощью им — военной, политической, экономической. Весьма важна роль РСФСР как образца для независимых национальных государств. Такая роль вытекала из однотипности советских социалистических республик. Украина, Белоруссия, республики Прибалтики и Закавказья были, как и Россия, государствами диктатуры пролетариата. Они имели в принципе аналогичный общественный строй, ему должен был соответствовать и сходный государственный строй. При этом новым советским республикам не было необходимости заново продумывать конструкцию своего государственного механизма. Они могли видеть ее в готовом виде в РСФСР и учесть ее опыт применительно к местным национальным условиям.

Принципиально общим для всех социалистических республик явилось то, что диктатура пролетариата здесь сложилась, подобно России и по ее примеру, в форме Советов. Общая структура Советов во всех республиках была в принципе аналогична. Несколько выделялась Советская Эстония. Здесь в силу военной обстановки не успели созвать съезд Советов республики, не успели создать и Центральный Исполнительный Комитет. Высшим органом власти и управления республики явился Совет Эстляндской трудовой коммуны. В Украинской ССР правительство первоначально называлось народным секретариатом, а органы отраслевого управления — секретарствами. Но уже в период гражданской войны здесь, как и в России, были созданы Совнарком и

[10] «Известия ВЦИК», 29.IV.1920.

[11] М. И. Кульченко. Указ. соч., стр. 149—150.

[12] «История Советского государства и права». В трех кн. Кн. вторая. М. 1968, стр. 66—67.

наркоматы. Некоторые особенности имела структура высших органов власти и управления в Латвии и Белоруссии [13]. Для республик Закавказья характерно довольно длительное существование ревкомов как высших органов. То же следует сказать и о системе судебных органов, вооруженных силах, органах государственной безопасности и охраны общественного порядка.

Однотипности государственного механизма соответствовала и однотипность правовых систем советских республик, допускавшая возможность использования законодательного опыта и нормативного материала РСФСР. И действительно, все советские республики прямо вводили на своей территории правовую систему РСФСР или рецепировали ее законодательные акты, то есть создавали свои законы на этой основе. В манифесте Советского правительства Латвии 17 декабря 1918 г. провозглашалось, что в республике «в силу вступают все декреты Российской Социалистической Федеративной Советской Республики об обеспечении рабочего класса» [14]. Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, изданный 29 ноября 1918 г., вводил нормы, уже осуществленные в РСФСР: о национализации промышленности, банков, транспорта, земли, о повышении заработной платы «до норм, установленных Советской властью в России» [15].

Особое значение имел опыт России для конституционного строительства советских республик. Все они в 1919—1922 гг. приняли свои Основные законы. И фундамент для каждого из них составляла Конституция РСФСР 1918 г.— первая Советская Конституция. Вместе с тем Основные законы республик учитывали и изменения, произведенные в конституционном законодательстве РСФСР после 1918 года.

Не менее важно историческое значение Советской России и в деле установления и развития тесных межреспубликанских отношений, федеративных связей между ними. Уже в декабре 1917 г. РСФСР выдвинула идею федерации как возможной формы связи между советскими республиками. В составленном по проекту В. И. Ленина и утвержденном Совнаркомом РСФСР манифесте к украинскому народу среди возможных вариантов такой связи назывались и федеративные отношения. В этом документе примечательны два аспекта. Во-первых, он предлагал принципиально новую форму отношений между народами нашей страны — советскую федерацию; а во-вторых, Советская Россия именно предлагала, а не навязывала федеративные отношения. В. И. Ленин, создавая манифест, исходил из того, что идеи федерации в 1917 г., уже после Февральской революции, стали весьма популярными в национальных районах, и не только на Украине. Подобно К. Марксу и Ф. Энгельсу, он исторически конкретно подходил к вопросу о приемлемости федерализма. До Февральской революции, исходя из тогдашней исторической обстановки, В. И. Ленин считал лучшей формой государственного единства унитарное государство, допуская федерацию «лишь в отдельных, исключительных случаях» [16]. После февраля 1917 г., анализируя новую ситуацию, он пришел к мысли о допустимости федерации для России [17]. В ходе Октябрьской революции В. И. Ленин и партия делают вывод о необходимости федеративного устройства Советской страны. Этот вывод вытекал также из конкретных условий периода [18].

---

[13] Подробней см. В. О. Миллер. Указ. соч.

[14] «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 618.

[15] «История Советской Конституции (в документах) 1917—1956». М. 1957, стр. 168.

[16] В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 233.

[17] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 41, 286.

[18] Вопрос о развитии взглядов В. И. Ленина на федерацию имеет обширную литературу. Новейшей работой на эту тему является статья И. И. Минца «Развитие

В 1917 г. идеи федерации порой выдвигались самими трудящимися массами. Съезд безземельных Латвии в апреле 1917 г. в своей резолюции записал: «Мы боремся за введение демократически-федеративной республики». Крестьянский съезд Тираспольского уезда в июне 1917 г. отметил: «Общие исторические судьбы народов, населяющих Россию, и сознание важности государственного единения настоятельно указывают на необходимость федеративной спайки»[19]. Воины-литовцы Западного фронта в резолюции своего съезда 11 декабря 1917 г. записали: «Наилучшей формой правления свободной Литвы съезд признает демократическую республику на основе федерации»[20]. Съезд крестьянских депутатов Чебоксарского уезда обязал своих делегатов на I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов «стоять за свободную демократическую, федеративную республику»[21]. Федералистские тенденции имели распространение и на Украине. Коммунистическая партия, В. И. Ленин, неразрывно связанные с массами, чутко воспринимали чаяния народов.

Идея федерации, выдвинутая в Манифесте к украинскому народу, а позднее — в ленинской «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», была воспринята другими советскими республиками. Все они сразу же по образовании заявляли о своем желании установить тесную федеративную связь с РСФСР. I Всеукраинский съезд Советов в резолюции о самоопределении Украины объявил ее «федеративной частью Российской республики»[22]. I Белорусский съезд Советов 3 февраля 1919 г. принял декларацию об установлении тесной федеративной связи между Советской Белоруссией и РСФСР. Съезд, приняв решение начать переговоры с РСФСР об установлении федеративных отношений, обратился вместе с тем ко всем советским республикам с предложением последовать примеру Белоруссии и приступить к аналогичным переговорам с Советской Россией[23]. Таким образом, создание новых советских республик не означало их полного отрыва от России. Наоборот, оно имело следствием единение белорусского, латвийского, азербайджанского и других народов с русским и всеми народами Российской Федерации, но на новом, более высоком уровне. Отношения РСФСР с Белорусской, Литовской (с февраля 1919 до 1920 г. Белорусско-Литовской), Латвийской, Эстонской, Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР строились с момента возникновения этих республик как федеративные.

С первых дней существования советские республики сотрудничали, и в первую очередь по линии военной. Литовско-белорусская Красная Армия, армия Советской Латвии, эстляндская Красная Армия, украинские советские войска выросли из местных повстанческих отрядов и национальных частей, входивших в состав Красной Армии РСФСР. В ходе совместных боевых действий на фронтах гражданской войны произошло объединение этих армий. Советские республики подчинили свои вооруженные силы общему командованию, единому военно-стратегическому плану, единому управлению. Функции общего командования и управления войсками всех советских республик осуществлялись военными органами РСФСР; в мае — июне 1919 г. республиканские армии были окончательно слиты в единую армию Советского государства. Главным образом с военной необходимостью связано и возникновение

взглядов В. И. Ленина на создание многонационального государства нового типа» («Коммунист», 1972, № 10).

[19] «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах». Вып. 2. М. 1959, стр. 541—542, 680—681.

[20] «Триумфальное шествие Советской власти». Ч. II. М. 1963, стр. 51.

[21] Партархив Чувашского обкома КПСС, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 1.

[22] «История Советской Конституции (в документах) 1917—1956», стр. 87.

[23] Там же, стр. 186.

единства гражданства советских республик. Граждане РСФСР нередко жили на территории Украины, украинцы — в Белоруссии, в Латвии и т. д. Это усложняло призыв в армию граждан одной республики, проживающих на территории другой. Во избежание такого рода затруднений советскими республиками были приняты соответствующие акты, которыми устанавливалось, что в Красную Армию могут призываться граждане всех советских республик, живущие на территории любой из них. А Совнарком Украины установил в феврале 1919 г., что граждане всех советских республик приравниваются к украинским гражданам во всех правах и обязанностях.

С первых дней существования советских республик происходило и объединение их хозяйства. Будучи не в силах самостоятельно справиться с разрухой, они передавали в непосредственное управление соответствующих органов РСФСР отдельные предприятия и целые отрасли промышленности, в первую очередь тяжелую и оборонную индустрию. Государственная промышленность всех советских республик финансировалась ВСНХ РСФСР. Проводились мероприятия и по объединению финансовых систем, транспорта, снабжения. Так, совместное постановление ВСНХ РСФСР и Совнархоза Украины «О проведении единой экономической политики», опубликованное 12 апреля 1919 г., устанавливало общий для обеих республик производственный план, вырабатываемый ВСНХ; в соответствии с ним объединялись товарные фонды и определялись единые предельные цены на сырье. Аналогично строились отношения РСФСР и с другими советскими республиками.

Летом 1919 г. был сделан новый шаг к оформлению федеративных отношений между советскими республиками. В соответствии с их пожеланиями 1 июня 1919 г. ВЦИК издал декрет об объединении советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом. Своеобразие декрета выражалось в том, что, будучи по форме актом высшего органа государственной власти РСФСР, он по существу представлял собой договор между республиками. На сессии ВЦИК присутствовали председатель Совнаркома Украины, представитель правительства Литовско-Белорусской республики, представитель Советской Латвии. В декрете указывалось на необходимость объединения военной организации и военного командования, советов народного хозяйства, железнодорожного управления и хозяйства, финансов и комиссариатов труда советских республик. После принятия декрета ВЦИК избрал Комиссию для разработки конкретной формы объединения. Однако реализовать этот декрет в полном объеме помешало дальнейшее развитие военных событий, приведшее к падению Советской власти в Прибалтике.

В ходе освобождения Закавказья устанавливаются отношения между возникшими там советскими республиками и РСФСР, аналогичные тем, которые существовали у России с западными советскими республиками в 1919 году. Вместе с тем межреспубликанские связи расширились и углубились. Так, если прежде делались лишь первые шаги по объединению дипломатических усилий советских республик, то теперь совместные выступления на внешнеполитическом фронте становятся более частыми, предпринимаются совместные действия и по налаживанию внешней торговли. В 1920—1921 гг. Российская Федерация заключила союзные договоры и соглашения со всеми советскими республиками: Украиной, Белоруссией, Азербайджаном, Арменией и Грузией. Эти договоры закрепляли и оформляли связи, сложившиеся в период гражданской войны. Вместе с тем они знаменовали переход к новому этапу в развитии федеративных отношений, когда на первое место выступают уже не оборонные, а хозяйственные задачи.

При переходе к мирному строительству с новой силой встали задачи дальнейшего укрепления федеративных отношений между совет-

скими республиками. X съезд РКП(б) в марте 1921 г. в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» подчеркнул, что государственный союз советских республик — «единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета»[24]. Поскольку военное единство советских республик было уже достигнуто, то в послевоенные годы развитие федеративных отношений идет за счет дальнейшего укрепления их дипломатического и хозяйственного единения. В 1921 г. РСФСР, Украина и Белоруссия заключили мирный договор с Польшей. При этом РСФСР и УССР выступали в переговорах самостоятельно, Белоруссия же доверила защиту своих интересов делегации Советской России. Вместе с дипломатическим сотрудничеством советских республик шло объединение их усилий в организации внешней торговли, приобретавшей в восстановительный период большое значение. В целях достижения согласованности действий по этим вопросам союзные договоры РСФСР с Украиной, Белоруссией и Азербайджаном и другие акты предусматривали объединение органов внешней торговли этих республик. Устанавливалось, что республики будут проводить общую внешнеторговую политику на основе единого импортно-экспортного плана. В 1922 г. вводятся единые для всех советских республик ставки таможенных сборов. Одновременно было установлено, что между самими советскими республиками не может быть никаких таможенных границ. Наиболее важным событием в области объединения внешнеполитических и внешнеэкономических усилий советских республик было их сплочение в связи с подготовкой Генуэзской конференции 1922 года. Углубление экономического единства советских республик в послевоенные годы выразилось в установлении единого хозяйственного плана, в дальнейшем объединении органов хозяйственного управления и т. п.

Характерной особенностью федеративного объединения советских республик, существовавшего в 1917—1922 гг., предшествовавшего образованию СССР и подготовившего его, было своеобразное положение РСФСР в этом объединении. Такое положение вытекало главным образом из того, что она была самым крупным и наиболее развитым социалистическим государством, с наиболее передовым и революционным рабочим классом. Определенное значение имело и срединное положение РСФСР, делавшее ее естественным центром, к которому тянулись другие советские республики. Своеобразная роль РСФСР проявилась прежде всего в положении ее высших органов власти и управления. Они в это время выступали, с одной стороны, как органы РСФСР и вместе с тем как органы всего объединения советских республик. При этом союзные с РСФСР советские республики посылали своих делегатов на всероссийские съезды Советов, имели своих представителей во ВЦИК РСФСР. В силу такого положения республики считали для себя обязательными и акты этих органов. Те же функции в отношении союзных республик выполняли СНК РСФСР и многие ее наркоматы.

Таким образом, РСФСР много сделала для создания, укрепления и развития республик, для объединения их в одну семью. Не меньшее значение имеет деятельность центральных органов РСФСР для строительства национальной государственности внутри самой РСФСР. Уже в момент рождения Российской Советской Республики была создана основа не только для возникновения других советских республик, но появилась и тенденция к изменению формы государственного единства самой Советской России в направлении ее усложнения. Политической и юридической основой этих процессов являлось провозглашенное Коммунистической партией и Советским государством право народов

---

[24] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 2, стр. 250.

на самоопределение. Значительные изменения формы государственного единства Российской Советской Республики произошли уже в первые месяцы ее существования. Она родилась как унитарное государство. Однако очень скоро ее социалистический унитаризм сменился социалистическим же федерализмом.

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г., провозгласила Российскую Советскую Республику «Федерацией советских национальных республик». Декларация не определяла конкретную форму федерации, ограничиваясь лишь установлением коренных ее начал. «Стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России», Декларация предоставляла «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных учреждениях» [25]. Практически строительство Российской Федерации пошло по линии создания автономных образований [26]. Оно началось уже в первой половине 1918 г. и завершилось в основном в 1922 году. Высшим партийным и советским органам РСФСР принадлежит заслуга в создании автономии всех нерусских народов, в нее входящих. Первая Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 г. V Всероссийским съездом Советов, включившая в себя целиком «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», статьей 11 закрепила, что «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы... Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику» [27]. Таким образом, Конституция уже вполне четко определила форму федерации — государство с автономными включениями. Членами федерации являются автономные областные союзы. Их нужно отличать от неавтономных областных объединений, также предусмотренных статьей 11. Вопросы федерации нашли свое отражение и в статье 49 Конституции 1918 г., определявшей компетенцию высших органов власти РСФСР. Здесь, в частности, затрагиваются и взаимоотношения центральной власти с автономными областными союзами.

Строительство автономии в Российской Федерации в первой половине 1918 г. отличалось определенными характерными особенностями. Прежде всего формирование автономных советских республик в 1918 г. проходило снизу, по непосредственному волеизъявлению самих трудящихся масс, руководимых местными партийными организациями и органами Советской власти. Эта особенность определяется в основном двумя причинами. С одной стороны, такое положение соответствовало решениям III Всероссийского съезда Советов, призвавшего трудящихся национальных районов решать свою судьбу на основе максимально свободного волеизъявления; с другой — оно было обусловлено практической затруднительностью в данный момент конкретного руководства строительством каждой конкретной автономии из центра.

В первой половине 1918 г. не было еще специальных органов и кадров для проведения этой работы. Наркомнац, созданный II съездом Советов, тогда лишь развертывал свою деятельность. Поэтому он ограничился преимущественно общими принципиальными указаниями по национально-государственному строительству. Большую роль, в частности, сыграло обращение Наркомнаца «Советам Казани, Уфы, Оренбур-

---

[25] «Декреты Советской власти». Т. I, стр. 341.

[26] Подробнее об этом см. О. И. Чистяков. Формирование РСФСР как федеративного государства (1917—1922 гг.). «Вопросы истории», 1968, № 8.

[27] СУ РСФСР, 1918, № 51, ст. 582.

га, Екатеринбурга, Совнаркому Туркестанского края и другим»[28], указавшее партийным и советским работникам национальных районов путь к советской автономии. Сами работники Наркомнаца первоначально не считали руководство национально-государственным строительством главной задачей своего наркомата. 7 марта 1919 г., сообщая в справочный отдел Наркомпочтеля данные о себе, Наркомнац определял основные задачи своей деятельности следующим образом: «Проведение в жизнь начал Советской власти в среде различных наций, населяющих РСФСР, на их родном языке. Принятие всех мер к поднятию культурного уровня и классового самосознания среди трудящихся масс этих наций. Борьба с контрреволюцией в ее национальных проявлениях»[29]. Материалы отдельных национальных комиссариатов и отделов Наркомнаца также не содержат данных за 1918 г. о какой-либо работе по национально-государственному строительству. Ничего не говорится по этому вопросу в отчете о работе Мусульманского комиссариата за 1918 год[30]. В документах отдела горцев Кавказа, начавшего свою работу 1 июля 1918 г., также нет материалов, говорящих об его практическом участии в национально-государственном строительстве в 1918 и даже 1919 году[31]. Не принял участия в национально-государственном строительстве и отдел по национальному вопросу, созданный в составе ВЦИК 6 ноября 1917 года[32]. Этот отдел, кажется, вообще себя никак не проявил. Во всяком случае, в огромном архивном фонде ВЦИК о нем почти нет материалов. Во ВЦИК IV созыва Национальный отдел уже вообще не создавался[33]. Затрудняли конкретное руководство национально-государственным строительством из центра и обстоятельства технического порядка. Разруха, охватившая транспорт и связь, многочисленные фронты, то и дело отрезавшие национальные окраины, не позволяли центральным органам достаточно оперативно вмешиваться в дела этих окраин. Даже информация оттуда поступала в Москву с большими трудностями.

Не следует, однако, думать, что высшие партийные и государственные органы РСФСР вообще устранились от руководства строительством автономных республик. Их руководящая роль выражалась тогда преимущественно в даче принципиальных указаний. Провозглашение Туркестанской республики было санкционировано В. И. Лениным в приветственной телеграмме V съезду Советов Туркестана. С В. И. Лениным было согласовано и образование Таврической республики[34]. Он приветствовал I съезд Советов Донской республики[35]. Важной формой руководства местами была посылка на окраины чрезвычайных комиссаров. Они (П. А. Кобозев в Туркестане, Г. К. Орджоникидзе на Северном Кавказе и Дону) сыграли существенную роль в создании соответствующих автономных республик.

---

[28] «История Советской Конституции (в документах) 1917—1956», стр. 120.

[29] ЦГАОР СССР, ф 1318, оп. 1, д. 39, л. 5.

[30] Там же, д. 50, лл. 137—139. Д. И. Нафигов, исследовавший деятельность этого наркома, показывает, что он занимался в 1918 г. преимущественно культурно-просветительной и отчасти военной работой и почти совершенно не затрагивал национально-государственного строительства (Д. И. Нафигов. Деятельность Центрального мусульманского комиссариата при Наркомнаце в 1918 г. «Советское востоковедение», 1958, № 5).

[31] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 42. Правда, среди задач отдела значилась «выработка на началах Советской конституции оснований и положений административно-территориальной и национальной автономии на Северном Кавказе и в Дагестане» («Жизнь национальностей», № 3, 24.XI.1918).

[32] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 17, д. 6, л. 1.

[33] Там же, оп. 19, д. 1. л. 3.

[34] И. Чирва. Крым революционный (историко-партийный очерк). Киев. 1963, стр. 35.

[35] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 223.

Руководство строительством автономии со стороны центральных органов партии и Российской Советской Республики существенно усиливается во время гражданской войны. Это было следствием укрепления Советского государства и роли РКП(б) как правящей партии [36]. Необходимость в усилении руководства определялась размахом строительства автономии, особенно в первые послевоенные годы.

Одной из форм конкретного руководства национально-государственным строительством являлась посылка Центральным Комитетом РКП(б) своих представителей на места для организационной и контрольной работы. ЦК посылал в автономные республики свои кадры и на постоянную работу, помогая формированию национальных обкомов, повсеместно испытывавших нехватку людей. На местах также создавались иногда специальные национальные партийные органы. Так, при губкоме многонациональной Казанской губернии работали Мусульманская, Чувашская и Марийская секции [37]. В Туркестане до 1920 г. существовала самостоятельная парторганизация для коренного населения.

Усиливается руководство строительством автономии и со стороны государственных центральных органов. Почти все образовавшиеся автономии были провозглашены соответствующими актами ВЦИК, Совнаркома или их обоих. Акты центральной власти определяли форму той или иной автономии, ее территорию, структуру органов власти и управления, основы правового статуса. И после образования автономных единиц издаются отдельные акты ВЦИК и СНК по конкретным вопросам их строительства, преимущественно об уточнении границ их территорий, конструкции государственного механизма, взаимоотношений с центром.

Руководство национально-государственным строительством отнюдь не означало ограничения воли самих народов. Наоборот, деятельность ВЦИК и Совнаркома РСФСР опиралась на волю трудящихся масс народов России, отражала стремление нерусских национальностей к созданию своей государственности. Ее источником являлось развитие национального движения в том или ином районе. Органы власти РСФСР, по существу, лишь формулировали те идеи, которые исходили от самих народов. Инициатива в создании автономий в большинстве случаев проявлялась снизу. А провозглашение их встречало одобрение трудящихся. Это одобрение часто подчеркивается специальной юридической процедурой. Так, съезды Советов Казахстана, опираясь на акты центральной власти о провозглашении автономии, сами дополнительно объявляли о новом устройстве своей жизни.

В 1920 г., когда бо̀льшая часть народов России была освобождена от белогвардейцев или была близка к освобождению, ВЦИК решил придать национально-государственному строительству более организованный и планомерный характер, для чего создал специальный орган. 15 февраля 1920 г. было опубликовано постановление ВЦИК «Об образовании Комиссии по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР». Комиссия создавалась при Президиуме ВЦИК, на нее возлагалась задача определения объема прав отдельных частей федерации, отношений между центральными и местными органами, строения федеральных органов и т. п. Конкретное руководство строительством автономных образований осуществлялось ВЦИК и СНК РСФСР и путем создания специальных органов, являвшихся их представителями на местах. Именно таким органом была Турккомиссия. В 1919 г. была создана комиссия по оказанию помощи башкирам, пострадавшим от белых, во главе с Артемом (Ф. А. Сергеевым). На комиссию, кроме того, была возложена задача укрепления Советской власти в республике, в частности путем ра-

---

[36] Подробнее об этом см. О. И. Чистяков. Указ. соч., стр. 9—10.

[37] Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 868, оп. 1, д. 4, л. 33, и др.; д. 115, лл. 1, 12, 20.

зоблачения притаившихся белогвардейских элементов. Соглашением о советской автономии Башкирии предусматривалось включение в Башкирский ревком (а затем в состав ЦИК Башкирии) двух представителей ВЦИК.

В свою очередь, автономные образования имели представителей в Москве. Осенью 1918 г. в Москве было образовано Полномочное представительство Туркестанской АССР. Это представительство проделало большую работу, являясь связующим звеном между высшими органами РСФСР и Туркестана. Оно взяло на себя заботу ходатайствовать перед центральной властью о различных нуждах Туркестана, информировало органы о событиях в центре и Москву — о делах Туркестана, доводило до сведения ЦИК и СНК Туркестанской АССР решения центральных органов в отношении Туркестана и нормативные акты РСФСР, передавало запросы общероссийских органов о различных сторонах жизни Туркестана. Представительство передавало в Ташкент и партийные директивы, поддерживало связь не только по государственной, но и по партийной линии. Большое место в деятельности представительства занимали вопросы снабжения Туркестана товарами, производимыми в центре, деньгами. Занималось оно и вопросами культуры, в частности способствовало созданию Ташкентского университета. Следовательно, полномочное представительство Туркестанской АССР делало определенную полезную работу. В то же время очевидно и то, что оно в большей мере стало передаточным пунктом, посредником между центром и Туркестаном. Поэтому в условиях строжайшей экономии, сокращения государственного аппарата, которыми характеризуется тяжелый для Советской России 1919 год, Президиум ВЦИК счел возможным 16 апреля ликвидировать этот орган. Однако особое географическое, хозяйственное и политическое положение Туркестана заставило вновь вернуться к этому вопросу. Уже в октябре 1919 г. появляется Московское бюро Комиссии ВЦИК по делам Туркестана. Оно занималось теми же делами, что и прежнее представительство, только с меньшим размахом. Получился круг: Туркомиссия представляла Москву в Туркестане, а ее Московское бюро — Туркестан в Москве.

В 1919 г. существовало также представительство Башкирской автономной республики в Москве. Декретом СНК РСФСР 10 июля 1919 г. было учреждено представительство Киргизского края при ВЦИК.

Другой формой связи автономных республик и областей с центральными органами РСФСР являлось включение их представителей во ВЦИК. Во ВЦИК были включены в 1919 г. представители Туркестана. На основании соглашения с Башкирией она также послала двух своих представителей во ВЦИК. В 1920 г. все имевшиеся специальные представительства автономных республик и других национальных объединений при ВЦИК были переданы Наркомнацу. ВЦИК и Совнарком РСФСР в постановлении, опубликованном 17 ноября 1920 г., мотивировали это необходимостью ликвидации параллелизма в работе государственных органов, соображениями экономии и целесообразности использования трудовых сил.

Во время гражданской войны возрастает также роль центральных органов отраслевого управления в национально-государственном строительстве, прежде всего наркоматов по делам национальностей и внутренних дел. В 1919 г. несколько расширяется деятельность Наркомнаца и его органов в области национально-государственного строительства. Он продолжал работу по подготовке киргизской автономии, участвовал в создании Башкирской республики, подготавливал автономию калмыков. Начиная с 1920 г. Наркомнац развертывает уже широкую работу по руководству строительством автономии. 14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло подготовленное В. И. Лениным постановление, в котором предусматривалась необходимость усилить работу Наркомнаца и

предоставить автономию народам, которые еще ее не имеют[38]. Строительство автономных республик, областей и трудовых коммун, развернувшееся с особой силой в конце гражданской войны, теперь, в послевоенный период, ведется в еще более благоприятных условиях. Освобождение всей территории РСФСР от врага создает возможность национально-государственного строительства во всех районах, исторически подготовленных к этому. В основном оно идет на юге и в Сибири, позже, чем другие районы страны, освобожденные от интервентов и белогвардейцев. В результате реализации постановления Политбюро в первые послевоенные годы в составе РСФСР возник большой отряд новых автономных образований.

К 1923 г. автономию получили, по существу, все достаточно крупные народы России. Лишь у одного из них — мордовского — национальная государственность возникла несколько позже, хотя вопрос о ней был поставлен в 1921 году. Позже была создана также автономия малых народов Севера, входящих ныне в национальные округа. Таким образом, в эти годы круг автономных образований в составе РСФСР в принципе определился. Это не означало, однако, окончания процесса развития автономии внутри Советской России, процесса национально-государственного строительства вообще. В последующие годы многие народы изменят формы своей автономии, некоторые от автономии перейдут к образованию союзных республик, произойдет внутреннее развитие автономных частей РСФСР.

Строительство автономии включало в себя по крайней мере три важнейших аспекта: установление территории автономных единиц, создание их государственного механизма, определение надлежащего правового статуса автономных республик, областей и трудовых коммун. Все эти процессы были весьма сложны, и их осуществление было немыслимо без решающего участия высших органов РСФСР. Автономные республики, образовавшиеся в первой половине 1918 г., провозглашались в рамках прежних административных единиц — Таврической губернии, Терской области, Туркестанского края и т. п. Поскольку административно-территориальное деление, унаследованное от дореволюционной России, не соответствовало расселению народов, то и границы упомянутых республик не вполне соответствовали национально-территориальному принципу, лежащему в основе строительства Советского многонационального государства[39]. В годы гражданской войны в результате усиления руководства со стороны высших органов РСФСР этот принцип начинает проводиться более строго. Все автономии, созданные тогда актами центральной власти, формировались за счет выделения территории, компактно заселенной тем или иным народом. Особенно большая работа по установлению границ территории автономных единиц развернулась в послевоенные годы. Создание новых АССР и АО в это время требует определения их территории. Вместе с тем многие автономные образования, учрежденные во время гражданской войны, не успели еще закрепить свою территорию. Границы некоторых автономных республик, областей и трудовых коммун, проведенные условно или неправильно, требовали пересмотра. Наконец, общероссийская работа по совершенствованию административно-территориального устройства в известной мере налагала свой отпечаток на судьбы автономных единиц. Все эти обстоятельства обусловливают ведущуюся в послевоенные годы большую работу по определению и совершенствованию границ автономных частей РСФСР. Осуществление национально-территориального принципа предполагает учет не только национального состава, но и экономических связей, географического по-

---

[38] «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 16—17.

[39] Подробней об этом см. О. И. Чистяков. Образование Российской Федерации (1917—1918 гг.). «Советское государство и право», 1957, № 10.

ложения, желаний населения. Данный период характеризуется как раз стремлением наиболее полно учесть все эти факторы, сочетать их. Практически эта работа была сложной и кропотливой, занимавшей многие органы, специальные и неспециальные, многих людей, вызывавшей подчас споры и трения.

В послевоенные годы проводились троякого рода мероприятия по установлению размеров территории автономных единиц: первоначальное определение границ, так сказать, «вчерне», их уточнение, дальнейшее их совершенствование. Первоначальное определение территории обычно проводилось в ходе подготовки к провозглашению той или иной автономии. В этой работе участвовали центральные органы [40], в первую очередь Наркомнац, НКВД и Административная комисся ВЦИК, созывались межведомственные совещания. Центральные органы работали в контакте с местными. Главное же, в разработке вопроса участвовали представители соответствующего народа. Так, границы Якутской АССР подготавливались комиссией, образованной из представителей Наркомзема, Наркомнаца, Сибирского ревкома и самих якутов [41]. Разработка границ Ойротской АО началась вообще на месте. 11 декабря 1921 г. Президиум Алтайского губкома РКП(б) создал специальную комиссию по ойротской автономии, которая подготовила и вопрос о ее территории [42]. Возглавлял комиссию представитель коренного населения. Границы Бурятской автономной области также определялись с участием Сибирского ревкома и представителей бурят [43].

Результаты этой работы закреплялись в постановлениях о провозглашении каждой автономии. Форма первоначального определения территории была, однако, различной. Иногда территориальный состав той или иной автономной единицы исчерпывающе перечислялся в этом акте [44]; в других случаях закон предполагал дальнейшее уточнение отдельных участков границы [45], в третьих — ВЦИК поручал своей Административной комиссии определить «точные границы» новой автономной единицы [46], устанавливая их лишь в принципе. На базе этих принципиальных установок начиналась практическая работа по формированию территории провозглашенной автономии. Акты о провозглашении автономии обычно определяли лишь бесспорную территорию АССР или АО. Но в большинстве случаев оставались районы, принадлежность которых к той или иной автономии следовало еще установить. В этих случаях начинался второй этап работы — уточнение границ автономных республик, областей и трудовых коммун. Наряду с этим после гражданской войны возникает и новый процесс — совершенствование границ АССР, АО и трудовых коммун. Необходимость этого мероприятия вытекала из специфических задач восстановительного периода и была связана с развитием народного хозяйства [47].

Другой проблемой было создание государственного механизма автономных единиц. Как и союзные советские республики, автономные

[40] Проект постановления об образовании Якутской АССР был разослан во все наркоматы. Административная комиссия просила при этом дать заключение как о конструкции органов ЯАССР, так и о границах проектируемой республики (ЦГАОР СССР, ф. 5677, оп. 3, д. 372, л. 3).

[41] Там же, л. 20.

[42] Там же, оп. 2, д. 253, л. 1.

[43] Там же, д. 4, л. 86.

[44] Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области» (СУ РСФСР, 1922, № 47, ст. 596).

[45] Декреты ВЦИК: «Об образовании Объединенной Карачаево-Черкесской автономной области» (СУ РСФСР, 1922, № 6, ст. 63); «Об образовании Объединенной Кабардино-Балкарской автономной области» (СУ РСФСР, 1922, № 11, ст. 109).

[46] Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании автономной области Чечни» (СУ РСФСР, 1922, № 80, ст. 1009).

[47] Подробней об этом см. О. И. Чистяков. Установление территории автономных образований (1920—1922). «Вестник» МГУ. Серия 10. Право. 1963, № 4.

республики копировали структуру высших органов власти и управления РСФСР. Местные органы строились обычно по общероссийской схеме с некоторыми особенностями, вытекающими из структуры административно-территориального деления автономий. Так, в Башкирии (одно время и в Татарии) существовали кантонные органы, в Горской республике — окружные и т. д.

Первое время в РСФСР единственной формой автономии была автономная республика. Данное обстоятельство вытекало из «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Указанные нормы были закреплены и в Основном законе РСФСР. Конституция 1918 г. ввела новое понятие автономного областного союза, тождественное в данный момент понятию республики. Однако это тождество было временным. Конституция, очевидно, потому и вводила новое понятие, что предвиделась возможность возникновения иных, новых форм национально-государственных объединений. Термин «автономный областной союз» мыслился, очевидно, как единое понятие для всех видов существующих и могущих возникнуть впоследствии национально-государственных образований. И действительно, уже скоро, в период гражданской войны и интервенции, возникают эти новые виды, новые формы.

Важной и сложной проблемой было определение правового статуса автономных единиц. Правовое положение автономных республик 1918 г. характеризовалось весьма слабой юридической регламентацией, недостаточной унификацией, большой широтой прав как юридически закрепленных за республиками, так и в особенности фактически осуществляемых ими. Первые автономные республики образовались в ответ на призыв «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». На предложение Декларации самостоятельно решить вопрос о вхождении в состав РСФСР трудящиеся национальных окраин совершенно определенно ответили провозглашением единства с РСФСР. Этого волеизъявления с точки зрения юридической было вполне достаточно для установления государственно-правовых отношений национальных районов с Российской Федерацией. Никакого особого признания автономных республик со стороны РСФСР до принятия Конституции не требовалось.

Образовавшиеся республики решили в принципе вопрос о форме государственно-правовой связи с РСФСР, высказавшись за существование в составе Российской Федерации, то есть за автономию. Однако в соответствии с резолюцией III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской Республики» требовалось установить конкретное содержание этой автономии. Такая работа в 1918 г. в силу исторической обстановки проведена не была. Но уже во время гражданской войны и в последующие годы высшие органы РСФСР обращают на это серьезное внимание. В результате правовое положение автономных единиц достаточно полно регламентируется, унифицируется статус определенных групп автономий — республик, областей, трудовых коммун; права автономных республик, оставаясь достаточно широкими, вводятся в рамки, свойственные автономии.

Таким образом, заслуга РСФСР перед нерусскими народами, ее населяющими, состоит прежде всего в том, что она уже в первые годы своего существования создала государственность этих народов в форме автономии. Если для других советских республик РСФСР была помощником, опорой и образцом, то для автономий, возникавших внутри федерации,— созидающей и руководящей силой. Как та, так и другая деятельность органов РСФСР в большой мере подготовила сплочение советских народов в могучий Союз Советских Социалистических Республик, своего рода прообразом которого и явилась Российская Федерация [48].

[48] См. «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года, стр. 8.

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ И НАРОДЫ ВОСТОКА (1918—1922)

А. Н. Хейфец

Уже первые конституционные акты Советской власти, провозгласившие право народов России на самоопределение: Декрет о мире, «Декларация прав народов России», обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа»,— как и другие документы молодого Советского государства, произвели огромное впечатление на народы зарубежного Востока. Видный индийский общественный деятель К. М. Панникар отмечал, что «Декларация прав народов России» «действительно была подобна взрыву, и у всех народов Азии, борющихся за свою свободу, она возбудила новые надежды». Прибывший в 1919 г. в Советскую Россию известный мусульманский общественный деятель Индии Мухаммед Баракатулла написал брошюру «Большевизм и ислам», излагавшую и горячо приветствовавшую обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Издававшаяся в Семаранге (Ява) газета Индонезийской социал-демократической федерации «Хет Фрейе воорд» в ноябре 1918 г. посвятила «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» специальную статью [1].

О воздействии первых актов Советского правительства на народы колоний свидетельствует и реакция английских колониальных властей в Индии. Уже через три дня после опубликования обращения СНК к мусульманам России и Востока, 6 декабря 1917 г., статс-секретарь британского правительства по делам Индии телеграфировал в Дели вице-королю: «Мы перехватили крайне зажигательную прокламацию большевиков, адресованную ко всем трудящимся мусульманам России и Востока и переданную телеграфом русского правительства. Эту прокламацию следует скрывать как можно дольше». 13 декабря в повторной телеграмме предписывалось предпринять все возможные шаги, чтобы задержать эту радиограмму, в том же случае, если ее содержание станет известным населению Индии, организовать соответствующую контрпропаганду [2]. После того, как в распоряжение британской военной миссии в Мешхеде (Иран) попал экземпляр упомянутой выше брошюры Баракатуллы, полный текст ее перевода был срочно (в ок-

---

[1] См. K. Pannikar. Asia and Western Dominance. L. 1959, p. 250; А. Б. Беленький. Русская революция и индонезийские левые социал-демократы. «Народы Азии и Африки», 1963, № 5, стр. 93.

[2] Л. В. Митрохин. Индия о Ленине. М. 1971, стр. 28—29.

тябре 1919 г.) направлен в Симлу английским властям для принятия ответных мер [3].

В. И. Ленин предвидел, что достижения советской национальной политики окажут влияние на отношения Советского государства с народами Востока. Показательна в этой связи его беседа с первой делегацией правительства Кемаля Ататюрка 14 августа 1920 года. В ответ на просьбу турецких делегатов поддержать национально-освободительное движение их народа В. И. Ленин заявил, что помощь угнетенным народам — один из основных принципов Советского правительства, и выразил уверенность, что Великое национальное собрание Турции будет приветствовать создание в РСФСР Башкирской, Киргизской (Казахской), Туркестанской автономных республик [4]. Когда в декабре 1920 г. Ататюрк получил информацию о положении в Азербайджанской ССР, о равноправных отношениях между РСФСР и Советским Азербайджаном, он направил в Баку телеграмму, в которой говорилось: «Определившееся в окончательной форме и безусловно желательное как для революционной России, так и для революционной Турции, положение Азербайджана создало почву для глубокой искренности и вызвало чувство большого удовлетворения». Через несколько дней, узнав о провозглашении автономии Дагестана, Ататюрк послал В. И. Ленину телеграмму, в которой горячо одобрял советскую национальную политику [5]. В ответной телеграмме В. И. Ленина говорилось: «Мы с радостью получили Ваше сообщение по поводу провозглашения автономии горцев. Из Вашего сообщения Советское правительство смогло убедиться, что политика Советской России в отношении наций, входящих в Российскую Федерацию, пользуется Вашим сочувствием» [6].

В ходе гражданской войны сложился военно-политический союз советских республик. Благотворное влияние на борьбу народов зарубежного Востока против империалистических поработителей оказали победы Красной Армии, в рядах которой сражались сыны всех советских народов, над интервентами, белогвардейцами и националистической контрреволюцией. Не случайно именно весной 1919 г., то есть в период, когда Красная Армия освободила Черноморское побережье Украины, развернулись вооруженные выступления турецких патриотов против империалистов Антанты. Характерно, что в частях Красной Армии на Украине сражались против интервентов и белогвардейцев тысячи трудящихся — выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока: турки, иранцы, курды, арабы. Турецкие патриоты во главе с М. Субхи участвовали в легендарном походе Южной группы И. Э. Якира. В составе корпуса Червонного казачества под командованием В. М. Примакова воевали курдские добровольцы из числа бывших военнопленных — солдат оттоманской армии [7].

Весной 1920 г. в результате совместных действий трудящихся Азербайджана и наступавшей с севера XI Красной Армии были разгромлены интервенты и националистическая контрреволюция в Азербайджане. Чтобы обеспечить безопасность Баку от возможных атак белогвардейцев и английских интервентов, вернуть незаконно уведенные корабли и имущество, принадлежавшее РСФСР и Азербайджан-

---

[3] Архив Института востоковедения АН СССР (далее — АИВ). Серия А, № 169. Government of India. Foreign and Political Department. Secret-F. Proceedings. February 1920, Nos. 170—171. Bolshevik Designs on Afganistan and India, pp. 42—47.

[4] См. С. И. Кузнецова. Установление советско-турецких отношений. М. 1961, стр. 21.

[5] См. «Коммунист» (Баку), 13.XII. 1920; «Документы внешней политики СССР». Т. III. М. 1959, стр. 451.

[6] В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 301—302.

[7] Подробнее см.: Ю. І. Патлажан. В рядах братів по класу (Участь трудящих Близького и Середнього Сходу в боротьбі за перемогу Великого Жовтня на Україні). Київ. 1971.

ской ССР, объединенные вооруженные силы двух республик осуществили в мае 1920 г. смелую десантную операцию в районе иранского порта Энзели (Пехлеви), нанеся поражение английским оккупантам.

Эти события нашли отклик на всем Ближнем и Среднем Востоке. В частности, усилилось освободительное движение иранского народа. Провинция Гилян, на территории которой расположен порт Энзели, перешла под контроль образовавшегося там революционного правительства. В начале июня 1920 г. советский экспедиционный корпус в Энзели был расформирован, а корабли нашего Каспийского флота вернулись в Баку. Однако позднее, когда английские части и вооруженные силы, мобилизованные иранской реакцией, развернули новое наступление на Гилян, стремясь восстановить английский контроль над южным побережьем Каспия, что создавало непосредственную угрозу Советскому Азербайджану, его правительство по просьбе гилянского революционного правительства направило в Гилян «Полк имени 26 комиссаров» и некоторые другие азербайджанские национальные формирования.

Органы Советской власти в Закавказье и Средней Азии сыграли большую роль в установлении отношений Советского государства с отдельными странами зарубежного Востока. По поручению СНК РСФСР председатель Бакинского Совнаркома С. Г. Шаумян, бывший одновременно и «комиссаром внешних дел», сформировал и направил в Иран советскую дипломатическую миссию во главе с И. О. Коломийцевым[8]. Ее деятельность финансировалась Бакинским Совнаркомом. В установлении первых контактов с Ираном активно участвовала Туркестанская АССР (ТАССР). Летом 1918 г. ЦИК ТАССР уполномочил дипломатического агента РСФСР в Тегеране Н. З. Бравина быть также представителем Советского Туркестана в Иране. Тогда же НКИД ТАССР обменялся с Н. З. Бравиным телеграммами о возможности назначения иранских консульских представителей в города Туркестана и Бухары[9].

В сентябре консулом ТАССР в Мешхед был назначен председатель Кокандского Совета Е. А. Бабушкин. 29 сентября руководители республики сообщили В. И. Ленину об этом, а также о принятии ими мер для назначения консулов в Тегеран, Астрабад (ныне Горган), Турбат, Сеистан. Был также поставлен вопрос о желательности назначить представителя ТАССР в Иран на правах товарища полномочного представителя РСФСР, если нельзя иметь полного представительства Советского Туркестана.

Ознакомившись с этой телеграммой, В. И. Ленин дал указание запросить Г. В. Чичерина по поднятым вопросам. Чичерин ответил, что по согласованию с чрезвычайным комиссаром Советского правительства в Туркестане П. А. Кобозевым и руководителями ТАССР в Иран будет направлена миссия[10].

Однако реализовать эти планы тогда не удалось в связи с хозяйничаньем английских оккупантов в Иране. После освобождения Ашхабада от интервентов и белогвардейцев (июль 1919 г.) правительство ТАССР приняло меры для налаживания консульских отношений и развития экономических связей между Советским Туркестаном и Северо-Восточным Ираном, что способствовало успеху дипломатических акций РСФСР, направленных на установление дружественных советско-иранских отношений.

Важный вклад ТАССР внесла и в развитие советско-афганских отношений. В июле 1918 г. ЦИК ТАССР постановил послать в Афганистан

[8] Т. А. Соболь-Смолянинова. Подвиг посла. «Вопросы истории», 1969, № 5.

[9] А. М. Матвеев. Внешнеполитическая деятельность правительства Туркестанской АССР в годы гражданской войны. «Народы Азии и Африки», 1970, № 5.

[10] А. Н. Хейфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918—1920). М. 1964, стр. 192.

делегацию. Однако осуществить это намерение не представилось возможным. Неудачей окончилась и попытка установить непосредственный контакт с афганским правительством через проживавшего в Туркестане опального афганского принца Ибрагим-хана. Эти шаги предпринимались по согласованию с СНК РСФСР, который 4 июня 1918 г. объявил о готовности учредить в Афганистане свое полномочное представительство[11]. В феврале 1919 г. к власти в Афганистане пришел Аманулла-хан, провозгласивший независимость страны и выразивший готовность установить дружественные отношения с Советской Россией. Однако вплоть до ликвидации в сентябре 1919 г. белогвардейской «Оренбургской пробки», отрезавшей Советский Туркестан от Центральной России, прямые контакты с Афганистаном осуществляло только правительство ТАССР. Первое обращение Амануллы-хана к В. И. Ленину было доставлено в Ташкент и оттуда по радио передано в Москву. Направленное эмиром в Москву чрезвычайное посольство во главе с Мухаммедом Вали-ханом с конца мая до конца сентября 1919 г. находилось в Туркестане. В Ташкенте было создано генеральное консульство Афганистана.

Получив (очевидно, в первой половине марта) информацию о февральских событиях в Афганистане, правительство ТАССР сразу же поставило вопрос о посылке своей миссии в Кабул. СНК РСФСР одобрил это предложение, 27 марта народный комиссар иностранных дел ТАССР Богоявленский направил правительству Афганистана письмо, в котором сообщалось, что правительство Российской республики аннулировало все договоры свергнутого царского правительства «с правительством и королями мирового хищника Англии» и признает независимость Афганистана. «Для проведения в жизнь этих начал Российская республика командировала из Москвы в Ташкент своего посланника в Афганистане и Персии г-на Бравина, имеющего дипломатический опыт, знающего Восток, друга восточных народов, сторонника независимости мусульманских народов и знатока персидского языка, уполномочив его на установление дружественных и торговых сношений»[12].

4 апреля СНК РСФСР выделил в распоряжение ЦИК ТАССР средства для финансирования миссии в Кабул и возложил на Н. З. Бравина временное исполнение обязанностей уполномоченного НКИД РСФСР в Афганистане. В направленной ему из Москвы инструкции указывалось: «Можете официально от имени Советского правительства сообщить афганскому правительству о признании нами независимости Афганистана, согласии установить дипломатические отношения, командировании Вас нашим представителем в Кабул»[13].

Насколько известно сейчас, письмо наркома иностранных дел ТАССР от 27 марта 1919 г. было первым официальным советским документом, полученным в Кабуле. Оно прибыло туда в мае, когда уже шла англо-афганская война. Заявление Советского правительства явилось огромной моральной поддержкой для афганцев. В ответ на это послание министр иностранных дел Афганистана Махмуд Тарзи направил 14 мая письмо на имя Г. В. Чичерина. В нем выражалась благодарность за признание независимости и суверенитета Афганистана, сообщалось об английском нападении на Афганистан, а также о том, что эмир с большой радостью примет Н. З. Бравина. В заключение Махмуд Тарзи писал: «Питаю большую надежду, что после прибытия г-на Бравина будут созданы все условия для связей и укрепления основ союза между двумя нашими странами»[14]. Н. З. Бравин выехал из Ташкента в мае

---

[11] Л. Б. Теплинский. 50 лет советско-афганских отношений. М. 1971, стр. 15—16.

[12] «Советско-афганские отношения. 1919—1969 гг.». Документы и материалы. М. 1971, стр. 7.

[13] Л. Б. Теплинский. Указ. соч., стр. 19, 28

[14] «Советско-афганские отношения. 1919—1969 гг.», стр. 11—12.

1919 года. Английская разведка пристально следила за его передвижением, заслав своего агента в охрану, сопровождавшую советскую миссию. Пароход, на котором миссия следовала по Амударье, подвергся нападению солдат эмира бухарского, тесно связанного с англичанами. В результате стычки было убито 2 и ранено 18 человек. 16 июля правительство ТАССР направило послание Аманулле-хану, в котором объяснялись причины задержки миссии.

Только в начале июля советская миссия прибыла в Герат, но и здесь она была задержана местными афганскими властями почти на три недели. Секретные английские документы проливают свет на причины этой задержки. 15 июля генерал Маллесон телеграфировал в генеральный штаб англо-индийских войск в Симлу: «В течение последних трех недель я предпринял специальные меры с целью дискредитировать миссию Бравина в Афганистане. Имеются основания полагать, что эти усилия оказались успешными. Этой ночью Бравин направил через радиостанцию Кушки доклад, что он и вся его группа являются пленниками... Абсолютно ничего не известно относительно даты отъезда из Герата»[15]. Однако английский генерал просчитался. 24 июля советская миссия выехала из Герата в Кабул. На первой же стоянке Н. З. Бравина ожидало письмо Амануллы-хана, в котором подтверждалась дружба между Афганистаном и Советской Россией. Эмир предписывал местным властям срочно и с почетом доставить советских представителей в Кабул. По прибытии в афганскую столицу Н. З. Бравин был принят эмиром.

Характерно, что те же английские круги, которые пытались помешать приезду миссии ТАССР в Кабул, разработали и план захвата афганского посольства Мухаммеда Вали-хана в Советскую Россию. В Национальном архиве Индии сохранились заметки, сделанные в генеральном штабе англо-индийской армии в Симле в связи с пересланной туда копией радиограммы Мухаммеда Вали-хана президенту США Вильсону, которая была направлена из Ташкента 10 июня 1919 г. и перехвачена англичанами. Из этих заметок видно, что английские власти обсуждали вопрос о захвате афганской миссии, но опасались, что эта акция вызовет сильный протест в мусульманских странах[16]. Когда белогвардейский барьер, отделявший Туркестан от Центральной России, был ликвидирован, Мухаммед Вали-хан в октябре 1919 г. прибыл в Москву. Предшествовавшие контакты между Афганистаном и ТАССР в Ташкенте и Кабуле способствовали успеху московских переговоров. Чрезвычайный посол Афганистана был дважды принят В. И. Лениным. В послании Аманулле-хану от 27 ноября 1919 г. В. И. Ленин подвел итоги беседам, состоявшимся в Москве. Он подчеркнул готовность Советского правительства оказать афганскому народу помощь в самых широких размерах и высказался за проведение в Кабуле и Ташкенте переговоров с целью разработки договора о дружбе между Советской Россией и Афганистаном[17].

Бухарская и Хорезмская народные советские республики внесли значительный вклад в установление дружественных советско-афганских отношений. Победа народной революции в Бухаре, ликвидация здесь зависевшего от английского империализма реакционного режима значительно упрочили международное положение Афганистана. Однако влиятельные феодальные круги в этой стране, тесно связанные с феодальными правителями Бухары, враждебно встретили победу бухарской народной революции. Они взяли курс на реставрацию эмирской власти и в этом плане оказывали известное влияние на политику правительства

[15] Там же, стр. 16—17; АИВ. Серия А, № 169. Government of India. Foreign and Political Department. Secret-F. Proceedings, February 1920, Nos. 170—171. Bolshevik Designs on Afghanistan and India, p. 17.

[16] Ibid., p. 4.

[17] А. Н. Хейфец. Указ. соч., стр. 286—287.

Амануллы-хана. Все это создало значительные затруднения в развитии и укреплении советско-афганских отношений, для быстрого и эффективного преодоления которых необходима была тесная координация внешнеполитических действий РСФСР и БНСР. Большую роль в осуществлении такой координации сыграл полпред РСФСР в Бухаре и уполномоченный ЦК РКП(б) и Коминтерна при Бухарской коммунистической партии В. В. Куйбышев.

Во время революционного переворота в Бухаре тогдашний афганский посол при правительстве эмира бухарского вопреки инструкциям своего правительства открыто выступил против восставшего народа, использовав отряд афганских солдат из своей охраны. Естественно, он не мог больше рассматриваться как дипломатический представитель своего правительства. Тем важнее было как можно скорей установить прямые официальные отношения революционного правительства Бухары с Афганистаном. 10 сентября 1920 г. Турккомиссия специально обсудила проблемы отношений с Афганистаном в связи с бухарской революцией. Она одобрила решение Бухарского ревкома, принятое 5 сентября при участии М. В. Фрунзе: «Немедленно послать делегацию в Афганистан с указанием о том, что Советская Бухара желает быть мирным соседом Афганистана»[18]. На заседании Турккомиссии был одобрен проект обращения бухарского народа к афганскому народу. 14 сентября в Бухару прибыл В. В. Куйбышев. На состоявшемся в тот же день заседании ЦК Бухарской коммунистической партии он подчеркнул неотложность скорейшей отправки обращения в Афганистан.

20 сентября правительство БНСР направило Аманулле-хану послание, в котором предлагало установить дипломатические отношения и «назначить в самое ближайшее время взаимообмен Полномочных Представительств». Одновременно полпред РСФСР в Кабуле Я. З. Суриц обратился с нотой к афганскому правительству по поводу революционных событий в Бухаре и неблаговидной позиции афганского посла. В ответной ноте министерства иностранных дел Афганистана выражалась готовность приступить «к расследованию и выяснению этих действий». 3 ноября афганское правительство направило правительству Советской Бухары ноту, в которой содержалось заявление об официальном признании БНСР и сообщалось о направлении в Бухару чрезвычайного афганского посольства[19].

Это решение благотворно отразилось на общем развитии советско-афганских отношений. 28 февраля 1921 г. в Москве был подписан советско-афганский договор, заложивший прочную основу дружественных отношений между советскими республиками и Афганистаном. Поскольку события в Бухаре и Хиве оказали немалое влияние на эти отношения, договор специально фиксировал, что «стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там не существовала бы, согласно желанию их народов»[20]. Эта формула закрепляла обязательство Афганистана не вмешиваться во внутренние дела БНСР и ХНСР, что имело принципиальное значение. Совместные дипломатические акции РСФСР и БНСР способствовали провалу попыток английской дипломатии и специальных служб британского правительства торпедировать дружественные советско-афганские отношения в период контрреволюционной авантюры Энвера, возглавившего басмаческие банды на территории БНСР. Согласованная внешняя политика советских республик содействовала укреплению международного положения и политических позиций независимого Афганистана.

[18] Ю. П. Шарапов-Антонов. М. В. Фрунзе — организатор и руководитель разгрома бухарского эмирата (канд. дисс.). М. 1950, стр. 453.

[19] «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 193—194; 199—200; т. IV. М. 1960, стр. 663.

[20] «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 552.

По мере приближения победоносного завершения гражданской войны расширялась дипломатическая деятельность правительства РСФСР, направленная на установление дружественных отношений со странами Востока, на поддержку их борьбы против империализма. В этом отношении показательны советско-иранские переговоры конца 1920 — начала 1921 г., в ходе которых осуществлялась тесная координация внешней политики РСФСР и Азербайджанской ССР. В то время главным препятствием к советско-иранскому сближению было пребывание на территории Ирана британских войск, оказывавших давление на иранское правительство и одновременно создававших серьезную угрозу для советских республик Закавказья и Средней Азии, особенно для Азербайджана. Определенным противовесом этой угрозе были находившиеся в Гиляне небольшие контингенты вооруженных сил Советского Азербайджана.

Летом 1920 г. после падения открыто англофильского правительства Восуга од-Доуле иранский кабинет возглавил патриотически настроенный политический деятель Мошир од-Доуле, выразивший готовность начать переговоры с Советской Россией. В октябре чрезвычайный иранский посол Мошавер оль-Мамалек по пути в Москву остановился в Баку. К этому времени англичане организовали сильное давление на Иран, и 1 ноября новым премьер-министром там был назначен крупный феодал Сепахдар Азем. Английское посольство в Тегеране получало копии всех донесений иранских дипломатов из Советской России, а сам Сепахдар неоднократно совещался с британским посланником в Тегеране Норманом по вопросам советско-иранских переговоров. Для того чтобы завести их в тупик, английская дипломатия добивалась выдвижения иранской стороной на первый план вопроса о воинских контингентах Советского Азербайджана в Гиляне. Мошавер оль-Мамалек и прибывший вместе с ним в Баку иранский генеральный консул в Тифлисе на основе инструкций своего министерства иностранных дел начали переговоры с правительством Азербайджанской ССР относительно эвакуации азербайджанских войск из Энзели. Руководители Советского Азербайджана ответили, что это невозможно сделать, пока английские войска находятся в Казвине[21].

Одновременно Мошавер оль-Мамалек нанес визит Г. К. Орджоникидзе, возглавлявшему Кавказское бюро ЦК РКП (б) и имевшему полномочия ЦК партии и СНК РСФСР по координации дипломатической деятельности советских республик в отношении Ирана и Турции. Иранский дипломат поставил вопрос о желательности ликвидации фронта в Гиляне. Г. К. Орджоникидзе ответил, что правительство РСФСР готово взять на себя посредничество между Ираном и Азербайджанской ССР. Поскольку продолжение переговоров в Баку могло привести к искусственному выделению вопроса об азербайджанских войсках в Энзели из всего комплекса проблем советско-иранских отношений, Г. В. Чичерин предложил ускорить приезд Мошавер оль-Мамалека в Москву. Вместе с тем правительство Азербайджанской ССР подчеркнуло свое стремление к установлению дружественных отношений с Ираном[22].

Иранский представитель в Азербайджане Мансур оль-Мольк телеграфировал 29 октября из Астары в Тегеран, что 27 он встречался с Н. Н. Наримановым и передал ему послание министерства иностранных дел Ирана. Н. Н. Нариманов выразил твердую уверенность в скором установлении хороших отношений между Ираном и Азербайджанской ССР и сообщил, что для иранского представителя выделен дом. Н. Н. Нариманов заявил, что будет решен вопрос о собственности персидских

---

[21] АИВ. Серия А, № 205. Government of India. Foreign and Political Department. Bolshevik Menace to Persia.

[22] ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 464, лл. 73—75.

граждан и об установлении прямой телеграфной связи Тегерана с Баку и Москвой [23].

В ноябре в Москве начались переговоры с Мошавер оль-Мамалеком. Обсуждение проблемы вывода азербайджанских войск происходило одновременно с другими важными аспектами советско-иранских отношений (отказ от привилегий, которыми пользовалась царская Россия в Иране, передача Ирану русского имущества и т. д.). По вопросу об азербайджанских войсках в Иране правительство РСФСР запросило правительство Азербайджанской ССР, которое ответило, что в интересах развития дружественных отношений между Ираном и советскими республиками оно готово вывести свои войска из Ирана. Одновременно оно выдвинуло предложение, чтобы были эвакуированы оттуда и английские войска. Правительство РСФСР согласилось с этой точкой зрения.

Такой подход к делу полностью соответствовал национальным интересам иранского народа. Он позволял блокировать колониалистские и антисоветские происки британской дипломатии. Из телеграммы английского посланника в Иране Нормана от 1 декабря 1919 г. видно, что он обсуждал с иранским премьером сообщения Мошавер оль-Мамалека из Москвы и выработанный там проект советско-иранского договора. Английский посланник выражал недовольство, что в проекте есть статьи, отменявшие неравноправные русско-иранские договоры и передававшие Ирану бывшие русские концессии. Норман запугивал иранского премьера последствиями появления в Тегеране советского посла. Он угрожал, что принятие Ираном русского золота в уплату за иранские товары приведет к конфликту с Англией и Францией, к которым это золото должно было якобы перейти в счет царских займов [24]. Через три дня после того, как Мошавер оль-Мамалек сообщил НКИД о согласии иранского правительства на назначение Ф. А. Ротштейна советским полпредом в Тегеран, министерство иностранных дел Великобритании направило Норману в Тегеран шифрованную телеграмму, в которой, в частности, содержались указания о том, как помешать этому назначению и опорочить советского представителя [25].

23 декабря 1920 г. Норман направил иранскому правительству официальную ноту, в которой говорилось, что в связи с переговорами, которые ведутся Мошавер оль-Мамалеком в Москве, министерство иностранных дел Великобритании уполномочило его (Нормана) заявить иранскому правительству, что «не должно быть допущено нарушения прав и интересов правительства его величества в результате каких бы то ни было переговоров, проводимых персидским правительством с русским советским или другим правительством. Лорд Керзон отмечает также,— говорилось в ноте,— что эти предостережения равным образом относятся к случаям, когда британские фирмы или корпорации законно приобрели у персидских граждан или русских права или собственность, принадлежность которых во время покупки не может быть теперь поставлена под сомнение». Эта нота была составлена на основании инструкции, содержавшейся в телеграмме Керзона Норману от 8 декабря 1920 г. «относительно влияния на англо-персидские отношения русско-персидских переговоров о договоре, предполагающем отмену Туркманчайского договора» [26]. Содержание английской ноты показывает, какую тревогу у английских колонизаторов вызывал отказ Советского правительства

---

[23] АИВ. Серия А, № 205. Government of India. Foreign and Political Department. Bolshevik Menace to Persia.

[24] Там же, № 204. Government of India. Foreign and Political Department. 1921. Bolshevik Menace to Persia, p. 92.

[25] Там же, № 205. Government of India. Foreign and Political Department. Bolshevik Menace to Persia.

[26] Там же, № 290. Government of India. Foreign and Political Department. «Effect on Anglo-Persian Relations of the Russo-Persian Negotiations for a Treaty Abrogating the Treaty of Turkmanchai».

от всех привилегий, связанных с неравноправными договорами и капитуляционным режимом в Иране.

Тесная координация дипломатической деятельности правительств РСФСР и Азербайджанской ССР свела на нет подрывные акции британской дипломатии и ее спецслужб. Вскоре английское правительство было вынуждено официально заявить о выводе своих войск из Ирана. 26 февраля 1921 г. был подписан дружественный договор между РСФСР и Ираном [27]. Договор не только заставил британское правительство вывести свои войска из Ирана, но и стал надежной гарантией против всяких попыток империалистической интервенции и превращения Ирана в антисоветский плацдарм в будущем. В случае попыток третьих стран путем вооруженного вмешательства осуществлять в Иране захватническую политику или превращать его территорию в базу для военных выступлений, угрожающих границам РСФСР «или союзных ей держав» (то есть Азербайджана и других советских республик.— *А. Х.*), и при условии, что правительство Ирана само не сможет отвратить эту опасность, правительство РСФСР получало право ввести свои войска на территорию Ирана.

Не сумев предотвратить подписание договора, империалистическая агентура в Иране стала усиленно добиваться обострения отношений Ирана с Азербайджанской и Армянской советскими республиками. Ее проискам противостояла координированная дипломатическая деятельность всех советских республик. Вскоре после вывода английских войск на основе согласованного решения правительств РСФСР и Азербайджанской ССР из Ирана были выведены азербайджанские воинские контингенты. ЦК РКП(б), правительство РСФСР, лично В. И. Ленин неоднократно обращали внимание коммунистов Азербайджана и правительства этой республики на важность проведения максимально дружественной политики в отношении Ирана, неукоснительного выполнения договора от 26 апреля 1921 г., устранения всего, что мешает развитию отношений между советскими республиками и Ираном. Эти вопросы неоднократно рассматривались на заседаниях Пленумов и Политбюро ЦК РКП(б). Для более тесной координации действий работников РСФСР и Азербайджана на члена ВЦИК, секретаря ЦК КП(б) Азербайджана С. М. Кирова был возложен контроль за строгим невмешательством в происходившую в то время в Иране борьбу между правительством шаха и повстанческими силами [28].

Между тем правящие круги Ирана продолжали занимать враждебную позицию по отношению к Азербайджанской ССР. С иранской территории происходили нападения вооруженных банд на эту республику. Только за первую половину августа 1921 г. в одном Сальянском уезде Азербайджана бандиты убили десятки людей, захватили несколько тысяч голов скота. Одновременно иранская сторона стала выдвигать необоснованные претензии к Азербайджану и даже направила Г. В. Чичерину ноту, в которой заявлялось, что Азербайджанская ССР проводит якобы враждебную по отношению к Ирану политику. В ответной ноте Г. В. Чичерина от 29 октября 1921 г. отвергались эти обвинения и указывалось, что иранское правительство должно принять меры против нападений на азербайджанскую территорию, а также подчеркивалось, что советские республики неизменно придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела Ирана, о чем Н. Н. Нариманов заявил на 2-й сессии ЦИК Азербайджана [29]. 23 ноября Г. В. Чичерин уведомил иранского посла в Москве о согласии Советского правительства выступить посредником между Ираном и Азербайджанской ССР. Одновременно полпред РСФСР в Тегеране договорился с министерством иностранных

[27] См. «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 536—544.
[28] Там же. Т. IV, стр. 790, прим. 72.
[29] Там же, стр. 449—450.

дел Ирана об образовании смешанной ирано-азербайджанской комиссии для разрешения пограничных трений. Тогда же встал вопрос о заключении договора между Ираном и закавказскими советскими республиками. 26 ноября 1921 г. в Тифлис прибыл иранский представитель Момтаз од-Доуле для переговоров[30]. Но переговоры на иранско-закавказской конференции продвигались медленно. 20 июня 1922 г. иранское правительство предложило объединить ее с происходившей в Москве конференцией по подготовке торгового договора между Ираном и РСФСР с тем, чтобы переговоры с закавказскими республиками велись отдельно от переговоров с РСФСР. Закавказские советские республики, объединившиеся к тому времени в ЗСФСР, имели уже общую делегацию. 13 ноября ее представитель Б. Шахтахтинский заявил, что лучший способ оформить отношения между ЗСФСР и Ираном — это присоединить ЗСФСР к Московскому договору от 26 февраля 1921 года. Наряду с этим ЗСФСР выразила готовность присоединиться к торговому договору между Ираном и РСФСР, который предстояло выработать Московской конференции[31].

В 1921—1922 гг. возникли осложнения во взаимоотношениях между Ираном и Армянской ССР в связи с переходом на иранскую территорию остатков дашнакских банд, совершенным после разгрома трудящимися Армении контрреволюционного мятежа. При попустительстве иранских властей и при активном участии англичан дашнаки формировали на иранской территории вооруженные отряды, а в Тавризе объявилось даже самозваное «правительство Армении». Все это создавало угрозу мирному развитию Армянской ССР и являлось грубым нарушением договора 26 февраля 1921 г., содержавшего обязательство сторон «не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или групп.., ставящих целью борьбу против Персии и России, а также против союзных с последней государств»[32], в число которых входила и Армянская ССР.

Правительство РСФСР решительно выступило в защиту интересов Советской Армении. 26 июля и 30 сентября 1921 г. Г. В. Чичерин направил энергичные ноты протеста иранскому послу в Москве[33]. После прибытия представителя Советской Армении в Тегеран имели место согласованные демарши по этому вопросу полпредов РСФСР и Армянской ССР[34]. Совместные акции РСФСР и Советской Армении предотвратили возможные крупные вооруженные диверсии против последней с территории Ирана[35].

В совместных усилиях по укреплению и развитию дружественных отношений с Ираном активно участвовали и среднеазиатские народные советские республики. В июне 1921 г. назир по иностранным делам Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) направил дружественную ноту «Высокоблагородной Персии», в которой предлагал ей обменяться дипломатическими представителями. 7 февраля 1922 г. правительство Хорезмской Народной Советской Республики направило телеграмму министру иностранных дел Ирана, в которой выражались чувства искренней и сердечной дружбы «братскому народу и союзному правительству Персии». Далее в телеграмме говорилось: «Наш братский союз с Советской Россией и независимой Бухарской республикой и Афганистаном, с которыми Персия установила прочные и дружественные отношения, обеспечивающие свободное и независимое существование,

---

[30] Там же, стр. 713.

[31] «Международная политика РСФСР в 1922 г.». М. 1923, стр. 59.

[32] «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 538.

[33] «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 242, 383—384.

[34] «Документы внешней политики СССР». Т. V. М. 1961, стр. 186—187.

[35] Иранский. 5 лет взаимоотношений Советской власти с Персией. «Новый Восток», 1923, № 4, стр. 215.

дает прочное основание для совместной работы России, Бухары, Хорезма, Афганистана и Персии в деле освобождения народов Востока»[36].

Большое значение имела координация внешнеполитических действий советских республик и для установления дружественных советско-турецких отношений, для поддержки освободительной борьбы турецкого народа против империализма.

После того, как Антанта и в первую очередь британский империализм убедились в силе сопротивления турецкого народа, поднявшегося под влиянием Великого Октября на войну за независимость, а особенно с тех пор, как началось сближение между правительством Ататюрка и Советской Россией, в борьбе империалистических сил против турецкого народа наметилось два направления. С одной стороны, не только продолжался, но и усиливался открытый военный нажим греческих оккупантов, с другой — империалисты предприняли ряд маневров, целью которых было свернуть турецких националистов с пути антиимпериалистической борьбы на путь шовинистических притязаний и экспансии против народов Закавказья. Расчет заключался в том, чтобы использовать реакционные тенденции, которые в той или иной степени присущи буржуазному национализму, и тем самым не только пресечь наметившееся советско-турецкое сближение, но и втянуть Турцию в антисоветский фронт, навязав Стране Советов новую войну на Кавказе.

Империалисты сумели спровоцировать войну между кемалистами и дашнакской Арменией, оттянувшую часть вооруженных сил кемалистов от борьбы с греческой агентурой британского империализма. Экспансионистским элементам в кемалистском лагере удалось добиться и того, что уже после провозглашения в Армении Советской власти (ноябрь 1920 г.) правительство Анкары заключило в Александрополе, оккупированном турецкими войсками, договор с «правительством» дашнаков, свергнутым армянским народом. Это был аннексионистский, грабительский «мир», угрожавший существованию Советской Армении.

Когда грузинский народ восстал против контрреволюционной диктатуры меньшевиков и провозгласил Грузию советской республикой, определенными турецкими кругами была предпринята попытка захватить Батум. Экспансионистские элементы в Турции вынашивали захватнические планы и в отношении Азербайджанской ССР. Вступившие в район Нахичевани в 1920 г. турецкие войска пытались оккупировать эту область[37]. Кое-кто в Анкаре мечтал даже о «мирном присоединении» всего Советского Азербайджана к Турции. Полпред Азербайджанской ССР в Анкаре И. Абилов сообщал наркому иностранных дел республики М. Д. Гусейнову 8 ноября 1921 г.: «Среди некоторых турецких кругов все еще преобладают пантюркистские идеи... На устроенном мною небольшом вечере компочтел[38] в конце своей пантюркистской речи выразил желание в скором будущем в ангорском парламенте видеть и депутатов Азербайджана»[39].

Интригам империалистов советская дипломатия противопоставила принципиальную политику поддержки национально-освободительной борьбы турецкого народа против империализма. Согласованная внешнеполитическая деятельность советских республик явилась важным фактором, помешавшим сползанию национально-освободительного движения турецкого народа на реакционно-экспансионистский путь. Азербайджанская ССР раньше других советских республик установила контакт с пра-

---

[36] «Документы внешней политики СССР». Т. V, стр. 89—90.

[37] Подробней см.: Ю. А. Багиров. Из истории советско-турецких отношений в 1920—1922 гг. (по материалам Азербайджанской ССР). Баку. 1965, стр. 45—52.

[38] В то время министры турецкого правительства именовали себя комиссарами. В данном случае речь идет о министре почт и телеграфов.

[39] Партархив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 609, оп. 1, д. 15, л. 132.

вительством Ататюрка. Первая турецкая делегация летом 1920 г. на пути в Москву остановилась в Баку. Она была принята Н. Н. Наримановым и М. Д. Гусейновым, которые подчеркнули дружественное отношение РСФСР и Азербайджанской ССР к Турции. Для участия в советско-турецких переговорах в Москве правительство Азербайджанской ССР направило своих представителей во главе с Б. Шахтахтинским [40]. Правительство Армянской ССР также активно включилось в общую дипломатическую деятельность советских республик. Руководствуясь идеями пролетарского интернационализма, армянские коммунисты в очень сложной обстановке, порожденной захватническим походом кемалистов в Армению, выступили активными поборниками дружбы с турецким народом. В декларации Революционного комитета от 29 ноября 1920 г. о провозглашении Армении советской республикой содержался призыв установить согласие между «свободными народами Советской Армении и революционной Турции» [41]. Советская Армения опиралась на братскую поддержку РСФСР, Азербайджана и других советских республик. На следующий день после провозглашения в Армении Советской власти в Баку была опубликована статья главы правительства Советского Азербайджана Н. Н. Нариманова «Мы не допускаем...», явившаяся серьезным предупреждением агрессивным турецким кругам, осуществлявшим захватническую политику в Армении и мечтавшим о «присоединении» Азербайджана. Н. Н. Нариманов подчеркивал, что трудящиеся Азербайджана не допускают и мысли о том, что Турция попытается присоединить к себе Азербайджан. «Мы не допускаем этого,— говорилось в статье,— но если кемалисты будут вовлечены в эту авантюру, то мы, рабочие и крестьяне красного Азербайджана, будем бить беспощадно кемалистов — до тех пор, пока они не поймут нашей цели, наших стремлений. А они ясны: мы хотим освободить седой Восток от гнета, мы хотим дать возможность этому Востоку жить своей свободной жизнью, своей культурой. Мы не намерены навязывать коммунистический строй никому, но уничтожить наш строй у себя дома никому не позволим» [42].

Армения, Азербайджан и РСФСР заявили о непризнании ими Александропольского договора. При этом советская дипломатия подчеркивала общность коренных интересов Советской власти и турецкого национально-освободительного движения. Народный комиссар по иностранным делам Армянской ССР А. Бекзадян в ноте от 8 января 1921 г. констатировал: «Национально-освободительное движение Турции в лице его носителя угнетенного трудового населения... мы считаем родственным нам по духу и будем его поддерживать и питать вопреки всему» [43]. Благодаря совместным усилиям советских республик и антиимпериалистической позиции Ататюрка затруднения в советско-турецких отношениях успешно преодолевались. Была достигнута договоренность о проведении в Москве советско-турецкой конференции для выработки дружественного договора. Предполагалось, что в ней, кроме представителей РСФСР, будут участвовать представители Азербайджана, Армении и Грузии, которые для этой цели прибыли в Москву. Но вследствие того, что в Армении произошел контрреволюционный мятеж дашнаков, временно захвативших Эривань и передавших по радио «заявление» о том, что находящийся в Москве народный комиссар по иностранным делам Армянской ССР А. Бекзадян не имеет-де права выступать от имени Армении, а глава турецкой делегации, воспользовавшись этим предлогом, отказался вести переговоры с представителями Советской Армении, конференцию, открывшуюся 26 февраля 1921 г., пришлось объявить русско-турецкой.

---

[40] Ю. А. Багиров. Указ. соч., стр. 38.
[41] «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 348—349.
[42] «Коммунист» (Баку), 30. XI. 1920.
[43] «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 452.

Тем не менее в ходе переговоров делегация РСФСР, возглавляемая Г. В. Чичериным, отстаивала интересы всех советских республик. Неофициальные беседы с турецкими делегатами вел и представитель Азербайджанской ССР Б. Шахтахтинский. Вскоре выявилось стремление турок оставить открытым вопрос об отношениях с закавказскими советскими республиками, сохранить свободу рук для нажима на них и особенно на Армянскую ССР. Учитывая это, делегация РСФСР добилась включения в протокол заявления о том, что суверенитет закавказских республик будет осуществляться в полной мере и что это является «существенным условием» соглашения между РСФСР и Турцией. В заявлении подчеркивалось, что если бы Турция в предстоящих переговорах с закавказскими республиками понуждала бы их согласиться на какое бы то ни было ограничение своего суверенитета, «Российская Советская Республика сочла бы таковые действия направленными против нее самой»[44].

Московская конференция завершилась 16 марта 1921 г. подписанием договора между РСФСР и Турцией, который заложил прочный фундамент дружественных советско-турецких отношений, сыгравших важную роль в завоевании турецким народом политической независимости. Турецкая сторона отказалась от притязаний на Батум и Нахичевань, обязалась очистить некоторые оккупированные во время войны с дашнаками территории Армянской ССР. Вместе с тем стороны договорились о переходе к Турции районов Карса, Ардагана и Артвина, входивших до 1917 г. в состав Российской империи. Такое решение способствовало дальнейшему укреплению связей и сотрудничества между советскими республиками и национально-освободительным движением народов Востока. Согласившись на ту линию границы с Турцией, которая была зафиксирована в Московском договоре, трудящиеся Армянской ССР проявили глубокое понимание общих интересов советских республик, подлинный пролетарский интернационализм, который, как указывал В. И. Ленин, требует со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, способности и готовности «идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»[45].

Последующее развитие советско-турецких отношений происходило в условиях еще более тесной координации внешнеполитической деятельности советских республик. Российская Федерация, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, другие советские республики активно участвовали в оказании помощи турецкому национально-освободительному движению. С другой стороны, единство советских республик препятствовало развитию захватнических тенденций, характерных для определенных кругов Анкары.

Во время Московской конференции была достигнута договоренность о том, что по пути на родину турецкая делегация подпишет договоры с Азербайджаном, Арменией и Грузией. Советские республики стремились к заключению общего договора трех закавказских республик с Турцией. Проект такого договора был выработан в Москве НКИД РСФСР совместно с представителями закавказских республик. 2 апреля 1921 г. В. И. Ленин внес в Политбюро ЦК РКП(б) предложение направить в Азербайджан, Грузию и Армению директиву ЦК по этому вопросу[46]. ЦК дал указание, чтобы окончательный проект общего договора, который будет согласован в ходе переговоров с турками, был до подписания отправлен в ЦК для утверждения[47].

Когда в середине апреля турецкая делегация, прибывшая из Москвы в Баку, пыталась начать сепаратные турецко-азербайджанские пере-

[44] А. Н. Хейфец. Советская дипломатия и народы Востока (1921—1927). М. 1968, стр. 113.
[45] В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 166.
[46] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 515.
[47] А. Н. Хейфец. Советская дипломатия и народы Востока, стр. 161.

говоры, наркоминдел Азербайджанской ССР М. Д. Гусейнов категорически настоял на проведении общей конференции с участием всех закавказских советских республик. Ту же линию в беседах с главой турецкой делегации Юсуфом Кемалем отстаивали Г. К. Орджоникидзе, представитель РСФСР в закавказских республиках Б. В. Легран и наркоминдел Грузинской ССР М. Д. Орахелашвили. Юсуф Кемаль вынужден был согласиться на созыв общей конференции, предложив провести ее в Карсе. Во время этих бесед был поставлен вопрос об участии в конференции и представителя РСФСР. Юсуф Кемаль заявил, что это не вызывается необходимостью, ибо вопросы, интересовавшие РСФСР, уже решены Московским договором, но представитель РСФСР всегда будет в Карсе желанным гостем. Казалось, что закавказско-турецкая конференция откроется в самое ближайшее время. Советские республики активно готовились к ней. 7 мая в Баку состоялось совещание представителей трех республик для выработки общей линии на переговорах. Однако турецкая сторона затянула открытие конференции до сентября. К этому времени одной из важнейших проблем политической жизни советских республик Закавказья стала реализация ленинской идеи Закавказской федерации. В связи с этим координация дипломатических усилий трех республик в переговорах с Турцией стала еще более тесной. Как отмечал Г. К. Орджоникидзе, «делегатам (предстоявшей конференции.— *А. X.*) была дана такая директива: они должны были потребовать от турок заключения с ними единого договора, на одном листе бумаги» [48].

Весь ход Карсской конференции, продолжавшейся с 26 сентября до 13 октября 1921 г., выявил полное единство и тесную координацию внешней политики советских республик. Активное участие в конференции принял представитель РСФСР Я. С. Ганецкий. По наиболее важным вопросам он излагал общую позицию РСФСР и советских республик Закавказья. Зная о враждебном отношении некоторых турецких кругов к Армении, делегаты Азербайджана и Грузии специально поручили выступить с речью при открытии конференции от имени трех республик делегату Армянской ССР А. Мравяну. Показательно название выработанного конференцией документа: «Договор о дружбе между Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией — с другой, заключенный при участии РСФСР» [49]. Основные статьи Карсского договора совпадали с положениями Московского, в соответствии с принципами которого были разрешены и некоторые частные вопросы отношений между закавказскими советскими республиками и Турцией. Турецкая общественность приветствовала Карсский договор как новое подтверждение поддержки советскими республиками освободительной борьбы турецкого народа. «Наша политика по заключению единого договора с Турцией,— отмечал Г. К. Орджоникидзе,— была совершенно правильна... Эта политика принесла пользу и нам и Турции. Ибо если бы Турция настояла на своем, если бы она захотела вырвать из наших рук Армению и растрепать ее, то, конечно, турецкий народ и его борьба за существование не встретили бы сочувствия со стороны кавказских народов» [50].

Еще во время переговоров о созыве Карсской конференции встал вопрос о заключении договора между Турцией и Украинской ССР. Необходимость его вытекала из географического положения сторон, а также из того, что Украина, как и РСФСР и Грузия, была кровно заинтересована в вопросе о режиме черноморских проливов. В мае 1921 г. правительство УССР предложило Турции провести соответствующие переговоры в Харькове [51]. В дальнейшем, пойдя навстречу пожеланиям Турции,

---

[48] Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 1. М. 1956, стр. 257.
[49] «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 420—429.
[50] Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 257.
[51] «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 145.

оно согласилось направить своих представителей в Анкару. По договоренности с РСФСР и другими советскими республиками и в соответствии с Постановлением Пленума ЦК РКП(б) в августе 1921 г. было решено назначить главой делегации УССР члена ЦК РКП(б) народного комиссара по военным и морским делам и командующего вооруженными силами УССР М. В. Фрунзе. Это решение состоялось в критический период войны турецкого народа. Назначение М. В. Фрунзе главой делегации УССР означало, что он будет представлять не только Украину, но и все советские республики. Незадолго до поездки в Турцию М. В. Фрунзе совещался в Москве с Г. В. Чичериным, а по пути обсуждал вопросы отношений с Турцией с руководящими деятелями закавказских советских республик. Центральный Комитет утвердил 3 октября 1921 г. специальную инструкцию для миссии М. В. Фрунзе [52].

Во время переговоров с Ататюрком и другими турецкими руководителями М. В. Фрунзе подчеркивал единство внешнеполитической линии всех советских республик, разработанной Центральным Комитетом РКП(б). Он привлек к активному участию в переговорах полпреда Азербайджанской ССР в Анкаре И. Абилова. 2 января 1922 г. в Анкаре был подписан договор о дружбе и братстве между Турцией и УССР, в основу которого лег Московский договор от 16 марта 1921 года. Одновременно была достигнута договоренность об установлении экономических и культурных связей между Турцией и Советской Украиной. Это завершило процесс установления договорных отношений между Турцией и советскими республиками. Общее укрепление советско-турецкой дружбы, ценные советы М. В. Фрунзе сыграли важную роль в подготовке решающего наступления национальной армии, которое увенчалось победоносным окончанием освободительной войны турецкого народа против империализма.

В ходе подготовки к Генуэзской конференции советская сторона настаивала на приглашении в Геную турецкой делегации [53]. Выступая в меджлисе, Ататюрк подчеркнул большое значение этих усилий «нашего друга — Российской Советской Республики» [54]. В связи с отказом западных держав пригласить Турцию советские республики взяли на себя защиту ее интересов на конференции. Обращаясь с письмом к членам Политбюро ЦК РКП(б) 22 января 1922 г., В. И. Ленин предложил включить в директиву Политбюро советской делегации в Генуе также пункт о защите интересов Турции. Эта задача была специально возложена на члена делегации Н. Н. Нариманова [55].

Решающую роль в установлении дружественных отношений с народами зарубежного Востока играла РСФСР. Ее внешнеполитическая деятельность полностью отражала интересы других советских республик. В установлении дружественных отношений с народами Востока вместе с РСФСР активно участвовали и другие советские республики. Координация их внешнеполитической деятельности способствовала успешному решению основных задач советской политики на Востоке, установлению и укреплению дружественных отношений с Афганистаном, Ираном, Турцией и другими странами. Совместные выступления советских республик на международной арене содействовали их сближению и стали одной из важных предпосылок образования СССР.

---

[52] См. «Вопросы истории». 1962. № 5, стр. 92—93; А. Н. Хейфец. Советская дипломатия и народы Востока, стр. 177.

[53] «Документы внешней политики СССР». Т. V, стр. 193—194, 281.

[54] Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. М. 1966, стр. 232.

[55] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 134; Ю. А. Багиров. Указ. соч., стр. 101.

РОССИЯ И ВОЙНА ИСПАНСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1808—1814 гг.)

М. А. Додолев

Война испанского народа за независимость оказала заметное влияние на рост патриотических и оппозиционных настроений во многих европейских странах, в том числе и в России. В период Отечественной войны 1812 г. интерес к событиям в Испании в русском обществе усилился. Но, хотя этот факт неоднократно отмечался в литературе, отклики в России на события в Испании 1808—1814 гг. детально не изучены.

До Великой Октябрьской социалистической революции официальная историография этому вопросу внимания не уделяла. Консервативно-монархические историки обычно лишь вскользь упоминали о том, что в июле 1812 г. между Россией и Испанией был заключен союзный договор: по их мнению, «в политическом отношении» этот акт был «маловажным» [1]. Буржуазно-либеральная историография хотя и касалась освободительной борьбы испанского народа, но ее в основном интересовало влияние на Испанию французской революции конца XVIII в. и наполеоновских войн. В многотомном издании, выпущенном к столетию Отечественной войны 1812 г., «испанская» тематика была представлена статьей И. В. Лучицкого «Наполеон и Испания» [2].

Советские историки обращались к освободительной борьбе испанского народа главным образом в связи с изучением декабристского движения. Особое место в литературе заняла небольшая статья Е. В. Тарле «Военная революция на западе Европы и декабристы» [3]. Позднее война за независимость испанского народа рассматривалась прежде всего в связи с политикой, проводимой в Испании наполеоновской Францией [4], или дипломатической предысторией Отечественной войны 1812 г. [5]. Неоднократно отмечалось в советской литературе значение «испанского элемента» в жизни России в 1812 г. и в становлении декабристского движения [6]. Однако влияние событий в Испании в 1808—1814 гг. на общественно-политическую жизнь России до сих пор не прослежено. В настоящей статье предпринимается попытка на основе материалов, извлеченных из архивов Москвы и Ленинграда, по мере возможности

---

[1] «Сборник Русского императорского исторического общества» (РИО). Т. 31. СПБ. 1881, стр. 295.

[2] «Отечественная война и русское общество». Т. II. СПБ. 1911, стр. 32—62.

[3] Е. В. Тарле. Сочинения. Т. V. М. 1958, стр. 9—20.

[4] И. М. Майский. Наполеон и Испания. «Из истории общественных движений и международных отношений». М. 1957, стр. 292—313.

[5] И. Звавич. Испания в дипломатических отношениях России накануне Отечественной войны 1812 г. «Исторический журнал», 1943, № 3—4; Л. Бескровный. Отечественная война 1812 года. М. 1962, стр. 145—147; М. А. Додолев. О влиянии Испанской революции 1808—1814 годов на внешнюю политику европейских государств. «Новая и новейшая история», 1968, № 2.

[6] М. П. Алексеев. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI — XIX вв. Л. 1964.

восполнить существующий пробел и показать отклики в России на события в Испании в 1808—1814 гг., борьбу мнений, развернувшуюся в связи с этим в среде дворянства.

Живейший интерес в России к событиям на Пиренейском полуострове пробудился еще до начала Отечественной войны 1812 года. Тильзитский мир (июль 1807 г.), создавший предпосылки для вторжения французских войск на территорию Португалии и Испании, по разным причинам вызвал в России недовольство. Здесь (как и в других странах) осуждали «дружбу» Александра I с Наполеоном. Содержание тайных бесед двух императоров на неманском плоту будоражило воображение и вызывало различные толки. Участники антинаполеоновских войн, а также либеральная дворянская молодежь рассматривали тильзитские соглашения как гораздо более постыдное событие, чем поражения русской армии под Аустерлицем и Фридландом [7].

Начавшееся осенью 1807 г. вторжение французских войск в Испанию было воспринято в России как чреватое большими опасностями последствие Тильзита. В Петербурге и Москве получили распространение анонимные записки о Тильзитском мире, в которых царь осуждался за перемену внешнеполитического курса, и в частности за то, что он оставил Испанию без поддержки. Сообщения из-за Пиренеев, слухи о мнимых и действительных намерениях Наполеона быстро распространялись в салонах Петербурга и Москвы. 16 марта 1808 г. французский посол Коленкур писал по этому поводу: «Испанию изображают завоеванной страной, а ее короля низложенным; о нем говорят как о союзнике, принесенном в жертву; тотчас же добавляют, что такая участь ожидает всех государей, придерживающихся союза с Францией» [8].

Уже в тот период известия о событиях в Испании стали проникать в более широкие слои населения крупнейших городов России. Об этом свидетельствует донесение полицейского агента Фогеля министру полиции А. Д. Балашову от 12 апреля 1808 г. относительно разговоров «о крупной революции в Испании, организованной священниками» [9]. Позднее тот же агент сообщил, что ходят слухи о восстании испанских солдат, посланных Наполеоном на Север Европы, захвате ими ночью датских судов и их отъезде в Швецию [10]. Начавшееся весной 1808 г. решительное сопротивление испанского народа наполеоновским войскам вызвало в России одобрение. «Корсиканцу нахальство даром не проходит. Гишпанцы, португальцы режут, бьют, давят бесштанных»,— писал Г. С. Волконский [11].

В этих условиях представители «сановной оппозиции» попытались воспользоваться событиями в Испании, чтобы убедить Александра I изменить его политику. В записке от 26 июня 1808 г. бывший министр, один из «молодых друзей» царя, кн. А. Чарторыйский, писал ему: «Ваши теперешние отношения с французским правительством кончатся для Вашего императорского величества самым роковым образом... Если Россия будет подчиняться желаниям Наполеона и способствовать выполне-

[7] Распространению подобных настроений способствовал подложный «секретный Тильзитский договор», содержавший пункт о передаче Франции территорий других западноевропейских стран, в том числе Испании. Позднее, 25 августа 1812 г., он был опубликован в «Gazeta de Madrid». «Договор» вошел в собрание документов Жозефа Бонапарта («Memoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph Bonaparte». T. 4. P. 1854, pp. 246—248).

[8] Вел. кн. Николай Михайлович. Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона. 1808—1812 гг. Т. II. СПБ. 1905, стр. 3. Об этом же писал Александру I из Парижа 29 апреля 1808 г. Ф. Ц. Ла Гарп. (ЦГАОР СССР, ф. 728, д. 359, ч. III, л. 50).

[9] Ленинградское отделение Института истории СССР (ЛОИИ), ф. 16, оп. 1, к. 8, ед. хр. 226.

[10] Там же, № 24.

[11] «Архив декабриста Г. С. Волконского». Т. I. Птгр. 1918, стр. 247. Под «бесштанными» подразумевались санкюлоты.

нию его планов, он, может быть, оставит ее в покое. Но с того момента, когда Россия будет оказывать Наполеону какое-либо сопротивление, он будет стремиться сокрушить ее... Так как испанские дела задержали Наполеона очень недолго, да к тому же они уже почти окончены, то теперь он, по всей вероятности, обратит взор на Австрию» [12]. Многие представители дворянства высказались против поездки Александра I в Эрфурт на свидание с Наполеоном. 29 августа 1808 г. А. Я. Булгаков в своем дневнике писал, что поездка царя в Эрфурт не отвечает интересам России и лишь дает Европе «новое доказательство его особого уважения к Наполеону». Против этой поездки, «ссылаясь на недавний, поразительный пример» [13] Испании, высказались Государственный совет, а также мать Александра I императрица Мария Федоровна. В письме к сыну она доказывала, что в тот момент, когда Наполеон потерпел «действительную неудачу» и когда «пример испанцев» может «увлечь другие народы», демонстрация франко-русской дружбы была бы неуместной [14]. Некоторые русские дипломаты тогда же пришли к выводу, что ограбление Наполеоном европейских стран, завоевательные войны приведут к возникновению освободительных движений и «отчаяние испанцев и других оскорбленных и угнетенных народов» положит конец «преобладанию французов и успехам их армий» [15].

События на Пиренейском полуострове вновь привлекли всеобщее внимание в октябре 1808 г., когда Наполеон направил в Испанию 150-тысячную армию, а вскоре выехал туда сам. Небольшая, но могущественная группа «франкофилов» (министр иностранных дел и министр коммерции Н. П. Румянцев, 7 сентября 1809 г. он стал также канцлером, морской министр П. В. Чичагов, М. М. Сперанский) надеялась, что военные действия на Пиренейском полуострове и борьба за испанские колонии в Америке надолго отвлекут внимание Наполеона. В противовес «франкофилам» П. А. Толстой, А. А. Прозоровский, А. Н. Салтыков, Н. Г. Репнин полагали, что военные действия в Испании не помешают Бонапарту напасть на Россию. По их мнению, Наполеон, заключив мир и союз с Россией и напав на Испанию, следовал своей прежней тактике громить своих противников поодиночке. Они высказывались за то, чтобы в удобный момент воспользоваться неудачами Наполеона в Испании и своевременно заключить тайные соглашения с Англией, Австрией, Испанией, а также установить мир со Швецией и Турцией, осуждали решение царя признать «гнусную узурпацию» испанского трона и порицали его за недооценку огромных ресурсов Испании [16].

В октябре 1808 г.— феврале 1809 г. в салонах Москвы происходили оживленные споры о возможном исходе «испанских дел», степени «могущества Бонапарта», «всемирной монархии». 15 октября А. Я Булгаков записал в дневнике: «Испанцы доставляют много хлопот маленькому чудовищу, которого изрыгнула Корсика... Благословение, в котором всевышний отказал всем другим европейским армиям, не оставляет испан-

---

[12] РИО. Т. 6. СПБ. 1871, стр. 372—386.

[13] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 79, оп. 1, д. 56, л. 4, А. Я. Булгаков — до января 1808 г. секретарь русской миссии в Палермо. С ранней юности, когда он познакомился с книгой Ж. Флориана «Гонзалв Кордуанский, или Возвращенная Гранада», он питал большие симпатии и интерес к Испании (там же, л. 27). В своем дневнике (август 1808 г.— апрель 1809 г.) он неоднократно восторженно отзывается об испанских повстанцах.

[14] «Русская старина», 1899, № 4, стр. 1; ЦГАОР СССР, ф. 679, оп., 1, д. 76, лл. 1—6.

[15] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, д. 5912, л. 45. С. Н. Долгорукий — Н. П. Румянцеву 16(28) июня 1808 года. С. Н. Долгорукий в 1808—1810 гг. был посланником в Голландии.

[16] ЦГИА СССР, ф. 944, оп. 2, д. 582, л. 3 и д. 585; ЦГАДА, ф. 15, д. 266, лл. 71—73. См. также М. А. Д о д о л е в. За кулисами наполеоновской дипломатии. «Французский ежегодник 1967 г.». М. 1968, стр. 288—292. Александр I, несомненно, прислушивался к их мнению. Уже в декабре 1808 г. обергофмейстер Р. А. Кошелев вступил в тайные контакты с представителями испанских повстанцев.

цев, и все это меня еще более привязывает к ним. Пусть же всевышний по-прежнему покровительствует Испании — таково пожелание моего сердца и таким должно быть пожелание каждого порядочного человека»[17]. В октябре—декабре 1808 г. Коленкур неоднократно сообщал своему правительству, что «проанглийская партия» развернула в России свою деятельность «во всех направлениях: она представляет испанские дела в самом неблагоприятном для нас свете, преувеличивают и наши потери и силы и фанатизм повстанцев»[18]. Даже вступление наполеоновских войск в Мадрид 4 декабря 1808 г. не поколебало твердой уверенности в том, что в конечном счете победу одержат испанские повстанцы[19]. На некоторые наиболее информированные круги в России (как и в других странах) большое впечатление произвела тогда книга государственного секретаря Испании П. Севальоса, разоблачавшая махинации Наполеона и Савари с целью свержения династии испанских Бурбонов[20]. 5 февраля 1809 г. Коленкур писал Наполеону: «Брошюра г-на Севальоса начинает циркулировать здесь в последние дни. Ее с жадностью читают. Она производит очень плохое действие. Император сделал то, что он мог, чтобы помешать ее проникновению сюда»[21].

Летом 1809 г. после разгрома Австрии, когда отношения между Россией и Францией ухудшились, сообщения о военных действиях в Испании начали все чаще появляться в русской печати. В июле 1809 г. «Вестник Европы» сообщил о «покорении испанскими мятежниками Барцелоны (то есть Барселоны.— *М. Д.*) и об отъезде короля Иосифа из Мадрида». «Наблюдатели, занимаясь важными происшествиями в Германии,— многозначительно подчеркивал журнал,— совсем упустили из виду испанские дела, также весьма важные по нынешним обстоятельствам... Дела в сей земле приняли совсем другое направление, нежели какого ожидали пред сим незадолго»[22]. В целом позиция русской печати отличалась большой осторожностью[23].

Тем большее значение имеют не предназначавшиеся для печати материалы, отражающие подлинные настроения русского общества. Прежде всего это уже упоминавшийся дневник А. Я Булгакова. 18 февраля

---

[17] ЦГАЛИ, ф. 79, оп. 1, д. 56, лл. 23, 26—27.

[18] Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. Т. II, стр 356—357, 370.

[19] А. Я. Булгаков писал брату: «Наполеон вошел в Мадрид 4-го, но опять выехал на другой день в Париж, а без него его брата (то есть «испанского» короля Жозефа Бонапарта.— *М. Д.*) поколотят». «Русский архив», 1902, № 8, стр. 614. Трезвую оценку факта занятия наполеоновскими войсками Мадрида дал в своем донесении из Вены 16(28) января 1809 г. бывший русский посол в Испании Г. А. Строганов, высказавшийся против переоценки успехов французских войск в Испании и опровергавший утверждения наполеоновской пропаганды (АВПР, ф. Канцелярия, д. 7518, лл. 2—6).

[20] Эта брошюра была опубликована в Испании в сентябре 1808 года. Вскоре в Лондоне она была переведена на французский язык. Уже в октябре 1808 г. экземпляр брошюры через наполеоновского министра полиции Фуше попал к Талейрану, который познакомил с ней Н. П. Румянцева, вскоре после окончания эрфуртских переговоров прибывшего в Париж. Н. П. Румянцев 16(28) октября 1808 г. писал по поводу этой брошюры Александру I: «Этот памфлет очень хорошо составлен, его весьма любопытно читать, поведение генерала Савари в нем представлено в малоблагоприятном свете» (АВПР, ф. Канцелярия, д. 9009, л. 5). Еще ранее, 10(22) сентября 1808 г., Г. А. Строганов послал один экземпляр брошюры в Петербург, предупредив министра иностранных дел, что «это произведение может представить кой-какой интерес» (АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 604).

[21] Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. Т. III. СПБ. 1906, стр. 56.

[22] «Вестник Европы», 1809, № 14, стр. 153.

[23] Весной 1808 г., вследствие жалобы Коленкура Александру I на журнал «Русский Вестник», цензор, пропустивший в печать номер, содержавший высказывания, выдержанные в антитильзитском духе, подвергся осуждению (Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (ГПБ), ф. 859, к. 21, № 2, л. 69; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 114). Лишь в феврале 1809 г. «Вестник Европы», а затем и другие русские периодические издания начали (сперва в завуалированной форме, а затем более открыто) вести полемику с измышлениями наполеоновской пропаганды о войне в Испании.

1809 г. в нем записано: «Я в состоянии экстаза от письма, которое испанский генерал Палафокс написал маршалу Лефебру, предлагавшему ему сдаться со всей армией. Это письмо — настоящий шедевр. Оно продиктовано большим, благородным, щедрым сердцем, душой возвышенной и проникнутой чувством чести и любовью к своей родине... Что за нация, эти испанцы! Если у меня когда-нибудь будут дети, я пошлю их за Пиренеи». По словам автора дневника, подобные чувства разделяли многие семьи (Орловы, Воронцовы, Пушкины и др.). 22 февраля, сообщая о том, что он послал копию письма в Москву, Булгаков добавляет: «Я уверен, что оно произведет фурор в наших оппозиционных кругах в Москве». Еще ранее, 12 декабря, Булгаков доказывал выходцу из Франции Броглио, что дело испанцев «самое прекрасное и справедливое» [24].

Штабс-капитан Семеновского полка П. С. Кайсаров в феврале 1811 г. в своей записке «Политические и военные соображения о необходимых мерах предосторожности против событий, которые могут нарушить спокойствие наших границ», подробно остановившись на событиях в Испании и их последствиях, пришел к выводу, что эта страна была «главной причиной всех больших изменений, произошедших в Европе». Одновременно Кайсаров разоблачал корыстный характер участия Великобритании в военных действиях на Пиренейском полуострове. По его словам, Англия не воспользовалась «диверсией Австрии» в 1809 г. и не оказала своевременно помощь испанскому народу потому, что «война в Испании во многих отношениях была выгодна» для британской торговли. Кайсаров осуждал «эту малодушную политику», не сумевшую правильно оценить ресурсы народа, который восстал «в защиту своих очагов», и исходившую из расчетов на поражение Испании в 1810 году. Он высоко отзывался о действиях «недисциплинированных ополчений» испанских повстанцев. Напомнив о «памятном примере маркиза Ла Романа» и его соотечественников, посланных Наполеоном в Германию, но восставших против французских властей, он делал вывод, что французский император не сможет использовать испанцев в качестве наемников. По его словам, «несмотря на досадную оккупацию Мадрида», наполеоновские власти будут вынуждены держать в Испании «большие армии». Кайсаров высказывал предположение, что в результате неудач в Испании Наполеону придется искать успеха на Севере Европы. Поэтому он призывал русское правительство отказаться от «бесполезных соображений осмотрительной политики» и подготовить страну к предстоящим потрясениям [25]. Автор другой записки, граф И. А. Каподистрия, анализируя последствия войны в Испании, отмечал, что народ испанский «может оказать в крайности великую твердость духа» [26].

Важные наблюдения о новом, особенном характере войны и революции в Испании сделал в то время бывший посланник в Мадриде Г. А. Строганов. В 1810 г. в своих записях он отметил: «Испанцы предприняли войну, существенно отличающуюся от всех других политических войн. Нам говорят, что они потерпели неудачи, нам скажут также, что они потеряли сражения, но кто же ожидал, что таких неудач не будет?.. Уметь умирать и уметь ненавидеть — вот залог победы для испанцев» [27]. Ранее в одном из служебных донесений Строганов с восхищением отзывался о президенте Центральной хунты испанских повстанцев графе

---

[24] ЦГАЛИ, ф. 79, оп. 1, д. 56, лл. 55, 93—96.

[25] Эта записка свидетельствует о том значении, которое придавали опыту борьбы испанского народа будущие активные участники войны 1812 г. (руководители партизанских отрядов) братья Кайсаровы. Копии ее хранятся в различных архивах (ГИМ, ф. 18, ед. хр. 22; ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 372, л. 3—19). Известно, что опыт народной войны в Испании изучал и другой герой войны 1812 г., Д. Давыдов (М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 102).

[26] ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, 1810, д. 517, лл. 4—8.

[27] ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 81, л. 9.

Флоридабланке и Севальосе. Аналогичные мысли развивал бывший вице-консул И. К. Бичилли, проведший четыре года в Испании и представивший 17 мая 1810 г. Н. П. Румянцеву очерк «О войне в Испании в 1808 г.». Бичилли доказывал, что в Испании первым взялся за оружие и затем увлек «все другие классы» простой народ. «Ввиду отсутствия войск и активного и просвещенного дворянства,— писал Бичилли,— сила Испании заключалась единственно в последнем классе нации». Как и другие русские дипломаты, Бичилли приходил к выводу, что «эта война — новое явление в анналах истории»[28], ее нельзя понять при помощи теорий и описаний, распространенных за границей.

Союз с Францией и предусмотренное условиями Тильзитских договоров присоединение России к континентальной блокаде тяжело отражались на состоянии российской экономики и торговли. Поэтому разговоры о военных действиях Франции в Испании возникали в России в самых различных общественных местах. 25 мая 1811 г. полицейский агент сообщал, что в Петербурге распространились слухи о взятии повстанцами Мадрида, 15 июня он доносил, что «в кофейной на Никольской» говорят о больших издержках французов в Испании, и т. д. Еще ранее, 30 августа 1809 г., он отмечал большую заинтересованность в «верной информации» о военных действиях в Европе «здешних негоциантов»[29].

На границах России в Варшавском герцогстве наполеоновские власти формировали в это время крупные воинские части, якобы предназначенные для отправления в Испанию. Французские агенты уверяли, что Наполеон не начнет войну против России, ибо он слишком занят в Испании[30]. Однако русские дипломаты (за исключением Н. П. Румянцева) сомневались в этом. Уже в то время некоторые русские деятели высказывались за то, чтобы предстоящая война с Наполеоном рассматривалась как общенародное дело. 22 февраля 1812 г. Ф. Ц. Ла Гарп, призывая царя «противостоять надвигающейся грозе», доказывал ему необходимость заручиться поддержкой народа, и тогда в России найдутся новые Минины и Пожарские. Рига, Петербург и Москва, писал Ла Гарп, возможно, будут заняты неприятелем, но он не одержит окончательной победы. В своих рассуждениях Ла Гарп исходил из опыта войны испанского народа: «Взгляните, государь, на Испанию и Португалию! Эти великие и недавние примеры убедительно доказывают, что может сделать мужество, настойчивость и энергия против большей силы»[31].

Сообщения о войне испанского народа за независимость приобрели весной 1812 г. в России острую актуальность и печатались поэтому на первых страницах русских газет. В мае 1812 г., после того как официозная петербургская газета «Journal du Nord» опубликовала обращение регентства Испании к жителям Испанской Америки (в котором Наполеон именовался «современным Аттилой»[32]), французский посол в Петербурге Лористон (9 мая 1811 г. он сменил Коленкура) назвал «позволение помещать в публичном листе непристойные против государя его выражения предварительным объявлением войны и союзом с испанскими мятежниками и врагами»[33]. 19 мая 1812 г. он выехал из Петербурга.

Спустя несколько недель, 24 июня 1812 г., не завершив войну в Испании, Наполеон двинулся на Россию. Уже в первые дни войны было принято решение о создании народного ополчения. Сообщая об этом 27 июня 1812 г. Барклаю де Толли, царь писал: «Я надеюсь, что у нас

---

[28] АВПР, ф. Канцелярия, д. 7696, лл. 7—8.
[29] ЛОИИ, ф. 16, ед. хр. 221, № 71.
[30] Там же, ед. хр. 229.
[31] На это письмо Ф. Ц. Ла Гарпа обратил внимание Е. В. Тарле в своей работе «Бородино» (Е. В. Тарле. Сочинения. Т. XII. М. 1962, стр. 417); ЦГАОР СССР, ф. 728, д. 359, ч. III, лл. 116—120.
[32] «Journal du Nord», St. P. n. XIX, p. 320.
[33] ЛОИИ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 231, № 17.

в этом случае выразится не менее энергии, нежели в Испании»[34]. В начале июля русские и испанские представители договорились об установлении дипломатических отношений между двумя странами. По условиям подписанного 8 (20) июля в Великих Луках Н. П. Румянцевым и Сеа Бермудесом русско-испанского союзного договора правительство России признало испанских повстанцев и принятую ими в марте 1812 г. конституцию[35]. Подписывая 17 октября 1812 г. акт ратификации этого договора, Александр I торжественно обязался «неуклонно соблюдать все его постановления». В манифесте от 7 ноября 1812 г., сообщавшем о заключении союза с Испанией, царь уверял, что и ранее «мы не упускали из виду должного уважения к правительству и народу, оказавшему себя столь мужественным и твердым»[36].

Пример испанских повстанцев вселял надежду и в среду истинных патриотов. Будущий декабрист Ф. Глинка 16 июля 1812 г. записал: «Кажется, в России, равно как и в Испании» Наполеон «будет покорять только землю, а не людей»[37]. В письме надворного советника Кристина от 20 июля 1812 г. говорилось: «Я надеюсь, что Россия станет новой Испанией»[38]. О подвиге испанского народа писал в дневнике 30 августа 1812 г. и будущий декабрист Н. И. Тургенев[39].

Русская публицистика первых месяцев войны 1812 г. уделила героической борьбе испанских повстанцев большое внимание. Основанный в октябре «исторический и политический журнал» «Сын Отечества», поставивший, по выражению А. И. Тургенева, своей задачей «помещать все, что может ободрить дух народа»[40], сразу же обратился к событиям на Пиренейском полуострове. Публикуя воззвание Верховной севильской хунты от 17 июня 1808 г., редакция предпослала ему многозначительное примечание: «Происшествия, случившиеся с 1808 г. в Испании, беспримерны в летописях мира. Надеемся заслужить одобрение читателей, сообщая им важнейшие акты, относящиеся к новейшей испанской истории»[41]. Уже в первых номерах журнал опубликовал важнейшие документы испанских повстанцев: «Гражданский катехизис» (№ 2), декреты кортесов, прокламации Верховной хунты, ответ испанского генерала Палафокса французскому маршалу Лефевру и др. В напечатанном журналом «Послании к русским» 28 октября 1812 г. профессор Царскосельского лицея А. П. Куницын, призывая к борьбе за независимость и свободу, ссылался на пример испанцев, которые одни, «без правительства... освободили страну свою от ига иностранного»[42].

«Исторический, статистический и географический журнал», издававшийся в течение длительного времени профессорами Московского университета П. А. Сохацким и М. Г. Гавриловым, еще до начала войны 1812 г. опубликовал ряд материалов об Испании, в том числе статью «Состояние Испании в 1808 г. Науки и литературы». Говоря с большим уважением и теплотой о культуре испанского народа, журнал отмечал, что признаком приближения в Испании революции было появление, несмотря на строгости цензуры, «великого множества сочинений о политике и разных отраслях управления». Интерес журнала к духовной жизни испанского народа не уменьшился и в конце 1812 г., когда редактором и

---

[34] А. Г. Тартаковский. Военная публицистика 1812 года. М. 1967, стр. 22.
[35] «Внешняя политика России XIX — начала XX века». Т. IV. М. 1962, стр. 495—496.
[36] «Исторический, статистический и географический журнал или современная история света», 1812, ноябрь, ч. IV, кн. 2—3, стр. 218.
[37] Ф. Глинка. Письма русского офицера. Ч. VI. М. 1815, стр. 12.
[38] ГПБ, ф. 859, к. 7, д. 7, л. 15.
[39] «Архив братьев Тургеневых». Вып. 3. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы (т. II). СПБ. 1913, стр. 203.
[40] «Русский архив», 1866, № 2, стр. 254.
[41] «Сын Отечества», 1812, № 5, стр. 185.
[42] Там же, стр. 182.

издателем журнала временно стал начальник типографии Московского университета М. И. Невзоров. В июньском номере журнала за 1813 г. он опубликовал статью «Новая испанская конституция». Будучи сторонником просвещенного абсолютизма, он сдержанно относился к революции в Испании и поэтому привел лишь те статьи конституции, которые касались народного просвещения, причем сопроводил их примечанием, выражавшим пожелание, чтобы кортесы в своей деятельности как можно далее отступали от тех французских «планов и правил», «ядом которых весьма много заразились почти все университеты в бедной Германии» [43].

В первые месяцы Отечественной войны 1812 г. в Петербурге вышел ряд сочинений о событиях в Испании в 1808—1811 гг., в том числе упоминавшаяся выше брошюра Севальоса [44]. 8 ноября 1812 г. в переводе на французский язык в Петербурге была опубликована конституция кортесов [45]. Вскоре появился ее русский перевод [46]. В последующий период публикация сочинений, содержащих описание военных действий на Пиренейском полуострове, продолжалась.

Но уже в это время появился глубокий интерес и к другим аспектам жизни испанского народа. Передовые русские люди, сопоставляя особенности истории Испании и России, стремились понять истоки патриотизма испанского и русского народов, действительную роль правительства в антинаполеоновских войнах, социальные и политические последствия последних. Одну из первых попыток в этом направлении предпринял А. И. Тургенев в письме из Петербурга П. А. Вяземскому 27 октября 1812 года. В патриотизме, по мнению А. И. Тургенева, русские «превзошли самих испанцев, ибо там многие покорились Наполеону и составили партии в пользу его». Признавая, что война в России приняла «национальный характер» [47], Тургенев, однако, не отметил, что различные классы и сословия в ней участвовали по-разному. Идеализируя русскую действительность, А. И. Тургенев заблуждался относительно подлинных мотивов поведения Александра I и делал утопические выводы по поводу последствий победы в войне. В действительности патриотизм народа не разделяли ни царь, ни крупные вельможи, опасавшиеся, что сопротивление Наполеону выльется в общенародную войну и революцию. Поэтому они стремились не допустить самостоятельных выступлений народных масс. Упоминая о «примере испанцев», они в то же время никогда не писали о предательстве части испанской знати и защищали неприкосновенность прерогатив абсолютистской власти [48].

Патриотический подъем русского народа в 1812 г. был столь велик, что отдельные лица задумывались, не примут ли события в России такой же оборот, как в Испании. Дискуссия о характере и сущности борьбы испанского народа за независимость и свободу продолжалась в России еще долгое время вплоть до 1826 г.— разгрома декабристского движения. Представители консервативного направления изображали борьбу испанского и русского народов как их единодушное выступление в интересах своих законных государей. М. И. Невзоров на этом основании осуждал

[43] «Исторический, статистический и географический журнал», 1812, июль, ч. III, кн. I, стр. 97; 1813, май—июнь, ч. II, кн. II—III, стр. 205—207.

[44] Эта брошюра была опубликована на русском языке в двух различных изданиях, как в переводе с французского, так и в переводе с испанского. Еще ранее ее текст был напечатан в №№ 28—35 (июль—август 1812) «Journal du Nord». В примечании к публикации (р. 530) редакция писала: «Эта до настоящего времени малораспространенная записка важна для истории, ибо она разъясняет происхождение и причины войны в Испании, которая покрост гечной славой героическую нацию, столь доблестно ее ведущую».

[45] «Constitution politique de la monarchie espagnole publiée à Cadix le 19 Mars 1812. Traduit de l'Espagnol par m-r l' abbé Vialar, ancien chanoin d'Albi». St. P. 1812.

[46] «Государственный устав испанской монархии». «Сын Отечества», 1813, №№ 13—14.

[47] «Русский архив», 1877, № 2, стр. 250—253.

[48] А. Г. Тартаковский. Указ. соч., стр. 23.

деятельность кортесов и конституцию 1812 года. По его словам, осуществление конституции привело бы к тому, что повелителями стали бы «одни вельможи и знатное духовенство. Король был бы одним призраком исполнительной власти, а народ вместо одного господина должен был бы служить многим и разнородным обладателям» [49]. Наоборот, другие авторы, одобряя деятельность кортесов, «порицали слабые и нерешительные» действия испанского правительства в 1808 году. Журнал «Сын Отечества», ссылаясь на уроки событий 1807—1808 гг. в Испании, проводил различие между «политическим обществом» и «гражданским обществом». По мнению журнала, «частная собственность и политические преимущества суть две различные вещи. Наследственная самодержавная власть есть право совершенно личное». Журнал утверждал, что передача Фердинандом VII престола наполеоновской династии, даже если бы она была совершенно добровольной, не имела бы юридической силы без согласия народа, ибо в определенных случаях «нация сама располагает троном» [50].

Разгром наполеоновской армии в ноябре — декабре 1812 г. создал в Европе новую ситуацию и выдвинул новые проблемы. В этой связи многие представители правящих кругов России (статс-секретарь А. С. Шишков, московский генерал-губернатор В. Ф. Растопчин и канцлер Н. П. Румянцев, формально остававшийся министром иностранных дел) считали, что войну против Наполеона не следует продолжать за пределами России [51]. В бумагах Н. П. Румянцева хранится проект статьи «Письмо русского помещика из Петербурга от 12 июня 1813 г.», в котором приводятся различные аргументы против «продолжения кровопролития», и в частности ставится вопрос, важно ли для России, будет ли или не будет Испания «возвращена Фердинанду VII?». Аргументируя свою точку зрения, автор проекта писал: «Самое географическое положение России показывает», что обязательство вернуть престол Фердинанду VII не могло «проистекать от конечного интереса империи и что произошедшие на другом конце Европы перемены (каково бы ни было их направление) не могут нам, собственно, ни мешать, ни вредить» [52].

Однако передовые русские деятели понимали связь между процессами, происходившими в то время в Испании и в России. Ф. Глинка писал: «Нет ничего полезнее для государства и ничего ужаснее для врагов его, как восстание целого народа. Одни и те же причины в то же самое время произвели одинаковое действие в России и в Испании» [53]. С. И. Тургенев в своих записях показывал, как в результате войны за независимость изменилось международное положение Испании: ранее европейские государства интересовались ею главным образом с точки зрения внешнеполитических комбинаций, «но теперь, когда Испания переживает состояние революции, даже ее внутренние дела интересуют Европу... Отдаленность России, как и ее внутреннее состояние могли бы позволить

[49] «Исторический, статистический и географический журнал», 1814, май—июнь, ч. I, кн. 2, стр. 136—148. Даже позднее, в 1820 г., Невзоров осуждал «дворянство и духовенство испанское», которое «принудило короля принять аристократическую конституцию, сочиненную ими в пользу только собственную их и противную преимуществам короля и существенной пользы всей испанской нации» (ГИМ, ф. 247, д. 1, лл. 115—116).

[50] «Сын Отечества», 1813, № 41, стр. 303.

[51] О настроениях, имевших тогда место среди части населения, свидетельствует такой факт. Когда летом 1813 г. царское правительство заключило перемирие с Францией, жители некоторых русских городов высказались против каких-либо соглашений с Наполеоном, ссылаясь при этом на пример испанских повстанцев (Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 729).

[52] Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ОР ГБЛ), ф. 255, к. 14, ед. хр. 11.

[53] Цит. по: Н. М. Михайловская. Журнал «Сын Отечества» периода Отечественной войны и становления декабризма (1812—1818). «Ученые записки» Удмуртского государственного педагогического института. Вып. 9. Ижевск. 1956, стр. 63. За пропуск «Писем русского офицера» Ф. Глинки 25 августа (1 сентября) 1815 г. цензору был объявлен выговор (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 315).

ей не обращать никакого внимания на Испанию. Но ее тесные связи с другими европейскими государствами побуждают ее разделить их интерес к Испании» [54].

Контрреволюционный переворот, происшедший в мае 1814 г. в Испании (возвращение Фердинанда VII и отмена им конституции кортесов), помог Александру I, по выражению царского дипломата Ф. И. Бруннова, «выйти из затруднения» и позволил заявить, что русско-испанский союзный договор 1812 г. сохраняет силу лишь в той мере, в какой с ним согласен Фердинанд VII (от имени которого он был заключен), и, таким образом, «исправить то, что было ошибочно» [55] (то есть отказаться от признания царем конституции 1812 г.— *М. Д.*). Этот факт говорил об усилении реакционных тенденций во внешней и внутренней политике царизма. Но и в условиях начавшейся реакции передовые русские люди продолжали обращаться к истории героической борьбы испанского народа против Наполеона. Издатель и редактор выходившего в 1817 г. в Петербурге журнала «Северный наблюдатель» П. А. Корсаков в одной из своих статей заявил, что «новейшая Испания, освободясь от наполеонова ига, была отчизною первых свободомыслящих (liberales) в Европе» [56].

Русская печать по-разному комментировала контрреволюционный переворот, осуществленный в 1814 г. Фердинандом VII. М. И. Невзоров оправдывал отмену конституции в Испании. По его словам, Фердинанд VII «мечом решительности своей и твердости, подобно Александру Македонскому, рассек гордиев аристократический узел». Невзоров утверждал далее, что «уничтожение власти кортесов по всей Испании совершилось спокойно». Однако это явно противоречило фактам (сопротивление народа в Кадисе, мятежи в провинции). Поэтому Невзоров пытался объяснить создавшуюся в Испании обстановку «честолюбием некоторых вельмож». По его словам, мятежники «доказали более любви к себе, нежели к отечеству, которое никогда не может ждать истинной пользы от таких возмущений» [57]. Однако такого рода взгляды не разделяли другие издатели и редакторы «Исторического, статистического и географического журнала». С 1815 г., после отстранения Невзорова от руководства, в нем стали появляться материалы, решительно осуждавшие разгул реакции в Испании (впрочем, и Невзоров признавал, что Фердинанд VII допустил ряд «ошибок»: восстановление инквизиции, применение пыток и др.). Журнал рассматривал действия реакции в Испании как проявления «контрреволюции». По его мнению, Фердинанд VII «вышел из всех пределов самоуправной власти». Редакция выражала уверенность, что кортесы рано или поздно будут восстановлены и что борьба за счастье нации, «пробужденной от продолжительной дремоты», отвечает «духу времени» [58].

Еще более решительно осуждал отмену конституции в Испании журнал «Сын Отечества», сперва напечатавший декрет Фердинанда VII от 4 мая 1814 г. (о роспуске кортесов) без всяких комментариев, а в последующих номерах открыто выразивший неодобрение этим действиям испанского короля. В журнале систематически публиковались «информационные» материалы, в которых высказывалось отрицательное отношение к разгулу реакции в Испании. «Северный наблюдатель», сообщая, что в 1754 г. в Испании распространение книг, напечатанных за грани-

[54] ИРЛИ, ф. 309, д. 23, л. 152.

[55] РИО. Т. 31, стр. 295.

[56] «Северный наблюдатель», 1817, № 1, стр. 29—34. П. А. Корсаков, еще находясь в 1808—1811 гг. на службе в Голландии, с симпатией следил за борьбой испанских повстанцев (М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 107).

[57] «Исторический, статистический и географический журнал», 1814, май—июнь, ч. I, кн. 2, стр. 136—148; июль—август, ч. III, кн. 1—2, стр. 108; октябрь—ноябрь, ч. IV, кн. 1—2, стр. 102.

[58] «Исторический, статистический и географический журнал», 1815, апрель, ч. II, кн. 1, стр. 11; 1816, апрель, ч. II, кн. 1, стр. 57.

цей на испанском языке, каралось смертной казнью, иронически восклицал: «Ныне наказание сие облегчено: вместо смертной казни четырехлетнее заключение! Честь новому законодательству!» [59].

Русская печать указывала на отрицательные последствия для Испании «восстановления трона Бурбонов», в частности на падение ее международного престижа [60]. Анонимный автор записки «Кризис Испании», хранящейся в архиве министерства иностранных дел России, писал о личной ответственности Фердинанда VII за его вероломное поведение [61]. Решительно осуждал «слепой, упрямый деспотизм в Гиспании» Н. И. Тургенев. 16 апреля 1816 г. он выражал твердую уверенность, что «деспотизм не сможет преодолеть свободу, как скоро народ ее иметь пожелает». 20 апреля того же года он записал в своем дневнике: «Конституционный государь управляет народом посредством государственных законов, деспот — посредством алгвазилов» (полицейских в Испании.—*М. Д.*). Через год, 18 марта 1817 г., Н. И. Тургенев с негодованием отметил: «Гиспанский деспот — хам» [62]. Его брат Сергей писал, что определенная пассивность народа еще не доказывает, что «конституционное правительство» не отвечает его «истинным интересам» [63]. Позднее, 14 февраля 1824 г., он размышлял над тем, в какой степени лозунг конституции 1812 г. получил в Испании поддержку широких народных масс [64].

Война за независимость испанского народа и Отечественная война 1812 г. побудили таких внимательных политических наблюдателей, как Н. И. Тургенев, задуматься над соотношением патриотизма и свободы. 9 сентября 1817 г., имея в виду уроки антинаполеоновских войн, Н. И. Тургенев сделал в своем дневнике следующий важный вывод: «Судьба Лудовика XVI и Густава IV доказала сильным мира сего опасность, вред неограниченной власти. Пруссия, в падении и в возвышении своем, Гиспания, Россия показали, что в величайших опасностях не армии, а народы спасают государства; солдаты Наполеона показали опасность военного деспотизма. Происшествия показали дряхлость и негодность прежних политических систем и необходимость новых» [65].

Несовместимость абсолютизма с национальными интересами, патриотическими традициями и свободолюбивыми чаяниями народов еще сильнее показали события 1820—1823 гг., когда напуганный революционным брожением в Европе Александр I поддержал интервенцию Священного союза против революционной Испании. Эти действия царя подталкивали будущих декабристов к более решительным действиям. Позднее П. Г. Каховский, объясняя причины их выступления, отмечал: «Священный Союз забыл, что Испания первая стала против насилий Наполеона, и император Александр презрел признанное им правление, сказал, что в 1812 году обстоятельства требовали, чтобы он признал конституцию Испании» [66].

Таким образом, борьба испанского народа за независимость получила значительный отзвук в России. Передовые представители русской общественной мысли в то время все яснее сознавали, что реакционность не-

---

[59] «Сын Отечества», 1814, №№ 25, 58, 60; «Северный наблюдатель», 1817, № 5, стр. 172.

[60] «Новейшая статистика европейских государств, описанных в нынешнем их состоянии». СПБ. 1821, стр. 202.

[61] АВПР, ф. Канцелярия, д. 13441, л. 44.

[62] «Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 гг.». Птгр. 1921, стр. 327—382; «Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 гг.». Птгр. 1921, стр. 31.

[63] ИРЛИ, ф. 309, д. 20, л. 25—28.

[64] Там же, д. 31, л. 21.

[65] «Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 гг.», стр. 98.

[66] «Из писем и показаний декабристов». Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПБ. 1906, стр. 13.

совместима с национальным возрождением и что подлинный патриотизм предполагает готовность бороться за конституцию и свободу (как это было в Испании в 1808—1814 гг.). Царское правительство по мере развития испанских событий все более оперативно переходило на сторону феодальной реакции. Лицемерно признанная Александром I в июле 1812 г. конституция кортесов после 1814 г. объявляется противоречащей международному праву и порядку, а переиздание ее текста в России запрещается[67]. После же подавления восстания декабристов само изучение Испании, истории ее революционного движения стало вызывать у самодержавия подозрения (некоторые книги и записки об Испании при Николае I попали в III отделение)[68]. Это явилось одной из причин того, что консервативно-монархические историки редко и мало писали об откликах в России на войну за независимость испанского народа и замалчивали самый факт признания царем в 1812 г. конституции испанских кортесов.

[67] В июле—ноябре 1820 г. текст конституции был переведен с французского на польский язык и опубликован в журнале «Dziennik Wileński» (г. Вильна). Редактор журнала Марциновский решил издать текст конституции на польском языке в виде отдельной брошюры. Он отпечатал 250 экземпляров ее, но цензор Бекю не дал разрешения на выпуск брошюры в свет под тем предлогом, что такое издание можно будет приобрести «за несколько копеек» и оно легко может «попасть в руки людей, не имеющих основательного знания или вовсе к вразумлению подобных предметов не способных». Тем не менее министр духовных дел и народного просвещения кн. А. Д. Голицын сурово указал виленскому цензурному комитету и ректору Виленского университета, что «в рассуждении настоящих происшествий внешних» не следовало допускать переиздания испанской конституции 1812 г. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 474, лл. 5—6).

[68] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 4, д. 66.

ОБРАЗОВАНИЕ МАЛОЙ АНТАНТЫ

А. А. Язькова

Малая Антанта — внешнеполитический союз Чехословакии, Югославии и Румынии, который был оформлен в 1920—1921 гг. двусторонними договорами, подписанными буржуазными и буржуазно-помещичьими правительствами вошедших в него трех стран, завершил собой сложный процесс складывания империалистического Версальского мира в одном из самых неспокойных регионов тогдашней Европы. Само название «Малая Антанта» в начале 1920 г. было введено в широкий политический оборот противниками этого союза — политиками и журналистами хортистской Венгрии, которые первоначально придавали ему иронический смысл. Называя блок трех пограничных с Венгрией государств «Малой Антантой», хортистские политики как бы хотели указать на стремление его учредителей подражать Большой Антанте и одновременно подчеркнуть их зависимое, второстепенное положение в империалистическом мире. Рассматривая Малую Антанту как союз с ограниченными политическими целями, направленный против реваншистских устремлений хортистской Венгрии, его оппоненты ошиблись, однако, в своих оценках его непрочности и недолговечности.

Складыванию Малой Антанты способствовали глубинные факторы, главным из которых было основное противоречие современного мира — противоречие между вступившим в эпоху общего кризиса капитализмом и рожденным Великой Октябрьской социалистической революцией в России новым социальным строем. Созданная на одном из рубежей этих двух миров, Малая Антанта оказалась гораздо более долговечным политическим объединением, чем это предполагали ее оппоненты, а также и некоторые ее сторонники из числа буржуазных политиков. Этому в значительной степени способствовала поддержка, которую оказали Малой Антанте политические круги Запада, рассматривавшие этот союз в качестве одного из вариантов внешнеполитического блока малых восточноевропейских стран («санитарного кордона», как они сами его называли), направленного против Советского государства. Западные политики не без основания считали Малую Антанту также и важным фактором в борьбе против революционного движения в странах, расположенных вблизи границ Советской России. Не последним в их расчетах было, разумеется, и то обстоятельство, что правящие круги вошедших в Малую Антанту стран были активными сторонниками сохранения версальского статус-кво в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

Разнородность политических факторов, под влиянием которых складывалась Малая Антанта, определила длительность и противоречивость процесса ее образования. Поэтому при исследовании начального этапа деятельности этого внешнеполитического союза важно вскрыть объективные причины, способствовавшие его возникновению, а также показать задачи, которые ставились перед ним его создателями, и действи-

тельное положение Малой Антанты в капиталистическом мире с момента ее возникновения.

Вопрос об образовании Малой Антанты до сих пор еще недостаточно изучен советскими историками[1]. В последние годы появились труды по истории Малой Антанты в европейских социалистических странах[2]. Не оценивая специально каждый из них, отметим лишь, что их авторы концентрируют свое внимание главным образом на исследовании деятельности Малой Антанты в 30-е годы. Начальный период истории Малой Антанты разработан ими значительно слабее. В связи с проблемой образования Малой Антанты историками европейских социалистических стран было опубликовано несколько статей[3]. Однако следует признать, что вопрос о создании Малой Антанты и характере ее деятельности, особенно в 20-е годы, все еще недостаточно исследован в марксистской исторической литературе.

Более глубокое и разностороннее освещение истории этого блока важно еще и потому, что до настоящего времени вопрос этот остается предметом различного рода историко-политических спекуляций на Западе[4]. Авторы большинства последних западных изданий, в которых рассматриваются эти проблемы, приходят к некоторым общим выводам. Они могут быть сформулированы в виде отнюдь не нового для буржуазной историографии тезиса о возможности и предпочтительности изолированного (то есть противостоящего Советскому Союзу.— *А. Я.*) существования стран, вошедших в Малую Антанту, в европейском мире при условии «защиты» их буржуазным Западом от «коммунистической угрозы» с Востока. По мнению некоторых буржуазных авторов, именно такая ситуация сложилась в начале 20-х годов, в момент образования Малой Антанты.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть предпосылки создания Малой Антанты и процесс ее складывания в 1918—1921 гг. с учетом позиций правящих кругов как входивших в этот союз государств, так и западных держав, игравших в этот период активную роль в международных отношениях малых стран Центральной и Восточной Европы. Существенным для понимания действительного значения Малой Антанты является освещение ее позиций в отношении европейского революционного движения и Советской России.

Исследуя историю Малой Антанты, зарубежные авторы, как правило, освещают ее с момента подписания в 1920—1921 гг. двусторонних

---

[1] Помимо упоминаний о возникновении Малой Антанты в общих трудах советских историков, освещающих историю международных отношений либо историю отдельных стран — Чехословакии, Югославии и Румынии, назовем изданную еще в 1934 г. книгу: Б. Бошкович. Малая Антанта. Социально-экономическо-политический очерк (М.-Л. 1934). Необходимость дальнейшей разработки советскими историками сложного комплекса проблем, связанных с Малой Антантой, специально отмечалась в числе основных задач, стоящих перед советской исторической наукой (см. А. О. Чубарьян. Советская историческая наука после XXIII съезда КПСС, «Вопросы истории», 1971, № 3, стр. 14).

[2] См. E. Campus. Mica Inţelegere. Bucureşti. 1968; Ádám M. Magyarország es a kisantant a harmincas években. Budapest. 1968; M. Vanku. Mala Antanta 1920—1938. Titova Užice. 1969.

[3] См. F. Boros. Adalékok a kisantant létrejottének történetéhez és jellegéhez (1919 augusztus—1920 november). «Századok», 1966, № 4—5; R. Kvaček. K politickému profilu Malé Dohody. «Mezinárodni vztahy», 1968, № 1; L. Buczma. Z genezy Małei Ententy. «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej». T. VI. Warszawa. 1970.

[4] В числе работ буржуазных историков назовем: R. Mackray. The Little Entente. L. 1921; Fl. Codresco. Le Petite Entente. P. 1930; J. Crane. The Little Entente. N. Y. 1931, и др. С позиций, враждебных марксистской историографии, этот вопрос освещен в ряде недавно изданных общих трудов: J. Campbell. Tito's Separate Road. America and Jugoslavia in World Politics. N. Y. 1967; V. Meier. Neuer Nationalismus in Südosteuropa. Opladen. 1968; H. Roberts. Eastern Europe: Politics, Revolution and Diplomacy. N. Y. 1970; St. Fisher-Galati. Twentieth Century Rumania. N. Y. 1970, etc.

договоров между вошедшими в нее тремя странами[5]. Однако фактический процесс складывания этого блока начался значительно раньше. В ноябре 1918 г., после распада Австро-Венгрии в условиях усилившейся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции борьбы ее народов, на карте Европы появился ряд независимых государств. В декабре 1918 г. перед началом Парижской мирной конференции буржуазные политики этих государств повели переговоры о создании в этом регионе внешнеполитического союза, с одной стороны, используя накопленный ими в борьбе против Австро-Венгерской монархии опыт для закрепления сложившегося статус-кво, с другой же, противопоставляя этот еще не оформившийся внешнеполитический блок «коммунистической угрозе», якобы надвигавшейся с Востока. Характерной чертой внешней политики большинства этих государств было их враждебное отношение к Советской России. Поощряемые и поддерживаемые силами западной империалистической реакции, их буржуазные политики стали организаторами ряда контрреволюционных акций против Советского государства, осуществленных, несмотря на активное сопротивление своих народов. В числе таких акций был мятеж чехословацкого корпуса в Советской России, захват советских земель буржуазно-помещичьей Польшей, аннексия Советской Бессарабии и Северной Буковины королевской Румынией.

Советское правительство прилагало в конце 1918 г. значительные усилия к урегулированию отношений с Антантой и ее союзниками. В декабре 1918 г. оно в очередной раз обратилось ко всем представителям Антанты с предложением мира[6]. Советская Россия обращалась также и непосредственно к молодым европейским государствам, созданным на руинах Австро-Венгрии, стремясь с самого начала установить с ними добрососедские отношения. Однако советские предложения были крайне недоброжелательно восприняты господствующими классами этих государств. Особенно усердствовала в создании барьера для мирных переговоров реакционная печать. Издававшаяся в Бухаресте на русском языке и распространявшаяся в белоэмигрантских кругах газета «Новое слово» писала 19 декабря 1918 г.: «Теперь в особенности следует помнить золотое правило: хочешь мира, будь готов к войне, и Малая Антанта не должна забывать о своей роли живого барьера против волны коммунизма...»[7].

Конкретные проекты создания Малой Антанты были предложены чехословацкими буржуазными политиками — Т. Г. Масариком и Э. Бенешем, а также румынским буржуазным дипломатом Таке Ионеску. Имея в виду создание внешнеполитического союза трех стран — Чехословакии, Румынии и Югославии,— Масарик, возвратившись в декабре 1918 г. из США в Европу, повел в Париже переговоры с находившимся там же югославским министром иностранных дел А. Трумбичем и Таке Ионеску. «Идея Малой Антанты, как говорится, носилась в воздухе»[8],— вспоминал Масарик впоследствии. Программу Масарика активно про-

---

[5] Договор между Чехословацкой республикой и Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС — Югославией) был подписан в Белграде 14 августа 1920 г.; договор между Чехословацкой республикой и Румынским королевством — в Бухаресте 23 апреля 1921 г.; договор между Румынским королевством и Королевством сербов, хорватов и словенцев — в Белграде 7 июня 1921 г. («Documents diplomatiques relatifs aux conventions d'alliance conclues par la République Tchéchoslovaque avec la Royame des serbes, croates et slovenes et le Royame de Roumanie. Decembre 1919—août 1921». Prague. 1922 (далее — «Documents diplomatiques»).

[6] В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 366; Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1961, стр. 119.

[7] «Новое слово», 19.XII.1918. Важно отметить, что уже в это время реакционная печать возлагала вполне определенные надежды на союз восточноевропейских государств, объединяя их названием «Малая Антанта».

[8] T. G. Masaryk. Světova revoluce. Za války a ve válce. 1914—1918. Praga. 1925. str. 442.

пагандировал и практически осуществлял его ближайший сподвижник, министр иностранных дел буржуазной Чехословакии Э. Бенеш. Настаивая на создании Малой Антанты в предложенном Масариком составе, Бенеш, по свидетельству его американского биографа, исходил в 1918 г. из тех соображений, что главную опасность для Чехословакии представляли: «Германия, реставрация Габсбургов в Австрии, венгерский реваншизм и проникновение большевизма в Центральную Европу»[9]. В декабре 1918 г. в Лондоне Бенеш продолжил переговоры с Таке Ионеску, начатые Масариком в Париже. Свою концепцию Малой Антанты он стал уже в январе 1919 г. активно пропагандировать на Парижской мирной конференции, добиваясь в этой связи общих границ между Чехословакией, Югославией и Румынией[10].

Несколько иной вариант Малой Антанты был тогда же предложен Таке Ионеску, который считал необходимым создание более широкого блока государств в составе Румынии, Чехословакии, Югославии, Польши, прибалтийских государств и Греции[11]. Взглянув на карту, нетрудно понять мотивы, по которым Таке Ионеску настаивал на проведении в жизнь именно этого проекта, ибо в таком виде Малая Антанта (или Восточная Антанта, как он сам ее называл) стала бы идеальным вариантом «санитарного кордона» против Советского государства[12]. К тому же вошедшие в нее страны взяли бы на себя, по замыслам Таке Ионеску, активную роль гаранта незаконно захваченных буржуазно-помещичьей Румынией советских земель. Для Румынии, замечал румынский буржуазный историк Ф. Нано, Россия была гораздо более важной проблемой, нежели Венгрия, и поэтому она медлила с окончательным согласием до тех пор, пока еще оставалась надежда на вхождение по крайней мере Польши в эту группу государств[13].

Планы создания Малой Антанты с самого начала натолкнулись также и на другие противоречия в среде его предполагаемых участников. Таке Ионеску вспоминал впоследствии, что при обсуждении этих планов в декабре 1918 г. участники дискуссии неизбежно разбивались на разные группы: Венизелос (премьер Греции), Пашич (премьер-министр Югославии) и он сам обсуждали балканские проблемы; Бенеш, Пашич и опять-таки он сам — проблемы «наследия Габсбургов»[14]. Неучастие в дискуссиях польских представителей обесценивало, с точки зрения Таке Ионеску, главную сторону планируемого союза. Отсутствие согласия между предполагавшимися участниками Малой Антанты привело к тому, что планы создания этого внешнеполитического блока малых европейских стран накануне Парижской мирной конференции потерпели неудачу. Не помогли даже выдвигавшиеся Таке Ионеску аргументы о том, что блок пяти стран, включая Польшу и Грецию, «мог бы лучше защитить свои интересы на мирной конференции» и «благодаря своей силе получить представительство в Верховном Совете Антанты»[15].

Однако последующие события показали, что план этот не был реальным. Независимость малых государств в империалистическом мире оказалась значительно более иллюзорной, нежели это представля-

---

[9] E. Hitchcoock. «I Built a Temple for Peace». The Life of Eduard Benes. N. Y. 1940, p. 237.

[10] Г. Никольсон. Как делался мир в 1919 г. М. 1945, стр. 191.

[11] F. C. Nano. The Foreign Policy of Rumania. 1918—1939. Manuscript (Mid European Studies, № 114), microfilm, repr. by the Library of Congress USA, p. 51.

[12] Современный польский историк Л. Бучма отмечает, что в этом смысле план Таке Ионеску «прямо сближался с проектами некоторых французских политиков о создании «санитарного кордона» (L. Buczma. Op. cit., str. 129).

[13] F. C. Nano. Op. cit., p. 51.

[14] См. Fl. Codresco. Op. cit., p. 155.

[15] Цит. по: J. Opocensky. Umsturz in Mitteleuropa. Der Zusammenbruch Österreich-Ungarns und die Geburt der Kleinen Entente. Hellerau (bei Dresden). 1931, S. 446.

лось их буржуазным политикам. С самого начала они были вынуждены подчинять свои проекты общей стратегической линии Антанты и прежде всего Франции. Французские же политики считали одной из главных предпосылок Версальского мирного урегулирования в Европе завоевание Францией ключевых позиций в странах Восточной и Дунайской Европы, что могло бы, по замыслам французской дипломатии, хотя бы частично восполнить в европейском мире «потерю» России. Предполагалось, что эти страны при условии французской гегемонии образуют, с одной стороны, барьер против русской революции, а с другой — более или менее однородный политический блок для борьбы против реваншистских тенденций Германии и назревавшего в ней революционного движения. Это обстоятельство признавали впоследствии также и западные историки. Так, английский исследователь проблем Восточной Европы Г. Сетон-Уотсон отмечал в этой связи: «Главной целью послевоенного устройства мира в 1919 г. в Восточной Европе было создание санитарного кордона из новых государств между двумя великими державами, внушавшими опасение,— Германией и Россией... Постоянным кошмаром западных политиков в первое время после заключения перемирия был союз между Германией и Россией. Масштабы этого кошмара разрастались по мере усиления позиций левых в Германской республике» [16].

Руководствуясь именно этими соображениями, правящие круги империалистической Франции в конце 1918 — начале 1919 г., а также и несколько позднее не оказывали поддержки проектам создания Малой Антанты в ее ограниченном составе (Чехословакия, Румыния и Югославия). При этом они не принимали в расчет разногласия, существовавшие между вновь созданными государствами, в частности их обострившиеся противоречия с Венгрией. Положение, однако, существенно изменилось после того, как в Венгрии произошла социалистическая революция. Сложившаяся ситуация заставила Антанту избрать другую тактическую линию в отношении пограничных с Советской Венгрией стран в надежде на использование их армий в борьбе против венгерской революции. Представители этих стран на Парижской мирной конференции сразу же почувствовали изменившееся к ним отношение антантовских политиков. «По крайней мере на конференции это обстоятельство (установление Советской власти в Венгрии.— *А. Я.*) раскрыло глаза руководителям Верховного Совета,— отмечал впоследствии румынский реакционный автор Г. Братиану.— Братиану (Ион, премьер-министр тогдашней Румынии.— *А. Я.*) имел тогда частые встречи с Клемансо и маршалом Фошем; эти последние со всей теплотой стали относиться к нашим делам, поддерживали их, указывая одновременно, что необходимо оккупировать Вену и Будапешт» [17].

Правительство Советской Венгрии неоднократно и вполне определенно высказывало свою волю к миру. В начале апреля 1919 г. оно предложило созвать конференцию представителей бывших областей Австро-Венгрии для урегулирования спорных проблем, существовавших между ними. 30 апреля в условиях уже начавшейся интервенции народный комиссар иностранных дел Венгерской Советской республики Бела Кун направил ноту правительствам Чехословакии, Румынии и Югославии, в которой говорилось: «Мы полностью признаем ваши территориально-национальные требования. Просим немедленного прекращения военных действий. Просим вас также не вмешиваться в наши внутренние дела, равно как и мы будем избегать вмешиваться в ваши» [18]. Однако это и другие предложения Венгерского революционного пра-

[16] H. Seton-Watson. Eastern Europe between the Wars. 1918—1941. N. Y. 1946, p. 362.
[17] Gh. Brătianu. Acţiunea politică şi militară a României. Bucureşti. 1940, p. 59.
[18] «1919. In sprijinul Republicii Ungare a Sfaturilor». Bucureşti. 1969, p. 7.

вительства были оставлены без ответа. В последующие месяцы все эти три государства, в авангарде которых шла буржуазно-помещичья Румыния, поощряемые Антантой, приняли участие в подавлении Советской власти в Венгрии.

Трудящиеся Чехословакии, Румынии и Югославии решительно выступили против интервенции, организованной правящими кругами их стран. Чешские и словацкие коммунисты разоблачали захватнические планы чехословацкой буржуазии и призывали трудящихся свергнуть эксплуататоров и стать на сторону Венгерской Советской республики [19]. В ряде уездов Трансильвании, не занятых еще румынскими войсками [20], были образованы рабочие и крестьянские Советы. Центральный Совет с местопребыванием в г. Орадя выдвинул задачу «ускорения изменения режима в Румынии, чтобы осуществить объединение с ее рабочими и крестьянами, а не боярами и помещиками» [21]. Большую поддержку Советской Венгрии оказали трудящиеся Югославии. В пограничных районах начались серьезные волнения среди югославских солдат, которые отказывались выступать против революционных венгерских войск и братались с ними, что было одной из причин, по которой правящие круги Югославии не смогли участвовать в прямой интервенции против Венгерской Советской республики [22].

Попытку оказать поддержку революционной Венгрии предприняла Советская Россия. Одной из важнейших задач украинской Красной Армии в апреле 1919 г. В. И. Ленин считал установление непосредственных связей с венгерской Красной Армией через Галицию и Буковину [23]. Однако, стиснутая в это время огненным кольцом белогвардейских фронтов, Советская Россия не смогла оказать Венгрии эффективной помощи. 21 июля 1919 г. трудящиеся пограничных с Советской Венгрией государств по призыву Коминтерна приняли участие в международной забастовке пролетарской солидарности в защиту Советской Венгрии и Советской России. Все это тем не менее не смогло предотвратить падения Советской власти в Венгрии. Венгерскую Советскую республику, писал В. И. Ленин, задушили «представители Антанты, по тайному договору с Румынией, обманув свои парламенты» [24]. Решающая международная причина падения Венгерской Советской республики, как это отмечает современный венгерский историк Л. Кёваго, заключалась в том, что «революционный размах трудящихся в Средней и Юго-Восточной Европе в 1919 году еще не был достаточно силен для того, чтобы свергнуть господство буржуазии в нескольких странах и, по примеру народов России, претворить в жизнь союз социалистических государств» [25].

Контрреволюционная интервенция против Советской Венгрии способствовала укреплению связей правящих кругов трех пограничных с Венгрией государств. Несмотря на отдельные разногласия в их среде, совместная борьба против венгерской революции и одновременно против

---

[19] V. Král. Intervenčni válka československé buržoazie proti Mad'arské Sovetské Republice v roce 1919. Praha. 1954, str. 210.

[20] Решение об объединении Трансильвании, ранее входившей в Австро-Венгрию, с Румынией было принято 1 декабря 1918 г. (подробнее см. «История Румынии. 1918—1970». М. 1971, стр. 31—35).

[21] «Foaia tăranului» (Oradea), 5.IV.1919 (цит. по: «Anale de istorie», 1969, № 5, p. 195).

[22] Ю. А. Писарев. Нарастание революционной ситуации в Сербии, Хорватии и Словении в 1917—1919 гг. и интервенция Антанты. «Ученые записки» Института славяноведения. Т. VII, 1958, стр. 172—173.

[23] В. И. Ленин. ПСС. Т. 50, стр. 285—286; подробнее о советско-венгерских отношениях в этот период см. Л. Н. Нежинский. Из истории советско-венгерских отношений (март — август 1919). «Исторические записки». Т. 77. М. 1965.

[24] В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 243.

[25] Л. Кёваго. Попытка интернационального решения национальных проблем в Юго-Восточной Европе в 1919 г. «Nouvelles études historiques...». Vol. II. Budapest. 1965, p. 264.

революционного движения в своих странах явилась очередным этапом формирования их политического союза. Однако установление при их активном содействии хортистского режима в Венгрии сразу же повлекло за собой ухудшение отношений Венгрии с соседними странами. Хортисты даже в принципе не ставили вопроса об удовлетворении национально-территориальных интересов других стран. Их реваншистские устремления послужили в дальнейшем источником все возраставшей напряженности в отношениях с соседними государствами. К тому же после установления режима контрреволюции в среде венгерской реакции стали возрождаться планы реставрации в Венгрии монархии, возврата на трон династии Габсбургов с перспективой воссоздания бывшей империи, что непосредственно угрожало интересам и территориальной целостности Румынии, Чехословакии и Югославии. Не случайно поэтому уже в сентябре 1919 г. Э. Бенеш в переговорах с югославским министром иностранных дел А. Трумбичем вновь поднял вопрос о необходимости более тесного сплочения двух стран, на этот раз перед лицом непосредственной общей угрозы [26].

Положение пограничных с Венгрией стран осложнялось на этом этапе также и тем, что приход к власти в Венгрии реакционных сил коренным образом изменил не только обстановку в Дунайской Европе, но и отношение западных держав к этому региону. Если в дни венгерской революции 1919 г. Антанта безоговорочно поддерживала и прямо направляла их контрреволюционные акции, то после подавления Советской Венгрии ее позиции изменились. Английские и французские политики стали искать путей соглашения с Хорти, допуская при этом возможность поддержать идеи восстановления в Венгрии монархии как наиболее прочного оплота против революционного движения [27].

В декабре 1919 — январе 1920 г. вопрос о возросшей опасности со стороны хортистской Венгрии стал предметом обсуждения представителей Чехословакии, Румынии и Югославии (Ш. Осуский, А. Вайда, А. Трумбич) на встречах в Париже. Чехословацкая сторона предложила проект оборонительного союза на случай нападения Венгрии [28]. Одобрив в принципе это предложение, Румыния и Югославия не пошли, однако, на его немедленное осуществление. Румынские правящие круги не считали в этот период венгерскую опасность главной; гораздо больше беспокоил их конфликт с Советской Россией из-за захвата и удержания ими Бессарабии. Поэтому возможный союз с Польшей представлялся им более ценным. Создание же союза всех этих стран, вместе взятых, не представлялось возможным из-за ряда спорных вопросов. Для Югославии центральной в это время оставалась проблема борьбы против экспансии Италии на Адриатическом побережье.

Следующим шагом к образованию Малой Антанты явились совместные акции трех стран в период подготовки и подписания Трианонского мирного договора с хортистской Венгрией, официальные представители которой упорно возражали против предложенных им условий. Глава хортистской делегации граф Аппоньи, по свидетельству премьер-министра Великобритании Ллойд-Джорджа, пренебрежительно отозвался в ходе обсуждения о народах соседних с Венгрией государств, находившихся, по его словам, «на более низком уровне развития». Что же касается национального состава территорий, которые по условиям

[26] L. Buczma. Op. cit., str. 130.

[27] Этот вопрос специально исследован в обстоятельно документированной работе современного венгерского автора Деже Немеша (см. Деже Немеш. Венгрия в годы контрреволюции 1919—1921. М. 1964, стр. 333—336). Он приводит также материалы о строившихся хортистским окружением планах военного нападения на Румынию, Югославию и Чехословакию, сформулированных уже в октябре 1919 г. в «совершенно секретном документе», озаглавленном «Меморандум» (там же, стр. 324—333).

[28] J. Šeba. Rusko a Mála Dohoda v politice světove. Praha. 1936, str. 13.

мирного договора отходили от Венгрии, то в своей речи Аппоньи вынужден был признать, что большинство их населения составляли невенгерские народности. Выступление Аппоньи не было поддержано даже представителями Антанты [29].

Бескомпромиссная позиция хортистских дипломатов сразу же вызвала ответную реакцию представителей соседних с Венгрией государств. По предложению чехословацких политиков делегатами Чехословакии, Югославии и Румынии на Парижской мирной конференции был выработан и подписан 20 февраля 1920 г. совместный меморандум, представленный в ее секретариат. В документе говорилось о многовековом угнетении венграми порабощенных народов, которые освободились от национального гнета в результате поражения Австро-Венгрии в мировой войне. В нем приводились примеры, иллюстрировавшие жестокую политику мадьяризации, осуществлявшуюся венгерскими господствующими классами в отношении невенгерских национальностей. «Немадьярские народности не имели возможности выразить свои действительные политические настроения ни в парламенте, ни в печати, ни на политических собраниях»,— говорилось в меморандуме [30]. Хортистские дипломаты не смогли опровергнуть эти факты. Представители Антанты решили принять за основу содержавшиеся в условиях мирного договора с Венгрией рекомендации комиссии по определению границ, которые к этому времени были уже одобрены министрами иностранных дел Антанты. Успешное совместное выступление способствовало дальнейшему укреплению внешнеполитического блока трех стран. Как отмечал английский историк Р. Макрэй, их меморандум от 20 февраля 1920 г. можно считать первым документом, выработанным Малой Антантой, хотя этот союз формально еще не существовал [31].

Однако подписание мирного договора с Венгрией затягивалось из-за противоречий, существовавших по этому вопросу в самой Антанте. Итальянский премьер-министр Нитти уже в феврале 1920 г. на встрече глав правительств Антанты поставил вопрос о возможном пересмотре условий мирного договора с Венгрией [32]. Что же касается французской дипломатии, то именно в этот период она начала активно выдвигать планы создания с участием Венгрии в Центральной и Восточной Европе блоков и федераций, которые могли бы стать опорными пунктами французской внешней политики и способствовать проникновению в этот регион французского капитала. В начале 1920 г. генеральный секретарь французского МИД М. Палеолог выдвинул идею создания так называемой Дунайской конфедерации, в которую вошли бы возникшие на руинах Австро-Венгрии придунайские государства, включая Австрию и Венгрию, а также Польшу. Стремясь вовлечь в этот блок хортистскую Венгрию, М. Палеолог намекал хортистам, что в дальнейшем он будет ходатайствовать перед правительствами Югославии, Чехословакии и Румынии о частичном изменении границ в пользу Венгрии [33].

Идея создания Дунайской конфедерации с участием Венгрии встретила отпор со стороны государств — наследников Австро-Венгрии. Премьер-министр Румынии А. Вайда телеграфировал в феврале 1920 г. из Лондона о своем намерении «бороться против любых попыток создания Дунайской конфедерации» [34]. Она вызвала активные возражения также

[29] Д. Ллойд-Джордж. Правда о мирных договорах. Т. II. М. 1957, стр. 171.

[30] Подробные выдержки из меморандума приведены в книге: Д. Ллойд-Джордж. Указ. соч., стр. 172—174. Оригинальный текст меморандума ни тогда, ни позднее не был опубликован (см. Fr. Déak. Hungary at the Paris Peace Conference. N. Y. 1942, pp. 251—252).

[31] R. Mackray. Op. cit., p. 105.

[32] «Hungary. Külügy ministerium. Papers and Documents Relating to the Foreign Relations of Hungary» (далее—FRH). Vol. I. Budapest. 1939, doc. 173, p. 192.

[33] E. Campus. Op. cit., pp. 42—43.

[34] Ibid., p. 43.

и в политических кругах Чехословакии и Югославии, что в целом свидетельствовало о нереалистическом подходе французских дипломатических кругов к этой проблеме[35]. Активное сопротивление французским планам оказали также правящие круги Италии, усмотревшие в них путь к последующей возможной реставрации династии Габсбургов.

Весной и летом 1920 г. французские дипломаты, политики и промышленники вступили в секретные сепаратные переговоры с хортистской Венгрией[36]. Ведя переговоры с Францией, хортисты уже тогда опасались, как бы это не нанесло вред их будущим отношениям с государствами, подобно им заинтересованными в пересмотре мирных договоров. В правительственных директивах в связи с сепаратными венгеро-французскими переговорами говорилось о «необходимости проявлять величайшую осторожность, поскольку следует учитывать, что в скором времени Франция в политическом отношении будет изолирована. Кроме того, французская ориентация сталкивает Венгрию с Германией и Италией»[37].

Обострение отношений с последними двумя странами не входило в расчеты хортистов, тем более что их надежды на изменение условий мирного договора с помощью Франции явно не осуществлялись из-за противоречивости политики французских правящих кругов и противодействия других держав, в первую очередь Великобритании, опасавшейся усиления французского влияния в Дунайской Европе. К тому же часть хортистов вступила весной 1920 г. на путь тайного сговора с крайними националистическими и реваншистскими кругами Германии и Австрии. В первой половине 1920 г., после поражения капповского путча в Берлине, в Венгрию прибыла группа германских монархистов во главе с представителем генерала Людендорфа полковником Бауэром для организации военного союза Германии, Австрии и Венгрии. Конечной целью этого союза, разоблаченного в июне 1920 г. австрийским правительством, было восстановление в Германии монархии, захват Судетской области Чехословакии и аншлюс Австрии. Чтобы склонить на свою сторону венгерских легитимистов, германские путчисты обещали им территориальные компенсации за счет Австрии и Чехословакии[38].

Все это не могло не насторожить руководящих политиков формировавшегося малоантантовского блока, в первую очередь буржуазной Чехословакии. Э. Бенеш 14 марта 1920 г. телеграфировал чехословацкому посланнику в Белграде А. Калине: «В связи с ситуацией, сложившейся в Германии, мы опасаемся, как бы реакционное движение не распространилось на Вену и не вызвало со стороны Венгрии совместной акции венгерской и австрийской реакции против нас, югославов и соседей»[39]. А. Калина, в свою очередь, сообщал из Белграда о тревоге югославских дипломатических кругов в связи с путчем в Берлине и отношением к нему сил венгерской и австрийской реакции[40]. Было ясно, что наибольшая угроза со стороны объединенных сил германо-австро-венгерской военщины нависает над Чехословакией. Не случайно поэтому именно Бенеш выступил инициатором дальнейших переговоров о сплочении Малой Антанты, проводившихся весной 1920 года.

Конкретные переговоры о заключении чехословацко-югославского оборонительного союза были начаты еще в Париже. В феврале 1920 г.

---

[35] О позиции различных представителей правящих кругов Франции в этом вопросе см.: P. Renouvin. Histoire des relations internationales. Les crises du XXe siècle. Vol. VII. Pt. I. De 1914 à 1929. P. 1957, pp. 280—282; L. Buczma. Op. cit., str. 134—135.

[36] P. Renouvin. Op. cit., p. 281. Фактическая сторона переговоров подробно изложена в кн.: Fr. Déak. Op. cit., pp. 253—338.

[37] Деже Немеш. Указ. соч., стр. 339.

[38] Там же, стр. 260—262.

[39] «Documents diplomatiques», p. 23.

[40] Ibid., p. 29.

чехословацкий представитель Осуский сообщал Бенешу, что, по мнению белградского правительства, переданному Трумбичем, переговоры должны быть продолжены непосредственно между правительствами обеих стран. В середине марта чехословацкая сторона, будучи более заинтересованной в скорейшем заключении союзного договора, активизировала свои усилия, однако югославские политики, по сообщениям того же А. Калины, «не давали определенного ответа» и ссылались на необходимость обращения к правительствам Великобритании и Франции [41]. 20 марта в ответ на очередной запрос А. Калины министр иностранных дел М. Спалайкович вновь подтвердил в принципе необходимость заключения договора как выражения «долга славянской солидарности», однако позитивного ответа по-прежнему не дал, ссылаясь на изменения в правительстве. В апреле 1920 г. Э. Бенеш все же продолжил переговоры, предложив Югославии текст военной конвенции. Соответствующие шаги были предприняты и в связи с возможным заключением союзного договора с Румынией, но чехословацко-румынские переговоры также затягивались из-за различий на этом этапе непосредственных интересов двух стран [42].

Однако существовали и факторы, способствовавшие сплочению правящих кругов трех стран. Главным было стремление их господствующих классов упрочить существовавший порядок, стабилизировать в этом регионе господство эксплуататорских классов, подвергавшееся угрозе со стороны революционного движения. В одном из своих выступлений в 1921 г. Э. Бенеш признал, что основным фактором, способствовавшим образованию Малой Антанты, была «боязнь социальной революции, экономической разрухи и анархии». То же самое он подтвердил и позднее: «Формально мы создавали Малую Антанту против венгерского ирредентизма и национализма, в действительности же — против послевоенной разрухи, авантюризма, беспорядка, неуверенности» [43].

14 августа 1920 г. в условиях нарастания революционного движения в Центральной и Восточной Европе было подписано чехословацко-югославское соглашение, положившее начало договорному оформлению Малой Антанты. Основным фактором, повлиявшим на развитие международных событий в Восточной Европе в это время, был развязанный правящими кругами Польши при поддержке сил международной реакции открытый вооруженный конфликт с Советской Россией. Действительное отношение к нему и официальная позиция Румынии, Югославии и Чехословакии были в этот период весьма существенными для складывавшейся расстановки политических сил в Центральной и Восточной Европе.

Вопрос о возможной поддержке белополяков был непростым для правящих кругов этих стран. Руководители буржуазной Чехословакии не могли не учитывать размаха организованных политических выступлений рабочего класса, требовавшего прекращения любых форм помощи Польше, вплоть до запрещения транзита военных грузов и объявления нейтралитета. Значительным в эти дни был подъем борьбы югославских и румынских трудящихся. Положение осложнялось также и тем, что Чехословакия и Румыния еще до начала польско-советской войны по инициативе Советского правительства вступили с ним в переговоры. В этих условиях румынские правящие круги не решились оказать

[41] Ibid., pp. 19, 25.

[42] Ibid., pp. 39—41. Правящие круги Румынии не считали в этот период угрозу венгерского реваншизма главной, учитывая намерения Антанты ослабить венгеро-румынские противоречия и ее нажим в этом направлении на хортистов (FRH. Vol. 1, doc. 65, 155 и др.). С помощью Антанты Румыния надеялась также закрепить за собой захваченные советские земли и поэтому не спешила вступать в предложенный чехословацкой дипломатией блок, пока еще не одобренный западными политиками.

[43] E. Beneš. Problémy nové Evropy a zahranicni politika Československa. Praha. 1924, str. 84, 287.

вооруженную поддержку Польше, хотя переговоры о совместных действиях против Советской России проводились весной 1920 года[44]. Правящие круги Югославии, Румынии и в особенности Чехословакии летом 1920 г. проявляли все бо́льшую настороженность в связи с планами использования в польско-советской войне вооруженных сил хортистской Венгрии, активно предлагавшей свои услуги и одновременно выдвигавшей требования пересмотра условий подписанного в июне 1920 г. Трианонского договора. Это окончательно определило провал французских планов сколачивания единого блока дунайских стран летом 1920 г., что позднее признавал Пуанкаре: «Когда Венгрия заявила о своем решении помочь нам в случае необходимости своими вооруженными силами в борьбе против Красной Армии, некоторые из нас вообразили, что можно объединить под тем же флагом чехов, югославов, румын и мадьяр, но при этом они — как это часто случается с французами — приняли свои желания за действительность»[45].

Все эти обстоятельства, вместе взятые: стремление буржуазных правительств Чехословакии и Югославии к сохранению послевоенного империалистического мира в Центральной и Восточной Европе, общность их интересов в борьбе против реваншистских поползновений хортистской Венгрии, а также их совместная борьба за сохранение своего классового господства, против дальнейшего развития в своих странах революционного движения, оплотом которого была Советская Россия,— привели к тому, что в один из самых острых моментов советско-польской войны был подписан союзный договор между Чехословакией и Югославией, официально заложивший основы Малой Антанты. Создавшееся в конце июля — начале августа 1920 г. военное и политическое положение заставило правительства этих стран поспешить с его подписанием, несмотря даже на то, что в этот период его заключение не соответствовало политическим расчетам французской дипломатии[46].

Руководители буржуазной Чехословакии, настаивавшие на скорейшем подписании этого договора, отдавали себе отчет в том, что независимо от действительных мотивов, побуждавших их к этому, оформление чехословацко-югославского союза в разгар польско-советской войны, сразу же после объявления Чехословакией нейтралитета в ней, могло бы представить Прагу в невыгодном свете в западных политических кругах. Поэтому Бенеш, внимательно наблюдая за развитием событий на советско-польском фронте, оттягивал срок подписания договора, хотя правящие круги Югославии уже в конце июля выразили согласие подписать его[47]. 5 августа Бенеш телеграфировал чехословацкому посланнику в Бухарест: «Из-за развития событий в Польше я откладываю свой отъезд в Белград до тех пор, пока ситуация не прояснится». Соответственно откладывался также и срок планировавшегося визита Бенеша в Бухарест[48].

Между тем именно в первой декаде августа в Лондоне проводились интенсивные переговоры между представителями Антанты и РСФСР о возможном заключении мира между Советской Россией и буржуазно-

[44] Об этом сообщал из Бухареста английский посланник Ф. Раттиган. «Documents on British Foreign Policy. 1918—1939». First Series. Vol. XII. L. 1962, pp. 401, 402, 413.

[45] Цит. по: E. C a m p u s. Op. cit., p. 47.

[46] P. R e n o u v i n. Histoire des relations internationales. Vol. VII, pt. I, pp. 281—282.

[47] 30 июля А. Калина сообщал из Белграда, ссылаясь на разговор с и. о. министра иностранных дел М. Ниничем, что вопрос этот уже решен положительно югославским правительством. Причиной подобного решения югославских правящих кругов были, по сообщению А. Калины, «новости, поступившие из Венгрии», связанные с реваншистскими приготовлениями хортистского правительства. «Военные круги и принц (Александр.— *А. Я.*) также настаивают на этом решении»,— телеграфировал посланник. («Documents diplomatiques», p. 53).

[48] Ibid., p. 59.

помещичьей Польшей, терпевшей военное поражение. 7 августа в Москве была получена радиограмма, в которой сообщалось о согласии польского правительства начать переговоры о мире. Однако практически начало переговоров было оттянуто польской стороной еще на неделю. Это объяснялось тем, что белополяки готовили контрнаступление, начавшееся 14 августа, едва только польская мирная делегация пересекла линию фронта, проходившую в двух десятках километров от Варшавы [49]. Отнюдь не случайным совпадением явилось то обстоятельство, что именно 14 августа 1920 г. в Белграде был подписан чехословацко-югославский договор. Текст договора, подписанного министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем и М. Нинчичем, исполнявшим обязанности министра иностранных дел Югославии, предусматривал оказание взаимной помощи в случае неспровоцированного нападения со стороны Венгрии, а также обязательство каждой из договаривающихся сторон не заключать соглашений с третьей стороной без предварительного уведомления и согласия другой стороны. Устанавливался двухлетний срок действия договора [50].

Французская дипломатия, строившая, как это уже отмечалось, иные планы политических союзов в Дунайской Европе, с раздражением восприняла заключение соглашения «Между Прагой и Белградом», о чем сообщал своему правительству румынский представитель в Париже [51]. Оказавшиеся перед фактом французские политики начали сразу же настойчиво выдвигать планы расширения Малой Антанты с целью постепенного превращения ее в политический блок, который мог бы послужить основой антисоветского «санитарного кордона».

Негативная реакция западных политических кругов на заключение чехословацко-югославского союза ставила перед румынскими господствующими классами нелегкую проблему, поскольку дальнейшее развитие малоантантовского союза предполагало участие в нем также и Румынии. «Румыния должна решить, на чью сторону она пойдет»,— писала 9 октября 1920 г. английская «The Daily Telegraph», обрисовывая контуры возможных политических союзов в Восточной Европе: с одной стороны, Чехословакия и Югославия, с другой — Польша и Венгрия. В создавшихся условиях румынские правящие круги, несмотря на настояния чехословацких представителей, не спешили связывать себя трехсторонними договорными обязательствами, вновь поставив на повестку дня старый план, выдвигавшийся Таке Ионеску еще в 1918 г. и предусматривавший союз пяти восточноевропейских государств, включая Польшу и Грецию.

В надежде на получение поддержки правящих кругов Запада Таке Ионеску посетил осенью 1920 г. Париж, Лондон и Рим, после чего отправился в Прагу и Варшаву. Однако выдвинутый им план создания Малой Антанты с участием Польши, на чем он особенно настаивал, оказался нереальным. На специальном заседании, состоявшемся в конце октября, накануне приезда Таке Ионеску в Варшаву, польским правительством было принято решение о нежелательности вступления Польши в Малую Антанту [52]. Тем не менее на том же заседании было решено начать с Румынией переговоры о «взаимных гарантиях» восточных границ обеих стран. Переговоры привели в марте 1921 г. к подписанию польско-румынской конвенции, носившей антисоветский характер [53].

---

[49] П. Н. Ольшанский. Рижский мир. М. 1969, стр. 97—99.
[50] Текст договора см.: «Documents diplomatiques», pp. 61—63.
[51] E. Campus. Op. cit., p. 44.
[52] J. Kukułka. Francja a Polska po traktacie wersalskim (1919—1922). Warszawa. 1970, str. 442.
[53] Польско-румынская конвенция была подписана в условиях, когда между Польшей и Советской Россией были уже согласованы условия Рижского мира, а Румынии удалось добиться подписания в октябре 1920 г. Парижского протокола о признании захвата Бессарабии. Парижский протокол был подписан Францией, Вели-

Создание Малой Антанты было завершено весной 1921 года. К этому времени отношение западных держав и в первую очередь Франции к Малой Антанте существенно изменилось. Пришедшее к власти в январе 1921 г. правительство А. Бриана в связи с изменениями в общей политической обстановке заняло в целом благожелательную позицию в отношении этого союза. А новый генеральный секретарь французского МИД Ф. Бертело был в отличие от М. Палеолога сторонником Малой Антанты в том ее составе, в котором она планировалась Э. Бенешем, считая этот план наиболее реальным и полагая, что в перспективе Малая Антанта сможет стать основой «санитарного кордона». В январе 1921 г. А. Бриан заявил во французском парламенте, что Франция будет поддерживать Малую Антанту, но одновременно будет стремиться к укреплению отношений с Венгрией и способствовать независимому существованию Австрии (последний пункт был продиктован обострением франко-германских отношений) [54].

Для империалистических кругов Франции особенно важным было то, что правительства стран Малой Антанты активно способствовали поддержанию напряженности на границах Советского государства и осуществлению против него враждебных политических акций. В марте 1921 г. правящие круги буржуазной Чехословакии — инициатора Малой Антанты — принимали участие в подготовке эсеровской эмиграцией антисоветского мятежа в Кронштадте [55]. На территории Югославии тогда же укрылась разбитая армия Врангеля, а буржуазно-помещичья Румыния заключила антисоветскую конвенцию с Польшей [56]. В этих условиях антантовские политики не стали противодействовать завершению создания Малой Антанты в момент, когда в конце марта — начале апреля 1921 г. возникла опасность реставрации Габсбургов на венгерском престоле. В дни, когда экс-император Карл Габсбург, поддержанный силами международной монархической реакции, попытался обосноваться в Венгрии, правительства Чехословакии, Румынии и Югославии оказали политический нажим на Венгрию, в чем их поддержали официальные представители западных держав.

Еще до того дня, когда Карл выехал из Венгрии, Таке Ионеску сообщил чехословацкому посланнику, что Румыния готова подписать союзную конвенцию с государствами Малой Антанты. Союзный договор между Румынией и Чехословакией был подписан в Бухаресте министром иностранных дел Румынии Таке Ионеску и чехословацким посланником Ф. Веверкой 23 апреля 1921 года. Официально опубликованный текст договора был почти идентичным тексту чехословацко-югославского соглашения, однако в отличие от него он предусматривал заключение военной конвенции для защиты общих интересов обеих стран [57]. В договоре имелось секретное приложение, содержавшее два протокола. Первый протокол констатировал, что чехословацкое правительство принимает во внимание польско-румынскую конвенцию от 3 марта 1921 г., которая, как это уже было отмечено, имела антисоветскую направленность. Согласно второму протоколу Чехословакия брала на себя обязательство, в случае если Румыния окажется в состоянии войны с другим государством (Советской Россией? — *А. Я.*), «не препятствовать ей по-

кобританией, Италией и Японией, однако впоследствии не был ратифицирован всеми его участниками и поэтому не вступил в силу.

[54] J. Kukulka. Op. cit., str. 447.

[55] Значительный документальный материал о связях эсеровских руководителей с чехословацким правительством содержится в сборнике документов «Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров». М. 1922.

[56] В тексте конвенции прямо указывалось, что она предусматривает взаимные консультации и координацию действий по отношению к «восточным соседям» (Ю. В. Ключников, А. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III, вып. II. М. 1929, стр. 299).

[57] «Documents diplomatiques», pp. 115, 145—147.

лучать боеприпасы или другие военные материалы в Чехословакии или провозить их через чехословацкую территорию»[58].

Таким образом, секретные протоколы придавали чехословацко-румынскому договору, а тем самым и всей Малой Антанте явную антисоветскую направленность. Гарантируя фактические границы послеверсальской Румынии и Польши, договор тем самым фактически санкционировал захват ряда советских территорий. Он закреплял также господство буржуазно-помещичьих порядков на землях входивших в него государств. Это обстоятельство специально отмечалось французской печатью, отмечавшей, что «все три государства, составляющие Малую Антанту, обязуются не только помогать друг другу в случае нападения со стороны, но и охранять территориальное и политическое положение, установленное мирными договорами». Вместе с тем подчеркивалось, что окончательное оформление Малой Антанты означало крах планов Дунайской конфедерации, планов воссоздания «старого здания из прежних обломков»[59].

Образование Малой Антанты завершилось заключением в июне 1921 г. румыно-югославского договора. Переговоры о его подписании велись в течение длительного времени. Для буржуазно-помещичьей Румынии проблема союзных отношений с соседями была в значительной степени решена подписанием соглашений с Польшей и Чехословакией. Румынский посланник в Белграде Еманди, возвратившись в середине мая из Бухареста, сказал чехословацкому посланнику, что «он не слишком склонен к сближению с Югославией, а скорее считал бы необходимым заключение чехословацко-польско-румынского союза»[60]. Тем не менее переговоры были продолжены, и 7 июня в Белграде был подписан румыно-югославский договор, отличавшийся от двух других главным образом тем, что он был направлен не только против «неспровоцированного нападения» со стороны Венгрии, но и со стороны Болгарии[61].

Однако подписание союзных договоров, приведшее к образованию Малой Антанты, полностью не удовлетворило империалистические круги Запада, которые стремились к созданию в Восточной Европе более солидного барьера против «коммунистической угрозы». Летом 1921 г. представители французского генерального штаба развернули активную деятельность по подготовке двусторонних военных конвенций между странами Малой Антанты. Особое значение придавалось военной конвенции между Чехословакией и Румынией, которую готовил глава французской военной миссии в Чехословакии Миттельхаузер, уделявший главное внимание ее антисоветской направленности и подчеркивавший, что Румыния наряду с Польшей будет служить «главным оперативным фронтом против Советской России»[62]. Чехословацко-румынская военная конвенция была подписана начальниками генеральных штабов обеих стран 2 июля 1921 г., югославско-румынская — несколько позднее, в январе 1922 года[63]. В августе 1921 г. была заключена также и чехословацко-югославская военная конвенция, предусматривавшая принятие военных мер против попыток хортистской Венгрии силой возвратить себе утраченные территории. Раскрывая значение этой конвенции, чехословацкая печать отмечала, что западные державы «не имеют устойчивых

---

[58] Цит. по: «Внешняя политика Чехословакии». М. 1959, стр. 126.

[59] «Journal des Débats», 9.V.1921.

[60] Arhiv Federalního Ministerstva Zahranicních Veci (Praha) (далее — AFMZV), PZ. Belehrad 1921, č. 204. tel. 13.V.1921, str. 1.

[61] «Dokuments diplomatiques», p. 161. Тем самым буржуазно-помещичья Румыния гарантировала себе захват и аннексию болгарских земель в Южной Добрудже.

[62] «Внешняя политика Чехословакии», стр. 127.

[63] L. Buczma. Op. cit., pp. 142—143. Трехсторонняя военная конвенция между странами Малой Антанты была заключена в 1923 г. и оставалась в силе до 1931 года.

принципов, поскольку речь идет о Восточной Европе (об отношениях с восточноевропейскими странами.— *А. Я.*)», и поэтому малые страны должны позаботиться сами о себе [64].

В результате заключения военных конвенций Малая Антанта превратилась в военно-политический блок входивших в нее государств, что привело к окончательному изменению отношения к ней официальных кругов Франции. 19 августа 1921 г., отмечая этот поворот, чехословацкая газета «Tribuna» писала, что в момент, когда реставрация династии Габсбургов грозила нарушению версальского статус-кво в Европе, сторонники его в среде французских политиков стали усматривать в Малой Антанте положительные стороны. В статье отмечалось, что по мере развития общеевропейских противоречий «французские политики стали обращать на Малую Антанту больше внимания». Особый интерес, с их точки зрения, представлял вопрос о военном потенциале Малой Антанты. В конечном итоге газета призывала Францию «заменить свою политику благосклонности политикой искренней дружбы». Газета в целом правильно представляла эволюцию французской политики в отношении Малой Антанты. Помимо возможностей использования Малой Антанты в качестве барьера на границах Советской России, вырисовывались также ее перспективы как антикоммунистического союза правящих кругов восточноевропейских стран.

Еще в октябре 1920 г. правительства Чехословакии и Югославии установили специальные связи для обмена информацией о готовившемся наступлении на пролетариат. Югославский министр М. Трифкович сообщал тогда чехословацкому посланнику в Белграде, что «правительство КСХС предпримет сейчас против коммунистов самые решительные шаги». В декабре чехословацкий посланник телеграфировал из Белграда, что югославское правительство при подавлении выступлений коммунистов ссылалось на то, что «правительство Чехословацкой республики также вынуждено было сурово расправиться с коммунистами». В начале февраля Бенеш направил следующее указание чехословацкому посланнику в Белграде: «Выясните, не хотело ли бы правительство договориться с нашим министерством внутренних дел о совместных действиях против коммунистов. Смотрите, чтобы инициатива исходила от КСХС, и дайте понять, что соглашение в этом плане можно будет распространить и на другие страны» [65].

Переговоры по этому вопросу проводились в июле 1921 года. Чехословацкий посланник в Белграде А. Калина комментировал в своих донесениях появившиеся в югославской печати сообщения о том, что правительство Югославии предложило странам Малой и Большой Антант заключить конвенцию о борьбе против коммунистической пропаганды. А. Калина имел по этому поводу беседу с министром внутренних дел Югославии С. Прибичевичем. Калина сообщал, что, по его сведениям, «в министерстве внутренних дел обсуждался и до сих пор обсуждается вопрос о внесении здешним правительством предложения о заключении какой-либо конвенции либо выработке принципов совместной политики и предложении их сначала государствам Малой Антанты, а затем и союзникам, а также о том, не стоит ли созвать совещание соответствующих представителей государств, где они обсудили бы вопрос о методах совместных действий против коммунистов» [66].

Именно в этот период, в августе 1921 г., югославское правительство усилило репрессии против коммунистического движения. Оно использовало принятый в 1921 г. «Закон о защите безопасности и порядка в государстве» для подавления революционных выступлений трудящих-

---

[64] «Lídove noviny», 9.VIII.1921.
[65] Цит. по: «Внешняя политика Чехословакии», стр. 118.
[66] AFMZV, PZ Bélehrad 1921, č. 346, tel. 9.VII. 1921, str. 2.

ся и объявления компартии вне закона. На основе этого закона депутаты-коммунисты были лишены парламентских мандатов, большинство из них было арестовано[67]. В Чехословакии коммунистическая партия с первых шагов своего существования (май 1921 г.) являлась массовой партией, возглавившей революционное движение трудящихся, что серьезно беспокоило правящие круги буржуазной республики, стремившиеся к созданию «общенациональной коалиции»[68]. Правящие круги буржуазно-помещичьей Румынии тоже попытались пресечь коммунистическое движение в зародыше. В дни работы учредительного съезда КПР в мае 1921 г. жандармы окружили здание, где он происходил, и арестовали делегатов, голосовавших за безоговорочное присоединение к Коммунистическому Интернационалу[69]. Через несколько месяцев был инсценирован судебный процесс над ними, после чего на партию обрушились суровые репрессии.

Антикоммунистическая направленность Малой Антанты была сразу же отмечена молодыми коммунистическими партиями стран, вошедших в этот блок. В июне 1921 г. на III конгрессе Коминтерна чехословацкие коммунисты выступили по поводу создания Малой Антанты со следующим заявлением: «Малая Антанта, в которую пока входят официально Румыния, Югославия и Чехословакия, несомненно, имеет целью всячески противодействовать политическому и военному влиянию Советской власти... Известно, что, кроме обнародованных пунктов договора Румынии с Чехословакией, существуют и условия, касающиеся общего выступления против коммунизма, о чем можно судить по росту гонений на коммунистическое движение, так как спустя короткое время по заключении этого договора был разогнан съезд румынских товарищей, а участники его заключены в тюрьму»[70].

6—7 октября 1921 г. в Братиславе состоялась конференция представителей коммунистических партий Чехословакии, Югославии, Румынии, Болгарии, Австрии, Германии, Венгрии и Греции, где было принято специальное воззвание в связи с образованием Малой Антанты. «Наш долг — привлечь внимание пролетариата к той опасности, которую представляет собой внешняя политика стран Центральной Европы..,— говорилось в обращении.— Рабочий класс должен удвоить свою бдительность». В документах конференции особо отмечалась враждебная позиция, которую занимала Малая Антанта в отношении Советской России. «Вся политика Малой Антанты направлена против Советской России,— говорилось в воззвании.— С самого начала Малая Антанта поддерживалась двумя побудительными мотивами: боязнью венгерского империализма и страхом перед Советской Россией... Но пролетариат Центральной Европы хорошо знает, что для него война против Советской России означала бы рабство... Нашими лозунгами должны быть: Мир с Советской Россией! Долой воинственную политику Франции против России!»[71]. Тем самым молодые коммунистические партии заявили о своей позиции по главным вопросам внешней политики своих стран, оценив с точки зрения интересов развития революционного движения их военно-политический союз — Малую Антанту. Однако соотношение внутренних сил было пока не в их пользу. Выражая объективные интересы большинства населения, они не могли еще должным образом воздействовать на внешнюю политику своих государств.

---

[67] «История Югославии». Т. II. М. 1963, стр. 68.

[68] «История Чехословакии». Т. III. М. 1960, стр. 102, 105—118.

[69] «История Румынии. 1918—1970», стр. 79.

[70] «Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Птгр. 1922, стр. 204.

[71] П. Боев. Два документа за Братиславската конференция на балканско-дунавските комунистически партии. «Известия на Института по история на БКП». № 19. София. 1968, стр. 227, 229—231.

В политике Малой Антанты вплоть до начала 30-х годов доминировали черты, сложившиеся в период ее образования,— борьба против восточноевропейского революционного движения и его оплота — Советской России, тесные связи с империалистическим Западом и зависимость от него. В 30-е годы, когда в Европе возникла угроза пересмотра Версальской системы со стороны фашистских держав, более рельефно проявились другие стороны Малой Антанты, в частности ее стремление к сохранению в Европе послевоенного статус-кво.

Сложившиеся условия объективно способствовали сближению государств Малой Антанты с Советским Союзом, последовательно боровшимся за создание системы коллективной безопасности в Европе. Необходимость более тесного сотрудничества с Советским государством понимали также и отдельные политические деятели Малой Антанты. Благоприятные условия для такого сотрудничества создавало улучшение в начале 30-х годов советско-французских отношений. В 1933 г. Советский Союз совместно с рядом восточноевропейских стран подписал в Женеве пакт об определении агрессора. В 1934 г. были восстановлены дипломатические отношения между СССР и двумя из трех стран Малой Антанты — Румынией и Чехословакией. Однако в дальнейшем в политике государств Малой Антанты вновь возобладали иные тенденции. Империалистические державы в соответствии со своей общей стратегической линией поощряли линию правящих кругов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, направленную на компромиссы с силами международной реакции, что ослабляло Малую Антанту в целом. Наметившееся сотрудничество с СССР не находило своего дальнейшего развития в условиях, когда правящие круги государств Малой Антанты вступили на путь лавирования между двумя империалистическими блоками. В конечном итоге усилившиеся под влиянием этих факторов в самой Малой Антанте противоречия привели ее к распаду в дни Мюнхена.

АМЕРИКАНСКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

(Опыт сравнительной характеристики)

А. А. Фурсенко

За последние годы в Соединенных Штатах Америки появились работы, в которых американская революция XVIII в. сопоставляется с другими революциями и прежде всего с ближайшей по времени — французской. Эта тема действительно представляет большой интерес. Ныне она привлекает особое внимание в связи с получившей широкий размах в США пропагандистской кампанией по подготовке к исполняющемуся в 1976 г. 200-летнему юбилею американской революции. Одна из целей этой кампании — доказать «преимущества» американского типа революции. Автор статьи, не претендуя на всестороннее освещение проблемы, ставит целью коснуться некоторых актуальных вопросов сравнительной истории двух революций XVIII века.

Тема эта всегда имела политическое звучание, начиная с первых эссе, написанных по следам событий тех далеких лет, и кончая новейшими историко-социологическими исследованиями. Первым, кто более или менее полно высказался по этому поводу, был Ф. Гентц, опубликовавший весной 1800 г. в издаваемом им берлинском «Historisches Journal» эссе, озаглавленное «Сравнение французской и американской революций». Д. К. Адамс, сын президента США Д. Адамса, в то время посланник США в Пруссии, впоследствии посланник в России, а затем президент Соединенных Штатов, перевел это эссе на английский язык и тогда же опубликовал его в Филадельфии в виде отдельной книги. Как автор, так и переводчик явно адресовались к американскому общественному мнению. При сравнении двух революций предпочтение отдавалось американской, как более умеренной и менее разрушительной, французская же подвергалась суровой критике за ее радикализм.

Издатель реакционного журнала, впоследствии секретарь австрийского канцлера Меттерниха, Гентц посвятил всю свою жизнь борьбе против французской революции. По своим политическим убеждениям он был консерватором, сторонником легитимизма. Республиканский строй, утвердившийся в США, отнюдь не был его идеалом. В недавно опубликованной книге французский историк А. Жерар отметила, что реакционная философия Гентца являлась «превентивным средством», при помощи которого он рассчитывал «предохранить своих сограждан от вируса революции» [1]. Что же касается Д. К. Адамса и его отца, то они также принадлежали к консервативному лагерю и отнюдь не сочувствовали французской революции. В избирательной кампании 1800 г. Д. Адамс энергично выступал против Т. Джефферсона, который считал, что «дерево свободы периодически должно удобряться кровью патриотов и тиранов» [2], и находил во французской революции подтверж-

[1] A. Gérard. La Révolution Française. Myths et interprétations (1789—1970). P. 1970, p. 19.

[2] Т. Джефферсон — У. Смиту 13.XI.1787.«Thomas Jefferson Papers». Ed. by J. Boyd. Vol. XII. Princeton. 1955, p. 356.

дение своим радикальным убеждениям. Таким образом, публикация Гентца — Адамса имела вполне определенную политическую направленность.

Следующее издание этой книги вышло в США в 1955 г., полтора века спустя[3]. По случайному или неслучайному совпадению в том же году на X Международном конгрессе исторических наук в Риме был прочитан доклад, прямо относившийся к теме, которой Гентц посвятил свой опус. Американский историк Р. Палмер совместно с французским историком Ж. Годшо решили исторически обосновать идею «атлантической цивилизации». Один из основных тезисов их доклада «Проблемы Атлантики» заключался в связанности истории этих стран, в том, что развитие Америки и Франции в новое время определили почти одновременно происшедшие в XVIII в. «демократические революции»[4].

За несколько лет до этого американский историк Л. Готшок выдвинул тезис о том, что в конце XVIII в. произошла «первая всемирная революция». В ней, говорил он, были американская и французская фазы. Ученик Готшока Палмер развил это положение. Он выступил с серией статей, а позднее с двухтомным сочинением «Эпоха демократической революции». Ему принадлежала и инициатива постановки доклада «Проблемы Атлантики» на конгрессе историков[5]. Обосновывая постановку проблемы, Палмер и Годшо коснулись истории вопроса, ссылаясь на использование терминов «атлантическая цивилизация», «атлантическая история», «атлантическая система» и т. п. Хотя они не упоминали Североатлантический пакт 1949 г., однако текст доклада не оставлял сомнений в том, что именно это политическое событие оказало решающее влияние на концепцию Палмера и Годшо. В заключительной части они прямо призывали западные страны отбросить разногласия и крепить единство в рамках «Атлантического сообщества»[6].

Таким образом, через полтораста лет после появления первой работы, сопоставившей французскую и американскую революции, события вновь выдвинули эту тему. В дальнейшем охлаждение, наступившее в отношениях между США и Францией по вопросу об участии в Североатлантическом блоке, привело к новым сдвигам в литературе вопроса. Представители американской историографии заняли более критическую позицию в отношении роли Франции и французской революции. Примером тому могут служить последние работы известного американского историка Р. Б. Морриса[7]. Политические соображения оказывали и продолжают оказывать влияние на сравнительное изучение истории американской и французской революций.

Оценивая концепцию Палмера — Годшо, необходимо учитывать эволюцию, которую претерпели взгляды буржуазных авторов на происхождение американской революции. После «националистов» (Д. Банкрофт, Д. Фиске), рассматривавших американскую революцию в отрыве от остального мира, появилась «имперская школа» (Г. Осгуд, Д. Бир, Ч. Эндрюз, Л. Джипсон), которая трактовала революцию как определенный итог в развитии Британской империи. Затем наступила эра «прогрессистов» (Ч. Бирд, А. Шлезингер, Д. Джеймсон, а позднее М. Дженсен), углубивших социально-экономический анализ американской революции и поставивших вопрос о ее сходстве с французской, что представляло

---

[3] F. Gentz. American and French Revolutions, compared. N. Y. 1955.

[4] J. Godechot, R. Palmer. Le Problème de l'Atlantique du XVIIIeme au XXeme siècle. «Comitato internazionale di scienze storiche. X° Congresso internazionale». Relazioni. T. V. Firenze. 1956.

[5] L. Gottschalk. Europe and the Modern World. 2 vols. Chicago. 1951—1954; R. Palmer. The Age of the Democratic Revolution. 2 vols. Princeton. 1959—1964; J. Godechot. Les Révolutions. P. 1970, p. 272.

[6] J. Godechot, R. Palmer. Op. cit., pp. 175—177.

[7] R. B. Morris. The Peace-Makers. N. Y. 1965; ejusd. The American Revolution Reconsidered. N. Y. 1967.

определенный шаг вперед в развитии буржуазной историографии США. На смену «прогрессистам» пришли «неоконсерваторы» (Р. Браун, Д. Бурстин, Л. Хартц, К. Росситер), которые подвергали нападкам своих предшественников за то, что те поставили американскую революцию в один ряд с историческими событиями Старого Света, приравняв ее к общим стандартам, в то время как она, по их мнению, была «исключительным явлением»[8].

Палмер и Годшо подошли к американской революции как к органической части всемирно-исторического процесса, что, казалось бы, не противоречит даже марксистскому подходу. Однако оба они продемонстрировали свою враждебность марксизму, поддержав теорию «исключительности» и выступив против марксистской концепции смены социально-экономических формаций. Сделав шаг вперед в попытке осмыслить американскую революцию как составную часть всемирной истории, Палмер и Годшо остались верны традиционным догмам буржуазной литературы[9]. После выступления на Римском конгрессе 1955 г. Палмер продолжал держаться тех же позиций, хотя и вынужден был частично отказаться от концепции «атлантической цивилизации» и «атлантической революции». Последнее объяснялось, с одной стороны, развитием центробежных сил внутри Североатлантического союза, а с другой — серьезной критикой, которой была подвергнута его концепция. Поэтому несколько лет спустя, представляя Комиссии исторического анализа при Американском совете по изучению социальных наук статью о методике исследования революций, Палмер заявил, что он пересматривает свои выводы об «атлантической цивилизации». «Мои сомнения,— писал он в адресованном комиссии письме,— родились во время конгресса 1955 г. в Риме, где я встретил много англичан и других европейцев, выступивших против этой концепции, на которой, как я понял, глупо настаивать американцу. Вы не можете всюду ходить и говорить о желании жениться на женщине, которая не только отказывается, но даже содрогается при одной мысли об этом. И если брак можно установить по суду, то общность цивилизации — нельзя»[10]. Таким образом, теория «атлантической цивилизации» дала серьезную трещину.

Переходя к конкретным аспектам сравнительной истории американской и французской революций, следует прежде всего сказать, что они протекали в различных исторических условиях в экономическом, социальном и иных отношениях. С одной стороны, Франция, европейская страна с глубокой исторической традицией и многовековой культурой. С другой,— молодая Америка, или, вернее, английские колонии в Америке, сравнительно недавно заселенные, не успевшие еще обзавестись традициями и только создававшие собственную культуру. Занимая территорию, приблизительно равную Франции, они имели в 10 раз меньшее население.

На протяжении 4—5 столетий, предшествовавших революции, численность населения Франции держалась приблизительно на том же уров-

[8] См. E. S. Morgan. The American Revolution. A Review of Changing Interpretations. Washington. 1958; E. Wright. Historians and the Revolution. «Causes and Consequences of the American Revolution». Chicago. 1966 (в дальнейшем — «Causes»); J. P. Green. The Reappraisal of the American Revolution in Recent Historical Literature. Washington. 1967. В советской литературе см. статьи: Н. Н. Болховитинов. Война США за независимость и современная американская историография. «Вопросы истории». 1969, № 12; А. И. Уткин. Американская историография колониального периода. «Основные проблемы истории США в американской историографии». М. 1971; П. Б. Уманский. Проблемы первой американской революции. Там же.

[9] J. Godechot. France and the Atlantic Revolution of the Eighteenth Century, 1770—1799. N. Y. 1965, p. 8; R. Palmer. The Age of the Democratic Revolutions. Vol. I, pp. 9—13; ejusd. The Revolution. «The Comparative Approach to American History». N. Y. 1968, p. 49.

[10] R. Palmer. Generalizations about Revolution: A Case Study. «Generalizations in the Writing of History». Ed. by L. Gottschalk. Chicago. 1963, pp. 75—76.

не — около 18 млн. человек. С середины XVIII в. она стала быстро увеличиваться и к 1789 г. достигла 26 млн. человек. Население возросло, появилась безработица, вводились новые налоги. Страна переживала тяжелый экономический кризис. Одним из его проявлений был непрекращавшийся рост цен [11].

Годшо утверждает, что в Америке существовала аналогичная ситуация и что так же, как во Франции, важнейшей предпосылкой революции был так называемый «демографический пресс» [12]. Действительно, темпы роста населения здесь были гораздо выше, чем в любой европейской стране. За одно столетие население увеличилось в несколько раз и к началу революции составляло 2,5 млн. человек. В каждом поколении численность населения удваивалась, отчасти за счет притока новых иммигрантов, а отчасти за счет высокой рождаемости [13]. «Американцы женятся рано,— отмечал французский дипломат Барбе де Марбуа,— и заводят как можно больше детей». Поэтому в семьях бывало по 5—7 детей, а потомство одного человека нередко достигало 50 или даже 100 человек [14].

Население быстро росло. Однако «демографического пресса» не существовало. За исключением кратковременного периода застоя, вызванного британскими репрессиями против Бостона, Америка в отличие от Франции не знала безработицы. Представители французской дипломатической службы отмечали, что в Америке, «несмотря на удивительный рост населения, постоянно слышны жалобы на недостаток рабочих рук» [15]. Впоследствии этот вывод был подтвержден в обстоятельном исследовании Р. Морриса, показавшего, что на протяжении первых двух столетий своей истории Америка постоянно испытывала нехватку рабочей силы [16].

В отличие от Европы в колониях не было и продовольственной проблемы. Французский дипломат, посетивший в то время Америку, писал, что, тогда как «в других странах половина населения умирала от голода, здесь страдают только те, кто вынужден платить фиксированную ренту в деньгах» [17]. Но таких было немного. Накануне революции общая сумма фиксированной ренты в колониях составляла 100 тыс. долларов. Основная часть этой суммы была собрана в Мэриленде и Северной Каролине, а для остальных 11 колоний институт фиксированной ренты не имел никакого значения либо носил чисто символический характер. Зарплата американского рабочего на 30—100% превышала заработок рабочего в Англии. Уровень жизни в колониях в среднем был значительно выше, чем в Европе [18].

Годшо утверждает, что так же, как и во Франции, американской революции предшествовал рост цен. Он ссылается на усиление налогового гнета в колониях после Семилетней войны и удорожание таких това-

---

[11] E. Labrousse. Esquisse du mouvement des prix et des revenues en France au XVIIIe siècle. P. 1933.

[12] J. Godechot. La Prise de la Bastille. P. 1965, p. 20.

[13] E. Wright. American Independence in Its American Context: Social and Political Aspects. Western Expansion. «The New Cambridge Modern History». Vol. VIII. Cambridge. 1968, p. 513.

[14] Записка Барбе де Марбуа 1783 г. Ministère des Affaires Extrangères. Archives diplomatique (в дальнейшем — Archives). Mémoires et documents. Etats-Unis. Vol. 8, p. 29.

[15] Ibid., pp. 29—31.

[16] R. B. Morris. Government and Labor in Early America. N. Y. 1946.

[17] Жерар—Верженну 29.VII.1778. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 6, p. 20.

[18] J. Jameson. The American Revolution Considered as a Social Movement. Boston. 1956, p. 33; F. B. Tolles. The American Revolution Considered as a Social Movement: A Reevaluation. «Causes», p. 263; R. B. Morris. Government and Labor in Early America, p. 45.

ров, как патока, бумага, стекло, свинец и чай [19]. Однако и это утверждение сомнительно. Во-первых, недовольство в колониях было вызвано не столько тяжестью новых налогов, сколько самим фактом их введения. В среднем налоги на душу населения в колониях были в 26 раз меньше, чем в метрополии [20]. Во-вторых, какими бы важными статьями торговли ни были перечисленные товары, они все же не являлись предметами первой необходимости. Одним словом, экономическое положение в американских колониях было сравнительно благополучным, ничем не напоминало того кризиса, который переживала Франция накануне революции.

Важный аспект происхождения обеих революций — их социальные корни, движущие силы. Сопоставляя социальные силы американской и французской революций, Палмер утверждает, что во Франции основная роль принадлежала среднему классу городов, в Америке — фермерам. Бесспорно, роль городских масс во французской революции была более значительной, чем в Америке. Во Франции около 10% населения проживало в городах, более 60 тыс. в каждом из таких городов, как Марсель, Бордо, Лион и Нант. Общеизвестна роль, которую сыграл Париж как центр революционного движения. Его население составляло 600 тыс. человек. В Америке же только 3% проживало в городах, а население крупнейших городов — Филадельфии и Бостона — насчитывало всего лишь 28 и 16 тыс. человек [21]. Признавая роль городских масс во французской революции, следует, однако, учитывать и то, что не менее важным было участие в ней крестьянства. Без крестьянских восстаний и преобразований в деревне буржуазная революция во Франции победить не смогла бы [22].

С другой стороны, французской революции предшествовало активное сопротивление аристократии. Она боролась против предполагаемых реформ и попыток правительства обязать аристократию платить налоги и в этом отношении приравнять ее к третьему сословию. На этапе, который французский историк Ж. Лефевр назвал «аристократической революцией» [23], аристократия действовала совместно с третьим сословием, надеясь таким образом сохранить свои привилегии. Но потом именно представители третьего сословия лишили ее этих привилегий, и французская аристократия разделила судьбу королевской власти, от чьих посягательств она защищалась и с падением которой утратила то, что имела. Это был один из наиболее важных итогов французской революции.

В Америке же события развивались иначе. Эта страна практически не знала феодализма. Ф. Энгельс отмечал, что история Америки началась «на более благоприятной почве... где нет никаких преграждающих путь средневековых развалин.... при наличии уже сложившихся в XVII веке элементов современного буржуазного общества» [24]. Поэтому, хотя и предпринимались попытки насадить феодальные отношения, серьезного значения феодальные институты не имели. В отличие от Франции, где размежевание сословий, обострение классовых и социальных противоречий носило классически выраженный характер, в Америке

---

[19] J. Godechot. La Prise de la Bastille, p. 20.

[20] R. Palmer. Social and Psychological Foundations of the Revolutionary Era. «The New Cambridge Modern History». Vol. VIII, p. 438.

[21] R. Palmer. The Great Inversion: America and Europe in the Eighteenth-Century Revolution. «Ideas in History». N. Y. 1965, p. 8; ejusd. Social and Psychological Foundations of the Revolutionary Era. «The New Cambridge Modern History». Vol. VIII, pp. 429—431.

[22] G. Lefebvre. La Révolution Française et les paysans. «Etudes sur la Révolution Française». P. 1954, pp. 246—268; А. В. Адо. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М. 1971.

[23] G. Lefebvre. Révolution Française dans l'histoire du monde. «Etudes sur la Révolution Française», pp. 322—323.

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 347.

этот конфликт был более смазанным. Это обстоятельство было связано с социальной пестротой населения, «эластичностью» классов и социальных групп. Кроме того, американская революция была антиколониальной. Поэтому размежевание сил за океаном происходило не только между различными классами и социальными группами, но и внутри них [25], что характерно также для более поздних революций антиколониального типа.

Американская революция подняла на борьбу «низшие классы» — не имеющих собственности рабочих, мелких ремесленников и бедных фермеров, составлявших наиболее многочисленную группу колониального населения. По подсчетам Д. Т. Мейна, она насчитывала (включая рабов-негров) до $^2/_5$ всех жителей колоний [26]. Именно «низшие классы», враждебно настроенные по отношению к «владельцам собственности» и «джентльменам», занимавшим административные посты, и были главной движущей силой революции. Важной формой политической активности стали так называемые «массовые собрания», которые восходят своим происхождением к общинным сходкам. На них принимались решения, которые были гораздо радикальнее, чем любые законодательные предложения. Это были органы народного правотворчества, в которых участвовали и неимущие и лишенные права голоса. «Использование толпы и массовых собраний в качестве политического средства,— пишет М. Дженсен,— привело к серьезным изменениям в традиционной модели политического действия» [27]. Наряду с «низшими слоями» активное участие в революции принял «средний класс» — фермеры, купцы, ремесленники, лавочники и юристы. Эти люди — собственники средней руки — составляли около $^2/_3$ белого населения [28].

Американская революция была восстанием против метрополии. Лозунг «Никаких налогов без представительства!», положивший начало движению в колониях, выражал протест против господства Англии. Это была война за независимость. Тем не менее следует решительно подчеркнуть, что в ходе войны с Англией население колоний разделилось. Это размежевание происходило по социальному принципу, в соответствии с интересами различных групп по таким насущным вопросам, как развитие торговли и промышленности, аграрная проблема и т. п. Редакция известного документального сборника «Формирование американской демократии» отмечает, что участники революции выступили решительно против политики Англии. «Но их побуждения только отчасти носили патриотический характер. В национально-освободительном движении они увидели счастливо подвернувшуюся возможность улучшить свое социальное и экономическое положение» [29].

Основным вопросом революции был аграрный, борьба за свободный доступ к западным землям, и в этом сказался тот факт, что мелкие и средние фермеры составляли около половины белого и $^2/_5$ всего населения [30]. Вторым по значению вопросом, который стоял перед американской революцией, являлась проблема свободного торгово-промышленного развития. В ее решении была заинтересована также большая группа населения. Хотя нет точных сведений, насколько велика была эта груп-

[25] F. B. Tolles. Op. cit., pp. 261—262.

[26] J. T. Main. The Social Structure of Revolutionary America. Princeton, 1965, pp. 271—272. Около половины этой группы составляли негры-рабы. Они были лишены каких бы то ни было прав и в силу специфики своего положения, несмотря на активное участие в войне за независимость, сыграли ограниченную роль в революционных преобразованиях (У. З. Фостер. Негритянский народ в истории Америки. М. 1955, стр. 63—65; Г. Аптекер. Американская революция. М. 1962, гл. 13).

[27] M. Jensen. The American People and the American Revolution. «The Journal of American History», 1970, June, p. 15.

[28] J. T. Main. Op. cit., p. 273.

[29] «The Making of American Democracy». Eds. R. A. Billington, J. B. Loewenberg, S. Brookinier. Vol. I. N. Y. 1960, p. 72.

[30] J. T. Main. Op. cit., pp. 273—274.

па, следует сказать, что наряду с городской беднотой, мелкими и средними собственниками городов к ней относились и значительные слои фермерства[31].

Важная роль в американской революции принадлежала зажиточным слоям буржуазии, на протяжении всей революции действовавшей совместно с частью земельной аристократии — плантаторами. Представители «высшего класса» составляли незначительный процент населения колоний, но они контролировали более половины всего богатства[32], и им принадлежала основная роль в руководстве войной за независимость.

Многие представители аристократии, связанные земельными пожалованиями с британской короной, а также высшие колониальные чиновники — губернаторы, сборщики налогов и иные «друзья правительства» — оказались в лагере контрреволюции. Сюда же примыкала и часть торгово-промышленных кругов, тесно связанная с метрополией, а также представители других слоев населения, по тем или иным причинам заинтересованные в сохранении прежних отношений с Англией. Они находились в меньшинстве, но все же представляли довольно значительную силу. По наиболее вероятной оценке, проанглийскую позицию занимала треть населения колоний. В дальнейшем 60 тыс. «лоялистов» эмигрировали в Англию[33]. Вполне естественно, что сюда входили не только представители высшего класса и колониальной администрации. Контрреволюционные силы включали в себя также часть тех слоев населения, которые в основной своей массе являлись опорой революции.

Америка раскололась на два лагеря. Но наиболее существенным было то, что, как выразился Д. Адамс, «колонии нащупывали средний путь»[34]. Этот путь означал политический компромисс, характерный и для последующей американской истории. Существенной чертой этого компромисса был тот факт, что американская буржуазия выступила в тесном союзе с земельной аристократией. Отношения этих двух групп были далеки от единодушия, но на данном историческом этапе их больше объединяло, чем разъединяло. В связи с этим Ж. Лефевр справедливо отмечал, что в Америке революция осуществилась «в общих интересах объединившихся аристократии и буржуазии». В этом, по его словам, американская революция была скорее похожа на английскую. «Французская революция,— писал Лефевр,— была совсем другой»[35].

Действительно, американская и французская революции сильно отличались друг от друга. Они происходили на разных и весьма удаленных друг от друга континентах. Что бы ни говорили теперь сторонники «атлантической цивилизации», летающие из Европы в Америку на скоростных лайнерах, в те времена океан — гигантское водное пространство — скорее разъединял, чем сближал. Достаточно сказать, что французскому посланнику в США потребовалось тогда 65 дней, чтобы добраться до места своего назначения[36]. Более того, именно географический фактор сыграл немалую роль в том, что Америка добилась независимости и революция смогла победить. В то же время обе революции объединяла эпоха, основным содержанием которой было бурное развитие буржуазных отношений, смена феодального строя более

[31] Ibid., pp. 274—275.
[32] Ibid., pp. 276—277.
[33] Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 78; R. Palmer. The Age of the Democratic Revolution, pp. 188, 200.
[34] E. S. Wright. Op. cit., p. 527.
[35] G. Lefebvre. Révolution Française dans l'histoire du monde, p. 321.
[36] Отто—Монморану 18.I.1788. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 33, p. 11.

прогрессивной капиталистической системой. Пользуясь выражением К. Маркса, *«победа буржуазии* означала тогда *победу нового общественного строя»* [37].

Американская и французская революции произошли в одну эпоху и были, так сказать, соседями. У них сложились даже определенные отношения между собой, которые позволяют лучше разобраться в их характере и особенностях. Эти отношения оставили след в истории и в литературе. О них писали ученые и романисты. Отношению Франции к американской революции посвящен, например, роман Л. Фейхтвангера «Лисы в винограднике». Действительно, это была история, полная романтизма, драматических ситуаций и парадоксов! Парадоксом прежде всего было то, что на помощь американской революции пришло абсолютистское правительство Бурбонов, которому в недалеком будущем предстояло самому пасть под ударами революции. Хотя восстание американских колоний отнюдь не вызывало симпатий французского двора, Франция выступила на их стороне, чтобы нанести удар своей сопернице Англии. Принимая это решение, французский абсолютизм руководствовался своими интересами в международной политике.

Документы министерства иностранных дел Франции показывают, что решение выступить на стороне США было принято не сразу и что французский двор проявлял серьезные колебания, взвешивая возможные «за» и «против». В записке, поданной королю в начале 1777 г., говорилось, что Франции имеет смысл воспользоваться англо-американским конфликтом, чтобы взять реванш за поражение в Семилетней войне. Но автор записки предостерегал против формального объявления войны Англии, считая это «совсем нежелательным с точки зрения наших финансов». «Каково бы ни было наше стремление видеть разбитой Англию,— писал он,— мы не должны принимать участия в войне непосредственно». Ну, а если Англия вдруг добровольно захочет пойти на уступки Франции и хорошо заплатит? В таком случае можно согласиться даже на нейтралитет. И тогда не придется подвергать опасности государственную казну [38]. Однако в конечном итоге верх взяли другие соображения. В октябре 1777 г. американские войска одержали крупную победу при Саратоге. Как только известие об этом достигло Парижа, там были начаты переговоры о военном союзе. Теперь осторожность уступила место спешке. Боялись опоздать [39]. В феврале 1778 г. договор был подписан. Франция оказала Соединенным Штатам вооруженную помощь, послала за океан войска и содействовала успеху войны за независимость. Между тем самый факт победоносной революции в Америке воодушевлял французских революционеров на борьбу со старым режимом.

Еще один парадокс заключался в том, что помощь Соединенным Штатам и война против Англии в самом деле привели французскую казну на грань катастрофы. Многие страны Европы переживали в то время финансовые трудности, но ни в одной из них кризис финансов не носил такого глубокого характера, как во Франции. Со времени Людовика XIV французский бюджет страдал хроническим дефицитом, а в в 1770 г. государственное казначейство оказалось под угрозой полного краха, и только чрезвычайные меры спасли его от банкротства. Теперь оно снова стало перед серьезными испытаниями. Вступление в войну против Англии привело к колоссальному увеличению государственных расходов, резко ухудшивших и без того плачевное состояние французских финансов. А это способствовало углублению экономического кри-

---

[37] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 115.

[38] Записка «Соображения одного француза о повстанцах Америки». Январь 1777 г. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. I, pp. 76—79.

[39] Записка «Размышления о нынешних событиях. Военный аспект». 10.I.1778. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 3, pp. 12—17.

зиса, который приближал революцию. Оказывая материальную поддержку американской революции, французский абсолютизм объективно готовил почву для революции в своей собственной стране.

Было бы, однако, неверно сводить отношение Франции к американской революции только к политике правительства. Не менее важную роль сыграли общественное мнение, реакция различных общественных групп на события в Америке. Поведение знаменитого французского драматурга Бомарше, создавшего полулегальную «Горталез э компани» и взявшего на себя организацию вооруженной помощи повстанцам, реакция на приезд и пребывание во Франции Б. Франклина и других посланцев Американской республики — все это было овеяно романтикой мятежных настроений.

Таким образом, различные и подчас весьма противоречивые факторы определяли позицию Франции, выступившей в поддержку американской революции. Не следует, разумеется, переоценивать значение французской помощи. Американская революция победила бы и без нее, хотя американцам пришлось бы принести значительно большие жертвы да и победа не была бы такой скорой. Однако необходимо решительно возразить против распространенных ныне попыток принизить роль Франции [40]. Какие бы ни выставлялись доводы, невозможно опровергнуть тот факт, что Франции принадлежала важная роль в утверждении независимости США и победе американской революции.

Франко-американские отношения тех лет, которым в последнее время уделяется большое внимание [41], сыграли свою роль и в предыстории революции во Франции, хотя они не столь уж многое определяли. Изучение взаимоотношений США и Франции во времена французской революции важно и поучительно, оно представляет интерес не только само по себе, но и потому, что дает возможность ретроспективно взглянуть на то, что произошло в Америке, оценить политические взгляды и действия «отцов-основателей», руководивших войной за независимость, а затем возглавивших американское правительство. В этом смысле франко-американские отношения того времени дают неоценимый материал для сравнительной характеристики двух революций.

Как же поступили Соединенные Штаты, когда во Франции вспыхнула революция? В конце 1792 г. французский поверенный в делах в США Тернан отмечал, что «настроение американской публики... повсюду в нашу пользу» [42]. Впрочем, этот вывод страдал излишним оптимизмом. Более правильной была оценка Д. Адамса, который считал, что треть населения сочувствовала французской революции, треть относилась безразлично, а треть была настроена враждебно [43]. Что касается правительства США, то оно заняло позицию в целом недружественную к французской революции. Парадокс данной ситуации заключался в том, что Америка, страна победившей революции, отказалась протянуть руку помощи Франции, которая в свое время пришла ей на помощь, а теперь сама, вступив в революцию, встретила более чем холодное отношение к себе за океаном. Когда вспыхнула война между Францией и Англией, Тернан констатировал, что известие об этом не произвело на американцев «сильного впечатления». «Их политика,— писал он,— была всегда направлена на нейтралитет, так как в Америке это единственная позиция, способная обеспечить выгоды и избежать не-

---

[40] Наряду с уже отмеченными работами Р. Б. Морриса эта тенденция нашла отражение в книге: W. C. Stinchcombe. The American Revolution and the French Alliance. N. Y. 1969.

[41] Этой теме посвящена, в частности, почти треть книги: R. B. Morris. The American Revolution Reconsidered.

[42] Тернан — министерству иностранных дел 20.XII.1792. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 36, p. 462.

[43] J. R. Alden. The American Revolution. N. Y. 1954, p. 87.

удобства»[44]. Проза американской действительности заключалась в том, что, поглощенная собственными делами, молодая республика не была склонна расходовать свои силы на чужие дела. Но дело было не только в прозаических мотивах. Палмер объясняет отрицательное отношение США к французской революции «непониманием»[45]. Вероятно, не все, что происходило во Франции, было понято за океаном. Но вместе с тем бесспорно, что большинство американских руководителей относилось отрицательно именно к революции во Франции. Еще в конце 1789 г. французский посланник Мустье отмечал, что среди членов правительства имеется «множество людей», которые не очень доброжелательно настроены в отношении Франции[46]. По мере развития французской революции эти настроения усиливались. Французский поверенный в делах Отто подчеркивал, что, «вопреки принципам свободы, заложенным в Соединенных Штатах», «враги нашей революции нашли способ склонить на свою сторону многих влиятельных людей»[47]. Исключение представлял Т. Джефферсон, вокруг которого объединились те, кто приветствовал революцию во Франции. Джефферсон, по словам Отто, «проявлял наиболее живой интерес к этой великой революции». «Он часто говорил мне,— писал французский дипломат,— что деятельность Национального собрания послужит делу обновления не только Франции, но и Соединенных Штатов, принципы которых уже начали извращаться»[48]. Однако Джефферсон и его сторонники были в меньшинстве и не могли повлиять на правительство.

Решающее слово во внешней политике в США во все времена принадлежало президенту. Какова же была позиция Д. Вашингтона, которому принадлежало решающее слово во внешней политике? Консервативный по натуре и умеренный во взглядах, бывший американский главнокомандующий неодобрительно отнесся к свержению правительства во Франции. До тех пор, пока в революции принимал участие Лафайет, участник американской войны за независимость, его соратник и личный друг, Вашингтон более или менее благожелательно наблюдал за развитием событий во Франции. Лафайет даже отправил в подарок Вашингтону ключ от Бастилии, который регулярно демонстрировался во время аудиенции у президента. Однако Отто считал, что трофей этот выставлялся лишь потому, что самый факт его присылки льстил тщеславию американцев[49]. «Президент и все видные американцы постоянно проявляют самый большой интерес к нашей революции, и они прониклись убеждением, что от нее зависит судьба всей Европы»,— сообщал Отто. Это было верно. Но Отто, как и другие французские дипломаты в США, все же переоценивал расположение Вашингтона. Руководители США были не только заинтересованы, но и озабочены развитием событий во Франции. И если Д. Вашингтон был благожелательно настроен к революции только до той поры, пока в ней принимал участие Лафайет, то объяснялось это далеко не только его личными симпатиями, но и тем, что во французской революции наступил новый этап, которого он не одобрял. Лафайет, представитель либерально-дворянской оппозиции, оставался монархистом. После свержения королевской власти он, потерпев неудачу в попытке поднять контрреволюционный мятеж, бежал из Франции. Известия о свержении монархии и казни ко-

[44] Тернан — министерству иностранных дел 10.IV.1793. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 36, p. 462.

[45] R. Palmer. The Great Inversion, p. 16.

[46] Мустье—Монморану 3.X.1789. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 34, pp. 285—286.

[47] Отто — Монморану 23.VII.1791. Archives. Correspondance politique. Etats- Unis. Vol. 35, p. 375.

[48] Ibid.

[49] См. L. M. Sears. George Washington and the French Revolution. Detroit. 1960; Отто—Монморану 12.XII.1790. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 35, pp. 231—232.

роля были встречены в Америке не только без энтузиазма, но и с осуждением [50].

Американские исследователи Д. Миллер и С. М. Липсет высказали предположение, что руководители США, подобно консерваторам в других странах, опасались, как бы приезжавшие в Америку французские агенты и официальные представители не организовали заговор с целью свержения правительства. Многие исследователи сходятся на том, что антифранцузские настроения в американских верхах были подогреты поведением вновь назначенного французского посланника Жене, который, прибыв в США, обратился к народу через голову правительства и встретил восторженный прием среди широких масс населения [51]. Конечно, подобные страхи существовали, но не только они определяли американскую позицию.

США отказались поддержать Францию. Это соответствовало их общей внешнеполитической установке: Америка не желала ввязываться в мировую политику. Но, кроме того, в правительстве шла борьба за внешнеполитическую ориентацию страны. В результате различных дипломатических перипетий США в 1793 г. заключили договор с Англией [52]. Предыстория этого договора непосредственно связана с борьбой по вопросу об отношении к французской революции. В то время как государственный секретарь Т Джефферсон, в ведении которого находилась внешняя политика, выступал за установление тесных отношений с Францией, вице-президент Д. Адамс и министр финансов А. Гамильтон действовали в противоположном направлении. Д. Адамс обрушился на французскую революцию с серией статей в газетах. А когда ему напомнили, что французские революционеры, критикуя «старый порядок», использовали его собственную книгу, содержавшую нападки на британские аристократические порядки, Д. Адамс заявил Отто буквально следующее: «Я вижу, что мне нужно еще раз съездить во Францию, чтобы объяснить им мою книгу, которую они плохо поняли» [53]. Д. Адамс критиковал Джефферсона и его сторонников. Что же касается Гамильтона, то он начал плести против них тайную интригу. Являясь правой рукой президента, Гамильтон употребил все свое влияние, чтобы сорвать планы Джефферсона. Он был сторонником пробританской ориентации. Консерватор по убеждениям и во всех отношениях полный антипод Джефферсону, Гамильтон в своих действиях не останавливался ни перед чем. Он вступил в сговор с британской секретной службой, добился отставки Джефферсона и заключения договора с Англией. Многие обстоятельства этой истории оставались неизвестными в течение почти полутора веков. Обнаружив новые документы в архиве британской разведки, о них сообщил в 1964 г. американский историк Д. Бойд, издатель «Бумаг Томаса Джефферсона». Книга Бойда называется «Номер 7» — под этим номером значился Гамильтон в донесениях британского разведчика Беквита, с которым у него была тайная связь [54].

Каждая революция несет в себе двойное начало. Она разрушает и создает. Обе революции знаменовали рождение новых буржуазных наций. Вместо разгороженных различными барьерами провинций и обла-

---

[50] Отто—Монморану 4.VIII.1790. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 35, p. 147; А. З. Манфред. Великая французская буржуазная революция 1789—1794. М. 1956, стр. 160.

[51] J. C. Miller. Crisis in Freedom. Boston. 1951, p. 14; S. M. Lipset. The First New Nation. N. Y. 1967, p. 44; A. De Conde. The Entangling Alliances. N. Y. 1964, p. 197 f.

[52] См. S. F. Bemis. Jay's Treaty. New Haven. 1962.

[53] Отто—Монморану 13.VI.1790. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 35, p. 115.

[54] J. Boyd. Number 7. Alexander Hamilton's Secret Attempts to Control American Foreign Policy. Princeton. 1964.

стей во Франции, разъединенных и плохо связанных друг с другом отдельных колоний в Америке возникли две новые нации. Французская нация сложилась в XVI--XVIII вв., то есть в основном до революции, которая сыграла роль заключительного аккорда в этом процессе. В Америке скорее наоборот. Американский историк Е. Морган говорит, что «не нация родила революцию, а революция родила нацию»[55]. Действительно, для образования американской нации существовали предпосылки, но только война за независимость превратила их в реальную возможность. Появилась новая нация, но процесс ее дальнейшего формирования продолжался, и ему предстояло занять еще несколько десятилетий[56]. Американская революция носила ярко выраженный национально-освободительный характер. Она освободила колонии от гнета Англии. Французская революция порвала путы, мешавшие развитию единого национального организма. Революции в Америке и во Франции разрушили препятствия на пути дальнейшего прогресса этих стран.

По тому, какую работу выполняет революция, судят о ее результатах и характере. Французскую революцию называют Великой. Это название соответствует гигантским преобразованиям, которые она совершила. «Франция,— писал Ф. Энгельс,— разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна»[57]. Свержение абсолютизма, ликвидация сословий и сословного неравенства, отмена цеховой регламентации, а также феодальных повинностей и дворянских привилегий, ликвидация церковного имущества, введение буржуазно-демократических свобод и избирательного права— таков перечень основных перемен, совершенных французской революцией, которая очистила национальную почву от хлама феодальных пережитков и создала условия для быстрого развития капитализма[58].

Веками создавался старый порядок. Пережитки феодальной системы пронизывали буквально все стороны жизни. Пользуясь выражением Дантона, нужна была «смелость, смелость и еще раз смелость». Для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией потребовались колоссальные усилия, чтобы разломать старую систему и расчистить почву для нового строя. Эту задачу выполнила французская буржуазия, опиравшаяся на поддержку всего народа. Она встретила отчаянное сопротивление старых классов, и, чтобы сломить его, потребовалась беспощадная диктатура якобинцев. Якобинская диктатура и выступления плебейских масс были вершиной революционного подъема во Франции. Американская революция не знала подобного рода явлений. Правда, и в Америке велась борьба против «лоялистов». Было принято постановление о конфискации собственности сторонников короны, а стихийный протест вылился в жестокие расправы над теми, кто не желал поддерживать борьбу за независимость. Но эти меры не идут ни в какое сравнение с якобинской революционно-демократической диктатурой. Каким бы преследованиям ни подвергались «лоялисты», остается фактом, что ни один королевский губернатор не пострадал, а часть сторонников Англии даже сумела сохранить свое имущество. Впрочем, в Америке и не было особой необходимости в терроре, так как разрушение старого не требовало таких усилий, как во Франции.

---

[55] E. S. Morgan. The Birth of the Republic. 1763—1789. N. Y. 1956, p. 101.

[56] См. Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII — первая половина XIX в.). «Проблемы генезиса капитализма». М. 1970; В. Ф. Стратанович. К вопросу о первоначальном накоплении капитала в английских колониях в Северной Америке в XVII—XVIII вв.; его же. Промышленное развитие североамериканских колоний Англии в XVII—XVIII вв. «Ученые записки» Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Том CLIX, вып. 6; том. 171, вып. 7.

[57] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 259.

[58] А. З. Манфред. Указ. соч., стр. 99—104, 282—284; G. Lefebvre. Révolution Française dans l'histoire du monde, p. 323.

Америка не знала ни такой глубины конфликтов, ни такого размаха революционной борьбы. Границы классов были подвижны, а классовые противоречия не успели еще приобрести такой остроты, как в Европе. Одной из важнейших причин этого был резерв свободных земель на Западе, куда, несмотря на британский запрет, постоянно устремлялась масса колонистов. Это была своего рода отдушина, которая и в последующей американской истории выполняла роль своеобразного клапана, снимавшего напряжение классовых конфликтов.

Палмер утверждает, что американская революция была «болезненным конфликтом, от которого многие пострадали». Он сравнивает масштабы контрреволюционной эмиграции из Америки (60 тыс.) и из Франции (129 тыс.), подсчитав, что число эмигрантов из Америки (24 чел. на тысячу населения) было относительно большим, чем из Франции (5 чел. на тысячу населения). Основываясь на этих данных, один американский журнал даже сделал вывод, что революция в Америке была в определенном смысле более радикальной, чем во Франции[59]. К этому утверждению, конечно, нельзя относиться серьезно.

На смену якобинской диктатуре во Франции пришла термидорианская реакция. Американская революция не знала таких амплитуд. Но она тоже имела свой небольшой «термидор» — конституцию 1787 года. Аккредитованные при правительстве США представители французского двора с чувством большого удовлетворения комментировали это событие, считая, что оно «бесконечно благоприятно для интересов королевства (то есть Франции.— *А. Ф.*)». По мнению посланника Мустье, значение новой конституции было так велико, что он назвал ее «второй революцией». «Тот призрак демократии, которым прельстился народ,— писал Мустье,— сейчас исчезает». Позднее, оценивая тенденции политического развития США, другой французский дипломат отмечал, что американская система все более и более приближается по своему типу к «выборной аристократии или даже смешанной монархии»[60]. Новый правопорядок игнорировал интересы «низших классов». В противоречие с Декларацией независимости, провозгласившей право каждого «на жизнь, свободу и стремление к счастью», конституция 1787 г. обходила молчанием вопрос об элементарных гражданских свободах. Только несколько лет спустя под давлением массовых выступлений и под влиянием начавшейся революции во Франции она была дополнена Биллем о правах, провозгласившим свободу слова, печати, собраний, вероисповедания, правом на неприкосновенность личности, жилища и т. д. Конституция 1787 г. была шагом назад, она противоречила практике революционных лет, когда большинство политических решений предварительно широко обсуждалось. Конституционный конвент заседал при закрытых дверях, и выступления его участников не подлежали огласке. В свое время Ч. Бирд, анализируя состав конвента, показал, что он целиком состоял из представителей «высшего класса». Из 56 делегатов 50 были земельными и иными собственниками. Они были лично заинтересованы в организации новой системы власти и извлекли из нее экономическую выгоду; что же касается неимущих масс, то их отстранили от участия в подготовке конституции[61].

Вот уже несколько десятилетий оценка конституции является предметом жестоких сражений между историками. Эти споры заняли центральное место в дискуссиях о характере американской революции, ее роли и месте в мировой истории. Ныне в американской буржуазной

---

[59] R. Palmer. The Age of the Democratic Revolution. Vol. I, p. 188; «Newsweek», 13.I.1969.

[60] Отто — Монморану 20.X.1787, 25.XII.1789, 13.III.1790; Мустье — Монморану 2.II.1788, 25.V.1789, 5.VI.1789. Archives. Correspondance politique. États-Unis. Vol. 32, pp. 375—380; vol. 33, p. 238; vol. 34, pp. 112, 158, 353; vol. 35, p. 66.

[61] Ch. Beard. An Economic Interpretation of the Consitution of the United States. N. Y. 1913, pp. 324, 149, 151.

историографии господствует направление «неоконсерваторов», сторонники которого стремятся доказать, что, в сущности, в Америке вообще не было революции. Фактически оно представляет разновидность теории «исключительности» американского капитализма. Сторонники этого направления отрицают значение выводов Бирда[62]. Они утверждают, что в отличие от Европы американская история развивалась под знаком «преемственности» и «согласия», никогда не знала классовых и социальных противоречий, свойственных Старому Свету, и поэтому ей не приходилось переживать социальных «коллизий». Сглаживая классовые конфликты в эпоху американской революции, «неоконсерваторы» заявляют, что она вообще не имела «социальных целей». А раз так, заключают они, значит, не могло быть и «термидора»[63].

Характеризуя революции XVIII в., К. Маркс отмечал, что они развивались по восходящей линии[64]. Во Франции это оказалось возможным в результате все более активного участия «низов» в политической борьбе. Американская революция тоже шла вперед благодаря усилиям народа. Поэтому замечание К. Маркса равным образом может быть отнесено к американской революции. Она развивалась в рамках освободительной войны за независимость. Однако революция не остановилась с окончанием войны против Англии. Послевоенный период (до принятия конституции 1787 г.) ознаменовался обострением классовых конфликтов и попытками углубить революцию. Это нашло выражение в усилении социального протеста «низов», уравнительных требованиях масс и вооруженных выступлениях, наиболее значительным из которых было восстание Д. Шейса. Одна из главных целей конституции заключалась в том, чтобы положить конец этим явлениям. Вопреки утверждению «неоконсерваторов» принятие конституции было обусловлено классовым конфликтом и отвечало интересам имущих классов. В этом смысле она и была «термидором». Как справедливо отметил М. Дженсен, члены конституционного конвента единодушно усматривали «основное зло» в демократии, и их цель состояла в том, чтобы остановить развитие демократического движения[65].

Говоря о важности изучения событий, связанных с принятием конституции 1787 г., французский историк А. Каспи отмечает, что кардинальный вопрос заключается в том, «остались ли Соединенные Штаты верны духу 76 года». Сам он отвечает на этот вопрос утвердительно, ибо те, кто выступал за принятие конституции, представляли, по его словам, «новое поколение», сознававшее ответственность перед будущим Америки, а противники конституции были «сторонниками общества прошлого». Конституция, по мнению Каспи, соответствовала представлениям американцев о демократии, «основанной на собственности и защите свобод», и «совершенно не противоречила духу 76 года»[66]. Однако, рассуждая так, французский исследователь практически присоединяется к утверждениям «неоконсерваторов» о том, что лозунгом американской революции была «свобода и собственность», а не «свобода и демократия»[67]. Между тем именно борьба за демократию являлась одним из важнейших компонентов войны за независимость. Как отмечал У. З. Фостер, американская революция «была буржуазной революцией, в которой был очень силен демократический элемент»[68]. Это положе-

[62] См. Н. Н. Болховитинов. Современная американская историография: новые течения и проблемы. «Новая и новейшая история», 1969, № 6, стр. 117—119; его же. Война США за независимость и современная американская историография.

[63] R. Brown. Reinterpretation of the Formation of the American Constitution. Boston. 1963, pp. 21, 40.

[64] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 122.

[65] M. Jensen. The American People and the American Revolution, pp. 5—6.

[66] A. Kaspi. La naissance des Etats-Unis. P. 1972, pp. 23, 24, 26.

[67] См. E. S. Morgan. The American Revolution. «William and Mary Quarterly». 1957, January, pp. 3—15.

[68] У. З. Фостер. Очерки политической истории Америки. М. 1953, стр. 117.

ние убедительно раскрыто в работах М. Дженсена, показавшего на огромном фактическом материале роль и место демократического движения в революции[69]. Умаляя значение этого движения как передовой силы революции и изображая политическое развитие США от Декларации независимости до принятия конституции как некий гармонический процесс, Каспи льет воду на мельницу тех, кто отрицает наличие классов и классовых противоречий в американском обществе. Желая того или нет, он поддерживает теорию «преемственности» и «согласия», сторонники которой изображают дело так, будто конституция была принята не в интересах господствующих классов, а всего народа. Между тем цель конституции заключалась как раз в обратном. Она была призвана упрочить власть буржуазии и плантаторов, избавиться от «ужасов неконтролируемой демократии», «найти своего рода убежище от демократии»[70].

Представитель «новых левых» в современной историографии США С. Линд заявляет, что американская революция не выполнила важнейших социально-экономических преобразований. В этом смысле «Америка,— по его словам,— не имела буржуазной революции, сравнимой с Французской революцией». Линд справедливо отмечает, что кардинальным вопросом революции была отмена рабства. Но для того, чтобы выполнить эту задачу, потребовалась еще одна революция[71]. При составлении проекта Декларации независимости Т. Джефферсон включил в нее пункт об отмене рабства. Под давлением представителей южных колоний этот пункт был исключен. Однако положение о том, что каждый американец имеет право «на жизнь, свободу и стремление к счастью», распространялось на всех без исключения. Поэтому впоследствии лидеры аболиционистов, выступавшие за отмену системы рабства, ссылались на Декларацию независимости. Между тем конституция США узаконила институт рабовладения, зафиксировав это в специальном постановлении. В этом заключалось ее принципиальное различие с Декларацией независимости.

Многие исследователи отмечают, что в отличие от Америки во Франции в результате революции было принято постановление, отменявшее рабство во французских колониальных владениях. Бесспорно, что для Франции решение этого вопроса было проще и не так болезненно. Достаточно сказать, что черное население США равнялось 460 тыс. человек в 1770 г. и 750 тыс. в 1790 году. Из них 90% проживало на Юге и $^{9}/_{10}$ были рабами. Поэтому отмена рабства сопряжена была с преобразованиями колоссального масштаба. Тем не менее ликвидация рабовладения объективно являлась важнейшей задачей буржуазной революции, и если в США этого не произошло, то причиной тому был контрреволюционный сговор участников конституционного конвента. Хотя северная буржуазия, сыгравшая руководящую роль в революции, была против системы рабовладения, она была вынуждена по политическим соображениям пойти на компромисс с южными плантаторами. Эта сделка получила решительную поддержку со стороны имущих, богатых слоев населения, и знаменательно, что к ним примкнули сумевшие из-

[69] M. Jensen. Democracy and the American Revolution. «Huntington Library Quarterly», 1957, August, pp. 321—341; ejusd. The New Nation. N. Y. 1967; ejusd. The Founding of a Nation. N. Y. 1968.

[70] M. Jensen. The New Nation, p. 426.

[71] S. Lynd. Beyond Beard. «Towards a New Past». New York. 1969, pp. 50—51. «Новые левые» (Д. Лемиш, С. Линд, А. Янг) — представители современного критического направления в буржуазной историографии США. В оценке американской революции их критика перекликается со многими положениями «прогрессистов», а также историков-марксистов (У. Фостер, Г. Аптекер, Г. Морейс). Взгляды «новых левых» привлекли к себе широкое внимание. Хотя многие из их положений за полтора-два десятилетия до этого были плодотворно и всесторонне разработаны американскими марксистами, буржуазная историография США сознательно замалчивала эти достижения марксистской науки.

бежать репрессий и уцелевшие после войны за независимость контрреволюционеры-лоялисты [72]. Образованный таким образом реакционный политический блок добивался создания сильной центральной власти, чтобы установить барьер на пути развития демократического движения.

Скептически оценивая современную историографию «новых левых», рассматривающую американскую революцию в свете классовой борьбы, Каспи задает вопрос: «Не ищут ли они в истории революции ответа на вопросы, которые стоят перед американцами сегодня?»[73]. Однако такая позиция вполне оправдана. Во-первых, нет ничего противоестественного в попытках найти корни современности в событиях прошлого. Во-вторых, если подвергается сомнению правомерность позиции «новых левых», то почему безоговорочно принимаются утверждения «неоконсерваторов», прагматически оценивающих историю в зависимости от политических задач сегодняшнего дня? Ни для кого не секрет, что представители этого направления исповедуют откровенно апологетические взгляды. Даже такой орган «истеблишмента», как журнал «Newsweek», вынужден был признать, что в течение длительного времени прошлое США представлялось в идеализированном свете, как гладкий, бесконфликтный процесс. «Вплоть до недавнего времени,— отмечал он в 1969 г.,— история Америки писалась как история достижений. От основания колоний и американской революции... американские историки изображали шумное прошлое нации в свете решительного оптимизма, как непрерывное торжество свободы» [74]. В последние годы правомерность подобного рода оценок начали подвергать сомнению даже представители ортодоксального направления в буржуазной историографии США. Критикуя концепцию «согласия» и «преемственности», известный американский историк Д. Дауд заметил, что «научный подход требует, чтобы ни один общественный институт не принимался как раз навсегда данный, ничего не должно оставаться вне поля критики» [75]. Видимо, Каспи не разделяет этого подхода. Он отрицает социальный классовый характер конфликтов американской революции, следуя апологетической концепции «неоконсерваторов».

Бесспорно, классовые противоречия во Франции были несравненно более острыми, чем в Америке. Однако этот факт не умаляет значения классовых конфликтов и противоречий в американской революции. Что бы ни заявляли теперь представители апологетической школы, американское общество состояло из разных имущественных слоев, положение которых было неодинаковым во всех отношениях. Цель конституции 1787 г. заключалась в том, чтобы закрепить права и власть в США за богатым меньшинством вопреки демократическому большинству. Об этом прямо говорили создатели конституции. «Те, кто владеет собственностью, и те, кто ее не имеет, всегда представляли различные интересы в обществе,— писал Мэдисон.— То же самое можно сказать о кредиторах и должниках. Земельные, промышленные, торговые и денежные интересы, а также интересы меньших групп неизбежно проявляются в цивилизованных нациях и разделяют их на различные классы, руководствующиеся в своих действиях различными чувствами и взглядами. Регулирование этих разных и противоречивых интересов представляет собой главную задачу современного законодательства...» [76].

Решающее значение имел тот факт, что осуществление этой миссии взяли на себя представители имущих классов, которые присвоили себе право выработки нового законодательства, регулируя интересы различ-

---

[72] R. Morris. The Emerging Nations and the American Revolution. N. Y. 1970, p. 9.
[73] A. Kaspi. Op. cit., p. 26.
[74] «Newsweek», 13.I.1969.
[75] См. «The State of American History». Ed. by H. Bass. Chicago. 1970, p. 265 (цит. по: «Новая и новейшая история», 1972, № 4, стр. 188).
[76] Цит. по: M. Jensen. The New Nation, p.427.

ных слоев населения в совершенно иной манере, чем в годы войны за независимость. По сравнению с военным временем в политике правящего класса произошли заметные перемены. Это обстоятельство отмечал французский поверенный в делах Отто. Характеризуя политику военных лет, он писал, что «в те грозные времена необходимо было соглашаться с тем, что всякая власть должна исходить только от народа, что все должно быть подчинено его верховной воле и что должностные лица являются не более чем его слугами». Однако после того, как война за независимость окончилась, «класс людей, известных под названием джентльменов», стал, по словам Отто, «претендовать на господство, с которым народ не хочет согласиться». «...Почти все они,— писал французский дипломат,— опасаются стремления народа лишить их имущества, к тому же они являются кредиторами и поэтому заинтересованы в том, чтобы усилить правительство и обеспечить исполнение законов»[77].

Таким образом, принятие конституции 1787 г. было продиктовано интересами утверждения власти крупной буржуазии и земельной аристократии. Если говорить о ее общей оценке как политического документа, то нельзя не признать, что для того времени это была передовая конституция, в особенности после принятия Билля о правах, который также следует рассматривать как определенный итог классовой борьбы. Именно ввиду отсутствия Билля о правах конституция встретила массовую оппозицию. Представлявшие интересы малоимущих слоев населения противники конституции решительно настаивали на принятии поправок к ней и критиковали ее за отсутствие в ней гарантий элементарных политических свобод. Создатели конституции были, по свидетельству французского посланника Мустье, «абсолютно не расположены заниматься поправками, пока не будет полностью организовано правительство». Однако в конечном итоге они вынуждены были это сделать. Обнаружив, что «их противники подготовили длинный список дополнений, способных ослабить или вообще ниспровергнуть всю новую систему, они решили предложить сами то, что не могло ей повредить, и взять под контроль дебаты с тем, чтобы сделать их для себя более благоприятными». Таким образом, сторонники конституции достигали двойного эффекта. С одной стороны, они выбили козырь из рук оппозиции, а с другой — сформулировали дополнения к конституции в приемлемой для себя форме. «Эти поправки,— писал Мустье,— были составлены господствующей партией в такой манере, чтобы не нанести никакого ущерба духу конституции и унять чрезмерное беспокойство...»[78]. Вместе с тем принятие Билля о правах было серьезным успехом демократических сил.

В США господствующие классы вынуждены были пойти на уступки, которых не сделала французская буржуазия. Ни в наполеоновскую эпоху, ни тем более в период реставрации Франция не получила подобных демократических свобод. Это объяснялось различием условий, в которых происходила та и другая революция. Французская революция приложила несравненно бóльшие усилия для ликвидации старого порядка, однако принесла народу более ограниченную свободу. Это касается не только политических преобразований, но и такой важной проблемы, как аграрная. Конституция США не отменила рабства, но решение аграрной проблемы в Америке пошло по более демократическому пути. Во Франции процесс демократизации земельных отношений оказался гораздо сложнее.

---

[77] Отто — Верженну 10.XI.1786. «Sources and Documents Illustrating the American Revolution. 1764—1788». Ed. by S. E. Morison. Oxford. 1953, pp. 233—234.

[78] Мустье — Монморану 12.IX.1789. Archives. Correspondance politique. Etats-Unis. Vol. 34, p. 256.

Французская революция разрушила феодальную структуру земельной собственности и остатки внеэкономического принуждения. Эти исторические завоевания были поддержаны радикальными мерами якобинской диктатуры. Однако с наступлением термидорианской реакции началось движение в обратном направлении. Мелким земельным собственникам не удалось до конца освободиться от разного рода «рент». Некоторые из повинностей, отмененных якобинцами, были восстановлены. Крупная земельная собственность сохранилась, хотя и получила иное правовое оформление. В то же время крестьянская масса испытывала острую земельную тесноту. «Поэтому крупная земельная собственность в сочетании с крестьянской земельной нуждой и нищетой,— пишет А. В. Адо,—становилась источником кабальной аренды, различных форм издольщины, ростовщической посреднической аренды, которые так и не были затронуты революцией, несмотря на горькие жалобы крестьян. В конечном итоге французская революция оказалась не в состоянии радикально решить аграрную проблему, не обеспечив условий для фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве» [79].

Решение аграрного вопроса в США — этой важнейшей для американской революции проблемы — не встретило таких трудностей. Конечно, система рабства тормозила развитие капиталистического уклада в сельском хозяйстве, но феодальные институты, носившие, как уже отмечалось, в значительной мере символический характер, были навсегда отменены. Многие крупные земельные имения оказались поделены и распроданы более мелкими частями. Хотя значительная доля экспроприированных земель была захвачена земельными спекулянтами, часть из них перешла в руки мелких и средних собственников. Наконец, исключительно важным было решение вопроса о западных землях. Они были превращены в национализированный общественный фонд и пущены в свободную продажу. Вначале условия распродажи были таковы, что это было выгодно лишь крупным собственникам. Только после Гражданской войны 1861—1865 гг. и принятия Гомстэд-акта земли стали раздаваться мелкими участками. Однако уже сам по себе акт национализации западных земель, открывший их для свободного приложения капитала, демократизировал аграрные отношения. Частная собственность на землю возникала там на новой капиталистической основе, а это, как указывал В. И. Ленин, явилось важнейшим условием передового фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве [80]. В конечном же итоге решение аграрной проблемы имело важное значение и для промышленного капитализма, так как «предопределило создание в ближайшем будущем внутреннего рынка для развивающейся промышленности городов» [81].

Американская революция предшествовала французской, оказав влияние на развитие революционных событий во Франции. Пример победоносного восстания окрылял французских революционеров и укреплял их веру в успех революции. К. Маркс отмечал, что американская война за независимость дала «первый толчок европейской революции XVIII века» и «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии» [82]. Однако иногда делаются необоснованные попытки приписать американской революции роль, которую она не играла. Например, Мак Дональд объяснял крестьянские восстания во Франции влиянием французских солдат, воевавших в Америке. Это утверждение было опровергнуто Годшо [83]. Программные документы американской револю-

[79] А. В. Адо. Указ. соч., стр. 394—414.

[80] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 129.

[81] Г. П. Куропятник. О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху. «Новая и новейшая история», 1958, № 4, стр. 41.

[82] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 17; т. 23, стр. 9.

[83] F. McDonald. The Relation of the French Peasant Veterans of the American Revolution to the Fall of Feudalism in France. 1789—1792. «Agricultural History», 1951,

ции, Декларация независимости и конституции отдельных штатов, в особенности Пенсильванская, конечно, оказали влияние на французскую Декларацию прав человека и гражданина, а также на конституции 1791 и 1793 годов. Но не следует забывать и того, что создатели американских и французских революционных деклараций, а также конституций пользовались одним источником — идеями английских буржуазных философов и французских просветителей.

Интерпретация американской революции и ее сравнительная характеристика с революцией во Франции часто определяются политическими соображениями. Это отражается и в спорах, которые ведутся вокруг вопроса о том, какая из революций сыграла бо̀льшую роль и оказала более сильное влияние на последующее развитие мира. Даже те, кто в принципе подвергает нападкам «социальные революции», решительно настаивают на достоинствах американской революции. К. Боулдинг по этому поводу заметил: «Мы чувствуем некоторую обязанность любить революцию в принципе, так как мы сами родились в результате революции. С другой стороны, мы боимся и относимся к революциям с подозрением... Наше отношение к революции состоит из смешанного чувства любви и ненависти. С одной стороны, мы умиленно взираем на наши первые шаги, а с другой — в нас сидит подсознательная боязнь разбиться» [84].

Показательно, что «неоконсерваторы», подвергая сомнению или даже отрицая социальный характер войны за независимость, в том случае, когда речь заходит о сопоставлении американской революции с другими революциями, настаивают на ее приоритете. Представители апологетической школы не замечают при этом или сознательно закрывают глаза на то, что они впадают в неразрешимое противоречие. Ибо, с одной стороны, при обосновании тезиса о «бесконфликтном» характере развития США они настаивают на «исключительности» американской революции, а с другой — желая изобразить ее в роли эталона демократического развития и образца для развивающихся стран, доказывают ее «универсализм». Очевидно, что «исключительность» и «универсализм» — понятия взамоисключающие.

Между тем в литературе последних лет все чаще и все настойчивее делаются попытки привязать рассмотрение американской революции и ее сравнительную характеристику к политическим задачам сегодняшнего дня. «Создала ли американская революция прецедент в истории западного мира, призваны ли Соединенные Штаты выполнить историческую миссию и не показывают ли они своим примером образец для всех?» Этим вопросом заключает свою работу французский историк Каспи [85]. Американский историк Р. Моррис высказывается по этому поводу более решительно. Подчеркивая преимущества американской революции по сравнению с французской, Моррис прямо заявляет, что получившие независимость страны колониального мира должны следовать примеру США. Этой теме целиком посвящена его последняя работа «Развивающиеся нации и американская революция». Свои рекомендации Моррис пытается подкрепить также сопоставлением революции в США с социалистическими революциями, и прежде всего с Великой Октябрьской социалистической революцией. Он заявляет, что «человечество должно сделать выбор между июльской революцией 76 года в Америке или Октябрьской революцией 17-го года в России». Для Морриса этот вопрос решается однозначно — в пользу американ-

---

October, pp. 151—161; J. Godechot. Les combattants de la guerre d'Indépendance des Etats-Unis et les troubles agraires en France de 1789 à 1792. «Annales Historiques de la Révolution Française», 1956, pp. 292—294.

[84] K. E. Boulding. The United States and Revolution. Santa Barbara. 1961, p. 4 (цит. по: «Causes», p. 14).

[85] A. Kaspi. Op. cit., p. 26.

ской революции. Но для мирового революционного движения, как это вынужден признать американский историк, он отнюдь не решается таким образом [86].

Известный социолог Х. Арендт в книге «О революциях» также отводит этому вопросу центральное место. Автор не скрывает, что проблема приоритета американской революции интересует ее с точки зрения престижа США на международной арене. Она говорит об Атлантическом сообществе как о «последнем оплоте западной цивилизации» и горько сожалеет о том, что американская революция до сих пор не получила должного признания. «В последнее время, когда революция стала одним из самых распространенных явлений всех стран и континентов,— пишет она,— отказ включить американскую революцию в революционную традицию ударил бумерангом по внешней политике США... Даже революции на американском континенте говорят и действуют так, будто они заучили опыт революций во Франции, России, Китае, и никогда не слышали ничего подобного о такой вещи, как революция в Америке» [87]. Другой американский историк, Д. Лэси, подчеркивающий в своей книге «Значение американской революции» ее «универсализм», также сожалеет, что XIX и XX вв. оказались «разочаровывающими», обнаружив, что американизм не удается распространить на остальной мир [88].

Разумеется, нет никаких оснований исключать американскую революцию из всемирной революционной традиции. В 1918 г. В. И. Ленин в «Письме к американским рабочим» писал, что борьба за независимость в Америке показала в то время «образец революционной войны». Он отмечал, что восстание американских колоний против Англии было «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн» [89]. Однако вклад французской революции и ее заслуги перед историей были неизмеримо более значительными. «Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии,— говорил Ленин,— она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...» [90]. Этим и объясняется тот факт, что опыт революционной борьбы во Франции оказал сильное влияние на последующее развитие мирового революционного движения.

---

[86] R. Morris. The Emerging Nations and the American Revolution, p. 128.
[87] H. Arendt. On Revolution. N. Y. 1963, pp. 217—218.
[88] D. Lacy. The Meaning of the American Revolution. N. Y. 1964, pp. 284—285.
[89] В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 48.
[90] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 367.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

БОЕПРИПАСЫ И АРТСНАБЖЕНИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Генерал-полковник артиллерии И. И. Волкотрубенко

1. Перед войной

Красная Армия, отстоявшая завоевания Великого Октября, была и осталась любимым детищем советского народа. Коммунистическая партия неустанно заботилась об улучшении ее вооружения. Еще в 1925—1927 гг. артиллерийские заводы оснастились современными станками и инструментами, увеличилось количество конструкторских артиллерийских бюро. Это позволило начать модернизацию старых и производство новых артиллерийских орудий, приборов и боеприпасов. К 1930 г. была закончена модернизация всех состоявших на вооружении артиллерийских орудий. 76-мм пушка обр. 1902 г., имевшая дальность стрельбы 8 верст, стала стрелять на 13 км, причем вес ее увеличился только на 200 кг. Успешно была проведена модернизация и остальных орудий. Новые дальности стрельбы потребовали новых снарядов и взрывателей. Комиссия особых артиллерийских опытов (Косартоп) во главе с выдающимся военным инженером В. М. Трофимовым проделала большую работу по отысканию новых форм снарядов. Эту работу успешно завершил Е. А. Беркалов. В результате были созданы дальнобойные снаряды, которые начали поступать на вооружение с 1927 года. Над усовершенствованием взрывателей работало конструкторское бюро под руководством В. А. Рдултовского. Однако техника двигалась вперед. Создавались новые танки, совершенствовалась авиация, армейская тактика требовала увеличения дальности и скорострельности стрельбы. Перед страной встала задача оснащения армии более современными образцами вооружения. Начинается эпоха его реконструкции.

В годы первых пятилеток появляются новые образцы артиллерии. Создаются батальонная и полковая артиллерия, новая 76-мм дивизионная пушка, замечательная 122-мм гаубица обр. 1938 г., новые образцы корпусной артиллерии, орудий большой мощности, артиллерия Резерва Главного Командования. Талантливые конструкторы В. Г. Грабин, Ф. Ф. Петров, И. И. Иванов, инженеры и рабочие заводов, инженеры Главного артиллерийского управления, Артиллерийского комитета, производственных отделов и военной приемки сумели за те годы коллективным трудом создать мощную наземную артиллерию, отвечавшую тогдашним требованиям. Первое зенитное орудие, 76-мм пушка, была создана в 1931 году. В 1938 г. ее модернизировали. Затем группа конструкторов под руководством инженера Л. В. Люльева создала 85-мм зенитную пушку образца 1939 г., а другая группа, под руководством инженера Л. А. Локтева,— 37-мм автоматическую пушку образца 1939 года. Позже создается 25-мм зенитная пушка образца 1940 года. Тогда же появились у нас образцы минометов: 82-мм миномет образца 1937 г., 50-мм ротный миномет, 120-мм полковой миномет и 107-мм горно-вьючный миномет обр. 1938 года. Они были сконструированы в бюро под руководством Б. И. Шавырина. Были созданы также самозарядная винтовка и пистолет Токарева, ручной и станковый пулемет и пистолет-пулемет Дегтярева. В предвоенные годы возникло новое грозное оружие — реактивная артиллерия.

Обычно с момента принятия на вооружение до полного оснащения армии проходят годы. Естественно, что перечисленных видов вооружения в Красной Армии к началу Великой Отечественной войны было еще недостаточно. Накануне войны события, тесно связанные с обеспечением войск вооружением и боеприпасами и пото-

му имевшие прямое отношение к Главному артиллерийскому управлению (ГАУ) и службе артиллерийского снабжения войск, развертывались очень быстро: в 1938 г.— бои у озера Хасан, в 1939 г.— бои на реке Халхин-Гол, начало советско-финской кампании. Наиболее характерной в этом отношении была советско-финская война.

2. До перелома в войне

Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 28 июля 1941 г. вводилась должность начальника тыла Красной Армии с Главным управлением тыла. Там сосредоточились все вопросы организации тыла. Ему подчинялся и транспорт — основа снабжения. На него была возложена задача подвоза боеприпасов фронту. Налаживается тесное взаимодействие ГАУ со службами тыла, особенно с Управлением военных сообщений. Аналогичные меры проводятся на фронтах и в армиях, где подвоз осуществлялся не только железнодорожным, но и автомобильным транспортом. В целом для ГАУ и службы артснабжения 1941 год оказался нелегким. Утрата части вооружения и боеприпасов в отступавших войсках, эвакуация заводов на восток, временные потери производственных мощностей — вот основные факторы, осложнявшие работу. Но тыл и фронт были едины, и героический труд советских людей все превозмог. Во время битвы под Москвой поставки промышленности дали возможность вооружить армии резерва Ставки, формировавшиеся в тылу и к началу контрнаступления переданные в состав Западного фронта. Вооружение проводилось не по табелю, а по нормам, утвержденным Ставкой [1]. В результате количество вооружения для войск, участвовавших в Московской битве, несмотря на значительные потери, не убывало, а непрерывно увеличивалось.

Трудно было и с боеприпасами. Еще в сентябре 1941 г. Военный совет Западного фронта представил заявку: иметь непосредственно в войсках 1,5, на складах армий — 1, на складах фронта — 1 боекомплект. Эти 3,5 боекомплекта должны были образовать постоянный запас. Кроме того, Военсовет просил довести обеспеченность еще до 4—5 боекомплектов на текущий месячный расход. Следовательно, для полного удовлетворения заявки необходимо было иметь 7,5—8,5 боекомплекта. В условиях же резкого падения поступления боеприпасов в те дни об удовлетворении такой заявки не могло быть и речи. Чтобы читатель мог представить количественный объем заявки этого фронта, укажем, что в октябре 1941 г. ему требовалось 3,5 млн. снарядов и мин (около 3 тыс. вагонов). Суровая зима и бездорожье усугубляли общие трудности. И опять сыграли свою роль героизм бойцов, напряженный труд тыловиков. Фашистская армия была отброшена от Москвы. А в 1942 г. Урал, Сибирь и Средняя Азия стали сердцем новой оборонной индустрии, и этот год явился переломным в поставках вооружения для армии.

Социалистическая промышленность дала в 1942 г. 5,5 млн. винтовок и автоматов, 230 тыс. пулеметов, 82 тыс. орудий, 230 тыс. минометов [2]. Когда началась грандиозная битва за Сталинград и битва за Кавказ, перед тылом Красной Армии, ГАУ и службой артиллерийского снабжения встала задача обеспечить войска в этих величайших битвах. Основными коммуникациями для подвоза под Сталинград являлись железнодорожные участки Мичуринск — Грязи — Поворино — Сталинград, Мичуринск — Тамбов — Балашов — Камышин, Мичуринск — Тамбов — Саратов — Урбах — Баскунчак, Волга на участке Саратов — Камышин — Сталинград, шоссе Саратов — Камышин — Сталинград. Эти коммуникации находились под контролем авиации противника. В начале августа железнодорожный участок Поворино — Сталинград был разбит непрерывными налетами, а 23 августа вообще перерезан противником. Одновременно были перерезаны шоссейные и грунтовые дороги, идущие к Сталинграду с севера, а Волга заминирована врагом, прорвавшимся к ее берегам в районе Рынка. Осталась одна Рязано-Уральская железная дорога с однопутной веткой Саратов — Урбах — Баскунчак. Насколько она была загружена перевозками, можно судить хотя бы по данным о суточном пробеге транспортов с артиллерийскими грузами [3]:

---

[1] Архив Министерства обороны СССР, ф. 81, оп. 12079, д. 40, стр. 112—114.
[2] Там же, стр. 112.
[3] Там же, д. 104, стр. 86.

Номера транспортов	Дата отправления	Расстояние	Время прибытия	Суточный пробег
75/0633	23.X.1942 г.	1 088 км	21.XI	37 км
80/0212	6.XII.1942 г.	305 км	24.XII	16 км
80/0197	7.XII.1942 г.	584 км	21.XII	42 км

На пути к войскам, в непосредственной близости к фронту, находилась Волга с многочисленными разветвлениями. Условия переправы через нее имели решающее значение для успешной работы службы артиллерийского снабжения (САС). Между тем противник часто бомбил тылы и переправы. Это требовало от САС особой гибкости, оперативности и маневренности. Преодолев огромные трудности, САС подала фронтам, участвовавшим в оборонительных сражениях под Сталинградом, 5 388 вагонов боеприпасов, а также винтовок и автоматов — 123 тыс., пулеметов — 5,3 тыс., орудий и минометов — около 8 тыс. штук. Расход же боеприпасов с 12 июля по 19 ноября 1942 г. составил 4 728 вагонов[4]. Остаток, как видно, был невелик. Тем не менее сумели еще накопить вооружение и боеприпасы для обеспечения перехода в контрнаступление.

Если снабжение войск вооружением и боеприпасами в Сталинградской битве было трудным, то на Кавказе — вообще по-своему неповторимым. С отходом Красной Армии к предгорьям Кавказского хребта основные железнодорожные коммуникации, связывавшие Кавказ с центром, были перерезаны противником. Подача фронту всего необходимого шла кружным путем — через Среднюю Азию и Баку. Отдельные транспорты поступали на Баку или Махачкалу через Астрахань, но это было исключением. Удлинение пути следования транспортов и необходимость перевалки грузов с железных дорог на воду и обратно намного увеличивали время доставки. Например, транспорт с боеприпасами № 83/0418 (100 тыс. 82-мм мин и 10 тыс. 120-мм мин), отправленный с Урала 1 сентября 1942 г., прибыл к месту назначения 1 декабря 1942 года. Транспорт № 83/0334 прошел путь в 7 027 км. И все же тысячи вагонов боеприпасов доходили до фронта. Еще сложнее оказывался путь в войска, оборонявшие горные проходы и перевалы Кавказского хребта, особенно на грунтовом участке из района Сухуми — Зугдиди до дивизионных складов и далее к войскам. Основным средством подвоза там являлись армейские и войсковые вьючные роты. В каждой такой роте было в среднем 100 ишаков. Средняя нагрузка ишака — до 40 кг.

Своеобразно организовали подвоз для гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшей белореченское направление: от Сухуми до Сочи — морем, от Сочи до дивизионного склада — автомобильным транспортом, далее до полковых пунктов питания — вьюком. В другой сд боеприпасы подвозились самолетами «У-2» с аэродрома Сухуми. Аналогично снабжали и иные дивизии 46-й армии. Большую помощь фронту оказали трудящиеся Закавказья. До 30 местных заводов и мастерских были привлечены к изготовлению корпусов ручных гранат, мин и снарядов средних калибров. За 5 месяцев ими было изготовлено 1,3 млн. корпусов ручных гранат, 1 млн. мин, 226 тыс. корпусов снарядов. Для их снаряжения организовали заводы в Баку (на базе пунктов переработки утильсырья) и в Тбилиси (на территории бойни). За 5 месяцев 2 завода снарядили 647 тыс. ручных гранат, 1,2 млн. мин, 549,5 тыс. снарядов. Сборка минометных и артиллерийских выстрелов производилась мастерскими Закавказского фронта. За 6 месяцев работы они собрали 1,7 млн. минометных и 1,5 млн. артиллерийских выстрелов. Эти мероприятия наряду с поступлением боеприпасов из центра обеспечили потребности Закавказского фронта на всю операцию. Местная промышленность Кавказа изготовляла и вооружение. За указанный период она произвела 4 294 50-мм миномета, 689 — 82-мм минометов, 46 492 автомата. Так была решена проблема вооружения этого района страны, отрезанного от центра.

Если по дороге на Кавказ транспорты шли долго и много раз перегружались, то еще более трудная обстановка сложилась со снабжением блокированного Ленинграда. Ближайшими связующими районами тут были места, лежащие восточнее Ладожского

[4] Там же, стр. 87.

озера и отсеченные от отдаленных предместий Ленинграда Шлиссельбургской губой. Данный район полностью находился в пределах досягаемости немецкой артиллерии и авиации. Прерванный ледоставом осенний подвоз грузов через Ладожское озеро был возобновлен постройкой в ноябре 1941 г. автомобильной ледяной трассы, которая вошла в историю под названием «Дорога жизни». По ней наряду с прочими грузами поступили десятки тысяч единиц стрелкового оружия, около 1 000 орудий и минометов, свыше 1,5 млн. снарядов и мин, а всего до прорыва блокады (январь 1943 г.) Ленинградскому фронту с центральных баз ГАУ было подано 6 208 вагонов вооружения [5].

Руководство ленинградской промышленностью во время блокады осуществляли городской комитет ВКП(б) и Военный совет Ленинградского фронта. Конечно, вследствие чрезвычайно тяжелых условий, в которых находился Ленинград, особенно в конце 1941 г., использовать полностью городские мощности не представлялось возможным. И все же с сентября и до конца 1941 г. промышленность блокированного Ленинграда изготовила и сдала фронту 7 682 миномета, 12 085 автоматов и сигнальных пистолетов, 2 298 артиллерийских орудий, 41 реактивную установку, 3,2 млн. снарядов и мин, свыше 5 млн. ручных гранат. Эти цифры сами по себе свидетельствуют о трудовом подвиге ленинградцев, которые еще и помогали тогда другим фронтам. В ноябре 1941 г., когда враг рвался к Москве, по решению Военного совета Ленфронта его артснабжение отправило в Москву 591 50-мм миномет, 115 82-мм минометов, 220 120-мм минометов, 431 76-мм полковую пушку. Орудия в разобранном виде грузились на самолеты и отправлялись на станцию Череповец. Туда был заброшен артиллерийский цех, который собирал вооружение. Далее оно грузилось в железнодорожные вагоны и прибывало в столицу. В тот же период Ленинград отправил Москве самолетами 39 700 76-мм бронебойных снарядов, а Волховскому фронту при подготовке Тихвинской операции (по ледовой трассе Ладожского озера на 100 автомашинах) — 25 120-мм минометов, 40 82-мм минометов, 100 76-мм полковых пушек. В этих цифрах — величественная героика тех лет!

3. Перелом в ходе войны

19 ноября 1942 г. залпы тысяч орудий и минометов Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов возвестили миру о начале нового этапа в истории Великой Отечественной войны. Началось контрнаступление наших войск под Сталинградом. Указанные фронты имели тогда около 6 млн. снарядов и мин, 380 млн. патронов, 1,2 млн. ручных гранат. Подача боеприпасов за время контрнаступления и уничтожения окруженной группировки врага производилась непосредственно к фронтам. С 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. было подано 3 923 вагона боеприпасов. Фронты уже израсходовали 7,5 млн. снарядов и мин и 228 млн. патронов. Общий расход за Сталинградскую операцию составил 9 539 вагонов боеприпасов [6], а подача боеприпасов за операцию — 9 311 вагонов.

При участии тех мужчин-рабочих, кто не был призван в ряды армии, женщины, старики и подростки, встав у станков и горя желанием помочь фронту, успешно трудились на заводах, производящих вооружение и боеприпасы. Если вооружение изготовляли специализированные заводы, то боеприпасы делала вся страна. Поставки боеприпасов внесли свою лепту в обеспечение успеха контрнаступления и перелома [7]. Если принять наличие на 1 января 1942 г. за 100, то окажется, что от промышленности поступило за 1942 г.: мин 240%, снарядов наземной артиллерии 110%, снарядов зенитной артиллерии 400%, патронов 160%, ручных гранат 300%. Как видно отсюда, промышленность поставила боеприпасов гораздо больше, чем их было к началу 1942 года. Особенно благополучно обстояло дело с патронами, которыми обеспечивались все виды вооруженных сил в полной мере, причем большое количество шло на обучение войск.

Теперь размах снабжения приобрел невиданные размеры, и осуществлялось оно в сравнительно короткие сроки. Это наглядно проявилось во время битвы на Курской

---

[5] Там же, д. 47, стр. 17.
[6] Там же, д. 109, стр. 134—232.
[7] Там же, д. 50, стр. 178.

дуге. Для ее обеспечения потребовалась исключительно большая подача вооружения в войска, которые после 1942 г. имели значительный некомплект в стрелковом вооружении и материальной части артиллерии. Кроме того, в начале 1943 г. ряд соединений был выведен в резерв Ставки на доукомплектование и дообеспечение вооружением и боеприпасами. Пока штабы готовились к операции, ГАУ по заданию Ставки Верховного Главнокомандования усиленно снабжало войска.

В результате фронты к началу операции имели свыше 2 млн. винтовок и автоматов, свыше 60 тыс. пулеметов, 82-мм и 120-мм минометов — 21 тыс., зенитных орудий — 2 273, противотанковых орудий — 7 236, орудий наземной артиллерии — 12 608 [8]. Такое наращивание огневой мощи произошло всего за полгода, что лишний раз подтверждает, сколь напряженно работала наша социалистическая промышленность. Накануне Курской битвы участвовавшие в ней фронты имели орудий и минометов больше, чем в начале первой мировой войны Россия, Франция, Германия и Австро-Венгрия, вместе взятые. Естественно, огромное количество вооружения требовало соответствующего количества боеприпасов. Только в апреле — июне 1943 г. трем фронтам было подано 4,2 млн. снарядов и мин, около 300 млн. патронов и почти 2 млн. ручных гранат, что составило свыше 4 тыс. вагонов. В результате фронты были обеспечены 76-мм выстрелами — от 2,7 до 4,3 боекомплекта, 122-мм гаубичными — от 2,4 до 3,4, а 120-мм минами — от 2,4 до 4 боекомплектов. По тяжелым калибрам фронтам дали от 3 до 5 боекомплектов.

Всего в количественном выражении фронты перед началом этой исторической по значению операции имели около 20 млн. снарядов и мин, 630 млн. патронов, 7 млн. ручных гранат. Затем подача боеприпасов проводилась непрерывно в течение всей операции. В целом фронтам за период операции был подан 4 781 вагон различных боеприпасов. Среднесуточная подача составляла: Центральному фронту — 51 вагон, Воронежскому — 72 вагона, Брянскому — 31 вагон. 11-я гвардейская армия получала боепитание у Западного фронта. С 5 по 12 июля 1943 г. армии Центрального фронта, отражая многократные и ожесточенные атаки противника, израсходовали 1 083 вагона боеприпасов (по 135 вагонов в сутки). Из них основная часть падает на 13-ю армию, которая одна расходовала по 100 вагонов в сутки [9]. На Центральном фронте разошлось в те же дни 387 тыс. патронов противотанковых ружей, на Воронежском фронте — 754 тыс., ибо приходилось отбивать ряд массированных атак немецких танков. За период оборонительных боев в Курской битве было израсходовано около 3 млн. снарядов и мин (2 165 вагонов), а всего за Курскую битву — 14 млн. мин и снарядов, 500 млн. винтовочных патронов, 3,3 млн. пулеметно-автоматных патронов, 3,6 млн. патронов противотанковых ружей, почти 4 млн. ручных гранат (10 640 вагонов боеприпасов). Расход лишь за 50 дней этой битвы перекрыл расход Сталинградской операции за 205 дней!

Фронты и сами принимали деятельное участие в сохранении вооружения и поддержании его боеспособности. В частности, в марте — июне 1943 г. силами подвижных ремонтных органов был проведен планово-профилактический ремонт всего наличия артиллерийского вооружения. Артсистемы, минометы и стрелковое оружие (за исключением полученного от ГАУ) прошли полную переборку с переводом на летнюю смазку. 1943 год стал переломным в использовании подвижных ремонтных органов. С увеличением количества вооружения возрос процент выхода его из строя по причинам неисправности. Устранение неисправностей возвращало вооружение в строй и повышало боеспособность войск. Количество вооружения, прошедшего такой ремонт в 1943 г., резко возросло по сравнению с 1942 г.: по винтовкам, пулеметам, минометам и орудиям — на 200—300%, по ПТР — на 500%, по автоматам — на 600%. Войсковые артиллерийские ремонтные органы организационно укрепились, для них была создана материально-техническая база. Каждая армия имела по 3 ремонтные артмастерские и по одной ремонтной тракторной мастерской. Во фронтах артснабжение также имело мощные ремонтные артиллерийско-тракторные мастерские.

---

[8] Там же, д. 290, стр. 31.
[9] Там же, стр. 37.

4. Решающие победы

1944 год явился годом решающих побед Красной Армии. Он начался в обстановке победоносного зимнего наступления, в результате которого наши войска освободили около 200 тыс. кв. км территории с населением в несколько десятков миллионов человек. Казалось, прошедшие 2,5 года тяжелой войны должны были истощить запасы вооружения и боеприпасов. Однако социалистическая военная экономика наращивала темпы своего производства, огневая мощь нашей армии увеличивалась [10]:

	Наличие (1.1.1942 г.— 100%)	
	На 1 января 1943 г.	На 1 января 1944 г.
Винтовок и автоматов	180%	280%
Пулеметов	210%	450%
Минометов	480%	790%
Орудий наземной артиллерии	190%	290%
Орудий зенитной артиллерии	225%	360%

Это произошло за счет возросших поставок с заводов Наркомата вооружения и усиления производительности труда, в чем выразился высокий патриотизм советского народа, возглавленного Коммунистической партией. Кроме того, в 1943 г. значительно сократились потери вооружения при наступательных операциях, улучшилась система сбора оружия на полях сражений и увеличилось количество вооружения, прошедшего ремонт в войсковых подвижных артиллерийских ремонтных органах. Параллельно улучшался учет вооружения во всех звеньях службы. Был введен строжайший порядок оформления потерь вооружения. ГАУ имело уже значительные резервы вооружения, в небольшом количестве обладали такими резервами и фронты.

Наступательные операции 1943 г. поглотили массу боеприпасов. Расход их не имел себе равных в истории войн. И все же общее их наличие возросло по минам (82-мм и 120-мм) на 7 млн. штук, по зенитным снарядам — на 3,1 млн., по противотанковым (45-мм и 57-мм) — на 1,2 млн., по 76-мм дивизионным — на 1,1 млн.; уменьшилось по 122-мм снарядам на 670 тыс. штук, по 152-мм снарядам — на 1,2 млн., по 203-мм снарядам — на 172 тысячи [11]. Несмотря на нехватку мощностей, сырья и электроэнергии, промышленность в 1944 г. увеличила выпуск боеприпасов, особенно дефицитных, и тем самым обеспечила ими наступательные операции 1944—1945 годов. А пока что стояла задача обеспечить операции 1944 года. Завышенные заявки фронтов на боеприпасы были обычным явлением, но они отнимали много времени и создавали в ГАУ напряженную обстановку. ГАУ проводило здесь твердую линию и получало в том поддержку Верховного Главнокомандования и Генерального штаба.

Операции по разгрому немцев на Правобережной Украине по наличию вооружения являлись сравнительно самыми насыщенными из всех имевших до того место операций Великой Отечественной войны: винтовок и автоматов — свыше 2 млн., орудий и минометов — около 50 тысяч. Войска начали операцию, имея вооружение полностью по наличию личного состава [12]. В период подготовки и проведения операции Украинским фронтам из центральных баз было отправлено 13,4 млн. снарядов и мин, почти 700 млн. патронов и 3,2 млн. ручных гранат. Только с 1 по 20 февраля 2-му Украинскому фронту было подано 994 вагона, 1-му Украинскому—325 вагонов [13]. Автотранспорт работал тогда в тяжелых условиях распутицы, а затем возобновившихся снежных заносов. Из 70 автомашин, отправленных 16 февраля из фронтового склада № 1387 на отделение того же склада на расстояние 120 км, за двое с лишним суток прибыла лишь

[10] Там же, д. 47, стр. 23—25.
[11] Там же, д. 49, стр. 152.
[12] Там же, д. 409, стр. 29—31.
[13] Там же, стр. 36—43.

половина [14]. С 5 по 15 февраля при подвозе боеприпасов со станции Белая Церковь на отделения склада 27-й армии 120 фронтовых автомобилей работали с помощью 32 тракторов. В отдельных случаях приходилось подносить боеприпасы при помощи местного населения, на руках.

На 1-м Украинском фронте в период бездорожья, когда автотранспорт не смог обеспечить снабжение войск, особенно танковых, оторвавшихся от тылов, командование фронта привлекло для подачи боеприпасов и горючего самолеты «По-2». С 7 по 18 февраля 1944 г. самолеты перебросили 27-й, 40-й и 6-й танковой армиям патронов 4,5 млн. штук, ручных гранат — 5,5 тыс., мин (82-мм и 120-мм) — 15 тыс., снарядов (76-мм и 122-мм) — 10 тысяч. Ежедневно работало 80—85 самолетов, делавших по 3—4 рейса каждый. Так было перевезено более 400 тонн боеприпасов [15]. «Трудяги» «По-2» выручили работников тыла и артснабжения в тяжелые дни, тем более что расход боеприпасов в операции оказался небольшим: было израсходовано 5,5 млн. выстрелов.

Белорусская операция, величайшая по размаху и невиданная по своим результатам, была проведена войсками 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов. В мае — июне 1944 г. ГАУ подало этим фронтам 260 тыс. винтовок и автоматов, свыше 10 тыс. пулеметов, 6,5 тыс. орудий и минометов [16]. В результате обеспеченность вооружением стала выше штатно-табельной потребности. В артиллерийской подготовке Белорусской операции участвовало около 35,4 тыс. орудий и минометов калибра от 76-мм и выше (гораздо больше, чем 19 ноября 1942 г. при начале контрнаступления под Сталинградом). Они за первый же день израсходовали до 1 млн. снарядов и мин. С 1 мая по 22 июля 1944 г. фронтам было подано 7,5 млн. выстрелов (7 982 вагона боеприпасов). В результате обеспеченность (в боекомплектах) была: по патронам — от 2 до 2,5; по минам — от 3 до 5; по зенитным выстрелам — от 2,5 до 4; по противотанковым—от 2,2 до 3,5; по 76-мм — от 3 до 4; по 122-мм гаубичным — от 3,4 до 4,3; по 152-мм и выше — от 3 до 10. Кроме того, в период операции подача фронтам шла непрерывно (4 366 вагонов) [17]. Подобных масштабов подачи раньше не было.

Это достигалось поставками от промышленности, интенсивной деятельностью баз ГАУ, четкой работой железнодорожного транспорта и тесным взаимодействием органов военных сообщений и артснабжения. Однако в ходе операции питание войск крайне усложнилось, и при быстром продвижении войск для приближения своих запасов к армиям и войскам службе артиллерийского снабжения пришлось выбрасывать вперед отделения фронтовых и армейских артиллерийских складов. Ввиду того, что темпы восстановления и перешивки железнодорожных путей отставали от темпов передвижения войск, для выброски указанных отделений и подачи им боеприпасов использовался автотранспорт. Два склада 5-й армии на 4 августа 1944 г. размещались в шести точках на расстоянии от 60 до 650 км от линии фронта. Аналогичное положение было на 2-м, 1-м Белорусских фронтах, во всех других армиях, участвовавших в операции. Это объяснялось и нехваткой транспорта. Военным советам и начальникам тыла фронтов и армий приходилось помогать артснабжению, выделяя специальные автобатальоны для ликвидации оставшихся в тылу отделений. Военный совет 3-го Белорусского фронта выделил в распоряжение начальника артснабжения фронта батальон в составе 150 автомобилей; Военный совет 50-й армии — 60 автомашин и рабочую роту.

Оседание боеприпасов в пути по мере продвижения войск приводило к тому, что боеприпасов на учете состояло много, но они были разбросаны на коммуникациях. Во 2-м Белорусском фронте в районах Кричева и Могилева к концу июля 1944 г. подлежало ликвидации 85 точек с боеприпасами. На этом же фронте пришлось перебрасывать боеприпасы самолетами на расстояние около 400 км. За 8 дней было перевезено 539 тонн [18]. Когда 3-й гв. кавкорпус оказался в Августовских лесах, а грунтовые до-

---

[14] Там же, стр. 52—54.
[15] Там же, стр. 55.
[16] Там же, д. 411, стр. 21—29.
[17] Там же, стр. 31—33.
[18] Там же, стр. 71—72.

роги на некоторое время были перехвачены подвижной группировкой противника, в течение одной ночи за 33 авиарейса кавалеристам было перевезено 100 тыс. патронов, ручные гранаты, снаряды, мины [19]. Большую работу проводили ремонтные мастерские. Нередко ремонтникам приходилось использовать огневую мощь восстанавливаемого вооружения в боях с противником. Армейская артреммастерская № 250 вместе с армейским складом № 3160 в продолжение 3 суток вели бой с большой группой немцев, пытавшейся прорваться на территорию склада. Личный состав мастерской успешно отразил все атаки противника, нанеся ему потери убитыми и пленными [20]. Всего же за время Белорусской операции было израсходовано 6,7 млн. выстрелов (5 900 вагонов боеприпасов). Таким образом, она стала к тому времени самой большой по количеству участвовавшего вооружения и поданных боеприпасов, но сравнительно небольшой по расходу последних [21].

Ясско-Кишиневская операция подготавливалась по линии ГАУ и службы артснабжения очень тщательно. Поскольку в ней участвовало только два фронта, общий размах ее был меньше, чем рассмотренных выше операций. Однако по количеству поданного вооружения и боеприпасов в период ее подготовки она сравнительно, с учетом численности сражавшихся войск, даже превышала предыдущие. Если в подготовительный период Белорусской операции четырем фронтам было подано 6 370 орудий и минометов, то для Ясско-Кишиневской операции двум фронтам — 6 045; если первые получили от ГАУ 1 143 76-мм дивизионные пушки, то последние — 1 054 и т. д. Войска начали операцию, имея свыше 24 тыс. орудий и минометов [22]. Не были обижены они и в подаче боеприпасов, получив 6,4 млн. снарядов и мин и имея, кроме того, еще свыше половины этой цифры у себя в запасе. Обеспеченность в боевых комплектах была по минам 3—4, по зениткам — от 3 до 6, по 76-мм — 3—3,5, по 122-мм гаубицам — от 2,8 до 3,2, по 152-мм и выше — 3—4.

Во 2-м Украинском фронте подвоз боеприпасов проходил относительно нормально. Но в 3-м Украинском их подача значительно осложнилась [23]. Дело в том, что перед началом наступления в войсках было сосредоточено от 2 до 3 боекомплектов, и их не полностью израсходовали. После прорыва обороны противника последовало быстрое продвижение вперед. Фронты взяли с собой лишь те боеприпасы, которые могли поднять своим транспортом. Значительные же количества остались при дивизионных обменных пунктах (ДОП) на правом и левом берегах Днестра. Подвоз с них дивизионным транспортом производился два дня, а потом прекратился из-за больших расстояний. По мере дальнейшего продвижения войск в районах боевых действий создавались новые ДОП. В то же время боеприпасы на старых ДОП оставались невывезенными, а армейские склады располагались восточнее Днестра. Войска оторвались от боеприпасов. Через шесть дней после начала наступления, по учетным данным, в войсках значилось большое количество боеприпасов, а фактически их там не было. Поскольку транспорт армий в тех условиях не справлялся с задачей, в дело был пущен фронтовой транспорт. С фронтовых складов были высланы колонны с боеприпасами, а затем выброшено вперед отделение фронтового склада № 442. Помогло и то, что расход боеприпасов в этой замечательной по своим результатам операции оказался малым: 2,4 млн. артвыстрелов и 0,5 боекомплекта патронов [24].

Непрерывным подвозом из центра в течение сентября — октября 1944 г. фронтам, продолжавшим наступление в Венгрии и Югославии, было подано свыше 2 млн. снарядов и мин, 170 млн. патронов, 0,5 млн. ручных гранат. Продолжалось пополнение фронтов вооружением. С сентября по декабрь 2-му Украинскому прислали 2 тыс. орудий и минометов и 62 тыс. единиц стрелкового оружия. Непрерывной подачей из центра боеприпасов и вооружения и согласованной работой артснабжения и тыла были обеспечены Ясско-Кишиневская операция, освобождение Румынии, наступление в Трансильвании и освобождение Белграда. Довоенная государственная граница СССР была к концу 1944 г. почти полностью восстановлена, война теперь шла вне территории нашей страны.

[19] Там же, стр. 74—75.
[20] Там же, стр. 124.
[21] Там же, стр. 92—96.
[22] Там же, д. 285, стр. 22—25.
[23] Там же, стр. 26—31.
[24] Там же, стр. 47—56.

5. Последние удары по врагу

В 1945 г. перед Советскими Вооруженными Силами встала задача окончательно разбить фашистскую армию и водрузить над Берлином Знамя Победы. Общее наличие боеприпасов в Красной Армии к тому времени изменилось. Несмотря на самый большой за всю войну расход боеприпасов в 1944 г., увеличение их производства благоприятно сказалось на состоянии запасов. Если принять наличие на 1 января 1944 г. за 100%, то на 1 января 1945 г. число мин увеличилось на 154%, выстрелов зенитной артиллерии — на 135%, выстрелов наземной артиллерии — на 111% [25]. Накануне решающих операций наблюдалось увеличение запасов не только в целом, но и по дефицитным выстрелам.

Восточно-Прусская операция 2-го и 3-го Белорусских фронтов по подаче боеприпасов и их расходу не имела себе равных среди бывших ранее в Великой Отечественной войне и в истории войн вообще. Фронты в период подготовки получили свыше 3 тыс. орудий и минометов, а боеприпасов к началу и во время операции было отправлено: 13,3 млн. снарядов и мин, 620 млн. патронов, 2,2 млн. ручных гранат [26]. Расход боеприпасов, с учетом сказанного, тоже не имел себе равных. 3-й Белорусский фронт лишь за 13 и 14 января 1945 г. израсходовал 1 058 вагонов основных номенклатур боеприпасов [27], а 2-й Белорусский только за 14 января — 956 вагонов. «Прусский орешек» оказался очень крепким, и, разгрызая его, эти фронты израсходовали вместе 15 008 вагонов боеприпасов. Всю эту огромную массу перевезли из баз ГАУ, а затем подавали войскам автотранспортом. Чтобы поднять соответствующий расход, потребовалось около 100 тыс. 2,5-тонных автомашин.

Одновременно перешли в наступление 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты с целью разгрома немецких войск в Польше и выхода к центральным районам Германии. Началась Висло-Одерская операция. Вооружением фронты были полностью обеспечены и к началу наступления имели около 38 тыс. орудий и минометов. А всего с января 1945 г. только на четырех упомянутых фронтах открыли огонь почти 70 тысяч орудий (не считая танковых) и минометов. Подобной концентрации артиллерийских средств история войн прежде не знала. Подача боеприпасов при подготовке Висло-Одерской операции превзошла все имевшие место ранее: 16 148 тыс. мин и снарядов, 0,5 млрд. патронов, свыше 2 млн. ручных гранат (более 16 тыс. вагонов) [28]. Обеспеченность в боевых комплектах выражалась: по минам — от 4 до 5,5, по зениткам — от 3 до 4, по 76-мм — 3,2, по 122-мм гаубичным — 3,3, по 152-мм и выше — от 5 до 9, по патронам — 2. Суммарно израсходовали 5,5 млн. выстрелов [29], что в объемном выражении почти в 3 раза меньше, чем в Восточной Пруссии, но по продолжительности Висло-Одерская операция тоже была значительно короче. В целом расход боеприпасов за I квартал 1945 г. поглотил большую часть ресурсов центра. Поэтому южные фронты вели бои с меньшим обеспечением. Но в Германии решалась судьба войны, и основное внимание, естественно, было обращено туда.

И вот наши войска вышли на Одер. И опять поневоле приходится повторять: Берлинская операция в сравнении с предыдущими тоже не имела себе равных по оснащенности и обеспеченности. Оборонная промышленность в 1944 г. полностью обеспечила производство необходимого армии вооружения. Все потери 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов были восстановлены. 2-му Белорусскому фронту дополнительного вооружения не требовалось. Послали только 15 100-мм пушек. Три фронта к началу операции имели свыше 2 млн. винтовок и автоматов, более 76 тыс. пулеметов, 42 тыс. орудий и минометов [30], 1 млрд. патронов, 5,5 млн. ручных гранат, свыше 15 млн. снарядов и мин. Кроме того, почти 1 млн. дефицитных типов снарядов был на подходе [31]. Наконец, непрерывно производилась подача боеприпасов из центра в процессе операции.

---

[25] Там же, д. 50, стр.165, 178.
[26] Там же, д. 48, стр. 64.
[27] Там же, д. 216, стр. 98—101.
[28] Там же, д. 399, стр. 49—71.
[29] Там же, стр. 85—88.
[30] Там же, д. 401, стр. 39—48.
[31] Там же, стр. 114—117.

Расход составил: 10 млн. снарядов и мин, 390 млн. патронов, почти 3 млн. ручных гранат (9 795 вагонов). Подвоз по железной дороге сопровождался перевалкой с союзной колеи на европейскую. Поэтому подача боеприпасов армиям в основном проводилась автомобильным транспортом. С 1 по 15 апреля 1945 г. 1-му Белорусскому фронту было подвезено 5 618 автомашин и только 250 вагонов, а в ходе операции с 16 апреля по 2 мая — 15 518 автомашин и лишь 20 вагонов боеприпасов. Количество машино-рейсов при увеличившемся расстоянии возросло почти в 3 раза. Одному 1-му Белорусскому фронту на участках до армий потребовалось свыше 20 тыс. автомашин. А ведь от армий подавали боеприпасы дивизиям, а затем непосредственно на передовую, для чего нужно было еще такое же количество автомашин, причем все несколько раз разгружалось и погружалось. Эту колоссальную работу проделали работники тыла и фронтового артснабжения. Столь же сложным было дело на 1-м Украинском фронте. Пражская операция не потребовала подачи из центра, и этот фронт обеспечил ее проведение своими запасами.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что основой снабжения вооружением и боеприпасами явилась наша социалистическая оборонная промышленность. Ее фундамент был заложен в годы первых пятилеток. Теперь эта индустриальная база помогла выдержать тяжелые испытания в начале войны, подготовить перелом в войне и обеспечить все освободительные операции. Благодаря твердому руководству со стороны ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны удалось на всех этапах войны проводить организованное снабжение войск. Жесткая централизация службы артснабжения и регламентирование учета и отчетности позволили ГАУ осуществлять непрерывное планирование снабжения войск вооружением и особенно боеприпасами. А тесное взаимодействие со службой тыла превращало это планирование в реальную подачу их, как правило, в необходимом количестве и в назначенные сроки. С честью выполнили свой долг труженики соответствующих служб на базах и в арсеналах, в ремонтных мастерских, пунктах поставки. Говоря о базах Управления снабжения боеприпасами, назовем лишь одну цифру: за войну там было принято боеэлементов около 500 тыс. вагонов; их собирали в готовые выстрелы и отправляли, тоже сотнями тысяч вагонов, на фронты. Эту колоссальную и тяжелую работу делали не только мужчины, но в значительной степени и женщины, старики, подростки или негодные к фронтовой службе солдаты. Они стояли на потоках по 16—18 часов в сутки, не выходя из цехов и принимая пищу прямо у конвейера. На больших базах ежедневно грузилось по 100—120 вагонов. И эту погрузку тоже проводили, в основном вручную, такие же труженики. Все они горели одним желанием — помочь фронту. Их благородные трудовые свершения дали возможность Действующей армии разгромить врага.

ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. П. Зотов

Победа генеральной линии нашей партии в борьбе за построение социализма в СССР обеспечила мощные темпы индустриализации страны и перевод индивидуальных крестьянских хозяйств с их низкой товарностью на рельсы коллективизации, на социалистическую форму земледелия. В ходе разрешения хлебной проблемы была поставлена задача преодолеть отставание остальных звеньев продовольственной цепи и создать в стране настоящую пищевую индустрию. Начало ее развития относится к 1930—1931 гг., когда по всем крупным продовольственным отраслям решениями партии и правительства были установлены контрольные задания объема производства, утверждены темпы строительства мощных пищевых предприятий (хлебозаводы, мясокомбинаты, консервные и сахарные заводы и др.). В обращении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 сентября 1931 г. говорилось: «Новая обстановка социалистического строительства, новые условия труда... выдвигают... на одно из первых мест задачу коренной реконструкции всей пищевой промышленности» [1].

За довоенные пятилетки капиталовложения в предприятия Наркомпищепрома составили около 8 млрд. руб., стоимость основных производственных средств была увеличена в 6 раз. Кустарные методы производства, связанные с огромными потерями для народного хозяйства, антисанитарией и низким качеством продукции, уступили место индустриальному процессу, стоявшему на уровне передовой техники и технологии того времени. В стране по сравнению с дореволюционным временем значительно увеличилось производство пищевых товаров [2]:

Продукция	Единица измерения	1913 год	1940 год
Масло растительное	тыс. тонн	538	798
Сахарный песок	»	1 363	2 165
Консервы	млн. банок	116	1 113
Кондитерские изделия	тыс. тонн	109	790
Макароны	»	30	324
Пиво	млн. декалит.	80	121
Соль	млн. тонн	2,1	4,4
Мясо	тыс. тонн	1 273	1 556
Масло животное	»	129	226
Улов рыбы и добыча морского зверя	»	1 051	1 404

Мы не можем сказать, что до Великой Отечественной войны у нас уже было изобилие продуктов. Но каждый понимает, что бороться за него нам было бы легче, если бы враг не нарушил нашего мирного созидательного труда. Возьмем, например, сахарную промышленность. Увеличению производства сахара способствовали такие факторы, как коллективизация сельского хозяйства, укрепившая сырьевую базу сахарной промышленности; проведение технической реконструкции с увеличением мощности на многих сахарных заводах; стахановское движение. Появились передовики сахаропесочного производства, варщики сахара (С. З. Яровой, А. П. Ковтун и др.), которые

[1] «Известия», 29. IX. 1931.

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1970 году». Статистический ежегодник ЦСУ СССР. М. 1971, стр. 254—260; «СССР и зарубежные страны после Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1970, стр. 46; А. Е. Федоровский. Кондитерская промышленность СССР. К 40-летию Великого Октября. М. 1958, стр. 29; «Пищевая промышленность СССР». М. 1967, стр. 331, 413.

открыли новые возможности лучшего использования техники и резкого повышения производительности труда. Если в 1914 г. среднесуточная производительность одного завода по переработке свеклы составляла 5,7 тыс. ц, то в 1940 г.— 8,1 тыс. ц, то есть увеличилась на 41%. В годы довоенных пятилеток были построены новые мощные заводы. Вот, например, Лохвицкий сахарозавод Полтавской области с мощностью переработки свеклы 20 тыс. ц в сутки. Он представлял собой хорошо оборудованное предприятие, имевшее лучшие отечественные и зарубежные образцы технологии и аппаратуры с механизацией некоторых наружных работ и частичной автоматизацией контроля производственных процессов. Постройка этого завода стала крупным этапом в развитии сахарного производства.

По объему капитальных затрат сахарная промышленность за 1930—1940 гг. стояла среди пищевых отраслей на первом месте. За эти годы было построено 16 сахарозаводов, в том числе Веселоподолянский, Купянский, Елань-Коленовский, Жердевский, Гниванский и др. в РСФСР и на Украине, а по мере продвижения посевов сахарной свеклы на восток — в Казахстане и Киргизии. В СССР к сезону 1941 г. имелось 211 сахарозаводов общей мощностью переработки свеклы 1 703 тыс. ц в сутки. По мере увеличения производства сахарного песка росло производство и рафинадного сахара. За 1940 г. его выработка составила 628 тыс. тонн.

Кондитерских изделий тогда было произведено 790 тыс. т против 109 тыс. т в 1913 г., что было достигнуто на базе специализации производства, лучшего освоения имеющихся мощностей, реконструкции промышленности и насыщения фабрик новым оборудованием (ввели карамельный штамп, вакуум-аппараты непрерывного действия, кегельные и заверточные машины, дражеровочные котлы и многое другое) [3]. Наряду с этим кондитерской промышленности выделялись капиталовложения в возрастающих объемах на строительство новых фабрик: в 1-ю пятилетку — 53 млн. руб., во 2-ю — 144 млн. руб., в 3-ю — 122 млн. рублей. До 1940 г. включительно были построены и сданы в эксплуатацию 52 кондитерские фабрики, в том числе такие значительные, как Бакинская, Днепропетровская, Воронежская, Курская, Орловская, Горьковская, Новосибирская, Свердловская, Красноярская, Харьковская, Государственная бисквитная, Саратовская, Пятигорская, Казанская, Гомельская, Минская, Бобруйская, Могилевская, Томская, Ашхабадская, Ташкентская. Это позволило резко расширить ассортимент изделий, увеличив ежегодное производство конфет до 68 тыс. т, а печенья — до 127 тыс. т, и ликвидировать нерациональные перевозки сырья [4].

В 1913 г. было выработано растительного масла 538 тыс. т, причем в то время переработка масличных семян производилась в основном на мелких кустарных маслобойках, которые были оборудованы дубами, жомами, пестами и клиньями. Потери масла в жмыхе составляли 6—7%. В 1940 г. произвели такого масла 798 тыс. тонн. Потери на гидравлических прессах составили только 3,36%, а на непрерывно действующих экстракционных установках — 1,35% [5]. За разработку конструкции непрерывно действующей экстракционной установки были удостоены Государственной премии П. В. Науменко, А. Н. Светличный и М. Р. Аксененко. Развивалась и гидрогенизация растительных масел (обработка водородом, дававшая саломас — твердый жир, шедший на маргарин, мыло, кухонные жиры и т. д.). Экономическим стимулом организации этого производства послужил недостаток животных жиров для мыловарения и развития производства маргарина. К моменту национализации промышленности мощность 7 гидрогенизационных заводов равнялась 67 тыс. т саломаса в год. Зародившееся маргариновое производство требовало не только роста самого производства, но и улучшения качества (действовавшие заводы с несовершенным оборудованием поставляли саломас серого цвета, высокой кислотности и неудовлетворительного вкуса). Возникла необходимость в строительстве новых заводов и реконструкции старых. В 1931—1932 гг. было начато строительство заводов пищевого саломаса в Евдаково, Москве, Гомеле и увеличена их мощность в Краснодаре и Ленинграде, а на Горьков-

---

[3] В царской России конфеты в основном делались вручную, да и то лишь на нескольких фабриках Петербурга, Москвы, Одессы и Харькова. На их долю приходилось около 70% выработки, остальное изготовлялось в 150 мелких мастерских.

[4] А. Е. Федоровский. Указ. соч., стр. 5, 13 — 17, 29; см. также: Н. Н. Ляшко. Сладкая каторга. М. 1935.

[5] «Пищевая промышленность СССР», стр. 234, 253.

ском жиркомбинате введен непрерывный процесс и внедрен медно-никелевый катализатор для увеличения производства. Новинка была быстро освоена и в других местах. В результате в 1940 г. мы выпустили 310 тыс. т саломаса, благодаря чему выросло и маргариновое производство. В дореволюционной России маргарина не делали. В СССР за предвоенные годы было построено 10 маргариновых заводов. Они выработали в 1940 г. 121 тыс. т маргарина и кухонных жиров [6].

Наряду с развитием материально-технической базы маслодобывающей промышленности огромное значение приобрел рост посевов масличных культур, в первую очередь подсолнечника. В 1940 г. посевы масличных (кроме хлопка и льна-долгунца) составили 5,12 млн. га, в том числе подсолнечника — 3,54 млн. га, валовой сбор масличных — 3,2 млн. т (а заготовка — 1,87 млн. т), в том числе подсолнечника — 2,64 млн. тонн. Улучшилось и качество подсолнечника, повысилась жиросодержимость, особенно благодаря трудам селекционера В. С. Пустовойта и других тружеников Краснодарского края. В 1940 г. масличность подсолнечника составила 28,6%, тогда как в течение 20 предыдущих лет она равнялась 24—25% [7]. В заделе и в проверке находились перед войною сорта, которые в перспективе должны были дать 35—37% масличности. А Василий Степанович Пустовойт в личной беседе со мной уже тогда называл некоторые сорта с масличностью в 40—45%. Позднее он доказал, что слова у него не расходятся с делом [8].

В хлебопекарной промышленности за 10 предвоенных лет была осуществлена подлинная техническая революция. На смену допотопным пекарням, где безраздельно господствовал ручной труд, пришла новая пищевая отрасль — механизированное хлебопечение. В его рамках в 1940 г. имелось 3 167 предприятий, в том числе 416 хлебозаводов, 694 механизированные пекарни, 2 057 полумеханизированных и крупных кустарных пекарен. Общая выработка хлебобулочных изделий составляла 13,74 млн. т в год [9]. Строительство хлебозаводов и механизированных пекарен потребовало организации и развития отечественного хлебопекарного машиностроения, что и было осуществлено на заводах «Мельстрой», «Электрохлеб» и других машиностроительных предприятиях. Началось изготовление оборудования для просеивания муки, механизированных печей, тестомесильных машин с подкатными дежами и тестоделочных машин. Создание машиностроительной базы хлебопечения (механизированные печи, оригинальные конструкции Н. И. Краснопевцева и В. Н. Лаврова, жесткие кольцевые конвейеры Г. П. Марсакова, ряд изобретений А. А. Павперова и других) дало возможность приступить к строительству механизированных предприятий. Еще октябрьский (1931 г.) Пленум ЦК ВКП(б) поручил Совнаркому СССР рассмотреть программу строительства хлебозаводов, закончить механизацию хлебопечения во всех крупных городах и промышленных центрах не позднее 1933 г., а в Москве, Ленинграде, Донбассе и на Урале — к концу 1932 года. Для проектирования хлебозаводов была создана организация «Пищепромпроект». По ее типовым проектам осуществлялось соответствующее строительство. В 1933 г. Москва стала первым в мире городом по уровню механизации хлебопечения [10].

В крупных городах были решены вопросы обеспечения хлебом населения. К началу Великой Отечественной войны механизированные предприятия составляли 80% всей производственной базы, в состав которой входило уже несколько тысяч предприятий. Если в 1913 г. выработка ржаного хлеба одним рабочим в кустарном производстве составляла 15 пудов в день, то на механизированном заводе — 50 пудов при несравнимых условиях труда. Добавим сюда ту экономию по топливу, которую давало

---

[6] Там же, стр. 255, табл. 62; «Капитальные вложения в промышленность Наркомпищепрома СССР (1929—1939 гг.)». М. 1940, стр. 94—95; «СССР в цифрах в 1970 году. Краткий статистический сборник». М. 1971, стр. 254.

[7] «СССР в цифрах в 1970 году», стр. 278, 282; «Пищевая промышленность СССР», стр. 253.

[8] В систему Наркомпищепрома входили также табачная, мыловаренная и парфюмерно-косметическая промышленность, материал о развитии которых в очерк почти не включен. Кроме того, здесь нет данных о мясо-молочной и рыбной промышленности, подчинявшейся другим наркоматам.

[9] «Пищевая промышленность СССР», стр. 314, табл. 84.

[10] А. Бадаев. Большая победа пролетариев красной столицы. М. 1935, стр. 49—62.

механизированное хлебопечение, и снижение других производственных расходов, и станет ясно, почему стоимость обработки одного пуда ржаного хлеба резко упала, а припек повысился на 6%. Естественно, на хлебозаводах был налажен также точный контроль за качеством продукции. В лабораториях анализировалась каждая партия муки, шедшая в дело. Так лучшее качество сочеталось с увеличением количества и ростом прибыльности. Например, 4 новых хлебозавода, пущенные в Москве в первую очередь, сразу дали экономии свыше 10 млн. руб. в год, так что в течение двух лет были полностью возвращены средства, вложенные в их строительство [11].

По мере развития механизированного хлебопечения, а также увеличения выпечки пшеничного хлеба и булочных изделий возрастала потребность в прессованных дрожжах. В России в 1913 г. выработали на 40 мелких предприятиях 7,6 тыс. т дрожжей. В 1931—1940 гг. было осуществлено строительство многих дрожжевых заводов, проведены реконструкция и расширение уже действовавших заводов и цехов. Общая мощность производства прессованных дрожжей в 1941 г. равнялась 70 тыс. тонн. Для развития дрожжевой промышленности большое значение имели труды профессора С. А. Плевако, удостоенные позднее Государственной премии, и кандидата технических наук И. А. Мельцера, которые разработали весьма прогрессивные методы получения дрожжей из мелассы (кормовой патоки) [12].

Производство макарон в старой России стояло на стадии ремесла. Подавляющее число операций выполнялось вручную и на основе тяжелого, изнурительного труда. В 1913 г. выработка макарон составила 30 тыс. тонн. Наряду с другими отраслями пищевой промышленности советская макаронная промышленность быстро набрала темпы за счет строительства новых фабрик и коренной реконструкции действовавших. Например, мощность Ленинградской макаронной фабрики с 6 тыс. т была увеличена до 42 тыс., а 1-й Московской — с 6 тыс. до 35 тыс. т в год. В 1940 г. было произведено 324 тыс. т макаронных изделий.

Соляная промышленность занимает скромный, но важный участок пищевой индустрии. Ее удельный вес в общей пищевой продукции составляет всего 3%. Однако тот общеизвестный факт, что ни мясо, ни рыба, ни жиры, ни хлеб не могут употребляться в пищу без соли и что каждому человеку обязательно требуется 25—30 г соли в сутки, придает соляному делу особое значение. А ведь в соли нуждается и ряд других отраслей народного хозяйства — химическая, бумажная, кожевенная, черная и цветная металлургия, сельское хозяйство и пр. В 1913 г. в России было добыто 2,1 млн. т соли. В 1940 г. добыто 4,4 млн. тонн. Ранее примитивная техника соляных промыслов оставалась долгое время неизменной, а все процессы выполнялись вручную. Советская соляная промышленность к 1941 г. имела крупные достижения в организации механизированной добычи соли. Технический прогресс здесь связан с именами ряда передовиков и новаторов производства: А. А. Степанова, А. В. Кручинина, В. С. Бадулы, И. Х. Вырового, Н. С. Липавского, Я. С. Широкова, Н. М. Троценко, А. М. Паскеева, А. Г. Гнездилова, В. Г. Кошечкина, В. З. Минкина, Д. А. Калюжного, В. К. Черненко, В. И. Вирко, В. Ф. Горбачука, И. И. Мысина, В. А. Вишняковой, А. Х. Баркова и многих других. На смену лому и кирке, лопате и колымаге, лошади и верблюду, а также солеоткатчику пришли врубовые и погрузочные машины, соляные комбайны, экскаваторы и электровозы, управляемые квалифицированными рабочими и инженерами. Одновременно вместо землянок, юрт и бараков, в которых ютились ранее рабочие, появились светлые квартиры благоустроенных поселков, широко раскинувшихся среди зелени на берегах соляных озер, вблизи соляных шахт и заводов [13].

Выработка консервов в 1913 г. выражалась крайне незначительной цифрой — около 116 млн. банок. В 1940 г. наши консервные заводы выработали мясных, молочных, рыбных, овощных и фруктовых консервов более 1 113 млн. банок [14]. По существу, консервная промышленность была у нас создана только после социалистической революции. В директиве ЦК партии и Совнаркома СССР от 29 сентября 1931 г. указывалось: «Неотложной необходимостью является коренная реконструкция существую-

[11] А. Бадаев. Указ. соч., стр. 63.

[12] «Пищевая промышленность СССР», стр. 327—328.

[13] «СССР в цифрах в 1970 году», стр. 254; «Пищевая промышленность СССР», стр. 466, табл. 133.

[14] «СССР в цифрах в 1969 году». М. 1970, стр. 46.

щих и строительство новых предприятий мясной и консервной промышленности на основе наилучшего сочетания высокой техники, новейших мясокомбинатов, консервных заводов с социалистической организацией вокруг них сельскохозяйственной сырьевой базы» [15]. В консервную промышленность за предвоенные годы были сделаны большие капиталовложения, и она выросла в одну из крупнейших отраслей пищевой индустрии. На месте нескольких маломощных заведений была создана новая отрасль, которая насчитывала перед Великой Отечественной войной более чем 200 заводов, могущих выпускать свыше 4 млрд. банок консервов в год. Среди них — два гиганта в станице Крымской, Краснодарского края (мощностью более 100 млн. банок), и Херсонский завод (117 млн. банок), а также крупные предприятия в Тирасполе, Одессе, Киеве, Ереване, Янги-Юле. Все они были вооружены самой передовой техникой.

В те же годы возвели 32 овощесушильных завода и 3 огромных завода пищевых концентратов — Московский, Ленинградский и Днепропетровский. В 1940 г. они выработали 40 тыс. т пищеконцентратов, 2 400 т овсяных хлопьев, 18 тыс. т сухофруктов, 13 тыс. т сушеных овощей. Назначение этих предприятий заключалось прежде всего в том, чтобы сохранить скоропортящиеся сезонные продукты, сделать их удобохранимыми и годными к потреблению вне зависимости от сезона, снабдить ими Север, Дальний Восток, все экспедиции и других потребителей. Без такой отрасли промышленности для значительной части страны было бы недоступно потребление сельскохозяйственной продукции Юга. И чем дальше проникали в просторы Арктики отважные исследователи, чем интенсивнее осваивали богатства Сибири и Крайнего Севера наши люди, тем чаще Наркомпищепром получал соответствующие указания от руководителей партии и правительства и тем больше средств вкладывалось в это дело. Не забудем, что наряду с выполнением своей роли в обеспечении нужного баланса продуктов питания консервная и пищеконцентратная промышленность решала еще задачу облегчить изготовление пищи в домашнем быту и в общественном питании, заменяя сырые продукты переработанными или полуобработанными.

Консервная промышленность имеет также большое значение для сохранения витаминов, экономии сырья, внедрения в широкое потребление разнообразных видов плодов и овощей и использования дикорастущих. Отсюда важность соответствующей сырьевой базы. Зона консервных заводов охватывала 70 совхозов и около 3 тыс. колхозов с посевной площадью под овощами свыше 70 тыс. га и под плодовыми насаждениями — 110 тыс. га. Потребление консервов, которое в 1913 г. составляло 0,9 банки в год на человека, возросло в СССР в предвоенные годы более чем в 10 раз. Серьезное значение для технического развития консервной промышленности имели исследования В. С. Грживо, А. Т. Морха и А. И. Рогачевой по организации и методике химико-технологического и бактериологического контроля — этой первоосновы консервного производства, В. И. Рогачева — по технологии переработки фруктов и овощей, К. М. Порошина — в конструировании консервного оборудования и жестяно-баночном производстве. Много труда и энергии вложили в развитие этой отрасли индустрии Ж. Г. Дуче, С. В. Кибинин, А. А. Разумов, И. И. Адамовский, А. К. Изотов, В. В. Богданкевич, А. Ф. Наместников, В. Д. Луговкин, Г. Р. Белокур, А. Т. Лунин, Л. И. Марьянчик, Е. И. Петропавловский, В. Ф. Цитович. Эти замечательные люди — инженеры, ученые, изобретатели, передовики и организаторы производства — вели за собой большие коллективы рабочих, трудившихся буквально во всех углах страны, всюду, где население испытывало необходимость в их полезной продукции.

Производство спирта в 1940 г. вдвое превышало цифры 1913 года. В старой России только 16% спирта шло на технические и тому подобные цели, а остальное перерабатывалось на водку. В 1940 г. 61% продукции был обращен на технические цели, выработку синтетического каучука, лакокрасок, кинопленки, искусственного волокна, изготовление духов и одеколона, удовлетворение медицинских нужд. При этом в больших количествах расходовался еще пищевой спирт. Уже после войны стали шире заменять его этиловым спиртом, получаемым из непищевого сырья (синтетическим, сульфитным, гидролизным). В дальнейшем, как мне представляется, размеры выработки пищевого спирта вообще будут определяться лишь потребностями пищевых, парфюмерно-косметических и медицинских отраслей хозяйства [16].

[15] «Известия», 29.IX.1931.

[16] «Пищевая промышленность СССР», стр. 398, 400; табл. 113, 114.

Царская Россия почти не имела своих чайных плантаций. Чайная культура, несмотря на превосходные природные условия для нее в Закавказье и других местах, не развивалась. В 1913 г. под чайными насаждениями находилось всего 900 га, выработка чая с которых равнялась 130 тоннам. В то же время ввоз чая из-за границы составил 76 тыс. т на сумму в 62 млн. золотых рублей. В 1940 г. площадь советских чайных плантаций равнялась 52 тыс. га в Грузии и свыше 5 тыс. га в Азербайджане. Была начата закладка плантаций в Адлерском районе, Краснодарского края. Для первичной переработки чая построили и пустили в ход 35 фабрик в местах произрастания чая. В 1940 г. они заготовили 52 тыс. т чайного листа. Хочу привести здесь имена таких известных чаеводов, Героев Социалистического Труда, как Тамара Купуния, Татьяна Чхаидзе, А. Рогава, М. Орагвелидзе, И. Путуридзе, В. Чейшвили и Г. Цитлидзе. В области биохимии чайного производства нельзя не упомянуть трудов академиков А. И. Опарина и А. Л. Курсанова, их последователей и учеников И. А. Хочолава, К. М. Джемухадзе, М. А. Бокучава, М. Н. Запрометова, Г. И. Харебава и других. Была создана научно обоснованная технология чайного дела. Внедрены в производство чаедробилки, чаезавялочные конвейерные, чаесушильные, чаеупаковочные, чаеутрусочные, чаеформовочные машины, роллеры и другое оборудование. Советская чайная промышленность добилась серьезных успехов и вышла на одно из первых мест в мире. Во многом способствовал этому труд таких товарищей, как Д. Р. Панцхава, Н. И. Ройнишвили, М. Г. Кодуа, А. В. Хуродзе, М. В. Сарджвеладзе, Ш. Ф. Мардалейшвили и многие другие [17].

Винодельческой промышленности как таковой в дореволюционной России почти не существовало, если не говорить о нескольких крупных, хорошо оборудованных винодельческих хозяйствах удельного ведомства. Переработка винограда осуществлялась крестьянами самыми примитивными способами. На их долю приходилось 96% перерабатываемого винограда. Качество вин, поступавших на рынок, было низким. Широко была развита фальсификация вин. Производство шампанского велось в ничтожных размерах, дав в 1913 г. 480 тыс. бутылок. Ежегодный импорт вин составлял 70—80 тыс. декалитров. К 1940 г. советское виноделие стало развитой народнохозяйственной отраслью: было переработано 300 тыс. т винограда, выработано за год 8 млн. бутылок «Советского шампанского» и 13,5 млн. декалитров виноградных вин, не считая того, что выработали колхозы, а также сами колхозники-виноделы в приусадебных хозяйствах. Капиталовложения за 1929—1939 гг. в винодельческую промышленность и виноградарские совхозы Наркомпищепрома превысили 315 млн. рублей. По мощности заводов, изготовлявших шампанское, наша страна заняла второе место в мире, после Франции. Марочные вина «Абрау-Дюрсо», «Массандра», грузинский «Самтрест», армянский трест «Арарат», «Донское шампанское» и «Узбеквино» завоевали прочную славу и нашли признание далеко за пределами Советского Союза. Большая плеяда советских ученых отдала свои силы и знания этой отрасли пищевой промышленности: М. А. Ховренко, Г. И. Гоголь-Яновский, Н. Н. Простосердов, А. М. Фролов-Багреев, М. А. Герасимов, А. Ф. Харитонов, Г. Г. Агабалянц и ряд других [18].

Развивалась и пивоваренная промышленность. В 1940 г. она выработала 121 млн. декалитров пива. Однако в то время наше пивоварение находилось еще в стадии развертывания: проводились реконструкция и расширение старых предприятий, строились новые заводы и солодовни, расширялись плантации хмеля, стимулировалось производство пивоваренного ячменя (на него установили цены на 20% выше, чем на мягкую пшеницу). Возрастало также производство фруктовых, минеральных вод и хлебного кваса. На расширение этой отрасли индустрии было выделено и освоено 160 млн. руб. за 1929—1937 гг., 54 млн. руб. в 1938 г. и 84 млн. руб. в 1939 году. В этой сфере плодотворно трудились А. Е. Бадаев, В. Ф. Кручинин, Е. И. Буйвит [19].

Крахмало-паточных предприятий накануне первой мировой войны действовало

[17] «СССР в цифрах в 1970 году», стр. 285; И. К. Сиволап. Пищевая промышленность СССР на новом подъеме. М. 1952, стр. 23.

[18] «Пищевая промышленность СССР», стр. 369, 372; И. К. Сиволап. Указ. соч., стр. 22; «Капитальные вложения...», стр. 50, табл. 28.

[19] «Капитальные вложения...», стр. 50; «Пищевая промышленность СССР», стр. 356 — 357.

186. На них было занято 5 210 рабочих. Продукция равнялась 54,1 тыс. т патоки и 18,7 тыс. т крахмала. Сухой крахмал получали на мелких заводах, оснащенных примитивной техникой. Рабочий день там длился 13—14 часов. Высокой была концентрация производства. Например, Волжский завод вырабатывал более $1/3$ всей патоки в стране. После гражданской войны восстановление этой отрасли хозяйства шло медленно. Практически же в годы довоенных пятилеток пришлось не только технически перевооружить имевшиеся предприятия, но, по существу, заново создать кукурузокрахмальное производство, обеспечив ему параллельно устойчивую сырьевую базу. Крупнейшим объектом строительства в 1932 г. был Беслановский кукурузоперерабатывающий комбинат, первоначально рассчитанный на переработку 200 т кукурузы в сутки. Обновили Ярославский комбинат. Реконструировали Осетинский и Чечено-Ингушский кукурузо-крахмальные заводы. Мощности многих паточных заводов (Костромского, Хоботовского, Казацкого, Павлянского) были удвоены. Коэффициент извлечения крахмала повысился до 78,5%, а на передовых заводах — до 83%. В 1940 г. производилось 247 тыс. т крахмала и патоки. Рабочий день сократился в 1,5 раза, а производительность труда повысилась в 3 раза [20]. Развитие и техническое перевооружение данной отрасли Наркомпищепрома связано с такими именами, как А. Е. Лисицин, А. С. Сипягин, Б. А. Векслер, Н. Н. Трегубов, К. И. Пазирук, М. Е. Бурман. Упомянем также о передовиках производства А. А. Барабанове, А. А. Чудинове, А. Д. Чуквасовой.

В ходе строительства мощной пищевой индустрии, в борьбе за овладение передовой техникой и первоклассную марку продукции росли и выковывались кадры энтузиастов-пищевиков, рабочих и специалистов. Но когда грянула Великая Отечественная война, прежних достижений оказалось мало. Потребовалась коренная перестройка на военный лад. Она осуществлялась в обстановке небывалых сложностей. Зона военных действий охватила важнейшие промышленные центры страны. Многие пищевые предприятия понесли огромный ущерб в результате утраты основных фондов, а другие пришлось срочно эвакуировать. Сырьевая база по ряду важнейших технических культур — сахарной свекле, подсолнечнику, картофелю и овощам, плодам и винограду и др.— серьезно пострадала, объем заготовок резко снизился. Работа предприятий осложнилась нехваткой рабочей силы, снижением ее квалификации, необеспеченностью не только сырьем, но и топливом, энергией, транспортом, материальным снабжением. Предприятия пищевой промышленности должны были наряду с производством повседневной продукции включиться в изготовление боеприпасов и средств противохимической защиты, развернуть выработку концентратов, витаминов и армейских сухарей, не говоря уже об обеспечении потребности оборонной промышленности в спирте, глицерине, ацетоне и других огнесмесях. Мы работали на основе давно ставшего законом ленинского определения: «...Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне...» [21].

История всех предшествовавших войн характеризовалась резким ослаблением мирной экономики и упадком производственного потенциала. Однако социалистическая система хозяйства обеспечила плановое переключение в кратчайший срок всех ресурсов для обеспечения потребностей СССР и его Красной Армии. Так решалась, в частности, и хлебная проблема. До социалистической революции 72% производства товарного хлеба было сосредоточено в руках помещиков и кулаков. Колхозно-совхозные поля выручили наше общество, позволив в 1941—1944 гг. заготовить для страны (не считая того, что оставалось на трудодни и семена) и закупить в советской деревне 4 264 млн. пудов зерна. Сравним с 1914—1917 гг., когда для нужд государства, армии и городов было приобретено всего 1 399 млн. пудов зерна! Несмотря на немецко-фашистскую оккупацию таких житниц страны, как Украина и Северный Кавказ, снабжение хлебом по твердым нормам оставалось у нас законом на протяжении всей Великой Отечественной войны [22].

Существенно изменилось размещение посевов технических культур. Расширены посевы масличных и сахарной свеклы в Сибири (в 1942 г. по сравнению с 1940 г.

[20] «Пищевая промышленность СССР», стр. 358—359.
[21] В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 117.
[22] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. 1947, стр. 89—90.

на 27%), Казахстане, Средней Азии и на Дальнем Востоке (на 37%), увеличились посевы сахарной свеклы в районах Центра, Поволжья, Сибири, Средней Азии и Казахстана, хотя в целом площадь под ней уменьшилась. Колхозы восточных районов увеличили поголовье рогатого скота с 11,4 млн. на начало 1941 г. до 12,5 млн. голов на начало 1943 г.; овец и коз — с 28,1 млн. до 34,2 млн. голов. Поголовье свиней осталось неизменным, что было связано с ограниченным наличием концентрированных кормов. Годом перелома в развитии животноводства военной поры явился 1944-й, а к началу 1945 г. поголовье скота выросло (за два года) в следующих размерах: крупного рогатого — на 15,8 млн., овец и коз — на 8,4 млн., свиней — на 2,8 млн., лошадей— на 1,7 млн. голов. «Таким образом, несмотря на временное отторжение наиболее богатых в сельскохозяйственном отношении районов СССР, социалистическое сельское хозяйство обеспечило продовольствием Советскую Армию и население в период военной экономики» [23]. Все это имело огромное значение для успешной работы предприятий и органов Наркомпищепрома [24].

После того, как Красная Армия очистила Советскую землю от захватчиков, стало возможным выявить полную картину разрушений, нанесенных хозяйству в оккупированных фашистскими захватчиками районах. Наряду с другими предприятиями в полосе временной оккупации оказались заводы и фабрики основных пищевых отраслей — хлебопекарной, сахарной, маслобойной, консервной, спиртовой и прочих. До войны в системе Наркомпищепрома насчитывалось 10 400 предприятий, из них 5 378 были теперь разрушены или серьезно повреждены. В груду развалин превратились многие новостройки предвоенных пятилеток. Общие потери составили здесь 17 млрд. руб. в денежном исчислении. По РСФСР суточная мощность хлебопекарной промышленности равнялась 21% от довоенной, по УССР — соответственно 12%, по БССР — 24% [25]. Тресты «Роспищестрой», «Укрстройхлеб», всесоюзный трест «Хлебстрой» провели большую работу по восстановлению разрушенного. Началась эта работа еще в 1942 году. Следует отдать должное инженерам и строителям, которые в рекордно короткие сроки делали свое дело еще в условиях войны. Их возглавляли Р. Н. Соловьев, Н. С. Бреус и Б. А. Певнев. Восстановление старых и проектирование новых хлебозаводов вели коллективы под руководством Н. Ф. Гатилина, В. Е. Чалого и В. А. Кетата, а работы в области технологии хлеба и сухарей, увеличивавшие выход хлеба, осуществляли проф. Л. Я. Ауэрман совместно с работниками хлебозаводов и лабораторий.

Отдельно следует остановиться на том, как решались задачи в сфере технологии изготовления хлеба и сухарей, а также увеличения выхода хлеба при выпечке. Дело в том, что перед войной сухарное дело для РККА практически недостаточно развивалось. Но война заставила пересмотреть многие каноны, в том числе и этот. Практика жизни показала, что зимою хлеб в походных условиях так замерзает, что красноармейцы пилили его пилой или кололи топором. Верховный Главнокомандующий обратил внимание на это еще в начале первой военной зимы и напомнил Наркомпищепрому, что в старой русской армии сухарями при необходимости не гнушались; что Суворов и Кутузов были в походных условиях зимы за сухари и побеждали с сухарями; что нужно немедленно организовать усиленное их производство и обеспечить необходимые поставки фронту. Состоялась специальная беседа между мною и начальником тыла Красной Армии А. В. Хрулевым. В 1942 г. нами было поставлено 259,7 тыс. т против 146 тыс. т в 1941 г., в 1943 г.— 163,2 тыс. т, в 1944 г.— 124,9 тыс. т сухарей. Они пригодились не только на фронте, но и в тылу, особенно строителям оборонных предприятий в северных зонах страны.

В полосе временной оккупации оказалось 199 сахарных заводов. Из них 167 были разрушены, причем у 55 главные корпуса полностью лежали в руинах. В наибольшей степени пострадала энергетическая база, $^{2}/_{3}$ которой было уничтожено. Ряд сахарных заводов мы успели своевременно демонтировать и перебазировать в Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Западную Сибирь и Куйбышевскую область. Кроме того, в 1942—1943 гг. там были построены и введены в действие еще 9 сахарных заводов. Но этого, конечно, недоставало. По мере освобождения оккупированной территории от

[23] Там же, стр. 98.
[24] Там же, стр. 95—97.
[25] В. П. Зотов. Развитие пищевой промышленности в новой пятилетке. М. 1947, стр. 25—26.

захватчиков работники сахарной промышленности приступали к восстановлению разрушенных и пострадавших предприятий, а по существу, строили новые на старом месте. К сезону 1945/46 г. удалось подготовить к вводу в действие 157 сахарных заводов. Выработка сахара-песка в 1945 г. составила 466 тыс. т (около 20% довоенной), а в 1950 г.— 2 523 тыс. т (на 17% больше, чем в 1940 году)[26]. Нельзя не упомянуть в этой связи о большой деятельности всего коллектива Главсахара, его начальника С. П. Сторожука и главного инженера М. В. Николаева.

В течение двух сезонов 2-й Кубанский сахарный завод находился в руках у немцев. Но они не смогли пустить его, как ни старались. После освобождения выяснилось, что они тщетно пытались наладить работу центрифуг, разместить заказы на недостающие части к главному дизелю и пр. Но, как только Красная Армия освободила Краснодарский край, уже через 2 месяца завод был запущен. 2-й Кубанский—«первая ласточка» среди сахарозаводов, возвращавшихся в строй. В 1943 г. начали действовать 1-й Ленинский, «Коммунар», Красно-Яружский, Ново-Таволжанский, Льговский, Олымский, Хмельницкий, Конгрессовский, Ново-Ивановский, Первухинский, Советский, Шрамковский, Чупаховский, Сумско-Степановский, Украедовский, Носовский, Ново-Быковский и Старинский сахарно-песочные заводы. Они снова дали стране свой сахар. Вспоминается жуткая картина в Узино, где мы по приезде увидели в июне 1943 г. вместо завода одни развалины. Его следовало восстановить к сезону 1945 года. Долго беседовали мы с его директором тов. Загорулько, прикидывая, как это сделать. Но советские люди умеют творить чудеса, и уже в ноябре 1944 г. тов. Загорулько доложил, что завод пущен на переработку свеклы (то есть годом раньше установленного срока).

Еще до войны в системе пищевой промышленности разрабатывалась технология химического и микробиологического синтеза продукции. Различными витаминами еще до того, как оформилась особая отрасль витаминной промышленности, широко пользовалось здравоохранение. Для его нужд был создан ряд крупных предприятий по изготовлению препаратов с аскорбиновой кислотой. Производились витамины B_1, B_2, Д и другие. Важные исследования осуществили Г. Н. Лебедев, В. Н. Букин, Е. С. Жданович, Л. О. Шнайдман. Успешное освоение промышленных мощностей позволило развернуть затем поставку витаминов для Красной Армии в немалых масштабах. В 1940 г. было изготовлено 2,13 млрд., в 1941 г.— 1,192 млрд., в 1942 г.— 3,464 млрд., в 1943 г.— 7,379 млрд., в 1944 г.— 17,958 млрд. и в 1945 г.— 25,801 млрд. ч/доз. О положительном влиянии употребления витаминов военнослужащими нас постоянно информировал начальник Главмедупра Е. И. Смирнов, требовавший увеличения их поставок. Невзирая на тяжелые условия войны, авитаминоз в частях Красной Армии был побежден.

Шире развернулось в те годы производство пищеконцентратных изделий. По сравнению с 1940 г. выработка возросла в 3 раза. Значительно расширился и ассортимент. Энтузиасты этого дела К. Н. Чесноков, А. Г. Мессерман и другие использовали все имевшиеся возможности для увеличения производства продукции в разных городах. В демонтированной текстильной фабрике г. Серпухова с помощью начальника тыла Красной Армии А. В. Хрулева в рекордно короткий срок был смонтирован еще один завод пищевых концентратов.

Трудное положение сложилось с выпуском кондитерских изделий из-за временной утраты украинских и белорусских фабрик. За 1941—1945 гг. были возведены новые фабрики: Иркутская, Якутская, Чебоксарская, Тихвинская, Боровичская, Челябинская, Кемеровская, Алма-Атинская, Красноярская, Хабаровская, Улан-Удэнская, Йошкар-Олинская, Тульская, Калининская и Астраханская. Дополнительные капиталовложения в кондитерскую промышленность составили за 1941—1945 гг. 58,7 млн. рублей. Это позволило после войны значительно сократить перевозки кондитерских изделий за счет продукции, которая вырабатывалась на месте, а дополнительные мощности дали возможность в 1950 г. выработать 993 тыс. т конфет, карамели, бисквитов и другой продукции против 790 тыс. т в 1940 году. Нельзя не отдать должное таким хорошим организаторам кондитерского производства, как В. П. Подлегаева, И. Н. Авдеичев, П. И. Соломонов, П. Н. Павлов, Н. М. Позднов, таким ученым, как Б. Я. Голант, Б. В. Кафка, А. Л. Рапопорт, В. А. Реутов, А. Л. Соколовский. Главной помехой было тут в

[26] «СССР в цифрах в 1970 году», стр. 255.

военные годы отсутствие сахара. Из-за этого выработка кондитерских изделий в январе—феврале 1942 г. составляла 10% от среднемесячной довоенной выработки. Пришлось значительному количеству фабрик резко перестроить свою работу. По-ударному действовали «Красный Октябрь», «Рот-Фронт», имени Бабаева, «Ударница», Нальчикская, Новосибирская, Томская, Бакинская бисквитная и другие фабрики. На них были организованы, кроме того, цехи по выработке пищевых концентратов и макарон. Всего за войну соответствующие цехи и предприятия поставили Красной Армии 52 тыс. т пищевых концентратов, 13 тыс. т макарон, 1 848 т дрожжей [27]. Должно сказать также, что эти фабрики выпускали и чисто оборонную продукцию. Так, «Красный Октябрь» делал дымовые шашки, ленинградские фабрики — начинку для снарядов. Вспоминается благородный патриотический поступок инженеров кондитерской промышленности Н. Ф. Бухтеева и А. Г. Левинсона, которые внесли 50 тыс. руб., полученные ими за ценные рационализаторские предложения, на постройку боевого самолета.

Консервная промышленность пострадала от оккупантов, пожалуй, сильнее всего. Большинство крупных консервных заводов были расположены как раз во временно захваченных врагом районах. Правда, значительную часть оборудования своевременно вывезли в Среднюю Азию, где производство консервов было тогда существенно увеличено. Но в целом оно в 1945 г. по сравнению с 1940 г. сократилось вдвое. Фашистами были взорваны и разрушены такие заводы, как в станице Крымской, в Херсоне, имени Ленина в Одессе и многие другие. После войны консервная промышленность восстанавливалась быстрыми темпами. Уже в 1950 г. производство плодоовощных консервов составило 934 млн. банок против 757 млн. в 1940 году.

В зоне оккупации оказались 294 завода спиртовой промышленности союзного подчинения и, кроме того, почти все заводы республиканской спиртовой промышленности. Оккупантами были уничтожены или демонтированы и затем вывезены сотни брагоперегонных аппаратов и запарных агрегатов, при этом 58% производственных мощностей подверглись разрушению. И если спиртовая промышленность во время войны справилась с запросами медиков, оборонной промышленности, приборостроителей и т. д., то в этом заслуга рабочих и ИТР заводов Центра и Востока. Следует упомянуть о большой организаторской и научно-технической деятельности, которую осуществили И. К. Сиволап, А. Л. Малченко, Н. М. Кузнецов, И. Ф. Гудзенко, И. И. Арефьев и другие руководители этой отрасли пищепрома.

Из 99 масло-жировых заводов, находившихся в зоне оккупации, сохранилось только 7 мелких, остальные были разрушены, причем от 18 мощных предприятий остались лишь груды металла и щебня. Среди уничтоженных врагом были и самые совершенные по технике — Кропоткинский масло-экстракционный, Краснодарский жиркомбинат и Ростовский маслозавод. Все 42 мыловаренных предприятия, находившиеся в зоне оккупации, были взорваны. Наряду с капитальным восстановлением разрушенных мощностей нами создавались временные, подчас примитивные промышленные заведения, лишь бы ускорить выпуск растительного масла для фронта и населения освобожденных районов. Так, коллектив рабочих и ИТР Кропоткинского масло-экстракционного завода (директор — А. И. Белозеров) в короткий срок организовал по временной схеме переработку имевшихся в районе семян подсолнечника и тут же начал поставлять масло для фронта. Оборудование было отремонтировано при этом своими силами, а пар и двигательную энергию получили от паровоза. Мне пришлось побывать на этом заводе как раз тогда. Он перерабатывал 80 т подсолнечника в сутки и продолжал восстанавливать главный корпус в металле. Когда я спросил директора А. И. Белозерова, что нужно заводу для окончания работ, он ответил, что под откосами железной дороги валяется столько немецких вагонов и платформ, что этого металлолома хватит с лихвой. Но обязательно нужны паровые котлы и моторы. О них-то и пришлось позаботиться.

На Ростовском жиркомбинате, тоже разрушенном, за 2 месяца пустили в ход временный маслозавод производительностью 80 т подсолнечника в сутки. Так же действовали на многих других предприятиях. К 1 января 1943 г. было восстановлено 28 маслозаводов, которые могли ежесуточно перерабатывать 1 715 т маслосемян. Наряду с этим продолжалось строительство маслозаводов на Востоке, где за годы войны было

[27] А. Е. Федоровский. Указ. соч., стр. 19; «СССР в цифрах в 1970 году», стр. 254.

построено и пущено в эксплуатацию 15 таких предприятий, а выработка растительного масла (без учета колхозного производства) составила в 1943 г. 190 тыс. т, в 1944 г.— 200 тыс. т, в 1945 г.— 256 тыс. т, а в 1950 г.— 819 тыс. т против 798 тыс. т 1940 года [28].

Разгрому подверглись также винодельческие комбинаты «Абрау-Дюрсо», «Массандра», Донской, Молдаванский, винодельческие предприятия УССР. Подобный перечень с примерно аналогичными данными можно было бы привести здесь по всем без исключения отраслям пищевой промышленности: оккупантами было уничтожено, сожжено, украдено или вывезено все, что только поддавалось разрушению и вывозу. Согласно составленным 2 113 актам, ущерб, причиненный пищевой промышленности, составил 2 млрд. руб., а все потери, связанные с недовыработкой продукции (в связи с разорением сырьевой зоны) и другими причинами, были равны 17 млрд. рублей. Пищепром лишился 30% своей энергетической базы. Только по 4 основным отраслям (сахарная, спиртовая, консервная и масло-жировая) ущерб выражался в таких цифрах [29]:

Виды оборудования	Количество	Мощность
Паровые котлы . . .	1 010	169 тыс. кв. м
Паровые машины . .	682	88 тыс. л. с.
Паровые турбины . .	23	56 тыс. квт
Нефтедвигатели . . .	518	26 тыс. квт
Электромоторы . . .	11 720	167 тыс. квт

Кроме того, пищевая промышленность потеряла 40% технологического оборудования. В еще большей мере пострадала ее сырьевая база. В районах, охваченных войной, находилось 88% посевов свеклы, 59% посевов подсолнечника, 99% посевов клещевины, 57% площади виноградников и т. д. [30]. И все это было затем опять приведено нами в нормальное состояние! Сила социалистической экономики нашла свое наглядное выражение также в огромных масштабах и темпах перебазирования промышленности на Восток, в быстром приспособлении производственно-технической базы к выпуску военной продукции, в крупных размерах восстановительных работ с момента освобождения зоны оккупации.

Начальный период войны характеризовался энергичными мероприятиями по эвакуации ряда пищевых предприятий и форсированным строительством новых предприятий на базе вывезенного оборудования. Одновременно усиленными темпами осуществлялось окончание строительства предприятий, начатого в довоенные годы. За годы войны было построено, достроено и введено в эксплуатацию на Востоке СССР много предприятий. В их числе 10 сахарных заводов. Вместе с оборудованием для них были эвакуированы научно-исследовательские учреждения сахарной промышленности — Всесоюзный научно-исследовательский институт и все опытно-селекционные станции Украины, Курской и Воронежской областей с основным селекционным семенным материалом, частью лабораторного оборудования и основным составом научных работников и специалистов. Чтобы не оставить страну без свеклосемян, селекционные станции увезли с собой каждая по нескольку мешков ценного селекционного материала, а затем организовали на этой «базе» с помощью местных организаций семеноводство в колхозах Киргизии, Казахстана и Узбекистана. В результате страна имела после войны больше семян сахарной свеклы, чем до войны. На Востоке построили и ввели в эксплуатацию, кроме того, 26 спиртовых заводов, 15 масло-жировых, 12 консервных, 18 табачных фабрик, 11 мыловаренных и парфюмерных, 4 соляных предприятия. Были введены в действие также пивоваренные, винодельческие и другие предприятия. В результате мы добились значительного роста мощностей пищевых предприятий на восточных территориях СССР.

[28] «СССР в цифрах в 1970 году», стр. 254.
[29] В. П. Зотов. Указ. соч., стр. 26—27.
[30] И. К. Сиволап. Указ. соч., стр. 28.

В трудных и сложных хозяйственных условиях послевоенных лет восстановление пищепрома продолжалось. Правительство рядом своих решений обязало нас восстановить к 1 января 1946 г. 2 075 предприятий. Фактически было восстановлено 3 223 предприятия. Параллельно значительно повысилась производственно-техническая база пищевой промышленности. Тем не менее ее мощности все еще значительно отставали от довоенных. Поэтому задача их наращивания стала одной из важнейших в 4-й пятилетке. Нам предлагалось превысить по всем отраслям довоенный объем выработки пищевых продуктов; обеспечить по меньшей мере восстановление довоенного их качества путем отмены допусков военного периода и возврата к действовавшим стандартам и рецептурам; расширить довоенный ассортимент товаров, улучшить их оформление, укупорку, расфасовку; расширить производственные мощности пищевой индустрии с учетом оптимального географического размещения и всемерного выправления ранее существовавших неравномерностей; внедрить в пищевую промышленность новейшие достижения передовой техники и ввести усовершенствованные технологические схемы производства с непрерывными процессами и автоматизацией, наладить выпуск уникальных образцов оборудования; воссоздать сырьевую базу, довоенные посевные площади, урожайность и улучшить заготовительную работу. К этому перечню коренных задач добавим проблему подготовки кадров — насыщение предприятий квалифицированными рабочими, специалистами и хозяйственными организаторами, которые будут бороться за выполнение и перевыполнение заданий пятилетки.

К концу 1950 г. уровень 1940 г. был превзойден по важнейшим видам продукции. Следует учитывать, что во время войны по ряду видов произошло снижение объема выработки в 2—3 раза. Отсюда виден рост послевоенного развития пищепрома[31]:

Наименование продуктов	Единицы	Выработка в 1940 г.	Выработка в 1950 г.
Сахар-песок из сах. свеклы	в млн. т	2,165	2,523
Масло растительное	в тыс. т	798	819
Маргарин	»	121	192
Кондитерские изделия	»	790	993
Макароны	»	324	440
Консервы	млн. банок	1 113	1 535

Увеличение производства было достигнуто и по другим отраслям промышленности. Среднегодовой темп роста за четвертую пятилетку составил 15,2%, тогда как в 1938—1940 гг. он равнялся 13%. Приведенные данные прямо свидетельствуют об успехах политики нашей партии в деле повышения материального благосостояния советского народа. Дальнейший подъем социалистической индустрии и сельского хозяйства привел к новому росту поступления сырья на пищевые предприятия и еще более значительному увеличению производства пищевых продуктов.

[31] «Народное хозяйство СССР», стр. 254.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ПРИМОРЬЕ В 1922 ГОДУ

Б. Г. Дробот

Войска Народно-революционной армии Дальневосточной республики в феврале 1922 г. под Волочаевкой в ожесточенном бою разгромили белогвардейцев, положив начало окончательному изгнанию интервентов и контрреволюционеров с Советского Дальнего Востока. Эту выдающуюся победу они одержали накануне двухлетия ДВР.

Дальневосточная республика [1] занимала обширную территорию к востоку от Селенги и озера Байкал до побережья Тихого океана, включая в себя Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую области. Однако фактически власть правительства ДВР весной 1920 г. распространялась только на Прибайкалье. В Приморье бесчинствовали японские оккупанты, в Забайкалье—белогвардейский атаман Семенов. По территории республики рыскали остатки бежавших из Сибири колчаковцев, каппелевцев, пепеляевцев. Вместе с японскими интервентами они представляли серьезную угрозу независимости ДВР. Для защиты республики из частей 5-й краснознаменной армии, разгромившей Колчака, и партизанских соединений, закаленных в битвах за Советскую власть в 1918—1920 гг., была создана Народно-революционная армия (НРА). Партизанские отряды сводились в регулярные подразделения и части, устанавливалась строгая военная дисциплина. Но в Приморье сохранились и отдельные партизанские отряды, которые не вошли в НРА, так как были отрезаны японскими и белогвардейскими войсками от освобожденной территории. Эти-то отряды и стали ядром развернувшегося в Приморье в 1922 году партизанского движения.

Когда в 1920 г. НРА совместно с партизанскими отрядами разгромила семеновские банды в Забайкалье, вынуждены были эвакуировать свои войска из Забайкалья, а также из Хабаровского района и японские интервенты. Но они не отказались от планов колонизации Советского Дальнего Востока и «временно» остались в Приморье. Между НРА и японскими войсками, находившимися в Приморье, была установлена 60-километровая нейтральная зона к северу от станции Уссури. В мае 1921 г. с помощью японцев белогвардейцы свергли во Владивостоке Приморское областное управление ДВР, а власть захватили представители крупной дальневосточной буржуазии во главе с братьями Меркуловыми [2]. Значительная часть территории Дальнего Востока стала плацдармом для организации всевозможных авантюр против ДВР. В противовес ДВР там образовался так называемый «черный буфер». Остатки семеновско-каппелевских частей составили его вооруженные силы — «белоповстанческую армию», которая под командованием генерала Молчанова двинулась к Хабаровску. Предварительно белогвардейцы провели массовые операции в партизанских районах Сучана, Анучино и Яковлевки, вынудив партизан отойти глубоко в тайгу и сопки. НРА не смогла остановить натиск белых, отступила к Хабаровску, а затем оставила город, задержавшись у станции Ин. Здесь народоармейцы одержали в открытом бою свою первую победу над «белоповстанческой армией», не пустив ее далее на запад.

ЦК РКП(б), правительство РСФСР и Совет Министров ДВР приняли ряд мер по укреплению военной мощи этой республики. Главкомом и военным министром ДВР в декабре 1921 г. был назначен герой гражданской войны, выдающийся полководец Красной Армии В. К. Блюхер. Партийные и военные организации ДВР уделяли большое внимание организации борьбы в тылу врага. Предстояло собрать уцелевшие партизанские отряды, сплотить их, поднять боеспособность, определить боевые задачи. Военный совет НРА назначил командующего партизанскими отрядами Приморья и образовал

---

[1] См. о ней: Б. М. Шерешевский. Создание Дальневосточной республики. «Вопросы истории», 1966, № 3.

[2] См. К. Н. Шишкин. Гражданская война на Дальнем Востоке. М. 1957, стр. 190.

партбюро (13 чел.) по руководству партизанским движением в крае. Мандат командующего был вручен А. К. Флегонтову — старому большевику, опытному командиру, хорошо зарекомендовавшему себя ранее в боях с белыми и интервентами [3].

Обстановка в некоторых партизанских отрядах Приморья была тогда довольно сложной. Вот как писал о ней активный участник борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке, позднее историк Б. К. Рубцов: «Трудно передать ту атмосферу, которая создалась среди партизан после разгрома регулярных частей и, особенно, со взятием белогвардейцами Хабаровска. Отсутствие связи с центром, между районами и частями, полная независимость, совершенная материальная необеспеченность, отсутствие директив, настойчивость белых и ловкий подход белогвардейцев к населению, повсеместный и ловкий удар с их стороны по партотрядам при моральной придавленности среди частей, в организациях и у работников делали дальнейшую работу чрезвычайно тяжелой» [4]. Однако в ряде отрядов обстановка была все же гораздо более благоприятной. Партбюро разработало свой маршрут движения в тыл врага, к районам базирования партизанских отрядов, где предполагалось установить связь со всеми местными группами, боровшимися за Советскую власть. Предстояло двигаться так, чтобы, минуя населенные пункты с возможными гарнизонами противника, выйти в места, откуда было бы удобно контролировать коммуникации белых и интервентов между Хабаровском и Владивостоком. 14 декабря 1921 г. группа Флегонтова прибыла на поезде на станцию Котиково (южнее Хабаровска). Здесь она покинула район железной дороги, так как белые, продвигаясь вдоль железнодорожного полотна в западном направлении, занимали все села окрест. В Котикове нашли охотника-проводника. Погрузили на лошадей скудные запасы продовольствия и двинулись за ним. В декабре в Приморье обычны сильные снегопады, после чего с большим трудом можно отыскать тропы между хуторами и деревнями. На пятый день дошли до горного кряжа. Дальше проводник дороги не знал. Пошли самостоятельно, утопая в снегу и ориентируясь по речкам и горным кряжам. На десятые сутки пути съели все продукты, остался лишь овес для лошадей, которые вскоре, однако, пали. Варили овсяную кашу без соли. Наконец, показалась долина реки Бикин. Отсюда шла уже протоpенная дорога. По ней добрались, перевалив через хребет Чишинадзе, до Иманской долины. Здесь стало известно о том, что белоказаки рассеяли ряд партизанских отрядов и знают о продвижении группы Флегонтова в партизанские места.

Небольшая, затерявшаяся в тайге деревушка была избрана для предварительного базирования. По деревням и хуторам, чтобы собрать рассредоточившихся партизан, направили связных. «На наш клич,— вспоминал А. К. Флегонтов,— собралось около 100 человек, оружие нашлось, оказалось до 40 человек кавалеристов-партизан. Отряд был готов. Командиром отряда был назначен тов. Ярошенко. Его задачей было действовать в районе Имана, в ближайшем тылу противника, оттягивая на себя как можно больше каппелевских частей и оказывая тем самым всемерную помощь сражающимся под Хабаровском частям НРА» [5]. Оставив созданный здесь партизанский отряд, Флегонтов переместился со своей группой в глубь Приморья. В деревне Подгорной крестьяне сообщили, что где-то неподалеку скрывается партизанский отряд Борисова. Установили с ним связь, и Флегонтов выехал на встречу с его командиром. «Борисова я нашел в глухой тайге в новосельческой деревушке,— писал А. К. Флегонтов,— и с ним два десятка революционно настроенных и преданных ребят. Материальное положение их было ужасное, все они были почти босые, питались кукурузой, зато настроение у них было бодрое. Ежедневно группами человек по 5 они выходили к линии, портили полотно дороги, мешали меркуловцам производить фуражировку и скупку скота... Наш приезд, а стало быть, и налаженная связь с центром влили бодрость, а выданные деньги дали возможность приобрести одежду и укрепили боевую мощь и боеспособность отряда» [6]. В деревне Чугуевке Флегонтов сформировал конный партизанский отряд. Перева-

[3] А. К. Флегонтов — забайкальский казак, член Хабаровского Совета, в 1920—1921 гг. — командир 1-й Амурской дивизии. В декабре 1921 — мае 1922 г. — командующий партизанскими отрядами Приморья. Погиб в годы Великой Отечественной войны в Белоруссии на посту командира партизанского отряда.

[4] «В огне революции». Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск. 1927, стр. 200

[5] Там же, стр. 172.

[6] Там же, стр. 173.

лив через хребет Сихотэ-Алинь, его группа вышла к деревне Биневской, где располагались партизанские части, объединенные под общим командованием М. П. Вольского. В то же время в долине Сучана действовала группа во главе с Н. К. Ильюховым, посланным из Владивостока партийным подпольем с задачей возглавить партизанские отряды Приморья. Вскоре Флегонтову стали подчиняться обе группы. При командующем был создан Совет партизанских отрядов, названный впоследствии Военным советом.

Прибытие представителя краевой партийной организации и наладившаяся связь с центром оживили партизанское движение. Постепенно оно приобрело более целеустремленное и организованное направление. От отдельных эпизодических выступлений партизаны перешли к планомерной, широкой борьбе с белыми и интервентами по всему Приморью. Во главе штаба и Политотдела стояли опытные партизаны Б. К. Рубцов и Я. К. Кокушкин. Приморье было разделено на 8 районов; каждому из них отводился определенный участок железной дороги Хабаровск — Владивосток. Как раз в это время развернулись бои НРА с «белоповстанческой армией» под Волочаевкой, окончившиеся полным разгромом противника. Партизанам через разведчиков стало известно, что «отступление белых из-под Хабаровска приняло панический характер. Город Хабаровск белыми оставлен почти без сопротивления. Белые стягивают свои части к Бикину, где предполагают дать решительное сражение. В Бикин брошены все резервы городов Владивостока, Никольска-Уссурийского и Спасска для устройства укреплений» [7]. Весть о крупной победе над отборными частями белогвардейцев сразу получила широкий отклик в партизанском крае.

Театр партизанской войны в 1922 г. охватывал уже меньшую по сравнению с 1918—1920 гг. территорию. В зону этих операций входила только часть Приморской области, ограниченная с севера Амуром. Под контролем партизан находилось и побережье от Николаевска до Владивостока. Лишь узкой полоской земли вдоль железной дороги Хабаровск—Владивосток владели белогвардейцы, но и там они не чувствовали себя спокойно. Командование «белоповстанческой армии» держало на охране железной дороги — единственной артерии, по которой имелась устойчивая связь между Хабаровском и Владивостоком, почти столько же войск, сколько вело боевые действия с частями НРА под Хабаровском,— от 6 до 7 тысяч [8]. В борьбе с белыми и интервентами партизаны применяли оружие, которое добывали у противника, изготовляли сами или с большим трудом доставляли через линию фронта. Вооружение было из арсеналов многих государств: винтовки и пулеметы русские, японские, американские, английские, французские... Артиллерии партизаны имели мало, что отрицательно сказывалось во время боев с противником на открытом пространстве. А. К. Флегонтов просил у Главного штаба НРА прислать побольше патронов. «Все бойцы имеют,— сообщалось в его письме,— на руках не более 25—40 шт. при полном отсутствии резервов для пополнения» [9]. Гильзы от патронов обязательно подбирались. На базах партизанские умельцы вновь набивали их охотничьим порохом, вставляли капсюли и самодельные пули.

В тех отрядах, которые запаслись динамитом и бикфордовым шнуром, научились изготовлять из консервных банок бомбы. Пустыми консервными банками интервенты замусорили всю тайгу. Поэтому корпусов для бомб хватало с избытком. В банку укладывался динамит, заделывался бикфордов шнур, насыпались куски железа, нарубленная проволока — и бомба готова. Бикфордов шнур поджигали спичкой и после счета до 8 смельчак швырял бомбу как можно дальше в сторону противника. Творческие находки партизан приводили к появлению неожиданных для врага средств борьбы: ямы-ловушки на тропах и лесных дорогах, лесные завалы, кованые металлические ежи. Никаких технических средств связи партизаны не имели. Но существовал проверенный способ оповещения о происходящих событиях от деревни к деревне — нарочным на лошади. В партизанском крае в каждой деревне оставались доверенные люди. Обнаружив подходящих к деревне белогвардейцев или японцев, нарочный скакал по тайным тропам с донесением в соседнюю деревню. Из этой деревни следующий нарочный мчался дальше. У партизан всегда оставалось поэтому достаточно времени, чтобы подготовиться и выставить засады или же сняться и уйти в более безопасное место. Только

[7] ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 587, л. 7.
[8] «В огне революции», стр. 202.
[9] ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 587, л. 52.

в середине 1922 г. в штаб партизанских отрядов Приморья был доставлен радиоприемник, по которому штаб мог получать информацию и директивы от Военного совета НРА.

О сколько-нибудь централизованном снабжении партизанских отрядов, находившихся далеко в тылу врага, продовольствием, оружием и боеприпасами не могло быть и речи. Изредка удавалось переправить через линию фронта партию боеприпасов. Командиры отрядов, располагавшихся в районах лесозаготовок и крупных рыбалок, облагали местных богачей налогами, а на полученные деньги покупали продовольствие и одежду. Все суда, промыслы и фабрики, принадлежавшие японцам, были конфискованы; доходы от них шли на нужды партизан и местного населения. В зимнее время, когда морозы в Приморье достигают 40—50°, требовалась добротная теплая одежда. Японцы завезли на свои склады огромное количество меховых вещей и белья. Склады оружия и теплых вещей были желанными объектами во время налетов партизан зимою на вражеские гарнизоны. Внешний весьма живописный облик партизан красочно описывал в 1920 г. П. П. Постышев: «Партизаны в брезентовых ичигах различного цвета, в папахах, шапках, ушанках, полушубках, в тулупах, в армяках, заросшие и небритые, с длинными красными бантами на груди, с различным оружием на плечах — берданками, винтовками русскими, японскими, охотничьими ружьями, револьверами всех систем (с маузерами, наганами, кольтами), с гранатами за поясами, с гордо поднятой головой шли по центральным улицам Хабаровска, стараясь крепче отбивать свой победный шаг» [10].

История народной войны в Приморье изобилует примерами смелых и отважных действий партизан. Вот, например, налет на станцию Муравьево-Амурская, где находился артиллерийский склад белых. Отряд под командованием Ярошенко получил приказ ликвидировать склад. В январскую ночь 1922 г. партизаны трижды безуспешно атаковали его. Только на четвертый раз удалось в рукопашной схватке уничтожить охранников и затем взорвать склад. Позднее партизаны неоднократно совершали такие же налеты на станции Губерово, Иман, Прохаско, Свиягино и др. [11]. Еще более дерзкая, в полном смысле слова геройская операция была совершена во время налета на Хабаровск, где находились тыловые базы белых, укрепившихся под Волочаевкой. В середине января партизанские командиры обсудили план операции. Для ее осуществления создавался сводный ударный отряд в 800—1 000 добровольцев. Он формировался в 75 км от Хабаровска, в деревне Вятская. Для маскировки налета запретили всякое передвижение партизан вблизи Хабаровска. Ударный отряд делился на три группы пехоты и две группы кавалерии. Город разбивали на три участка, а группы получали конкретные задачи в определенном участке. Договорились о средствах связи, сигналах и местонахождении руководителя операции. Каждому командиру на время боя назначался заместитель. Вечером на 350 подводах партизаны двинулись к Хабаровску с таким расчетом, чтобы к утру быть на окраине города. В 8 км от Хабаровска, в деревне Гаровка, сделали привал и далее продвигались пешком, выслав вперед конных разведчиков.

Белые ничего не подозревали. Разведчики бесшумно сняли сторожевую заставу у радиостанции, вывели ее из строя и получили у пленных гарнизонный пароль. По улицам, на которых стояла сонная тишина, двинулись к центру города. Первыми заметили партизан в казармах на Алексеевской и Корсаковской улицах. Вспыхнула беспорядочная стрельба. Нападение партизан вызвало такую панику, что кавалерийский отряд белых окольными путями вскачь выбрался из города и по льду Амура ушел на китайскую сторону. Партизанская кавгруппа обнаружила у берега четыре баржи, на которых размещался Уфимский стрелковый полк. Партизаны плотно закрыли люки, и белые просидели в баржах до конца боя. На городском вокзале отступавшие под натиском партизан белые наткнулись на солдат своего же железнодорожного батальона. В завязавшейся перестрелке погибло до 240 белогвардейцев. Пленных партизаны сразу же разоружали и отпускали. Артиллерия, захваченная в городе, из-за невозможности вывезти ее в тайгу приводилась в негодность. Уличные бои продолжались около часа, а затем партизаны организованно покинули город. «Со слов пленных, взятых в бою,— вспоми-

[10] «Таежные походы». Сборник эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. М. 1935, стр. 79.

[11] В. П. Голионко. В огне борьбы. М. 1958, стр. 253.

нал один из участников этой операции, Д. И. Бойко-Павлов,— выяснилось, что в Хабаровске к моменту налета партизан находились значительные части. Наиболее важными были стрелковая бригада с тремя эскадронами кавалерии, железнодорожный батальон, офицерская рота. Эти части предназначались к отправке на фронт в качестве главной колонны при наступлении на позиции нашей Народно-революционной армии» [12]. Белое командование организовало преследование ушедших из Хабаровска партизан, сняв с фронта 2 полка пехоты, 2 пулеметные команды, пушки и кавалерийский эскадрон. В течение пяти дней белые пытались догнать партизан, однако из этого ничего не вышло.

Деятельность партизан направлялась штабом, который намечал боевые задачи партизанским районам. Зимой партизаны действовали в основном по коммуникациям белых и интервентов, прежде всего на железной дороге Хабаровск — Владивосток. До мая 1922 г. налеты на тщательно охранявшуюся железнодорожную полосу носили эпизодический характер, но затем штаб разработал подробное расписание, по которому магистраль южнее Хабаровска разбивалась на ряд участков, контролируемых отдельными партизанскими отрядами [13]. Общая задача состояла в том, чтобы систематически уничтожать подвижной состав, рельсы, путейские сооружения и телеграфную связь. Начальник штаба партотрядов Приморья Б. К. Рубцов вспоминал: «Всего нет никакой возможности перечислить, но такие случаи, как обстрел бело-японских казарм на Второй Речке; взрыв бронепоезда, от которого буквально ничего не осталось, а на расстоянии многих верст от силы взрыва из окон вылетали стекла; остановка поездов; захват важной секретной японской почты; обстрел города Никольск-Уссурийского из артиллерии, для чего нашим артиллеристам перед этим пришлось пройти с пушками таежными тропами свыше 100 верст, волоча их почти все время на себе; обстрел 19 конными партизанами японского кавалерийского полка, находившегося на занятиях; разгон целых белогвардейских бригад во время ночных налетов — все это заставляло противника нервничать и наносило ему неизмеримый ущерб» [14].

В марте 1922 г. Военный совет партизанских отрядов составил для помощника главкома ДВР С. М. Серышева обширный доклад о состоянии партизанского движения и перспективах дальнейшей борьбы. Машинописный доклад напечатали на длинном куске бязи. Партизанский связной обмотал ткань с текстом вокруг тела и с напарником отправился из Чугуевки, где тогда располагался Военный совет, через горные хребты, тайгу, снега, мимо вражеских гарнизонов, по охотничьим тропам, через линию фронта в штаб НРА, находившийся южнее Хабаровска [15]. Связные прибыли в поселок Бикин к командующему Восточным фронтом НРА Я. З. Покусу и передали ему доклад. В этом документе, помимо изложения общего состояния партизанского движения в Приморье, содержались конкретные предложения об усилении боевой деятельности партизан. «Разгром регулярных частей, быстрое отступление по линии Иман — Хабаровск и занятие белыми Хабаровска, отсутствие информации, полная изолированность, голодовка, холода — все это убивало моральное состояние людей. В данное время положение это изменилось, поднялся дух, если люди раздеты и разуты и не сыты, если они изнервничались и устали, то все-таки у них желание драться не убито, а усилилось, и люди бодрятся, надеясь на поддержку и скорую победу. Повышение настроения и уверенности в партотрядах, тогда как в частях белых таковые понижаются, где случаи отказа исполнять боеприказы, избиение комсостава, дезертирство и ропот с каждым днем усиливаются в значительной степени. Зарегистрированы переходы белых солдат на нашу сторону» [16]. Так, на сторону партизан перешло 25 человек из Уральского казачьего полка, солдаты из гарнизонов в Анучине, Ново-Веселой.

Партизанские отряды, говорилось в докладе Военного совета, располагались порайонно во главе со следующими командирами: в Иманском — Е. Г. Ярошенко, Спасском — Борисов, Приханкайском — Лебедев, Анучинском — Г. М. Шевченко, Никольск-Уссурийском — Топорков, Сучанском — М. П. Вольский, Ольгинском — Назаренко. На 5 марта 1922 г. в партизанских отрядах насчитывалось: штыков — 1 480, сабель —

[12] «Таежные походы», стр. 278.
[13] ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 587, лл. 260—261.
[14] «В огне революции», стр. 205.
[15] ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 587, л. 33.
[16] Там же.

320, пулеметов — 21 (в сведениях о боевом составе партизанских отрядов на 20 июня, присланных позднее в штаб НРА, указываются такие цифры: всего партизан — 1 853, орудий легких — 3, винтовок — 1 489, пулеметов — 27) [17]. Далее в докладе сообщалось: «Ощущается недостаток в опытных работниках. Во всех партотрядах Приморья не более 9—12 работников, являющихся начполитчастей, военкомами отдельных партотрядов, освобождены от непосредственного несения строевой службы, остальные же политруки выполняют все обязанности бойца (сторожевая служба и т. д.). Политработа ограничивается информацией по текущему моменту. Лучшая же политработа в военное время — это примерное поведение коммунистов» [18].

Вот краткие характеристики некоторых партизанских командиров, которые дал им начальник Политотдела: «Начальник Ольгинского военного района Назаренко. Коммунист. Хорошие отзывы как о человеке. Пользуется положительной репутацией среди населения. Начальник района Д. Силин. Боевой командир. Старый преданный партизан. Следует выдвинуть, дать военное образование. Начальник Сучанского военного района М. Вольский. Коммунист. Старый партизан. Великолепный организатор и выполнитель партизанских налетов. Хладнокровен. Командир Сидоров. Коммунист. Из бывших офицеров, хороший командир, храбр, выдержан. Пользуется симпатиями партизан и населения. Начальник Анучинского военного района Шевченко. Старый партизан. С большим военным опытом. Бывший казак, вахмистр. Храбр и горяч» и т. д. [19].

В районах Приморья, где оперировали партизаны, восстанавливалась народная власть. Уполномоченные меркуловского «правительства» были в некоторой безопасности лишь в пределах гарнизонов, где находились японцы или белогвардейцы. Представитель меркуловцев в Анучинском районе с отчаянием сообщал во Владивосток: «В деревнях, прилегающих к Анучино, население не сочувствует продвижению белоповстанческих войск в глубь области, чинит всевозможные препятствия, до убийства отдельных чинов включительно. Крестьяне больше симпатизируют красным отрядам... В Анучинском районе оперирует отряд Г. Шевченко. Шевченко пользуется большим уважением среди партизан и крестьян. Стоит только нашей разведке или отряду выйти из Анучино, красные, уведомленные крестьянами, устраивают засады. Осведомленность отряда Шевченко о расположении наших войск, хорошее вооружение, обмундирование, сочувствие крестьян и величина отряда Шевченко — 800—900 человек — заставляют терять надежду на борьбу» [20].

К весне 1922 г. положение белых и интервентов в Приморье стало крайне непрочным. Белогвардейцы оказались на грани полного разгрома, и только поддержка японцев задерживала их окончательное уничтожение. 24 апреля главком войск ДВР В. К. Блюхер направил партизанскому командованию Приморья директиву, в которой предлагал: «...Развить энергичную партизанскую борьбу с меркуловцами, имея в виду создать в шестидесятикилометровой полосе («нейтральная зона» между НРА и японскими интервентами.— Б. Д.), охраняемой японцами, невыносимые условия жизни» [21]. Общее командование партизанскими отрядами Приморья начал вскоре осуществлять М. П. Вольский.

Летом, убедившись в бесплодности попыток удержаться в Приморье, японцы объявили о предстоящем выводе своих войск, но партизанские отряды не ослабили боевой готовности, постоянно ожидая каких-либо провокаций со стороны интервентов. В то же время стало очевидным, что белогвардейцы, пользуясь присутствием японцев, пытались использовать летнее время для наступления против ДВР. Партизанское командование решило взять наступательную инициативу в свои руки. «Сентябрь,— вспоминал

[17] В. П. Голионко приводит следующие данные о численности партизан: «Если на 1 января 1922 г. общая численность партизан не превышала 1 000 человек, то к 1 марта она дошла до 1 600 человек» (см.: В. П. Голионко. Указ. соч., стр. 254). М. И. Губельман называет такие цифры: штыков — 1 400, сабель — 117, а всего — 1 517 человек (М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток. М. 1958, стр. 225—226). По-видимому, число их в 1922 г. колебалось в пределах 1 600 — 1 800 человек. К осени, после боев под Спасском, когда победа была близка, многие партизаны были отпущены домой.

[18] ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 587, л. 33 об.

[19] Там же, лл. 403—404.

[20] Там же, л. 31. Численность отряда явно завышена.

[21] Там же, д. 569, л. 54.

Б. К. Рубцов,— нужно считать началом повсеместного наступления партотрядов на противника. Даже в таком удаленном районе, как Посьетский, экспедиционная группа под командой Демина совершает ряд блестящих налетов на белогвардейские таможенные и пограничные посты, имеет несколько столкновений с белыми и японцами»[22]. Появление партизан поблизости от Владивостока вызвало панику среди местной буржуазии и японцев. К тому же времени относится переход партизанских отрядов под непосредственное командование НРА. Действия партизан стали более четко планироваться в соответствии с общими задачами, выполнявшимися НРА по освобождению Дальнего Востока.

После разгрома белых под Спасском окончательная победа над врагом стала вопросом дней. Партизаны взяли железную дорогу до Владивостока под полный контроль. Теперь прекратилось и дневное движение вражеских поездов. Белые могли использовать для снабжения своих войск только гужевой транспорт. Партизаны атаковали белогвардейцев в Никольск-Уссурийском, Осиповке, Ивановке и Монастырище, отвлекая с фронта значительные силы противника. Особенно ожесточенные бои велись за овладение Монастырищем, которое несколько раз переходило из рук в руки[23]. 13 октября партизаны установили прямой контакт с командиром ударной группы НРА С. С. Вострецовым и стали в дальнейшем действовать по указанию командира 2-й Приамурской дивизии. Белые отступали к Владивостоку и к станции Пограничная, стремясь поскорее добраться до портов или уйти сушею в Китай.

Японские интервенты предприняли еще одну попытку спасти белогвардейцев. Командованию НРА был предъявлен ультиматум, чтобы войска НРА не вступали во Владивосток, пока оттуда не эвакуируются японцы. Под прикрытием последних из Приморья бежали остатки «белоповстанческой армии». Еще до вступления во Владивосток частей НРА, поскольку красные партизаны выполнили свои задачи, было принято решение расформировать партизанские отряды. Местом расформирования назначался Никольск-Уссурийский. «Значительная часть личного состава,— свидетельствовал Б. К. Рубцов,— была уволена в бессрочный отпуск и уехала к себе на родину с полным сознанием выполненного до конца революционного долга после 3, 4 и даже 5 лет беспрерывной борьбы за Приморье. Отряды Сучанского и Никольск-Уссурийского районов составили из себя милицию: первые — города Владивостока, а вторые — Никольска. Все имущество партотрядов пошло на пополнение частей Народно-революционной армии. Командный и политический состав частично влился в ряды армии и в значительной степени создал тот скелет, вокруг которого оформилась революционная власть Приморья с его аппаратом и органами»[24].

Партизаны Приморья за период своих активных действий причинили белым и оккупантам немалый урон. С декабря 1921 по октябрь 1922 г. они уничтожили около 2 тыс. вражеских солдат, захватили большие трофеи, 200 человек взяли в плен. Из попавших в руки партизан писем японских офицеров и солдат видно, с каким страхом относились те к постоянным партизанским акциям: железная дорога считалась у них местом, где всегда можно найти смерть или увечье[25].

Созданная 30 октября 1922 г. комиссия по ликвидации штаба партизанских отрядов вскоре завершила работу и официально объявила о прекращении партизанской деятельности в Приморье[26]. Так закончилась героическая борьба красных партизан за Советский Дальний Восток. 14 ноября Народное собрание ДВР обратилось с просьбой к ВЦИК РСФСР о принятии республики в состав Советской России. 15 ноября ВЦИКом был утвержден соответствующий декрет. А 30 декабря 1922 г. делегаты Дальнего Востока вместе со всей делегацией РСФСР голосовали за создание великого Советского Союза, неразрывной частью которого стал и Дальний Восток.

---

[22] «В огне революции», стр. 208.
[23] В. П. Голионко. Указ. соч., стр. 274.
[24] «В огне революции», стр. 212.
[25] ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 587, л. 397.
[26] Там же, д. 580, л. 149.

ОГНЕПАЛЬНЫЙ АВВАКУМ

В. С. Румянцева

Вторая половина XVII столетия — переломная эпоха русской истории, когда в политической и культурной жизни страны ясно обозначился переход от средневековья к новому времени. Важную роль в жизни Русского государства играла православная церковь, выступавшая, как и на Западе, «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»[1]. Авторитет церкви держался не только на ее громадном идеологическом воздействии на массы, но также и на ее обширном землевладении и политической роли, ибо авторитет «святых правил» имел силу закона. «Кто изречет на соборную и апостольскую церковь какие хулные словеса, да смертию умрет»[2],— провозгласил патриарх Иосиф, санкционировавший вместе с митрополитами и епископами крепостническое Соборное уложение 1649 года.

Несмотря на господство средневековых институтов, новое властно давало о себе знать, меняя привычный вековой уклад жизни общества и разрушая либо приспосабливая старое. Россия постепенно втягивалась в водоворот мировой торговли. Расширялись постепенно политические и культурные контакты со странами Европы. Преодолевалась замкнутость натурального хозяйства, и начал зарождаться общероссийский рынок. Возросла роль городов, хотя, по данным переписи 1678 г., процент посадских дворов (5,5%) был еще очень невелик: основное число дворов (71,8%) составляли дворы крепостных светских феодалов и духовенства[3]. Классовая борьба в самых различных проявлениях и формах достигает небывалой остроты: в течение XVII столетия мощной волной прокатились по стране две крестьянские войны, сотрясая самые основы феодального строя. В антифеодальную борьбу активно включались и города. Однако классовое расслоение в среде посадского населения («лучшие» люди и «молодшие») приводило к тому, что на политической арене выступали с узкосословными интересами представители главным образом богатой посадской верхушки, примыкавшие под натиском волнений городских низов к господствующему классу.

Огромные богатства, сосредоточенные в руках высшей духовной иерархии, не давали покоя боярам и дворянам; привольная же жизнь князей церкви и их прислужников пробуждала у народа чувство негодования, усиливавшееся по мере того, как все больше бросалось в глаза кричащее противоречие между образом жизни церковников и их поучениями[4]. В такой напряженной социально-политической обстановке церковная реформа, проведенная патриархом Никоном в грекофильском духе, послужила искрой для широкого и своеобразного движения, объединившего на время под лозунгом «старой веры» всех оппозиционно настроенных к господствующей феодальной церкви. Движущую силу раскола составляли посадские люди и крепостные крестьяне. В числе сочувствующих были некоторые лица из дворян и бояр. Идеологами движения выступали главным образом представители низшего духовенства. Это объяснялось условиями времени: религиозно-христианская идеология владела сознанием народных масс. Поэтому классовая борьба нередко протекала под религиозными лозунгами. Важно учитывать и другое обстоятельство: впервые в идейно-политическую борьбу вступили люди «простаго чина». Именно о них презрительно отзывался Дмит-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 361.

[2] «Челобитная патриарха Иосифа 1649 года февраля 11 государю Алексею Михайловичу на царского духовника благовещенского протопопа Степана Вонифатьевича...». В кн.: Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад. 1913. Приложение 1, стр. 173. По рукописи первой половины XVII в. (Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (РО ГБЛ), ф. 209, № 452, л. 24), принадлежавшей протопопу Стефану, его фамилия — «Внифантиев».

[3] Я. Е. Водарский. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год». Кишинев. 1966, стр. 226 (проценты исчислены мною).

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 351.

рий Ростовский, просвещенный идеолог официальной церкви: «Человеку бо неучену сущу, и светом разума книжнаго непросвещену, неудобно есть постизати глубину писания святаго и толковати неведомыя того тайны, на то токмо уповающему, яко черное по белом знает и по книгам бродит: писания же святаго тайны столько видит, сколько слепый видит лучи солнечныя» [5].

Протопоп Аввакум по таланту и самобытности, пожалуй, самый яркий идеолог начального периода раскола. Все его публицистическое творчество органически связано с конкретными условиями Руси второй половины XVII в., помогает понять эпоху и духовный мир человека того времени. Очень метко охарактеризовал значение этого писателя-публициста для своей эпохи А. Н. Толстой: «Только раз в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий полнокровный голос. Это были гениальные «житие» и «послания» бунтаря, неистового протопопа Аввакума... Речь Аввакума — вся на жесте, канон разрушен вдребезги, вы физически ощущаете присутствие рассказчика, его жесты, его голос. Он говорит на «мужицком», «подлом» языке...» [6].

Приблизительно 350 лет назад в Нижегородских пределах за рекою Кудмою, в селе Григорово [7], у попа Петра и его жены Марьи родился сын, названный Аввакумом. О детстве и юности его почти ничего не известно. Только в одном из своих посланий Аввакум заметил о себе: «Я их (голубей.— В. Р.) смолода держал, попович я, голубятник был» [8]. Аввакум рано лишился отца и, по-видимому, ему пришлось изведать нужду. На его плечи легла забота о младших братьях. Семнадцати лет мать женила его на такой же, как и он, бедной «сиротине» Анастасии (ей было 14 лет), дочери григоровского кузнеца Марка. Двадцати одного года от роду он был поставлен в дьяконы, а в двадцать три года, став священником, переселился в соседнее сельцо Лопатицы [9], где прожил с 1644 по 1651 год. Спустя много лет Аввакум напишет об этом периоде жизни в традиционном духе христианско-книжной символики: «И воспомянух день смертный, престал от виннаго пития и начах книги почитати и люди учити к пути спасения. Сам же простираяся паче на молитву днем и нощию. Слышавше же окрестныя люди мною проповедуемо слово божие, мнози приходяще послушати» [10].

В Лопатицах Аввакум начал читать поучения своей пастве, а это считалось большим новшеством в церковной практике того времени. Неизвестно, кто первый наставил молодого попа на такой путь. Удалось лишь проследить его дружбу с попом Иларионом из соседнего села Лысково. В 1648 г. Иларион принял постриг, а в 1649 г. стал игуменом Макарьева Желтоводского монастыря. С 1656 г. Иларион, архиепископ рязанский и муромский, находился в числе близких сподвижников патриарха Никона. Он пользовался особым доверием царя, изучал греческий язык. Впоследствии жизненные пути обоих земляков разошлись, ибо первый зарекомендовал себя одним из самых жестоких гонителей раскольников. Но еще в 1664 г. в Москве Аввакум поддерживал связь «древния ради любви с ним» и только в 1672—1673 гг. резко изменил свое отношение к Илариону, назвав его «губителем людей божиих» и «мучителем християнским». Важным событием в жизни Аввакума явилось знакомство его с царским духовником Стефаном Внифантиевым и протопопом Иваном Нероновым (состоявшееся не ранее 1648 г.), а затем с царем. С этого времени Аввакум выступает активным проводником идей московского придворного кружка.

Кружок боголюбцев (или ревнителей древнего благочестия), руководимый протопопом Благовещенского собора и духовником молодого царя Стефаном Внифантиевым, ставил задачи нравственно-церковных преобразований для поднятия в обществе авторитета официальной церкви. Внифантиев окружил себя представителями главным образом среднего провинциального духовенства. В их числе были костромской протопоп Даниил, муромский протопоп Логгин, темниковский протопоп Даниил и др. К кружку были близки любимец молодого царя Ф. М. Ртищев, а также митрополит новгородский

[5] Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере... Киев. 1866, лл. 6 об.—7.

[6] А. Н. Толстой. Собрание сочинений. Т. 10. М. 1961, стр. 263.

[7] Это село принадлежало в ту пору окольничему Ф. В. Волынскому. В нем было около 150 крестьянских и бобыльских дворов (ЦГАДА, ф. 1209, 1646 г. Переписная книга № 296, лл. 450—457).

[8] «Памятники истории старообрядчества XVII в.». Кн. I, вып. 1. «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ). Т. 39. Л. 1927, стб. 775.

[9] Сельцо Лопатицы принадлежало стольнику П. В. Шереметеву. В нем имелось около 60 крестьянских и бобыльских дворов (ЦГАДА, ф. 1209, 1646 г. Переписная книга № 296, лл. 471—471 об.).

[10] Прянишниковский список «Жития». В кн. «Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения» (далее — «Житие»). М. 1960, стр. 311.

Никон. Вспоминая позже уже покойного Стефана (умер в 1656 г.) и подчеркивая его политическую роль, Аввакум напишет царю, что он «безпрестани о державе царствия твоего бога молил, сему и други своя научил» [11]. Влиятельным членом кружка боголюбцев был также протопоп Иван Неронов. В 1647—1648 гг. он переехал из Нижнего Новгорода в Москву и служил в Казанском соборе на Пожаре (Красной площади). Еще в Нижнем Новгороде Неронов стал популярен своими проповедями и поучениями, читаемыми, по свидетельству его биографа, не только в церкви, но и «по стогнам града и на торжищи» [12]. Позже, в челобитных царю, торопя его с избранием нового патриарха после отставки Никона, он высказывал критические замечания в адрес церкви. В его мыслях проглядывало осуждение духовных иерархов, для которых «покой и честь и слава» превыше всего [13].

Под влиянием Внифантиева и Неронова в церковном богослужении Аввакума в Лопатицах появился ряд новшеств. Он читает проповеди и настойчиво вводит в службу принцип единогласия, выступая против многогласия, при котором все церковнослужители одновременно пели, читали и т. д.; решительно борется с суевериями, нравственными «пороками» и пережитками языческих увеселений. Все эти мероприятия входили в программу кружка боголюбцев и получили одобрение царя. В 1648—1649 гг. по всей стране рассылались царские грамоты о запрещении плясок, качелей, скоморошеских игр, игры в карты и шахматы и пр. Ревностно внедряемые в церковную практику новшества внесли осложнения в жизнь честолюбивого деревенского попа. Продолжительностью церковной службы были недовольны прежде всего крестьяне, но Аввакум не считался с их нуждами. Затем один из представителей вотчинной администрации («началник» — называет его Аввакум) вместе со своими людьми избил его в церкви, два раза стрелял в него из пищали, но промахнулся и изгнал его с семьей, «всево ограбя», с двора. «Сердитовал на меня за церковную службу,— читаем в «Житии»,— ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо, так ему было досадно» [14]. Аввакум приехал в Москву искать помощи у Стефана Внифантиева и Ивана Неронова, которые выхлопотали для него у царя охранную грамоту, после чего Аввакум с семьей возвратился на старое место.

В начале 1652 г., изгнанный со своего двора другим «началником», Аввакум опять прибыл в Москву. На этот раз его поставили в протопопы и послали в Юрьевец-Повольский, в соборную церковь. Юрьевец-Повольский входил в патриаршую волость, и протопоп должен был собирать налоги в казну патриарха. «И по государеву указу велели (ему.— В. Р.) духовныя патриарховы дела ведать, живучи у церкви» [15]. Аввакум принялся так сурово насаждать строгое благочестие, что через два месяца пребывания в Юрьевце вызвал против себя возмущение, зачинщиками которого стали местные попы. Ему пришлось тайно ночью покинуть город и с собранными деньгами спасаться бегством в Москву, оставив на произвол судьбы жену и детей. В приходной книге Патриаршего казенного приказа за 1653 г. указано, что протопоп Аввакум юрьевской «Входиеросалимской» церкви собрал «неокладных денежных доходов» с 1 апреля по 26 августа 1652 г. «с 34 отроков, с 37 двоеженцов, с 4 троеженцов, с 16 похоронных, с 4 почеревых пошлин 10 рублев 13 алтын 2 деньги; да ленных денег 17 рублев 17 алтын; да с судных дел пошлин и пересуду, и праваго десятка 5 рублев 10 алтын, всего 33 рубли 7 алтын. Да лишних денег... с тех же венечных знамен сверх указных пошлин 9 рублев 22 алтына 3 деньги» [16]. Как показывает перечень произведенных сборов, наряду с решительной борьбой за «християнскую» нравственность протопоп не менее решительно (используя батоги) выколачивал и денежные штрафы.

В Москве беглеца приютил Неронов. Вскоре Аввакум перевез сюда свою семью. О жизни в Москве в 1652—1653 гг. «Житие» умалчивает, однако документы и разбросанные в его сочинениях воспоминания помогают представить Аввакума того времени. Вместе с Иваном Нероновым он служит в Казанском соборе, а во время отъездов последнего на правах заместителя пользуется «первенством» в чтении поучений. Свой досуг протопоп посвящает чтению: «При духовникове благословении и Неронова Иванна тешил над книгами свою грешную душу...» [17]. Читаемая им литература не

[11] РИБ. Т. 39, стб. 733.

[12] «Материалы для истории раскола за первое время его существования». Под ред. Н. И. Субботина (далее — «Материалы»). Т. 1. М. 1875, стр. 257—258.

[13] Там же, стр. 176.

[14] РИБ. Т. 39, стб. 92.

[15] «Житие», стр. 312.

[16] ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 33, лл. 602об. — 603.

[17] РИБ. Т. 39, стб. 168.

выходит, конечно, за пределы церковно-богословской книжности. Тем не менее чтение расширяло его кругозор. Часто бывая во дворце и у Стефана Внифантиева в Благовещенском соборе, Аввакум завязывает дружбу с царским постельничим Ф. М. Ртищевым. Среди знати у протопопа появились доброхоты: ему покровительствуют царица Марья Ильинична, старшая царевна Ирина Михайловна; в числе его «духовных детей» — боярин В. П. Шереметев и его сыновья, стольник Петр и «бритобратец» Матфей. Он пристраивает в дворцовые церкви двух младших братьев. Ему самому предлагали место протопопа в церкви Спаса, «что у государя на сенях» (в Теремном дворце в Кремле), но он предпочел остаться в Казанском соборе. «Любо мне, у Казанъские тое держалъся, чел народу книги. Много людей приходило» [18]. Уже тогда абстрактные христианские догмы он перетолковывал так, что они становились понятны прихожанам. Его проповедническая деятельность не выходила за круг обличения нравственных пороков и была направлена на укрепление авторитета господствующей церкви и освящаемого ею феодально-иерархического общественного устройства. Семья его узнала достаток. Аввакум теперь мог себе позволить дорогостоящее удовольствие иметь собственные книги, дорогую одежду («шубы шелковые», «отласные и тафтяные»).

Но благополучная жизнь в Москве продолжалась недолго, до избрания на патриаршество Никона. Властолюбивому патриарху влиятельный при дворе кружок боголюбцев стал мешать. В первой челобитной царю Аввакум вспоминал: «А бывшей патриарх Никон мучил меня на Москве: бил по ногам на правеже недели с три по вся дни без милости, от перваго часа до девятаго» [19]. По всей вероятности, правеж был учинен «отставленному» юрьевскому протопопу как несостоятельному должнику. Покинув внезапно свое протопопство в Юрьевце, Аввакум не успел собрать остальные («окладные») налоги в патриархову казну [20]. Никон отказался взять у Внифантиева деньги за откуп Аввакума. Стало быть, он просто воспользовался случаем, чтобы обесчестить его как одного из самых молодых членов кружка боголюбцев, но популярного в Москве и незаурядного проповедника. В конце зимы 1653 г. патриарх Никон разослал по церквам столицы «память» о замене двуперстия троеперстием и о сокращении поклонов на молитву Ефрема Сирина. Энергично проведенная патриархом реформа носила формально обрядовый характер. Унификация обрядов русской православной церкви с греческой церковной практикой XVII в. объективно способствовала политическому сближению стран Восточной Европы. С другой стороны, реформа Никона, не затрагивая существа дела — вопроса о секуляризации обширных земельных владений церкви, поднятого на Земском соборе 1648—1649 гг., отвечала интересам высшей церковной иерархии и внешнеполитическим устремлениям царя. Насильственная же ломка старинных обрядов и традиций всколыхнула все слои общества.

Кружок боголюбцев настороженно отнесся к «реформаторской» деятельности патриарха. Однако обстоятельства переменились: царь теперь во всем доверял Никону, своему «собинному» другу, и глава кружка Внифантиев отказался от какого-либо сопротивления. Противодействие патриарху попытался оказать Неронов. Аввакум вместе с костромским протопопом Даниилом при содействии Неронова составляет «ис книг выписки о сложении перст и поклонех». Вскоре последовали решительные действия со стороны патриарха: был осужден муромский протопоп Логгин, взят под стражу темниковский протопоп Даниил. Так распался кружок боголюбцев, а участники его попали в ссылку и заточение.

Оставаясь на свободе, Аввакум старается облегчить участь своего наставника. С костромским Даниилом он пишет челобитную о Неронове и отдает ее протопопу Стефану для передачи царю; «и он государю и не снес», «всяко ослабел» [21]. 13 августа, проводив рано утром Неронова в ссылку в Спасокаменный монастырь, Аввакум не пошел в Казанский собор, а, придя к церкви Аверкия (один из приделов Казанского собора), «благовестить начал до попова приходу, и по благовесте и звонить начал». Поп Аверкиевской церкви сказал казанским попам, что «Аввакум де до благо-

---

[18] Там же, стб. 15.
[19] Там же, стб. 734.
[20] В. К. Никольский. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. «Ученые записки» РАНИИОН. Т. II. М. 1927, стр. 139.
[21] «Материалы». Т. I, стр. 25.

веста полу[но]щницу говорил. И больше того слов никаких не было»[22]. Накануне у Аввакума произошел конфликт с причтом Казанского собора. 12 августа он читал поучения на паперти при поддьяконах, разосланных патриархом для надзора за церковным «благочинием», и, по их доносу, «лишние слова говорил, что и не подобает говорить». Патриарший архидьякон предложил казанским попам заменить Аввакума в чтении поучений. На следующий день ему не разрешили вне очереди читать проповедь, и разгневанный протопоп покинул церковь. После этого он «к церкви не начал ходить, а завел у тебя на дворе,— писал Иван Данилов в ссылку Ивану Неронову,— свое всенощное, а у нас от церкви детей твоих и иных прихожан отозвал, а иные от них приходили нарочно позывать от церкви в сушило, а иной и так говорил: в некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше»[23]. Казанские попы донесли о сушильных всенощных патриарху Никону, и в ночь на 21 августа Аввакум был взят под стражу.

В письме к Неронову от 14 сентября 1653 г. Аввакум сообщал: «Не пустили попы у Казанские в церкву и ис придела выбили, по приказу архидьяконову, сказывают. И я, грешник, ...собрался з братиею, о господе, в дому твоем в сушиле, после тебя в первое воскресение, побдети. И житие Златаустово... почел братье. И егда достигло время на завтрене перваго часа... вскочиша в молитвенный дом Борис Нелединской со стрелцами, и книги попраша, а меня почали бить взашей и за волосы драть в патрахели, а братью також перехватали, человек с сорок и болши»[24]. В действиях Аввакума прежде всего бросается в глаза протест против ссылки Неронова. Само по себе «всенощное бдение» в сушиле говорит о свободном отношении его к освященной веками феодально-церковной традиции уже в этот период его жизни.

Аввакума посадили в земляную палатку Андроньева монастыря, где он сидел на цепи три дня, без пищи, в темноте. На четвертый день его вывели на монастырский двор, и архимандрит с братией уговаривал его покориться патриарху. На него надели малую цепь и отдали чернецу, чтобы тот «волочил» Аввакума в церковь. «У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют»[25]. Из нарисованной картины видно, что протопоп не желал по принуждению идти в «храм божий». По истечении 10 дней его повели на патриархов двор «яко разбойника за спущенные рука». В Патриаршем дворцовом приказе допрашивали про челобитную о Неронове. Присутствовавший при этом патриарший архидьякон много «стязався» с ним и, «побраня матерны», велел вести его опять в Андроньев монастырь. 15 сентября его повезли расстригать в Успенский собор, но благодаря заступничеству царя церемония не состоялась. Аввакума отвели в Сибирский приказ. За «ево многое безчинство» — так гласила указная грамота — «отставленный», но не лишенный священства юрьевский протопоп с женою и четырьмя детьми был сослан в Сибирь в распоряжение архиепископа сибирского и тобольского[26]. Для них был определен зимний, наиболее трудный путь через северные города — Переславль-Залесский, Ярославль, Вологду, Устюг Великий и др. «Недель с тринатцеть волокли,— вспоминал Аввакум,— телегами и водою, и санми половину пути»[27].

В Тобольск ссыльные прибыли в конце декабря 1653 года. Сибирский архиепископ Симеон, в прошлом боголюбец, благосклонно отнесся к опальному протопопу, устроив его служить в соборную церковь Вознесения. Возможно, что от царя он получил какие-то негласные указания. Аввакум принялся активно внедрять в церковную практику новшества придворного кружка: реформа Никона еще не дошла до Сибири. Однако чтение поучений здесь не имело такого успеха, как в Москве. Единогласное пение он совершал в церкви почти без прихожан, не привыкших к продолжительной службе. Нельзя отрицать также личной нетерпимости и жесткости, проявлявшихся строгим ревнителем благочестия в борьбе с нравственными пороками. Канатными шелепами он «смиряет» чернеца-пьяницу, кричавшего под его окном: «Учителю, учи-

[22] Там же, стр. 30.
[23] Там же, стр. 30—31.
[24] Там же, стр. 20—22.
[25] РИБ. Т. 39, стб. 17.
[26] В. К. Никольский. Указ. соч. Приложения, стр. 159—160.
[27] РИБ. Т. 39, стб. 18.

телю! Дай мне скоро царство небесное!» Женщину, уличенную в блудном «промысле», держал ради исправления три дня под полом «во тме... на холоду»[28]. Не лишен был протопоп и тщеславия. По городу он ходил с золоченым посохом «с яблоки» — знаком епископской власти. В деле, заведенном на него по доносу дьяка И. Струны, указываются два таких посоха. Царевна Ирина Михайловна прислала ему в Тобольск «ризы... с Москвы и всю службу»[29]. По-видимому, протопоп гордился своею связью с придворными доброхотами, с помощью которых участь его оказалась относительно счастливой по сравнению с другими членами кружка боголюбцев.

Вскоре по приезде Аввакума в Тобольск архиепископ Симеон был вызван Никоном на церковный собор. В конце января 1654 г. он почти на целый год покидает епархию и все «домовые» дела поручает двум своим приказным лицам, главным из которых оставался дьяк И. Струна. За месяц до приезда архиепископа между Струной и Аввакумом разгорелась вражда. Поводом для нее послужило не только заступничество протопопа за дьячка Вознесенской церкви, которого Струна «мучить напрасно захотел», но и поведение самого ссыльного протопопа, заманившего Струну в свою церковь и побоями пытавшегося его «смирить». Возвратившийся архиепископ продолжал сохранять к Аввакуму «доброе» отношение, несмотря на то, что согласился с никоновскими реформами и не поддержал епископа Павла коломенского, протестовавшего против них на церковном соборе 1654 года. Он принял сторону Аввакума, а Струну приказал посадить на цепь. Последний убежал с цепью к воеводам и сказал там «слово и дело государево», указав на «посох-де с яблоки вызолочен» «и про иные его, Аввакумовы, безчинства»[30]. За полтора года пребывания в Тобольске, по словам Аввакума, на него «пять слов государевых сказывали». Извет Струны решил его судьбу. По указной грамоте из Сибирского приказа велено было Аввакума с женою и детьми сослать на Лену, в Якутский острог. «А божественные службы... тому протопопу служить не велети»,— гласил указ «великого государя святейшего Никона»[31], фактически управлявшего страной в отсутствие царя, занятого войною с Польшей. На пути в ссылку Аввакум с семьей зазимовал в Енисейском остроге. Здесь была получена другая грамота из Москвы, согласно которой ему предписывалось отправиться в Даурскую землю с отрядом воеводы А. Ф. Пашкова. Характеристику Пашкову дал архиепископ Симеон в челобитной царю, отказываясь посылать в Даурию попов и дьяконов, «потому что он (воевода.— В. Р.) нравом озорник великой»[32]. Аввакум находился в отряде на положении ссыльного (Пашков отнял у него все атрибуты священнослужения), хотя послан был он «вместо белово попа». Воевода прекрасно понимал всю двусмысленность положения протопопа и называл его в официальной отписке «роспопой».

Отряд численностью до 600 человек на 40 дощаниках отплыл из Енисейского острога в середине июля 1656 года. Пашков отправился в Даурию со «всем домом своим». Столкновение Аввакума с воеводою произошло в сентябре того же года на реке Ангаре у Шаманского порога. Отряду повстречались люди, сопровождавшие двух вдов («одна лет в 60, а другая и болши»), плывших «пострищись» в монастырь. Ввиду малочисленности русских женщин в Сибири царский наказ предписывал воеводе туземных «жонок и девок» крестить и выдавать замуж за своих людей[33]. Пашков захотел «замуж отдать» встречных пожилых вдов. Аввакум отказался участвовать в этом деле как священник и, по-видимому, ссылаясь на «писание», порицал действия воеводы. Тогда самодур-воевода, опасаясь за свой авторитет в отряде, стал «выбивать» протопопа с семьей из судна. Аввакуму грозила неминуемая гибель в горах и непроходимых дебрях. Он послал воеводе «писанейце», не отличавшееся смирением, судя по начальным строкам, сохранившимся в «Житии». После этого Аввакума избили кнутом на козле. Предварительно сам Пашков, вспоминает в «Житии» Аввакум, «уда-

[28] «Материалы». Т. 5. М. 1879, стр. 200, 255.

[29] РИБ. Т. 39, стб. 234.

[30] В. К. Никольский. Указ. соч. Приложения, стр. 160.

[31] Там же.

[32] А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПБ. 1900. Приложения, стр. 117.

[33] А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М. 1963. Комментарий, стр. 243.

рил меня по щоке, тажепо другой, и паки в голову, и збил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева, по спине ударил трижды»[34].

Видимо, Пашков позже испугался за свое самочиние над протопопом. Чтобы оправдать себя, он послал царю и патриарху отписку, а от имени казаков челобитную, в которых указывал на «воровскую», «подметную» память, составленную Аввакумом якобы с целью «учинить смуту», подобную казацким выступлениям в Верхоленском остроге и на Байкале-озере, между воеводою и служилыми людьми, «чтоб оне, вам, государем, изменили... и от меня б, холопа вашево государева, отказались»[35]. Ссылаясь на Соборное уложение, воевода требовал по своей отписке «за многие неистовые речи» предать Аввакума смертной казни[36]. Избитого до потери сознания протопопа заковали в цепи и, бросив в лодку, повезли в Братский острог. Там его посадили в «студеную башню» и держали в ней семь недель. Затем перевели в теплую избу, где он сидел «скован» вместе с собаками всю зиму. Весною поплыли дальше. На Ингоде-реке (приток Шилки) в отряде начался голод. В челобитной царю, написанной по возвращении из Даурии, Аввакум рассказал о жестоком отношении воеводы к государевым служилым людям, трудами которых у Пашкова всего было запасено достаточно. Страшная картина подневольного труда изнуренных голодом людей нарисована в «Житии»: «Лес гнали хоромной и городовой. Стало нечева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палъки болшие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие,— огонь да встряска,— люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет!»[37]. Отношение воеводы к ссыльному протопопу и его семье было таким же, как к подначальным государевым служилым людям. После «кнутнова биения» Пашков отнял у него хлеб и взамен продавал ему немолотую рожь «дорогою ценою» на оставшиеся книги и платье[38]. Аввакум вместе с казаками исполнял тяжелую работу: они тянули лямкою суда, гнали плоты, сплавляли строевой лес по сибирским рекам. Вдвоем с женой он волоком волочил по льду «нужную пищу и робят малых».

Между тем челобитная архиепископа Симеона о злоупотреблениях даурского воеводы, написанная по следам письма Аввакума, попала в начале 1658 г. во дворец, где против Никона уже сложилась оппозиция. Властолюбие патриарха, его необузданное стяжательство, страсть к роскоши, к тому же крутой нрав и низкое происхождение (сын крестьянина) вызывали ненависть придворных. Алексею Михайловичу, охладевшему к бывшему «собинному другу», напомнили о протопопе Аввакуме, пострадавшем из-за Никона. Царь тотчас дал указ: «Афонасья Пашкова от Даурские службы... отставити» за то, что он «попов бьет и протопопа Аввакума бил чеканом и кнутьем»[39]. Грамота об отставке Пашкова по неизвестным нам причинам задержалась. Другая грамота, о возвращении Аввакума из Даурии, была послана. В 1659 г. она была уже в Якутской приказной избе. След ее отразился в документах: «Грамота, велено сослався с Ылимским воеводою из Якуцкого и из Ылимского служилых людей сколко человек пригож в Дауры з грамотою великого государя к воеводе Афанасью Пашкову и, взяв у него протопопа Аввакума з женою и з детьми, и с людьми привесть в Ылимской»[40]. Весной 1662 г. новый даурский воевода, И. Б. Толбузин, прибыл в Иргеньский острог. В конце мая оттуда отплыл Пашков, а месяц спустя в лодке отправился и Аввакум с семьей, захватив с собой «старых, больных и раненых», брошенных воеводою.

И вот Аввакум снова в Москве. Его поместили на подворье Новодевичьего монастыря, которое находилось у Спасских ворот в Кремле. Первым делом он навестил Ф. М. Ртищева. Последний «ис полатки выскочил» навстречу протопопу и «три дня и три ночи» не отпускал его, расспрашивал о пережитом, затем известил об Аввакуме

---

[34] РИБ. Т. 39, стб. 22.

[35] В. И. Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР (далее — ТОДРЛ). Т. IX. М.-Л. 1953, стр. 398.

[36] Там же.

[37] РИБ. Т. 39, стб. 26.

[38] Там же, стб. 727.

[39] А. К. Бороздин. Указ. соч. Приложения, стр. 118.

[40] ЦГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ, Якутская приказная изба), д. 1396, л. 131.

царя. Не разбираясь во всех политических интригах при дворе, куда он прибыл как противник Никона в наиболее благоприятный для себя момент (патриарх уже оставил престол), Аввакум вспоминает не без самодовольства милостивое к себе отношение царя и бояр: «Яко ангела божия прияша мя государь и бояря,— все мне ради... В поход (царь.— В. Р.) ходя мимо двора моего, благословляяся и кланяяся со мною, сам о здоровье меня спрашивал часто. В ыную пору, миленькой, и шапку уронил, поклоняся со мною»[41]. Вскоре Аввакум посылает царю челобитную. В ней он не только рассказывает о жестокости даурского воеводы, но, воспользовавшись вниманием царя, пытается вмешиваться в государственные дела. По его мысли, «ничтоже тако раскол творит во церквах, якож во властех любоначалие»[42]. В его сознании насильственные действия Никона против тех, кто не согласен с его реформами, отождествлялись с действиями древних язычников, губивших первых христиан. Отрицательное отношение к обрядовым новшествам вытекало из сложившегося убеждения, что они связаны с «еретичеством», с «мучительством» над «християнами».

В это время Аввакум ненадолго сближается с учеными монахами Андреевского монастыря, собиравшимися для диспутов в доме окольничего Ф. М. Ртищева (так называемое «Ртищевское братство»). Круг прочитанной Аввакумом литературы расширяется за счет переводных «латынских» сочинений, среди которых хроника Барония и ряд других[43]. Аввакум увлекается религиозно-мистическими мечтаниями о «втором пришествии Христа» и установлении царства любви и справедливости. «Страшный суд» над развращенным миром («мир весь в зле лежит дияволе и мир весь бога не позна»[44]) казался ему близким. Любопытны его суждения о своем времени, передающие религиозным языком всю сложность и напряженность пульса тогдашней жизни: «Ныне бо время наста, еже разъсужъдати межъду святыми и не святыми и межъду чистыми и не чистыми, межъду пияными и не пияными, по словеси господну. Мнози бо от святых писаша о двою пришествию Христову, а о средосьтению их немнози писаша»[45]. Свое назначение в обществе он видел в том, чтобы стать обличителем тех, кто живет «неправедно», ибо настало время «разъсужъдати».

Аввакуму как человеку переходной эпохи наряду с традиционными понятиями древнерусской церковной книжности был свойствен и новый, отличный от средневекового мировоззрения взгляд на веру, на назначение человека в жизни и его роль в обществе. «Человек честнее церькви»,— подчеркивал он, по-новому интерпретируя слова Иоанна Златоуста, у которого говорится лишь о том, что само учение христианства важнее церковных стен. Вера отождествляется в сознании Аввакума с евангельским, главным образом этическим, учением и с фанатичной приверженностью к дониконовской обрядности. С другой стороны, вера трактуется им как образцовая семейная жизнь, как деятельность на благо общества. В его записях и набросках читаем: «Во граде живущий человек з женою и з детьми благочестно паче отшельника в горы». «Тако же бо и тело без духа мертво есть, тако же и вера без дел мертва есть». Он считает «грехом», а не подвигом без причины идти на страдания: «...сие диявольское есть, еже туне и всуе пометати себя в напасти и беды и искушати, аще спасает бог»[46].

Если в отношении веры Аввакум как будто отходит от узкой схоластической трактовки и в свое понимание ее вместе с приверженностью к букве, форме, обрядности вкладывает действенность и определенный этический смысл, то по отношению к знанию он остается в плену средневековых представлений и не принимает его гуманистического назначения независимо от самой христианской веры. Им отвергается «внешняя мудрость», ведущая к «философскаму кичению» и «лукавству». Ограниченность, безусловно, сказывается в таких суждениях, как «премудрость еллинская —

---

[41] РИБ. Т. 39, стб. 44, 194.

[42] *Там же, стб. 723.*

[43] На это обратил мое внимание И. М. Кудрявцев. Приношу ему благодарность. Не исключена возможность, что Аввакум читал литературу на польском языке. В его лексике — польские слова: «реши», «рок» и т. д.

[44] И. М. Кудрявцев. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. Материалы к исследованиям. «Записки» Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Вып. 33. 1972, стр. 186.

[45] Там же, стр. 182.

[46] Там же, стр. 181, 194.

мати всем лукавым дохматом»; «Христос не учил нас диалектики, ни красноречия, потому что ритор и философ не может быти христианин»; «и кроме философии, и кроме риторики, и кроме грамматики мощно есть верну сущу препрети всех противящихся истинне» [47] и т. д. Но Аввакум в принципе не выступает против чтения книг «священнаго писания», против диспутов о церковных догматах, даже обучения грамоте женщин и изучения языков. Только все это он мыслит в соединении со «святостью», нелицемерием, любовью к «божьей» правде. Этим объясняется его разрыв со «Ртищевским братством», резкое осуждение придворного философа Симеона Полоцкого, пропагандиста и защитника научного знания.

Именно тогда у Аввакума складывается отрицательное отношение к официальной церкви, воспринявшей «еретическое учение» патриарха Никона. Через полгода он посылает царю новую челобитную («моленейцо»), в которой требует отказаться от «никониянских» нововведений и предлагает свои кандидатуры на высшие церковные должности («протопопова к великому государю роспись — хто в которые во владыки годятца» [48]). В числе кандидатур назван боярин С. Салтыков, которого вовлек в раскол его дворецкий; архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Никанор, впоследствии один из руководителей Соловецкого восстания. Аввакум поддерживал с ним связь, когда последний стал игуменом Соловецкого монастыря. В осажденный правительственными войсками монастырь он посылал своего верного ученика Федора с письмами и грамотками.

Аввакум окончательно связал себя с оппозицией к господствующей («никониянской») церкви. Он переселяется с семьей в дом боярыни Ф. П. Морозовой, верной последовательницы его учения. Здесь тайно собираются его единомышленники. Круг «правоверных» растет за счет самых различных оппозиционно настроенных слоев посада. В ЦГАДА хранится дело о сожжении в Кольском остроге раскольницы, жены ссыльного московского стрельца Мартына Васильева Мавры Григорьевой. На допросе при пытках она сказала, что «урожением Нижегородского уезда села Мурашкина крестьянская дочь». Стала «духовной дочерью» Аввакума, когда он был еще попом в селе Лопатице. Была у него на исповеди со своим мужем в Москве, в доме боярыни Морозовой, «а не в церкви». «И заклинал-де он, Аввакум, ей и иным детям духовным своим, хто у него был на духу... в церковь ходить... и во всем священником покарятися не велел же, хотя-де станут и мучить вас до смерти и за то-де вам будут венцы», что «все-де ныне власти и священницы от веры отпали, а Никона патриарха называл он антихристом» [49].

Власти неоднократно предпринимали попытки склонить Аввакума на свою сторону или заставить его молчать. Ему предлагали место, где он сам захочет служить; его звали в царские духовники, хотели поставить справщиком на Печатный двор. Царь разрешил ему исполнять службу по-старому в одной из московских церквей. О том, как Аввакум пропагандировал против официальной церкви своих прихожан, ярко свидетельствует дошедшее до нас следственное дело, к которому были привлечены лица, уличенные в церковной «противности» и связи с протопопом, в их числе — сторож Благовещенского собора Андрей Самойлов. Из показаний бывшего патриаршего подьяка Саввы Семенова, приставленного, может быть, следить за Аввакумом, но, в свою очередь, обвиненного в церковной «противности», явствует: «Протопоп Аввакум... от церкви Софии премудрости божии, что за Москвою рекою в Садовниках, прохожан учением своим отлучил многих, а Ондрюшка де протопопов ученик и советник... И кто тремя персты креститца и аллилуйя трижды говорит, тех называет никоновичами и еретиками» [50]. Активная пропаганда Аввакума против церкви, несмотря на уговоры и предложения властей, и в связи с этим растущая его популярность в Москве, его челобитные — все, вместе взятое, вызвало недовольство царя. В конце августа 1664 г. Аввакума с семьей ссылают в Пустозерск, но благодаря хлопотам Неронова местом

---

[47] «Материалы». Т. I, стр. 486—488.

[48] Там же, стр. 335—336.

[49] ЦГАДА, ф. 159, оп. I, д. 2226, лл. 5—6. См.: В. И. Малышев. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума. Приложение II — Новые материалы о протопопе Аввакуме. «Пути изучения древнерусской литературы и письменности». Л. 1970, стр. 116—117.

[50] «Материалы». Т. 1, стр. 481.

ссылки назначается Мезень. Через полтора года Аввакума вызвали на церковный собор для окончательного суда.

В Москву он был привезен в начале марта 1666 года. Вместе с ним приехали два его старших сына, а жена с младшими детьми осталась на Мезени. Аввакума отдали в распоряжение крутицкому митрополиту Павлу, одному из самых ревностных приверженцев никоновских реформ, инициатору наиболее инквизиторских мер преследования раскольников. Уговоры и угрозы последнего не подействовали на упрямого протопопа. Его отвезли в Пафнутьев Боровский монастырь, где держали на цепи десять недель. Для увещевания к нему прислали ярославского дьякона с подьячим патриархова двора. Первый оказался сочувствующим, и с этими лицами Аввакум послал властям «скаску... с большою укоризною и бранью». 12 мая по приказу митрополита Павла Аввакума срочно привезли в Москву. Наутро в Крестовой палате Патриаршего дворца церковные власти, в их числе бывший друг Аввакума архиепископ Иларион, пытались примирить его с церковью доводами «от писания» («стязавшеся» с ним). В своих записках Аввакум умалчивает о самом диспуте, но старается главным образом дискредитировать иерархов в глазах единомышленников доходчивыми и насмешливыми характеристиками. «Питирим же (будущий патриарх.— В. Р.), яко красная девка нишкнет — только вздыхает. Оне же не возмогоша стати противо премудрости и силы христовы, но токмо укоряху. И лаяше меня Павел, и посылаше к чорту»[51]. В Успенском соборе в этот же день протопопа Аввакума и дьякона Федора «остригли пред народом» и предали анафеме. Для человека XVII в. это была духовная и гражданская казнь.

Через два дня в полночь Аввакума вывели с патриархова двора, где он сидел «за решеткой», и через Тайницкие ворота привели на Тресвятский мост. Здесь его ожидал думный дьяк государева Приказа тайных дел Дементий Башмаков с царским словом: «Велел тебе государь сказать,— читаем в «Житии»,— не бойся ты никово, надейся на меня! И я ему поклонясь, а сам говорю: челом, реку, бью на ево жалованье; какая он надежа мне? Надежа моя Христос!»[52]. В достоверности разговора с «всесильным» дьяком сомневаться не приходится. Как показывают факты, царь лично от своего имени не раз оказывал внимание осужденному церковниками протопопу. Аввакума отвезли в Николо-Угрешский монастырь в сопровождении конвоя из вооруженных стрельцов. О месте заключения вскоре стало известно его единомышленникам. Под видом богомольцев они стали проникать в монастырь. И в начале сентября власти поспешили перевести Аввакума в Пафнутьев Боровский монастырь под более суровый надзор. Игумену было строго наказано держать узника в тюрьме с прочими колодниками, «чернил и бумаги ему не давать и никого к нему пускати не велеть»[53]. Попытки властей заставить протопопа раскаяться в церковной «противности» не прекращались и здесь. В апреле его привезли в Москву, а в июле Аввакум предстал на церковном соборе перед вселенскими патриархами.

Сцена «судища» нарисована в «Житии» в остро гротескном плане с целью «посрамить» как русских, так и греческих иерархов, поведение которых автор отождествляет с насилием древних язычников над «християнами». Развенчивая «святость» высшего духовенства, обличая его лесть, угодничество, вероломство и т. д., Аввакум подчеркивает свое плебейско дерзкое к ним отношение в доходчивых для читателя чертах и образах. В ответ на его «посрамление» русские и греческие иерархи якобы единодушно прибегли к физической расправе, картинно представленной протопопом: «Возми, возми, распни его! Всех нас обесчестил! Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросилися грудою, человек их с 40, чаю, было!.. Велико антихристово войско собралося!»[54]. Вряд ли такая сцена имела место в действительности. Слишком уж явны в ней следы литературного подражания евангельскому тексту об осуждении Христа.

Собор вылился в страстный диспут о вере, об отношении к «латынству». Чтобы разобраться во взглядах Аввакума, нужно выяснить, какой смысл вкладывал он в эти традиционные понятия. Ответа на это «Житие», предназначенное для широкого читателя, не дает. Без сомнения, перед вселенскими и русскими иерархами Аввакум под-

[51] «Житие», стр. 328.
[52] РИБ. Т. 39, стб. 199.
[53] «Материалы». Т. I, стр. 372.
[54] РИБ. Т. 39, стб. 128, 59.

робно изложил основы своего «правоверия», в какой-то степени они приводятся и в его беседе «Об иноческом чине». Ссылаясь на «латынских» и русских летописцев, используя даже отличную от древнерусской книжности лексику, отпадение «латынской» веры от «истинного християнства» Аввакум объяснял двумя причинами: несоблюдением евангельских заповедей и борьбой «менших» людей («род християнский от простаго чина») с «болшими» («велможами»), в результате чего на Флорентийском соборе победил папа, ставленник «болших», и узаконил их «лукавые» обряды, порядки, обычаи и нравы; эти-то «уставы» пришли в Польшу, Грецию, а теперь — на его светлую Русь. Флорентийский собор он сравнивал с церковным собором 1666—1667 годов. «Видите ли, вернии, римское-то дело родилося каково хорошо! А у нас на Москве-той не хуже-тово» [55]. В мировоззрении Аввакума, сформировавшемся на основе древнерусской христианской книжности, ясно прослеживается главная мысль — противопоставление современной ему церковной практики этическим нормам раннехристианских авторов. Но в его рассуждениях отсутствует реальная перспектива исторического процесса. Узость политического кругозора сказывается и в отрицательном отношении к такому по своему значению общеевропейскому событию, как Флорентийский собор. Вместе с тем Аввакум трезво осознает расстановку сил не только в России, но и во всей Европе и свои симпатии отождествляет с интересами «менших».

Собор 1666—1667 гг. поставил раскольников вне общества и церкви. Розыск «еретиков» и свершение «градского суда» над ними были поручены воеводам. В официальных документах собора Аввакум назван «клеветником» и «мятежником». «За расколы, мятежи и лжеучения», как гласил окончательный приговор, он лишен сана и сослан в Пустозерск [56]. Вместе с ним были сосланы инок Епифаний, романовский поп Лазарь и дьякон Федор. Однако попытки примирить Аввакума с церковью предпринимались еще и перед отправкой его на вечное изгнание. По инициативе царя Алексея Михайловича к нему посылался ряд лиц, в их числе Неронов, архиепископ Иларион, Дементий Башмаков, крутицкий митрополит Павел, боярин Артамон Матвеев, Симеон Полоцкий. С последним диспут был особенно ожесточенным. «Разошлись, яко пьяни, не могли и поесть после крику. Старец мне говорил: «Острота, острота телеснаго ума! Да лихо упрямство, а се не умеет науки!»... И говорил я ему: «Ты ищешь в словопрении высокия науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами: и мне кое общение, яко свету со тьмою, или яко Христу с Велиаром?» И ему стыдно стало, и против тово сквозь зубов молвил: «Нам-де с тобою не сообщно» [57]. Будучи глубоко религиозным человеком, Аввакум чаще всего апеллирует к евангельскому образу Христа не как к божеству, а как к этическому идеалу, которому все должны следовать в жизни. Очеловечение мифического Христа прослеживается и в его «философских» размышлениях. «Яко же бо человек,— душа и тело,— един человек, тако бог и человек един Христос,— два естества во едином составе» [58].

В суровых условиях пустозерской ссылки, погребенные заживо в земляные тюрьмы, Аввакум и его «соузники» подражали крайней форме аскезы раннехристианских мучеников, умерщвляя плоть постом и молитвами и убивая в себе самый образ человеческий. «Потому и рубашку с себя скинул и поверг неимущим,— сообщал он в письме к родным.— Наг оттоле и доныне,— уже три года будет,— да бог питает мя и согревает» [59]. В пустозерский период развернулась лихорадочная публицистическая деятельность Аввакума. Его социально-этические представления окончательно сформировались под непосредственным впечатлением бурных событий 1664—1670 годов. «Мучительство», совершенное над ним и его «соузниками», послужило причиной для разрыва с «сильными мира и власть имущими»; их он объединяет под одним именем «никонияне». Наибольшей силы обличительный пафос публициста достигает в «Житии», когда он обращается не к Никону, а к «никониянам» — высшим церковным и светским

---

[55] Там же, стб. 274—275, 277.
[56] «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею». Т. V. СПБ. 1853, стр. 448.
[57] «Житие», стр. 331.
[58] РИБ. Т. 39, стб. 414.
[59] Там же, стб. 921.

властям, за которыми стоят и исполняют их волю «началники», «силники», «гордые», «злые», «лютые», «самомнивые» — словом, все, кто имеет силу и власть и превращает их в насилие над «християнами».

На материале сведений (достоверность которых порой очень сомнительна), присылаемых его единомышленниками, Аввакум бичует высшее духовенство, противопоставляя делам, образу жизни и поведению церковников евангельские образы и заповеди «отцов церкви». Он встает на путь развенчания не только авторитета церкви в массах, но и отрицания высшей церковной иерархии. «А о нынешних духовных не чаю, так, словом духовни, а делом беси: все ложь, все обман! Какой тут Христос? Но и близко нет, а бесов полки. От плодов научил нас Христос познавати их, а не от басен» [60]. Созданный им собирательный сатирический портрет «никониянина» — представителя высшего духовенства своей жизненной правдивостью и грубоватым натурализмом (в духе эпохи) был понятен всем «чтущим и послушающим», вызывая здоровый смех, и, конечно, «духовных злобу». «Наг ты благодати стал и христовых страстей отвергся. На женскую подклейку платишко наложил, да я-де-су инок, христовым страстем сообщник! Подобает истинному иноку делы Христу подобитися, а не словесы глумными... Помнишь ли? Иван Предтеча подпоясывался по чреслам, а не по титкам, поясом усменным, сиречь кожанным... да же брюхо-то не толстеет. А ты что чревагая жонка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываесе по титкам! Чему быть! И в твоем брюхе-том не менше робенка бабья накладено беды-тоя,— ягод миндалных, и ренсково, и раманеи, и водок различных с вином процеженным налил: как [н] и подпоясать. Невозможное дело, ядомое извредить в нем!»

Светские власти, действовавшие заодно с церковниками, подвергаются также резкому осуждению Аввакума. Он сравнивает их с евангельскими персонажами, осудившими на смерть Христа. Описывая казнь своих единомышленников в Москве (когда у попа Лазаря, старца Епифания и дьякона Федора «указано за их речи языки резати, а за крест руки сетчи»), вспоминая насмешки и глумление властей, Аввакум замечает: «Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя» [61]. 300 лет назад, когда не только в России, но и по всей Европе церковь действовала насилием по отношению к инакомыслящим, сам «пострадавший за веру» Аввакум поднял негодующий голос против инквизиторских действий господствующей церкви. «Чудо, как-то в познание не хотят прийти: огнем да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? — Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем да кнутом, да висилицею в веру приводить... И те учители явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же» [62].

Конечно, мышление Аввакума, не освободившееся от средневековых религиозных иллюзий, нельзя считать рационалистическим. Тем больше удивляет глубина его наблюдений над социальной действительностью своего времени. Гневные обличения общественных порядков совершаются им в плоскости церковно-правовых и этических отношений. Через них он поднимается до осознания того, что в обществе царит несправедливость — произвол и насилие «гордых», а жертвами их являются не только раскольники, но и все люди труда — «смиренномудрые». При этом способ выражения мыслей и самая лексика автора, безусловно, архаические. Но в традиционные абстрактные понятия христианской книжности как бы вторгается напряженное дыхание жизни: «А гордый, и величавый, и самомнивый тщится раззорить, убить единовернова и брата, яко врага, оклеветать и на смерть предать. О смиренном и ушима не хощет слышати, понеже мерзок ему смиренномудрый, и тщится истребить и паметь его от земли; аще бы возможно, он бы жива его поглотил» [63]. Он полон любви и сочувствия к «смиренным», которые в человеческом отношении выше и лучше «гордых». «Живет миленькой,— писал Аввакум о «смиренном»,— беззлобием, попросту посреде гордых, яко овча посреде волков, или посреде крагуев, яко птенец. Умышляют о нем, как бы уловить; а он к ним, ко псам, хлебом да солью противится, да любовию христовою, не помня их ковар-

---

[60] Там же, стб. 792.
[61] Там же, стб. 280—281, 60.
[62] Там же, стб. 65.
[63] Там же, стб. 481.

ства и злобы к себе, единако промышляет и скорбит об них, как бы их спасти и в разум истинный привести» [64].

Аввакум не только осуждает «гордых», но и отрицает какую-либо их значимость в обществе. «Грызут ево («смиреннаго».— В. Р.) гордыя, поваля; а как нужа постижет, так к нему же бегут: понеже не действенна их гордость ни в чем; токмо свойственна к пакости и ко греху». Он осознавал жестокость и бесчеловечность такого общественного порядка, при котором одни «смиренные» трудятся, а «гордые» пользуются результатами их труда и в то же самое время глумятся над «смиренными», унижают их достоинство, насилуют их совесть и волю. «Горе смиренному з гордыми жить! Не имать покоя души своей и телеси, беспрестанно в ропоте и в волнах: иное догоняет его и до слез, а он, переплакав, и забыв досаду их, паки печется об них: отколя что бог подаст, и он, сам не съедши, пихает им в горло, яко псам. Дондеже ядят, и оне ево блажат: миленькой, кормилец наш! А как съели... тако и паки... сукин сын стал» [65]. Не только абстрактная христианская «добродетельность», почерпнутая им из литературы, да личные жизненные невзгоды заставили Аввакума остро чувствовать страдания «смиренных». Он ведь вырос в крестьянской, нравственно здоровой среде и был полон любви к родной природе и человеку независимо от его положения на иерархической лестнице. Уважение к труду, пожалуй,— одна из самых характерных черт его морального облика, сближающая его с людьми труда. В «Житии» Аввакум рассказывает, как ему приходилось ставить избу, сеять хлеб, ловить сетями рыбу, ходить в лес за дровами, мастерить корыто для кормления кур, доить коз и делать многое другое. Каждодневный опыт приводит его к убеждению о непримиримости «смиреннаго» с «гордыми».

Но религиозно-идеалистическое мировосприятие наложило свои путы на его конкретные мысли и чувства, и он не видел выхода из угнетенного положения для «смиреннаго»: «Куды же ему, милому, дется от них? Небо одно, земля одна, хлеб общ, вода такожде. Терпеть, стало не пособить, дондеже бог разделит и возмет коегождо к себе, яко милостив есть и щедр,— очищает смиреннаго от грех его мучением сим... Аще не внешния, ино внутренния беды, еже есть помыслы неподобныя, потом и дела. А егда ратует видимый враг, тогда сия ратники спят» [66]. Не смог понять Аввакум причин насилия властей и «гордых» над «смиренными» вообще, над раскольниками в частности, и подняться до осознания необходимости классовой борьбы с угнетателями. В его публицистике сильны религиозно-мистические настроения, идеи непротивления злу насилием, призывы «пострадать» на Земле во имя «царствия небеснаго». Аввакум не был прямым пропагандистом самосожжений. Он слишком любил жизнь и людей, близких ему по духу. Однако не следует забывать, что он посылал свое благословение тем, кто, чувствуя «слабость» в борьбе с «никонианами», принимал «огненное крещение». Все это налагает на его публицистику отпечаток религиозного фанатизма.

И все же объективное значение его творчества велико. Разоблачая общественный порядок, при котором царят насилие и произвол, Аввакум употреблял полные страсти и гнева выражения, приводил библейские пророчества и евангельские образы, разжигая ненависть ко всем, «власть и силу имущим». Этим самым он как бы противопоставлял «феодализированному христианству» своего времени (в котором «силники» и «гордые» творят «дьявольскую волю») идеализированные отношения христианских общин апостольских времен. В сочинении «О сотворении мира» он писал: «Бог землю общу сотворил, и небом, яко каморою покрыл, день равно всем светит, и солнце сияет равно, чтобы друг друга любя жили, яко во едином дому, советно и единодушно» [67]. Для Аввакума характерно идеализированное представление о прошлом всей Земли, когда она была якобы «райским садом», о прошлом Руси в особенности. Объективно это была реакция на феодальное устройство общества, раздираемого классовыми противоречиями, когда эгоизм и лицемерие господствующего класса обнажились и новыми, еще более тяжкими бедами начал оборачиваться для народа «твердый порядок» самодержавной монархии. Идеология Аввакума была царистской; государства без царя он не

---

[64] Там же, стб. 481—482.
[65] Там же, стб. 482.
[66] Там же, стб. 482—483.
[67] Там же, стб. 676.

мыслил. Однако отношение к личности царя и пределам его власти у него меняется. В последних сочинениях Аввакума ставится под сомнение «божественность» происхождения царской власти. Он обвиняет царя в «мучительстве», сравнивая с библейским царем Манасией, который «жарил во Израили глаголющих истинну и правду». Строгий приговор выносится Алексею Михайловичу, которому уже нельзя царствовать за совершенные злодеяния. «Нам надобно царя-тово... постричь... да пускай поплачет хотя небольшее время». Осознавая всю необычность для своего времени критики «высочайшия» на Земле «власти», он замечает: «Дерзаю паче человека, выше меры моея, *угнетаем болезнию по души заблудьшей его»* [68] (то есть царя.— В. Р.).

Несмотря на смелые мысли, Аввакум все-таки выступает против личности конкретного царя, а не царей вообще. Наивная вера в доброго царя, присущая народу на протяжении многих веков, и плебейско-аскетический идеал жизни, воспринятый им из христианской книжности, подсказывают ему образ идеального правителя-царя. «Подобна бо еси царю Феодосию,— обращается он к своей «духовной дочери» Ф. П. Морозовой,— управляющему добре царская,— порфиру и багряницу добре ношаше, внутрь власяницу под одеянием царским; ездящу ему на колеснице царстей, и в то время книги своими рукама писаше, и труды рук своих нищим вручаше, и пищу себе нужную от рукоделия своего строя» [69]. По мысли Аввакума, царь должен любить равно всех «християн», следовать истине и разуму, а не действовать «по стихиям сего мира». Обращаясь к Алексею Михайловичу, не отвечавшему его представлению об идеальном царе, он с горечью говорит: «А ты, миленькой, посмотри-тко в пазуху-ту у себя, царь *християнской! Всех ли християн-тех любишь? Несть болшо,* отбеже любы и вселися злоба. Еретиков никониян токмо любишь, а нас, православных християн, мучишь» [70]. Теоретическая слабость его учения в целом, перевес негативного содержания над позитивным, следы пессимизма и непротивленства, сильный налет мистики — все это черты идеологии переходной эпохи, когда старый порядок как бы «переворотился» «и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй.., какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки» [71].

Год проходил за годом, а в положении пустозерских узников, заживо погребенных в земляных ямах, не намечалось никаких изменений. Между тем послания Аввакума распространялись, их переписывали, передавали из рук в руки и даже продавали в столице — и все это тайно, негласно, без ведома властей. «Те писма светлея солнца, и вси добры»,— заявляли его почитатели на Керженце в конце XVII века [72]. Круг его единомышленников расширялся; ему писали со всех концов страны, нуждаясь в советах, наставлениях, моральной поддержке. В своих посланиях Аввакум нередко обращается ко всем «верным» на всем «лице земном», «во свете живущим», «ищущим живота вечнаго» на единственно понятном им тогда языке религиозного пророчества, подкрепляя свои дела, мысли и поучения чудесами и видениями. Для него важно было убедить «верных» в том, что справедливость на их стороне. Себя он осознает в качестве «пророка», обличителя «греховнаго» мира и провозвестника будущего «царствия небеснаго». «Всем глаголю христовы ограды словесных овец, яко вси есте равно сынове и дщери Завета и Пророк. О всех и за вся умре Христос. И апостол рече: несть июдей, ни еллин, несть раб, ни свободь, несть мужеский пол, ни женский, но вси едино есть о Христе... В день он, егда воскреснут, ни женятся, ни посягают, но равни аггелом сут(ь). Вот каково хорошо! Смесимся в одно стадо з горними силами и мужики, и бабы, и паренки, и девушки. Во славе велицей и крепцей силе летать станут иноцы яко пернатии, а белцы, по них ходяще, последуют в том же нетлении и плоти легцей, могущей по воздуху ездити» [73]. В традиционном духе христианской средневековой

[68] Там же, стб. 468, 472.
[69] Там же, стб. 415.
[70] Там же, стб. 476.
[71] В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 102.
[72] «Материалы». Т. 8. М. 1887, стр. 261.
[73] Н. С. Демкова, В. И. Малышев. Неизвестные письма протопопа Аввакума. «Записки» Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Вып. 32. 1971, стр. 177.

книжности автором высказаны мечты о единении всех людей, независимо от их национальной принадлежности.

Наряду с наивными мечтаниями в последних посланиях Аввакума усиливаются бунтарские чувства, растет ненависть к властям — «никонияннам». Недавно В. И. Малышевым опубликованы материалы, проливающие свет на причину казни Аввакума и его «соузников». Аввакум оказался вдохновителем выступления раскольников в Москве в январе 1681 года. Он посылал своим единомышленникам в Москву «свитки богохульныя и царскому достоинству безчестныя» [74]. Раскольники разбрасывали их в Кремле. А один из них, Герасим Шапочник, забрался даже на колокольню Ивана Великого и оттуда бросал «на смущение» народа свои «воровские писма» [75]. Раскольники, по свидетельству официальных документов, «аки татие, тайно вкрадучися в соборныя церкви, как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальныя свечи ставили, не умаляся ничим от святокрадцов и церковных татей» [76]. Эти сообщения перекликаются почти дословно с показаниями младшего сына Аввакума Афанасия, сказавшего в 1692 г. на своих старших братьев «слово и дело государево». От пустозерского стрельца Лодьмы, побывавшего на Мезени, где жила в ссылке семья Аввакума, он слышал, что отец его «велел великого государя гробницу дехтем марать, за что де... и сожжен» [77].

Приговор и следствие, произведенные в Пустозерске капитаном стрелецкого стремянного полка И. С. Лешуковым, до сих пор не найдены [78]. Но именно январские события 1681 г. решили на церковном соборе 1681—1682 гг. окончательную судьбу Аввакума и его «соузников»: инока Епифания, попа Лазаря и дьякона Федора. 14 апреля 1682 г. они были сожжены в срубе за «великия на царский дом хулы». Так на пороге царствования Петра I закончил свой жизненный путь огнепальный протопоп, в публицистическом творчестве которого столь ярко отразились и его эпоха, и крушение некоторых религиозных и политических иллюзий русского средневековья.

---

[74] В. И. Малышев. Новые материалы о протопопе Аввакуме. ТОДРЛ. Т. XXI. 1965, стр. 343.

[75] «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», № 5, отд. IV. М. 1848, стр. 70—71; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. VII. М. 1962, стр. 243.

[76] В. И. Малышев. Новые материалы о протопопе Аввакуме, стр. 343.

[77] В. С. Румянцева. Неизвестные материалы о протопопе Аввакуме. «Советские архивы», 1970, № 5, стр. 92.

[78] В. И. Малышев. Заметки о протопопе Аввакуме. (Кто казнил Аввакума) «Русская литература», 1965, № 4, стр. 160—161.

АНТОНИ ИДЕН: СТРАНИЦЫ АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Член-корреспондент АН СССР
В. Г. Трухановский

Прежде чем окончательно посвятить свои усилия и время той или иной теме, каждый автор решает для себя важный вопрос: зачем и кому это нужно? Так было и в данном случае. Политической биографией Антони Идена можно было бы и не заниматься, если бы не ряд соображений, определенно говорящих в пользу обращения к данному сюжету. Во-первых, Иден играл одну из важнейших ролей в реализации внешней политики Англии на протяжении 30-х — 50-х годов нашего века. Эти десятилетия насыщены такими событиями, как политика «умиротворения» агрессоров, возникновение второй мировой войны, деятельность антигитлеровской коалиции, зарождение и развитие послевоенного противоборства между социализмом и империализмом, и др. Изучение деятельности Идена дает возможность лучше понять и осветить ход этих событий. Жизнь Идена в определенной степени является частью дипломатической истории Англии. Во-вторых, история международных отношений тех лет остается объектом острой идеологической и политической борьбы. Поток посвященных ей исследовательских работ, публицистических и мемуарных изданий в буржуазном мире не уменьшается. Поэтому попытка изложить нашу позицию с учетом достижений отечественной и зарубежной науки может оказаться полезной. В-третьих, в исторической и мемуарной литературе встречаются утверждения, будто Идена не должно ставить в один ряд с прочими английскими «умиротворителями», поскольку он якобы придерживался во внешней политике отличных от них взглядов, был настроен либерально и действовал как сторонник коллективной безопасности. К сему добавляется рассуждение о его якобы благожелательном отношении к Советскому Союзу. Поскольку эта концепция не соответствует истине, представляется целесообразным рассмотреть реальные факты, отражающие позицию Идена по этим вопросам. В-четвертых, сам Иден опубликовал три больших тома воспоминаний и многочисленные статьи, в которых содержится не только апологетика собственной персоны и британской внешней политики за несколько десятилетий, но и большой заряд антикоммунизма и антисоветизма. Убедительный ответ усилиям, обеляющим и пропагандирующим империалистическую внешнюю политику Англии, требует рассмотрения действий самого Идена и акций британской дипломатии на протяжении 30-х — 50-х годов. В-пятых, как свидетельствует опыт советских историков и ряда их зарубежных коллег, широкий читатель с большим интересом воспринимает книги, в которых политика различных стран и классов раскрывается через деятельность соответствующих государственных деятелей. Это делает историческое повествование более живым, конкретным и доходчивым.

По этим причинам автор пренебрег предостережением Д. Барденса, написавшего одну из многочисленных книг об Идене. Тот в общем-то справедливо отметил, что «по ряду соображений Антони Иден — трудный предмет для биографа».

Ниже на суд читателей журнала выносится первый очерк об А. Идене, в котором речь идет о том, как он пришел во внешнеполитическое ведомство своей страны. Перед нами — типичный пример того, как комплектуются руководящие кадры британской дипломатии.

I. НАЧАЛО ПУТИ

Считается общепризнанным, что Иден является в своем роде счастливчиком. Ему везло почти неизменно на протяжении сравнительно длительного жизненного пути. Он «удачно» родился в аристократической семье, располагавшей большими связями в английских правящих кругах. Природа наделила его умственными способностями хотя и не

выдающимися, но вполне достаточными, чтобы действовать с успехом в тех жизненных сферах, которые Иден избирал. Она была, безусловно, щедра в отношении его внешности. Иден смог, не получив ни единой царапины, пройти через опасности фронтовой жизни во время первой мировой войны и в то же время приобрести хороший послужной список. Война унесла многих из поколения Идена и тем самым облегчила его путь наверх, ибо конкуренция по этой причине была не такой уж большой. Иден избрал себе первоначальными покровителями тех консервативных деятелей, которые имели возможность оценить усердие и преданность начинающего политика и затем позаботились о его продвижении. Случай привел его на пост, связанный с Лигой Наций, а это принесло ему популярность и обеспечило репутацию, благоприятную для дальнейшей политической карьеры. Расхождения по ряду вопросов с премьер-министром Н. Чемберленом и последовавшая в феврале 1938 г. отставка не только не поставили точки на его карьере, но создали возможность для продвижения к самым высоким государственным постам. Удачей оказалась и ориентация на У. Черчилля, который официально утвердил претензии Идена на пост премьер-министра Англии, сделав его тем самым своим «наследным принцем». Эти успехи Идена были отчасти закономерны. Но не менее закономерным был и катастрофический провал, постигший его в конце концов на посту премьер-министра к исходу 1956 года.

1. Типичный отпрыск аристократии

Антони Иден родился 12 июня 1897 г. в родовом поместье Виндлистоун Холл, находящемся в Дареме, одном из северных графств Англии. Семейная хроника повествует, что первые Идены владели земельными угодьями в этом районе уже в конце XIV века. В мрачный и бурный период средневековья им постоянно приходилось с мечом в руках защищать свои поместья от алчных и разбойных соседей, а также от набегов воинственных шотландцев, время от времени спускавшихся с Гайлэндских и Чивиотских гор. В годы Английской буржуазной революции Идены выступали верными слугами Стюартов. Роберт Иден в 27 лет по поручению Карла I сформировал пехотный полк в тысячу человек. Но Карл потерпел поражение, и при Кромвеле молодой полковник лишился своих владений. Его заслуги перед династией Стюартов были вознаграждены после реставрации, когда ему вернули прежнее имущество, а Карл II пожаловал его старшему сыну титул барона.

Семья баронов Иденов в своей деятельности вскоре вышла за рамки северных графств и начала играть видную роль на общеанглийской политической сцене. Особенного успеха достигли дети третьего барона Идена. Старший сын, четвертый барон Иден, представлял графство Дарем в трех парламентах. Второй стал губернатором Мэриленда, британской колонии в Северной Америке. На этом посту он сам заслужил титул барона, а женившись на Каролине Калверт, унаследовал титул графа Священной Римской империи (впоследствии все эти три титула — барона Идена, барона Идена-Мэрилендского и графа Священной Римской империи — в связи с различными генеалогическими пертурбациями стали наследственным достоянием одного лица из рода Иденов). Третий сын сделал крупную политическую и дипломатическую карьеру и стал лордом Оклэндом. Восьмой преуспел на дипломатическом поприще, будучи послом Англии при ряде европейских дворов, и получил титул лорда Хинли...

Самой яркой личностью среди членов иденовского клана в XIX в. был первый лорд Оклэнд. Он изучал право, малоинтересную для аристократов в те времена экономику и основал Национальный банк Ирландии. После выполнения многих ответственных дипломатических миссий лорд Оклэнд стал главным казначеем, а затем министром торговли в английском правительстве.

Его дети также сделали политическую карьеру. Один из них, Мортон, приобрел известность как дипломат, представляя Англию в Дании, Германии, Австро-Венгрии и Испании. Его брат Джон был епископом. Третий сын, Джордж, стал ведущим представителем партии вигов, последовательно занимал в их правительствах посты министра торговли, министра военно-морского флота и генерал-губернатора Индии и получил за свои заслуги титул графа.

На протяжении XIX столетия, в «золотой век» Англии, разросшаяся семья Иденов играла важную роль в государственных делах. Члены иденовского клана являлись ми-

нистрами, послами в крупнейших европейских странах, колониальными администраторами самых высших рангов, епископами англиканской церкви. Семья давно уже привыкла к власти и, подобно другим аристократическим фамилиям, считала управление делами страны своей прерогативой.

В XIX же столетии пятый барон Иден построил внушительный, красивый и вместительный дом, ставший новым родовым гнездом. Здание находится в центре обширного парка на склоне холма, обращенном на восток, откуда со стороны Северного моря ветры доносят свежий морской воздух. В этом доме, известном как Виндлистоун Холл, через полстолетия родился Антони Иден. Его отцом был сэр Уильям, седьмой барон Иден, женатый на Сибил Грей. Греи также занимали высокие государственные посты. Прадедом Сибил был первый граф Грей, брат премьер-министра Англии, осуществившего в 1832 г. реформу избирательного права. Один из Греев был министром иностранных дел накануне первой мировой войны. Отец леди Иден был губернатором Бенгалии, а затем Ямайки.

Сэр Уильям Иден политикой не интересовался. Он жил постоянно в собственной усадьбе, занимаясь хозяйством и охотой, и, как утверждают, писал неплохие акварели. Отец Антони отличался своими дикими выходками, совершенной нетерпимостью в отношениях с людьми, включая и членов семьи, постоянно страдавших от приступов его бешенства. Он мог поднять скандал и рассориться с коллегами по клубу из-за того, что правление установило определенный вид одежды для присутствия на клубных обедах; мог выйти из себя от шороха газеты, которую кто-либо из домочадцев читал в комнате, где находился глава семьи. Он не выносил веселых детских голосов и игр. Чем это все было вызвано: какими-то отступлениями от нормы в области психики? Может быть. Но не исключено и другое объяснение. Подобная раздражительность по мелким бытовым поводам зачастую проистекает из общей неудовлетворенности окружающей действительностью. Недаром один из биографов А. Идена, Рис-Могг, характеризует его отца как человека, который «всегда грозил кулаком богу за то, что он не создал лучшего мира».

В начале XX столетия правящая элита Англии имела все основания быть недовольной положением дел в стране и империи. «Золотой викторианский век» был уже в прошлом. Англия утрачивала ведущую роль в мировых делах. Поднимались молодые капиталистические державы. Германия и США энергично теснили Англию и в области промышленного производства и в сфере внешней торговли. Флоты других стран создавали реальную угрозу британскому господству на морях. Ранее Англия не нуждалась в постоянных союзниках, ибо была настолько сильна, что в любой момент, когда возникла бы необходимость, могла создать коалицию государств против своего врага. Теперь же Лондон усиленно искал союзников, видя в агрессивности поднимавшегося германского империализма прямую угрозу своим империалистическим интересам в Европе и в колониальном мире. Правда, Британская империя охватывала четверть земного шара и стояла как будто прочно. Но ей уже серьезно угрожали молодые империалистические соперники.

Быстро менялась обстановка и внутри страны. Рабочий класс, чрезвычайно увеличившийся численно, все более активизировался. Он завоевал избирательное право, и в палате общин действовали его представители. Англию потрясали мощные забастовки, для подавления которых применялись войска. В стране происходили необратимые изменения. Может быть, вершители судеб Англии еще не до конца их понимали, но они чувствовали, что это грозные перемены. И, приходя в бешенство от неспособности изменить ход вещей, менее выдержанные из них, вроде седьмого барона Идена, грозили небу кулаком.

Мать Антони считалась одной из красивейших женщин Англии своего времени. Очевидцы вспоминают, что когда леди Иден появлялась на балах, многие из присутствовавших забирались на золоченые стулья, чтобы получше ее рассмотреть. Мать, естественно, была ближе к детям, чем отец, но занималась ими довольно мало. В то время в аристократических семьях дети воспитывались гувернантками, и родители встречались с ними нечасто. Антони был в семье четвертым ребенком. Сестра Марджори появилась на свет за десять лет, а братья Джон и Тимоти — за восемь и четыре года до него. Последним был Николас, родившийся через три года после Антони. Маленькие Идены воспитывались в условиях максимального комфорта, и все же детство у них было не особенно радостным. Отец находился в состоянии постоянной войны с самим

собой и с семьей, которую он терроризировал. Взрывы бешенства у сэра Уильяма и его резкая манера разговаривать глубоко травмировали детей. Обуреваемые страхом, они старались любыми средствами избежать даже тех редких встреч с отцом, которые время от времени случались. У Антони, пожалуй, отношения с отцом были лучше, чем у других детей. Положение третьего сына служило для него своеобразной защитой, ибо сэр Уильям концентрировал свое «внимание» на старших. Кроме того, в некоторой степени интересы отца и Антони совпадали: оба любили рисовать, охотиться, заниматься садом. Акварели, написанные отцом, висели в комнате Антони на протяжении всей его жизни. Он унаследовал от сэра Уильяма не только любовь к живописи, но и неровность характера. Известно, что у Антони напряжение, усталость тоже иногда обретали выход во взрывах раздражения. Однако он лучше умел владеть собой. Отношения с отцом оказали на Идена большое психологическое воздействие. Он навсегда усвоил привычку считаться с чужой сильной волей и приспособляться к ней. Это побуждало его искать в жизни не прямого столкновения и пробы сил, а компромисса. Перед силой он отступал.

В детстве Антони постоянно находился на попечении гувернантки, к которой надолго сохранил сердечную привязанность. Его обучение началось с изучения немецкого и французского языков, и это пригодилось ему в дальнейшем. Когда Антони исполнилось восемь лет, его поместили в подготовительную школу в Южном Кенсингтоне, а через год — в закрытую Сэндройдскую школу, готовившую к поступлению в знаменитый Итон. В этой школе он учился в течение четырех лет. Перед выпуском учитель английского языка следующим образом охарактеризовал Антони: «Несколько моложе своих лет, ему не хватает решительности... Мягкая натура... Хотелось бы, чтобы за порогом школы он был более энергичным». Таков был Антони перед поступлением в Итон, через который за последние двести лет прошли все его предки.

Итон был главным поставщиком будущих государственных деятелей и высших администраторов Англии. Он открывал путь в привилегированные университеты Оксфорд и Кэмбридж. Антони в Итоне — примерный, обещающий, но не яркий ученик. Тщетно напрягая свою память, Итон не смог позднее вспомнить о нем хоть что-либо интересное. Его однокашники свидетельствовали, что Антони «всегда был очень хорошо одет и хорошо выглядел», а один из преподавателей, У. Хоуп-Джонс, признался, что в школьные годы Идена думал о нем так: «У него манеры лучше, чем мозги».

Бледное впечатление, которое оставил Антони в Итоне, обусловлено не только его заурядными способностями. Его скованность, осторожность и сдержанность объяснялись тем, что эту манеру поведения он усвоил еще дома, когда ему приходилось постоянно держать себя так, чтобы не вызвать отцовского гнева.

Юный Иден понимал, что занимает в школе достаточно посредственное место. Это его огорчало, он чувствовал себя несчастным и даже написал об этом отцу. В ответ Антони получил следующее письмо: «Не удручайся, душа моя! Не теряй веры в бога! Хвала господу, ты не никудышный. Ты еще можешь стать таким же великим и хорошим человеком, как твой любящий отец».

Бывшие ученики Итона ежегодно встречаются в классных стенах 4 июня, в годовщину окончания школы. Но Иден никогда не участвовал в этих встречах. Он сам не оставил по себе у Итона ни плохой, ни хорошей памяти, и Итон, в свою очередь, не завоевал его сердца.

Прямо со школьной скамьи, едва ему исполнилось 18 лет, Иден ушел добровольцем на фронт первой мировой войны. За несколько недель до его зачисления в армию умер сэр Уильям. Старший брат Джон был убит на поле сражения во Франции еще в 1914 году. Вскоре погиб и служивший на флоте Николас, с которым Антони был более близок. Война взяла свою дань с семьи Иденов. Ее члены вступали в вооруженные силы добровольцами. В первые годы войны в Англии не существовало обязательной воинской повинности. Традиция, однако, была такова, что аристократия в случае войны должна была военной службой платить стране за свое привилегированное положение.

Военная служба Антони началась в сентябре 1915 г. в пехотном батальоне. Поначалу молодой лейтенант чувствовал себя неуверенно. Застенчивый по характеру, он выглядел моложе своих лет и смущался при необходимости отдавать команды. Однако война обрабатывала характер и несла с собой зрелость. Возмужавший на фронте, Иден

показал себя спокойным, распорядительным и исполнительным офицером. У него складывались неплохие отношения с солдатами и еще лучше — с другими офицерами. 19-летнего Идена назначили батальонным адъютантом — он стал самым молодым адъютантом в английской армии. В 1917 г. Иден руководил вылазкой во вражеские траншеи и проявил при этом личную храбрость: когда шедший с ним сержант был тяжело ранен, Антони дотащил его через проволочные заграждения до своих окопов, за что был награжден военным крестом. Вскоре Иден получил звание капитана и был переведен в штаб бригады, а войну закончил в штабе 1-й английской армии. В 1919 г. он демобилизовался. Военная служба благоприятно сказалась на формировании личности Идена. Война закалила его характер, выявила в нем способности организатора и руководителя, о которых мало кто подозревал ранее.

2. Путь наверх

После демобилизации встал вопрос, что делать дальше. Старший в роде — брат Тимоти унаследовал баронский титул, став восьмым бароном Иденом, и все отцовское состояние. Таков английский закон. Младшие сыновья должны думать о себе сами, опираясь на поддержку семьи, ее связи и влияние. Как правило, младшие члены аристократических семейств шли на государственную службу: в армию, колониальную администрацию, дипломатию, государственный аппарат. Обычно их уже с детства готовили к этому, поскольку заранее известно, кто станет наследником титула и поместья, а кому придется добиваться места под солнцем самостоятельно.

Армия не прельщала Антони. Мать посоветовала проделать традиционный путь и поступить в Оксфорд, как повелось у Иденов издревле. Военному капитану не хотелось снова садиться за учебу, но в душе он мечтал о карьере дипломата, а для вступления на дипломатическое поприще необходима университетская подготовка.

Иден поступил в Оксфорд, в традиционный для его семьи колледж Крайст Черч, но избрал необычную специализацию — восточные языки. Он изучал персидский и арабский. Знание Востока открывало хорошие возможности для продвижения на дипломатическом поприще. Как и в Итоне, Антони держался замкнуто и обособленно, у него было мало друзей. В Оксфорде весьма популярен Университетский союз — студенческая общественная организация. Там обычно пробуют свои силы и развивают ораторские способности те, кто помышляет о политической карьере или просто интересуется политикой. Через эту организацию прошли многие видные политические деятели Англии. Однако Иден стоял в стороне от союза. Не участвовал он и в деятельности других аналогичных обществ, существовавших тогда в Оксфорде.

Его интересы лежали в других сферах. 20 ноября 1920 г. некоторые студенты получили за подписью Идена и двух его друзей краткое, отпечатанное на машинке письмо, в котором содержалось извещение о создании «Общества Уффици» и приглашение вступить в него. Название было заимствовано у известной картинной галереи во Флоренции. «Общество Уффици» насчитывало 35 членов. Его организаторы имели в виду привлекать лишь «избранных». На собраниях общества заслушивались доклады. Антони выступил с сообщением о постимпрессионисте Поле Сезанне. Биографы Идена единодушно отмечают его глубокую и оригинальную трактовку творчества Сезанна, свидетельствующую о наличии у автора тонкого художественного вкуса. Иден участвовал и в университетском драматическом обществе — то было продолжение еще детского увлечения самодеятельными театральными представлениями, которые давались по праздникам в Виндлистоуне. Более серьезными были занятия Идена в Азиатском обществе Оксфордского университета. Друзья Антони вспоминают о его участии в дискуссиях по проблемам Ближнего и Дальнего Востока. Кроме того, Иден любил путешествовать и в университетский период вместе с тремя приятелями предпринял большую поездку по Европе и Малой Азии.

В Оксфорде Иден привил себе любовь к систематическому и упорному труду и работал регулярно не менее 8 часов в день — значительно больше, чем посвящали учебе другие студенты. Много трудился он и во время каникул. Все это дало положительные результаты: в 1922 г. Иден окончил Оксфордский университет с почетным дипломом первой степени Если, поступая в университет Иден стремился к дипломатиче-

ской карьере, то к окончанию курса его намерения изменились: он решил «пойти в политику». Это тоже соответствовало семейной традиции. Среди его предков имелись видные парламентарии, министры и даже премьер-министры. Вопрос о выборе партии перед ним не стоял. Аристократ по рождению, связанный прочными классовыми и идейными узами с консерваторами, родившийся и воспитанный в семье, где господствовали консервативные традиции, он с самого начала считал, что борьба за цели консервативной партии является делом, которому нужно посвятить всю жизнь.

Объективные обстоятельства облегчали Идену достижение поставленной цели. Потери Англии в войне, как отмечает один из английских авторов, допуская известное преувеличение, «включали почти все то обещающее и лучшее, что имела нация». Для Идена это обстоятельство оказалось по-своему благоприятным. Сократилось число конкурентов на поприще политической деятельности.

Однако старт был для него (впрочем, как и для многих начинающих английских политиков) неудачным. Сразу же после окончания курса в Оксфорде Антони, используя связи семьи, сумел добиться выдвижения своей кандидатуры местной консервативной организацией в родном графстве Дарем, в избирательном округе Спиннимур. Место оспаривали три кандидата — консерватор, лейборист и либерал. Основную массу избирателей составляли горняки местных угольных шахт. Естественно, что они поддержали лейбористского кандидата. Иден по числу собранных голосов (7 576) занял второе место, либерал оказался на третьем. Для 25-летнего консерватора, дебютировавшего в рабочем по составу округе, это был не такой уж плохой результат. Иден собрал приличное число голосов и сохранил свой избирательный взнос. Английский закон предусматривает, что кандидат в депутаты при выдвижении вносит залог в 150 фунтов стерлингов. Если он соберет менее $^1/_8$ всех поданных в данном округе голосов, залог пропадает; если более — залог возвращается. Это правило реально ограничивает возможность выдвижения кандидатов из среды бедняков, а также препятствует тому, чтобы выборы использовались отдельными лицами в целях приобретения личной популярности без траты средств. Что касается Спиннимура, то он предпочел лейбориста консерватору не только в 1922 г.: до конца политической карьеры Идена ни одному консерватору не удавалось одержать там победу.

Иден и его покровители сразу же занялись подысканием более надежного избирательного округа. Когда консервативный депутат парламента от округа Уорвик и Лимингтон стал лордом и его место в палате общин оказалось вакантным, в Уорвике были назначены внеочередные выборы. 18 октября 1923 г. исполком местной организации пригласил Идена выступить на собрании в Лимингтоне. У молодого человека пока никаких заслуг перед консерватизмом не имелось. Правда, он неплохо провел избирательную кампанию в сложных условиях годом ранее, но все же победы не добился. Его «достоинствами» были лишь хорошее происхождение и заметная внешность: высокий рост, стройная фигура, правильные черты лица, красивые глаза под густыми бровями, благородных очертаний лоб и пышная шевелюра. Иден умел со вкусом одеваться. Говорили, что во всей Англии никто не мог так изысканно завязать галстук, как Антони. Он обладал ровной, спокойной манерой держаться. На выборах в буржуазных странах всему этому придается немалое значение.

Когда на заседании исполкома местной организации консерваторов кто-то заикнулся: «Иден еще так молод»,— влиятельный лорд Брон воскликнул: «Молод, черт возьми! Но у него есть мозги, и он решил делать парламентскую карьеру. Я предсказываю ему блестящее будущее». Иден в ответ обязался с течением времени устранить беспокоящий присутствующих недостаток — молодость — и скромно (а это всегда хорошо действует на любую аудиторию) признался, что, к несчастью, у него еще нет такого приносимого многолетней деятельностью преимущества, как политический опыт. Взамен он дал обещание компенсировать это безграничным энтузиазмом и преданностью делу консерватизма.

На выборах Идену повезло. Его популярности способствовали два обстоятельства: женитьба и то, что одним из противников являлась его экстравагантная родственница.

Антони выбрал себе подругу жизни не в аристократических, а в финансовых кругах. В Англии давно повелось, что брачные союзы заключаются аристократией крови с аристократией денег. Обычно таким путем укрупняются состояния, а младшие отпрыски аристократических семей обеспечивают себе наличие средств для безбедной

жизни. Избранницей Антони стала Беатриса Бекетт, дочь банкира. Венчание состоялось в разгар избирательной кампании, 5 ноября 1923 г., в фешенебельной церкви св. Маргариты в Лондоне. Двухдневный «медовый месяц» молодые провели в графстве Сассекс, после чего Антони сразу же вновь окунулся в избирательную кампанию. Женитьба молодого кандидата в парламент в сочетании с его импонирующей внешностью привлекли на его сторону симпатии многих избирателей, и прежде всего женщин. Кандидатом от лейбористской партии оказалась графиня Уорвик. Графиня в роли представительницы партии английских рабочих выглядела весьма необычно. Пикантность ситуации усугублялась тем, что Антони приходился дважды родственником «левой» графини — она была свекровью его сестры, вышедшей замуж за лорда Брука, наследника графства Уорвик; кроме того, жена Идена Беатриса сама состояла в родстве с графиней. Таким образом, выборы в парламент выглядели как семейное дело Идена.

Выборы принесли ему победу: он получил 16 337 голосов, либерал — 11 134, графиня-лейбористка — 4 015. Победа выглядела особенно внушительно вследствие того, что в целом по стране консерваторы потерпели поражение. В прежнем парламенте они имели 345 мандатов, теперь — 258. Итак, двадцати шести лет Антони прошел в парламент. Позиции Идена в округе Уорвик и Лимингтон впоследствии настолько упрочились, что он представлял его в парламенте непрерывно на протяжении 33 лет.

В 1923 г. выборы показали, что избиратели не одобряют предложения лидера консерваторов С. Болдуина о введении протекционизма: сыграли свою роль опасения возможного повышения цен на продукты питания. Правительству пришлось подать в отставку. Сложным оказался вопрос о преемнике Болдуина. И после неудачи на выборах у консерваторов оставалось большинство в парламенте — 258 мест; но как потерпевшие поражение они не могли формировать правительство. По традиции в таких случаях это делает вторая по силе партия. Следующей по числу мандатов была лейбористская партия, имевшая 191 место. В правящих кругах возникли сомнения, как поведут себя лейбористские лидеры, оказавшись у власти: не станут ли они проводить действительно социалистическую программу, если не в соответствии с собственными убеждениями, то хотя бы под давлением рядовых членов партии? В конце концов решили дать лейбористам возможность сформировать правительство, а если оно начнет вести себя «неразумно», то свалить его простым голосованием в парламенте, ибо консерваторам и либералам принадлежало абсолютное большинство. В таких-то условиях Иден и вступил впервые под готические своды палаты общин в Вестминстере.

Первое в истории Англии лейбористское правительство было поручено сформировать лидеру партии Р. Макдональду. Выходец из семьи шотландского учителя, Макдональд в юности, покинув Шотландию, перебрался в Лондон, где примкнул к лейбористскому, или, как в Англии предпочитают говорить, «социалистическому» движению. У Макдональда была внушительная внешность, прекрасные манеры, хорошо поставленный голос. Однако, по свидетельству близко знавших его людей, за этой внешностью скрывался мелкий интриган, человек безграничного тщеславия и самомнения. В душе он презирал и боялся английских рабочих и был так же последователен в своей вражде к СССР и коммунизму, как и консерваторы.

Среди лейбористов есть много субъективно честных людей, рядовых рабочих, озабоченных положением трудящихся при капитализме и стремящихся своей деятельностью в лейбористской партии улучшить их судьбу. Но пробиться наверх этим людям почти не удается. За семь десятилетий существования партии выработались такая ее структура и процедура партийной жизни, которые тщательно и надежно отфильтровывают и не допускают в высшие руководящие парторганы тех, кто мог бы осуществить радикальные меры, изменяющие социально-экономическую систему на пользу трудящимся, в ущерб буржуазии.

К руководству партией приходят, как правило, совсем иные люди. Это карьеристы чистейшей воды, хорошо сознающие, что сделать карьеру в условиях буржуазного государства можно лишь находясь в услужении у этого государства. Они продукт британской политической системы. На протяжении столетий в Англии вырабатывалось отношение к политической деятельности как к своеобразному бизнесу. Для английских буржуазных деятелей политическая деятельность не способ служения народу, общест-

ву или идее, а искусство делать карьеру, приносящую в случае крупного успеха власть и деньги. В этом смысле правые лейбористские лидеры ничем не отличаются от обычных буржуазных политиканов. Таким же в принципе был и Макдональд. Он не только стал премьер-министром, но и взял на себя руководство министерством иностранных дел. Другие члены правительства также оказались выходцами из рядов правых лейбористов. Среди них было несколько и просто буржуазных деятелей, которых Макдональд включил в состав кабинета для придания ему в глазах состоятельных классов большей респектабельности.

И все же создание первого в истории Англии лейбористского правительства явилось важным событием в истории страны. Отныне лейбористская партия становилась одной из двух чередующихся у власти правящих партий и практически сходила с исторической сцены либеральная партия, уступившая свое место лейбористам. С этой новой расстановкой сил должны были считаться и консерваторы, одним из представителей которых в палате общин оказался А. Иден.

4 февраля 1924 г. он впервые выступил в парламенте. Первая речь вновь избранного депутата является как бы его крещением. Ее ждут. Как-то покажет себя начинающий политик? Крайне редко какой-либо очень способный молодой депутат поражает своим выступлением палату и надолго оставляет сильное впечатление. Обычно же такие речи бывают заурядными, бледными, и им аплодируют из чистой вежливости. Первая парламентская речь Идена принадлежала как раз к этой категории. Впоследствии он всегда с неудовольствием вспоминал свой дебют, называя его «незрелой попыткой».

Иден выступил в связи с резолюцией, которую консерваторы внесли на рассмотрение палаты, относительно ассигнований на военно-воздушные силы. Резолюция гласила: «Англия должна располагать для обороны ее собственной территории военно-воздушными силами, достаточно мощными, чтобы обеспечить необходимую оборону от воздушного нападения со стороны самой сильной авиации, находящейся на расстоянии авиационного удара от ее берегов». Это был 1924 год. Никто тогда еще не мог угрожать Англии, и слова об «обороне» — обычное лицемерие, которое всегда немало затрудняет понимание британских политических материалов. На деле в тех условиях резолюция консерваторов была призывом к увеличению вооружений.

Иден, разумеется, поддержал требование своей партии. Правда, он оказался в несколько неудобном положении, когда его спросили, с чьей, собственно, стороны ожидается авиационное нападение, и вынужден был признаться, что не знает этого. Но тут же потребовал, чтобы «правительство в порядке страховки обеспечило защиту Англии от опасности нападения с воздуха», а затем «поднялся» до рассмотрения проблем военной стратегии вообще, заявив, что «нападение является наилучшим средством обороны». Биографы Идена, сходясь на том, что его первое выступление в палате общин было действительно бледным, подчеркивают, что в конечном итоге это оказалось ему на пользу: он не вызвал зависти и недоброжелательства у своих коллег. Наиболее суров в своей оценке Р. Черчилль: «В дальнейшем речи Идена часто писали для него другие люди... А первая его речь была написана им самим». И далее ядовитый биограф продолжает: «Сплошные штампы, полное отсутствие всего, что хотя бы отдаленно граничит со спорностью или оригинальностью мысли и формы, как будто были замечены теми, кто готовил его речи через пятнадцать или двадцать лет. Невидимки, составлявшие его речи и коммюнике, когда он достиг заметного положения, дававшего ему возможность пользоваться их услугами, достойны похвалы за то, что при сотрудничестве с ним они строго придерживались образца, каковым явилась его первая парламентская речь».

Иден всю жизнь стремился приобретать в своей среде друзей и строго придерживался правила не заводить врагов и не плодить недоброжелателей. Именно поэтому, подготавливаясь к выступлениям, он заботился прежде всего о том, чтобы никого не задеть. Иден, как отмечает его биограф Рис-Могг, «при обсуждении проекта той или иной своей речи пройдется по нему со всей тщательностью и, если обнаружит в нем фразу, которая покажется излишне резкой или острой, удалит ее. Это делает речи несколько скучными, но исключает возможность задеть кого-либо».

Иден дебютировал в момент, когда волна пацифизма, своеобразной реакции на первую мировую войну, захлестнула многие буржуазные страны, в том числе и Анг-

лию. Широкое распространение получило осуждение войны как аморальной акции. Крепли настроения в пользу разоружения. Распространялась вера в Лигу Наций, которая должна была укрепить дело мира. Речь Идена прозвучала диссонансом этим настроениям, и не случайно. Иден шел в ногу со своей партией, а консерваторы, как типичные империалисты, официально требовали новых вооружений. В этом смысле речь Идена помогает лучше понять характер его деятельности в годы, когда он стал министром по делам Лиги Наций.

Последующие выступления Идена не имели четко выраженной направленности. Он как бы еще ищет, нащупывает область, на которой ему надлежало сконцентрироваться. В 1924 г. он выступает по поводу мирного договора с Турцией. Выступление это отмечено удачей, ибо оратор говорил о том, что хорошо знает. Иден уже тогда был знатоком Ближнего Востока. В то же время он участвует в обсуждении жилищного вопроса, рассуждает о пособиях семейным военнослужащим и даже занимается критикой проекта памятника принцу Альберту — супругу королевы Виктории. Альберт-мемориал не нравился Идену, и он называл его «национальным несчастьем».

Молодой депутат часто посещал свой избирательный округ, произносил там речи. Ведь за избирателями полагается систематически ухаживать, чтобы они не обвинили своего депутата в зазнайстве и пренебрежении к тем, кто послал его в парламент. Лишь самые маститые политики с устоявшейся, уже нерушимой репутацией могут позволить себе редко появляться у своих избирателей. Вскоре связи Идена с избирателями подверглись очередному испытанию, поскольку первое лейбористское правительство просуществовало менее года. В октябре 1924 г. состоялись новые всеобщие выборы.

Правые лейбористы, формирующие правительство, в период пребывания у власти находятся как бы между молотом и наковальней. Рядовые лейбористы, голосами которых их лидеры проводятся в парламент, нетерпеливо ожидают от «своего» правительства мероприятий, радикально улучшающих их положение. В то же время буржуазные круги пристально следят за деятельностью лейбористского правительства, чтобы оно «не шло на поводу у безответственных элементов» и не слишком затрагивало интересы капиталистов. Лейбористские правительства старались не игнорировать открыто ни одну из этих сил. Отсюда — лихорадочное маневрирование, в результате которого трудящиеся получают весьма незначительные уступки, как правило, не превышающие того, на что пошло бы и консервативное правительство под нажимом народных масс. Большие уступки нужно у такого правительства вырвать. Макдональд не смог игнорировать единодушное требование английских рабочих установить дипломатические отношения с СССР. Отношения были установлены в феврале 1924 г., а в августе подписаны общий и торговый договоры между двумя странами. Примерно в то время, тоже по требованию рабочих, правительство было вынуждено прекратить судебное дело против редактора коммунистической газеты Кэмпбелла, начатое несколько ранее. Предпринятая в парламенте консерваторами и либералами атака против лейбористов по этим двум вопросам привела к тому, что правительство распустило парламент и назначило новые выборы.

Эти выборы вошли в историю еще и благодаря так называемому «Письму Коминтерна». В разгар избирательной кампании консерваторы опубликовали в своей печати поддельное письмо, якобы исходившее из Исполкома Коминтерна, в котором шла речь о подготовке вооруженного восстания в Англии. Что это была фальшивка, стало ясно сразу же. Ее цель — напугать английского избирателя «ужасами революции» и тем самым побудить его проголосовать за консерваторов. Хотя в правящих кругах Англии имелась полная ясность относительно характера этого «документа», руководимый Макдональдом Форин Оффис послал Советскому Союзу ноту протеста. Тем самым фальшивке был придан авторитетом правительства характер как бы подлинного документа. Даже король Георг V отметил тогда в своем дневнике, что нотой по поводу фальшивки Форин Оффис «поставил премьер-министра и его партию в затруднительное положение». А ведь нота была отредактирована самим Макдональдом! Так консерваторы и Макдональд обеспечили поражение лейбористов и решительную победу консервативной партии на выборах 1924 года. Консерваторы овладели властью на пять лет.

Для Идена новые выборы прошли благополучно. Его авторитет в избирательном округе возрос. Он активно выступал по тем двум вопросам, вокруг которых шла борь-

ба, речи его были выступлениями заурядного антисоветчика, поносившего «правительство большевиков, действующее по мотивам, враждебным Британской империи и всему тому, что она отстаивает». Стоит ли удивляться, что молодой политик — империалист и аристократ — занял такую позицию в отношении страны, народ которой устранил у себя эксплуататоров и поднял знамя борьбы против империализма, ярким воплощением которого оставалась тогдашняя Англия?

Консервативное правительство сформировал снова С. Болдуин, крупный промышленник, тесно связанный с тяжелой индустрией. Он представлял среднее поколение консервативных лидеров. Из «старой гвардии» в его правительство вошли О. Чемберлен (министр иностранных дел), сын известного бирмингемского магната и популярного политического деятеля конца XIX в., и У. Черчилль, человек выдающихся способностей и огромной воли. В стремлении пробиться к власти Черчилль в свое время изменил консервативной партии и переметнулся к либералам. Теперь, когда звезда вигов закатилась, он оставил тонущий корабль и сбежал назад к консерваторам. Болдуин, полагавший, что лучше иметь Черчилля соратником, чем врагом, принял блудного сына и максимально вознаградил его, дав портфель министра финансов (после премьер-министра самый важный пост). По традиции премьер-министрами Англии становились чаще всего лишь те, кто прошел ранее через министерство финансов.

Правительство Болдуина стремилось к спокойствию как во внутренней, так и во внешней политике. Но успеха оно не имело. Стачечное движение лихорадило Англию, достигнув кульминации в 1926 г., когда разразилась впервые в истории страны всеобщая стачка, потрясшая ее социально-экономическую систему. Во внешних делах соперничество с Францией закончилось в пользу Англии в связи с подписанием Локарнских соглашений, которые призваны были упрочить британский выигрыш по послевоенному мирному урегулированию. В то же время Лондон выступал последовательным врагом Советского Союза и попытался, хотя и неудачно, организовать новую интервенцию в Страну Советов. В те же годы Англия вела активную борьбу против китайской революции. На поверку оказалось, что Болдуину и тем, кого он представлял, спокойствие нужно «на их условиях».

В этой обстановке Иден продолжал делать политическую карьеру. В Англии ее делают в основном двумя способами. Какая-либо «сильная личность» привлекает к себе внимание руководителей своей партии выступлениями в парламенте, оригинальностью выдвигаемых идей или силой критики в адрес противников. Ее замечают и по возможности удовлетворяют ее честолюбие. Часто это делается не потому, что такой деятель нужен партии в данный момент, а чтобы он в поисках более надежных путей наверх не перебежал в другую партию. Второй путь, более распространенный, состоит в том, что начинающий деятель всем поведением стремится доказать лидерам партии полную надежность, дисциплинированность, работоспособность, скромность, умение относиться с уважением к старшим коллегам и прислушиваться к их пожеланиям. Способности и инициатива хороши и здесь, но они должны проявляться так, чтобы не выглядели упреком в адрес других.

Иден настойчиво продвигался именно этим путем. В консервативной партии положение было в те годы неустойчивым, позиции Болдуина — недостаточно прочными. В таких условиях не мудрено и просчитаться. Но Иден сделал правильный выбор, поставив на Болдуина. Хорошо понимая устремления Болдуина как во внутренней, так и во внешней политике, он в своих выступлениях развивал аргументацию, подтверждавшую и обосновывавшую линию Болдуина. Было бы неверно утверждать, что Иден тем самым шел вразрез со своими убеждениями. Концепции Болдуина, а также спокойная, без шума и аффектации манера проведения их в жизнь соответствовали характеру Идена. Это обстоятельство весьма упрощало положение молодого парламентария.

Короли прессы — лорды Бивербрук и Ротермир — через свои газеты «Daily Express» и «Daily Mail» вели атаку на Болдуина. Они требовали свернуть активность Англии на Ближнем Востоке. Очевидно, на эту мысль навели их успехи турецкого национально-освободительного движения, поддержанного СССР. Иден проявил безусловную решимость, определенно и безоговорочно выступив против «королей прессы», в защиту своего лидера. Трудно сказать, что́ этому предшествовало: верная интуиция,

подсказавшая, что в конце концов победа останется за Болдуином, или просто случайная удача, которая иногда помогает даже игрокам на скачках.

Иден занял позицию поддержки Болдуина и в его борьбе против либерала Д. Ллойд Джорджа. Болдуин сыграл в 1922 г. активнейшую роль при ликвидации коалиции консерваторов с либералами. Ллойд Джорджу пришлось уйти от власти, и он превратился в последовательного критика консерваторов вообще, Болдуина в частности. Тот платил ему в ответ устойчивой ненавистью. Если верна мысль о том, что люди ненавидят тех, кому они причинили когда-то зло, то отношение Болдуина к маститому лидеру либералов подтверждает ее.

Когда в 1923 г. Стэнли Болдуин впервые возглавил правительство, противники назвали последнее «кабинетом, состоящим из второклассных умов». Лорд Биркенхед, вспоминая совместную с Болдуином работу в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа, говорил: «Болдуина считали дурачком». В действительности Болдуин был достаточно умным политиком, однако он не мог тягаться с такими яркими деятелями, как, скажем, Ллойд Джордж или Черчилль. Болдуин понимал это и усвоил соответствующую манеру поведения. Со своей неизменной трубкой и простовато-хитроватой улыбкой он походил на преуспевающего фермера, с успехом занимающегося разведением свиней (кстати, это и было одним из его хобби). Обычно людям бывает нелегко признавать над собой превосходство кого-либо другого. Как мог принять это Болдуин, достигнув в государстве высшей власти и завоевав позиции лидера партии? Он ничего не прощал ни Ллойд Джорджу, ни другим.

Иден тоже не упускал случая покритиковать противника своего лидера. Хотя обычно Антони не выступал систематически против какого-либо определенного деятеля, чтобы не создавать себе в его лице постоянного противника, в случае с Ллойд Джорджем он отступил от этого правила и нападал на него систематически на протяжении ряда лет, что очень импонировало Болдуину. «Иден,— пишет Р. Черчилль,— как и многие иные амбициозные молодые люди консервативной партии, быстро понял, что под руководством Болдуина продвинуться можно скорее скромным и безоговорочным служением партии и правительству, чем демонстрацией своей личности и воли перед палатой общин... Выдвижение осуществлялось главным образом не по заслугам и выдающимся способностям, а за постоянную и преданную службу».

3. Традиционный буржуазный политик

В 1925 г. Иден наряду с парламентской деятельностью занялся журналистикой. Его тесть был совладельцем солидной провинциальной газеты «Yorkshire Post», и Антони время от времени помещал там статьи о работе парламента под псевдонимом «Заднескамеечник», а также рецензии на книги и критические статьи о живописи. Летом 1925 г. в качестве представителя «Yorkshire Post» Иден принял участие в имперской пресс-конференции, проходившей в Австралии. Он всегда любил путешествовать, а на этот раз путешествие было длительным (оно заняло около полугода), интересным и доставило Идену немалое удовольствие. В группу его спутников входил ряд молодых деятелей, сделавших впоследствии заметную карьеру, а также приобретшая позднее большую известность реакционная деятельница леди Астор с супругом. Путь лежал пароходом в Канаду, затем поездом через Канаду от Атлантического до Тихоокеанского побережья, оттуда опять по морю, с остановкой на живописных Гавайских островах, в Новую Зеландию и Австралию. Возвращались через Индийский океан с остановкой на Цейлоне. Корреспонденции, которые Иден посылал с пути в газету, свидетельствуют о его стремлении постичь проблемы, стоявшие перед Британской империей. Но глубоко вникнуть в них автор не смог. Читатели скептически замечали, что информация, содержавшаяся в статьях, заимствовалась из туристских путеводителей. Все, однако, признавали удачным описание Иденом пейзажей, в чем сказывался его художественный вкус. Как бы там ни было, но, возвратившись в Англию, Иден издал эти статьи в виде небольшого томика под названием «Место под солнцем», предисловие к которому написал С. Болдуин. После этого стали говорить, что молодой Иден — протеже Болдуина. А это было немало для человека, начинающего политическую карьеру.

В консервативной партии четко различаются два крыла: правое и левое. Болдуин находился где-то в центре, Иден — чуть-чуть левее. Крайнее обострение классовой

борьбы в 1926 г. побудило консерваторов искать пути предотвращения подобных взрывов в будущем. Если правые деятели партии (Хикс, Черчилль и др.) были сторонниками применения силы в борьбе с рабочим движением, то молодые консерваторы считали возможным и необходимым предотвратить классовые столкновения путем организации «сотрудничества» промышленников с рабочими. Усилиями промышленников и правых профсоюзных лидеров была выработана система подобного «сотрудничества», известная под названием «мондизма» (по имени сэра А. Монда, ведшего тогда переговоры с Генеральным советом тред-юнионов). Мечту консерваторов о классовом мире удачно изобразил графически карикатурист М. Бирнбом. На его рисунке Болдуин радостно наблюдает, как представители капитала и труда пожимают друг другу руки, а над ними сверкает радуга.

В этом направлении развивались и взгляды Идена на классовую борьбу. Он выступал за то, чтобы устранить забастовки. «Целью консерваторов,— говорил Иден,— должно быть как можно более широкое распространение частного владения собственностью с тем, чтобы дать каждому рабочему возможность стать капиталистом». Для этого предлагались весьма неопределенные меры помощи промышленности со стороны государства. Необходимо, утверждал Иден, «развивать проекты сотрудничества в промышленности. Для того, чтобы идеал консерваторов был достигнут, рабочие в промышленности должны иметь все возрастающую личную заинтересованность в ее прогрессе. Этому будет сопутствовать бо́льшая личная заинтересованность в благополучии промышленности». Нужно было ничего не смыслить в характере отношений между трудом и капиталом, в экономических проблемах вообще, чтобы предлагать превратить каждого рабочего в капиталиста. Сам Монд был далек от таких иллюзорных проектов. Иден же как будто всерьез верил в это. Публикуя свои воспоминания спустя 35 лет, он приводит без каких-либо оговорок свои рассуждения на эту тему, относящиеся к 1929 году.

Консерваторы понимали, что им необходимо постоянно трудиться над «приручением» верхушки рабочего класса, обрабатывая в нужном направлении руководителей лейбористской партии и профсоюзов. Интересен совет Болдуина молодым консервативным депутатам парламента, как им вести себя с лейбористскими депутатами. «Хотя,— говорил Болдуин,— у вас имелись лучшие возможности получить образование, вы не очень-то полагайтесь на это. Они знают значительно больше, чем вы, о страховании от безработицы. А главное, никогда не позволяйте себе саркастических замечаний в их адрес».

Идея замены классовой борьбы классовым «сотрудничеством» объединила группу молодых консерваторов, в которую, кроме Идена, входило еще полдюжины деятелей. В начале 1930 г. они условились встречаться раз в неделю за обедом, чтобы обсуждать различные политические вопросы, а также тесно сотрудничать в парламенте. «Стэнли Болдуин,— пишет Иден,— относился с большой симпатией к нашей небольшой группе, разделяя наши юношеские идеи о прогрессивном консерватизме».

Если в области внутренней политики Иден и его единомышленники стремились к смягчению общественных противоречий и классовой борьбы, то в международном плане они выступали за применение крайних мер и средств в борьбе против Советского Союза. Английские консерваторы многое сделали для обострения международной обстановки во второй половине 20-х годов. Они устроили в Англии и за ее пределами ряд крупных провокаций против СССР, а в 1927 г. разорвали с ним дипломатические отношения. В то время активизировались попытки ведущих империалистических держав организовать новую вооруженную интервенцию против СССР. Консервативное правительство Англии было тогда главным врагом Советского Союза. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) записал в своих решениях: «Обострились противоречия между странами буржуазного окружения и СССР... Под руководством консервативного лондонского кабинета реакционные элементы международной буржуазии начали подготавливать почву для вооруженного нападения на СССР...» [1].

Иден целиком и полностью разделял и поддерживал враждебную СССР политику Болдуина и его министра иностранных дел О. Чемберлена. Он часто выступал в палате общин, высмеивая идею заключения договоров с СССР, нормализующих отношения

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 4. Изд. 8-е, стр. 14—15.

между двумя странами, пугая «советской опасностью» соседей СССР и рассуждая о «подрывном» характере советской пропаганды.

Эта тема особенно настойчиво звучит в его выступлениях, и не случайно. Свыше двадцати лет, от Октябрьской революции и до Великой Отечественной войны, английские правящие круги упорно требовали от СССР прекращения «антианглийской пропаганды». Да и в последнюю четверть века они нередко заводили речь на эту же тему. Известно, что Советский Союз никакой подрывной пропаганды против Англии никогда не вел. Он приложил огромные усилия к нормализации отношений между двумя странами, и не его вина, если эти отношения, за исключением периода 1941—1945 гг., неизменно оставались неудовлетворительными. Английская сторона, ставя вопрос о «пропаганде», по существу, требовала, чтобы был изменен характер всей публикуемой в СССР информации об Англии. А это значит, что советские газеты, журналы и книги должны были бы освещать внутреннюю жизнь Англии и ее внешнюю политику не с марксистско-ленинских, а с выгодных британской буржуазии позиций: например, умалчивать о причинах классовых столкновений в стране, об эксплуатации Англией многочисленных колоний, об империалистическом характере ее внешней политики. Иначе говоря, правители Англии требовали, чтобы в этих вопросах наш идеологический фронт с марксистских позиций перешел на буржуазно-объективистские. Разумеется, Советский Союз не мог не отвергнуть этих претензий. Постановка английской стороной данного вопроса свидетельствовала лишь о том, что само существование СССР открывает глаза английским трудящимся и помогает им сорвать ту плотную пелену лжи и обмана, которую старается набросить на них буржуазная система идеологического порабощения, парализуя волю к борьбе. В английской политической жизни лицемерие и обман в различных формах и тончайших проявлениях играют, пожалуй, бо́льшую, чем в любой другой стране, роль в поддержании господства буржуазии. Именно это дает возможность британским правящим кругам заявлять претензии на особый «демократизм» Англии. И именно это делает английскую буржуазную политическую систему особенно чувствительной ко всему, что разоблачает ее лживость и лицемерие.

Естественно, что в своих выступлениях консерватор Иден большое внимание уделял проблемам Британской империи, особенно после кругосветного турне 1925 года. Из своего путешествия Иден вывез уверенность, что существует взаимная заинтересованность в тесных связях между метрополией и доминионами. Его поразило, как мало знают в Англии о жизни в доминионах, и наоборот. Пожалуй, это единственный вопрос, поставленный им в книге «Место под солнцем». Если учесть, что в тот момент доминионы вели упорную борьбу за расширение своих политических прав и спустя год добились признания своей самостоятельности в области внутренней и внешней политики, а также юридического равенства с Англией, то можно сделать вывод о явном нежелании или неспособности автора раскрыть истинное положение вещей в Британской империи.

Той же линии Иден придерживался и в дальнейших своих выступлениях по имперским проблемам. Он пытался разъяснить, что большой процент неудачных переездов из Англии на постоянное жительство в доминионы, заканчивающихся возвращением обратно, обусловлен тем, что эмигранты плохо готовятся к выезду и не знают заранее условий, с которыми столкнутся на новом месте. Это было любимой темой его парламентских речей. Однако вскоре в них зазвучали и более серьезные мысли: Иден ратовал за введение предпочтительных тарифов в торговле между странами империи. Не сам он, конечно, изобрел эту идею: просто консерваторы давно готовили данную меру и через несколько лет осуществили ее. Выступления Идена по имперским проблемам побудили одного из его биографов впоследствии заметить, что «они создали ему престиж в высших сферах» и были «явно рассчитаны на то, чтобы понравиться престарелым империалистам».

Достопримечательна также позиция Идена в отношении США. С самого начала своей политической карьеры он был убежден в том, что сотрудничество с США крайне важно для внешней политики Англии. «Достижение большей степени взаимопонимания между нашей страной и Соединенными Штатами,— говорил он в апреле 1929 г.,— самая важная цель, которую может правительство Англии поставить перед нами... Это самая важная гарантия сохранения международного мира в грядущие годы».

По мере того, как к Идену приходила политическая зрелость, он начинал видеть шире и глубже. Он понял, что противоречия между Англией и США, особенно в борьбе за мировые рынки, весьма серьезны. Но это не изменило его позиции в принципе. Такая определенность линии Идена в отношении США сделала его впоследствии наиболее популярным в Америке английским министром иностранных дел.

В вышеприведенном заявлении Идена говорится о сохранении мира, причем говорится так, будто само собой разумеется, что это являлось целью британской внешней политики. В дальнейшем он будет многие сотни, может быть, тысячи раз говорить о мире подобным образом. Поэтому необходимо разобраться в значении этого тезиса в устах Идена, как и почти любого другого английского буржуазного политика, выступающего в роли миротворца.

Англия — империалистическая держава, а внешней политике империализма органически присуще стремление к агрессии и войне. Однако было бы неверно утверждать, что империалистической, в данном случае английской, политике присуще такое стремление в каждый конкретный момент. Если интересы Англии на каком-то отрезке времени обеспечены соответствующим международным урегулированием, то она видит свою выгоду в сохранении этого урегулирования и в предотвращении войны, которая могла бы его ликвидировать или нарушить. Так было, например, после первой мировой войны, когда Англия была заинтересована в сохранении Версальской системы. Если же происходит изменение в соотношении сил, чреватое угрозой британским империалистическим устремлениям, Англия борется против такой тенденции любыми средствами, включая военные. Иначе говоря, английская политика заботится о сохранении только такого мира, какой отвечает ее интересам. Поскольку эти интересы присутствуют в различных районах земного шара, часто возникает ситуация, когда Англия хлопочет о мире в одном месте, а в то же время идет на подготовку или развязывание войны в другом. Например, в 20-е годы английское правительство не было заинтересовано в нарушении мира в Западной Европе, но одновременно не прочь было организовать вооруженную интервенцию против СССР и вело борьбу против китайской революции. В 30-е годы Англия не хотела войны на Западе, но упорно готовила и провоцировала войну Германии против СССР. А зигзагообразную линию своей внешней политики британские правящие круги маскируют разговорами о мире, ибо им нужно держать народ в состоянии постоянного обмана и неведения относительно истинного характера своей внешней политики. Самое слово «мир» в лексиконе английских политиков — одно из наиболее часто употребляемых. Вероятно, некоторые из них являются жертвой собственной пропаганды и воспринимают это слово в его прямом значении. Но только некоторые.

Общественное мнение многих стран в те годы связывало надежды на мир с деятельностью Лиги Наций. Иден не разделял таких надежд. Вспоминая те годы, он говорит: «Я не был пацифистом». Но не был он и убежденным сторонником Лиги Наций, ибо не верил в возможности этой организации или толковал их весьма ограничительно. «Я надеялся,— пишет он,— что Лига будет полезна главным образом тем, что создаст условия государственным деятелям различных стран для встреч и обмена мнениями». Точно так же думал и Болдуин, видевший ценность Лиги в содействии обсуждению международных проблем представителями европейских стран. В выступлениях Идена по поводу Лиги Наций господствуют скептицизм и вера в то, что многосторонние соглашения (блоки типа Локарно) лучшим образом отвечают британским интересам. В этой сфере взгляды Идена также целиком и полностью соответствовали позиции его партии и консервативного правительства. Англия в отличие от Франции всегда хотела иметь слабую и беспомощную Лигу, которая была бы лишь форумом для дискуссий по международным проблемам. В симпатиях к Локарно и в скептическом отношении к Лиге находило свое выражение неизменно отрицательное отношение Англии к идее коллективной безопасности, наблюдавшееся на протяжении ряда десятилетий XX века.

К концу 20-х годов Иден выработал для себя довольно четкую концепцию международных отношений, которой придерживался затем до конца политической карьеры. Эта концепция, в которой прагматический подход к задачам британской внешней политики переплетается с несколько идеалистическими посылками при оценке действий стран и правительств, является весьма примитивной даже с точки зрения ряда

ученых из буржуазного мира. Иден совершенно не учитывает глубинных мотивов в действиях народов и правительств. Экономические противоречия как одна из движущих сил в мировой политике вообще не принимаются им в расчет. Он ищет корни международных неурядиц и войн в человеческой природе, в настроениях и чувствах народов. По Идену, устранить возможность войны можно, только переделав соответствующим образом «настроения» народов. «Ожидать,— заявлял он,— что Лига Наций изменит человеческую природу в течение одного или двух лет, было бы нелепым предположением». И далее: «Вы не измените при помощи той или иной организации в течение одного дня настроения народов. Для этого нужно время». Подобная смесь прагматизма и идеализма у государственных деятелей встречается и в наше время. Но особенно она была распространена в годы, когда начинала развертываться активная политическая деятельность Идена.

Главное в концепции международных отношений Идена — его понимание роли и места Англии в мировой политике. Здесь он явный империалист, идущий по стопам многочисленных предшественников в ногу со своей партией. Еще на заре своей карьеры Иден говорил: «Делом первейшей важности является то, чтобы наше влияние как стабилизирующей нации в Европе было сильным», что на деле означало требование британской гегемонии. Борьбе за эту цель Иден отдал многие годы своей жизни.

В 1925 г. он сделал важный шаг в политической карьере — стал личным парламентским секретарем заместителя министра внутренних дел Локер-Лэмпсона. Вообще-то пост незавидный, сопряженный со многими технико-организационными делами в палате общин и к тому же неоплачиваемый: просто личный помощник, да еще не у министра, а у его заместителя. Однако вскоре оказалось, что этот пост дал молодому политику многое. У Локер-Лэмпсона существовали хорошие отношения с министром иностранных дел О. Чемберленом, у которого он сам некоторое время был личным парламентским секретарем. Поэтому, когда помощник Чемберлена Ламли уходил в отставку, министр обратился к Локер-Лэмпсону за советом, кого взять на его место. Локер-Лэмпсон порекомендовал Идена. С этим согласился Ламли, состоявший в дружбе с Антони еще с университетских лет. Чемберлен, уже составивший мнение об Идене на основании его выступлений в парламенте, прислушался к этим рекомендациям и сделал Идена своим парламентским секретарем. То был важный шаг наверх. Именно он окончательно определил дальнейшую судьбу молодого парламентария. Через 30 лет Иден, вспоминая об этом назначении, запишет: «Я с удивлением читаю сейчас, как быстро двинули меня в политическую стратосферу».

Назначение состоялось в июле 1926 года. Иден уже в течение трех лет выступал в парламенте. Его новые обязанности состояли в том, чтобы быть связующим звеном между членами парламента и министром и сообщать ему соображения депутатов относительно внешней политики. В силу этого парламентский секретарь по традиции не может выступать (во всяком случае, часто) по вопросам, относящимся к компетенции его шефа. Для Идена это было огорчительно: ведь он уже вошел во вкус дискуссий по международным проблемам. Однако такое неудобство с лихвой компенсировалось огромными преимуществами, которые давала новая должность. Все биографы сходятся на том, что Идену крупно повезло, когда он был принят на «выучку» к Чемберлену. Молодой политик оказался в центре обсуждения правительственного курса и принятия внешнеполитических решений. Тесные отношения с Чемберленом сулили поддержку этого весьма влиятельного в те годы консервативного деятеля, открывали (в случае, если помощник сумеет понравиться министру) перспективу большой карьеры в области внешней политики. Иден обладал всеми данными, чтобы прийтись у Чемберлена ко двору,— ровный, выдержанный характер, образование, исполнительность, подкупающая внешность, и старался наилучшим образом выполнять свои новые обязанности. Это снискало ему благосклонность Чемберлена, которой он пользовался затем до самой кончины своего покровителя.

Работа у Чемберлена привела Идена в Женеву, в штаб-квартиру Лиги Наций, задолго до того, как он стал министром по делам Лиги Наций. Через несколько недель после того, как состоялось назначение Идена, Чемберлен предложил своему помощнику поехать с ним в Женеву, но за свой счет, ибо жесткие правила Форин Оффис не предусматривали финансирования таких поездок для лиц иденовского ран-

га. Антони не имел тогда возможности принять это предложение, но уже через год он смог сопровождать министра на сессию Лиги Наций.

«Я поехал в Женеву,— вспоминает Иден,— без особого чувства уверенности. Мое настроение можно определить скорее как настороженный интерес, сочетающийся с некоторым скептицизмом». Однако первый вояж в Женеву доставил ему немалое удовольствие. Поездка министра иностранных дел сама по себе была тогда событием. На железнодорожном вокзале Виктория министра и сопровождавших его лиц провожали в цилиндрах начальник вокзала и чиновники Форин Оффис. В Дувре их встречал, а затем и провожал на пароход начальник порта. На французском берегу министра и его свиту приветствовал мэр города Кале. Затем — переезд поездом до Парижа и непременный обед в английском посольстве. Вечером группа отправлялась ночным поездом с Лионского вокзала в Швейцарию. На вокзале в Женеве прибывших встречал весь штат английского представительства при Лиге Наций. Так было в те годы. Со временем протокол значительно упростился.

В Женеве собирались министры иностранных дел всех крупных держав, за исключением СССР и США. Сессия Совета продолжалась неделю, и министры использовали это время для частых встреч и бесед друг с другом, которые играли порою бо́льшую роль, чем официальные дебаты. Английская делегация останавливалась в гостинице Бо Риваж, расположенной на берегу Женевского озера. Это была постоянная резиденция О. Чемберлена и его спутников во время пребывания в Женеве. Неподалеку от Бо Риваж, в Отель де Берже, находившемся на берегу реки Роны, размещалась штаб-квартира французского министра Бриана. Чемберлен встречался со своими партнерами за ленчем и за обедом. На ленч приходил Штреземан, министр иностранных дел Германии. За столом шла беседа о международных делах. Присутствовавший на министерских трапезах Иден внимательно слушал. На его глазах делалась «большая политика», здесь он проходил курс наглядного обучения британской дипломатии.

Если личные дела Идена двигались от хорошего к лучшему, то положение в Англии развивалось как раз в обратном направлении. Реакционная внутренняя и внешняя политика правительства консерваторов вызывала все большее недовольство внутри страны. К 1929 г., когда должны были состояться очередные парламентские выборы, по свидетельству самих же английских историков, «страна была разочарована, измучена... и жаждала перемен». Естественно, что консерваторы потерпели поражение на выборах, потеряв 159 мест в палате общин. Лейбористы же одержали победу, получив на 28 мандатов больше. Кабинет Болдуина подал в отставку, и Макдональд сформировал второе лейбористское правительство.

Иден, однако, успешно прошел через испытания избирательной кампании и вновь был избран. Успехи в парламенте поднимали его авторитет в глазах избирателей. Положение Идена в округе Уорвик и Лимингтон становилось все более прочным. В соответствии с традицией он зачастил перед выборами в свой округ, приезжал туда вместе с женой и принимал активное участие в различных вечерах с развлечениями и танцами, организуемых местными консерваторами. Избирательный округ был расширен, и кандидату пришлось объезжать многочисленные деревни, выступая с речами. Иден рассказывал, что как-то вечером, приехав в одну деревню, он застал аудиторию, состоявшую из агента консервативной партии и двух репортеров местной газеты. Все равно пришлось выступать. Избирателей нужно уважать и никоим образом не выказывать пренебрежения к ним. Иначе утратишь голоса. Иден сумел не потерять их.

В 1930 г. на Англию, как и на другие капиталистические страны, обрушился острейший экономический кризис, тяжесть которого усугублялась тем, что до этого английская экономика не испытала стадии подъема. Промышленное производство резко сократилось. Бурно росла безработица. Народные бедствия вели к обострению классовой борьбы. Правительство металось в поисках выхода за счет трудящихся. Когда в 1931 г. пошатнулся фунт стерлингов, Макдональд попытался отыграться, уменьшив пособия безработным и другие социальные расходы. В условиях глубокой нужды, царившей не только среди безработных, но и многих работающих, это было провокационным вызовом рабочему классу. Ярость среди рабочих была так велика, что лейбористские министры (за исключением троих) не посмели поддержать предложение Макдональда. Тогда премьер пошел на прямое предательство и сговорился с Болдуином

и с лидерами либералов о создании коалиционного правительства. Консерваторы сохранили пост премьера за Макдональдом, а два министерских портфеля — за другими перебежчиками. Таким был фасад. Реальная же власть оказалась в руках консерваторов. Заместитель премьера Болдуин являлся гораздо больше премьером, чем сам Макдональд, которому было позволено в течение ряда лет лицедействовать на политической авансцене. Созданное тогда «национальное правительство» просуществовало со многими модификациями полтора десятилетия. Лейбористская же партия долго не могла оправиться после перебежки ее лидеров в стан противника.

Все эти пертурбации оказались Идену на руку. Консервативная партия пробыла в оппозиции чуть более двух лет. Это время он использовал для дальнейшего изучения международных отношений, путешествовал, встречался за границей с осведомленными людьми, порою выступал в парламенте по внешнеполитическим вопросам. Восхождение продолжалось, хотя и незаметно для широкой аудитории. В 1932 г. предстояла международная конференция по разоружению. Правительство начало заранее готовиться к ней. В марте 1931 г. Макдональд решил создать трехпартийный (лейбористы, консерваторы и либералы) комитет для подготовки к конференции. Консерваторов должны были представлять О. Чемберлен, С. Хор (бывший министр авиации) и А. Иден, включенный в состав комитета по предложению Болдуина и Чемберлена.

Комитет работал в течение года, заседания проходили обычно в кабинете премьера, в здании палаты общин. Председательствовал в комитете Макдональд, ряд министров присутствовал на заседаниях. То был первый опыт участия Идена в обсуждении международных проблем на уровне кабинета министров. И, как он признавался позднее, опыт ему понравился. Теперь он мечтал получить младший министерский пост, и дело шло к тому, что осуществление этой мечты маячило, если повезет, в недалеком будущем. «Свой» во всех отношениях человек не мог долго оставаться в стороне. Буржуазная Англия нуждалась в людях, которые могли бы активно и умело бороться за интересы Британской империи.

Идену оказался на руку крах лейбористского правительства и замена его «национальным». Если бы этого не произошло, следующие выборы в парламент состоялись бы лишь в 1933 г. (палата общин избирается на четыре года) и Идену пришлось бы удовлетворяться ролью заднескамеечника партии, находящейся в оппозиции, еще минимум два года. Теперь же перед ним досрочно открылись большие возможности.

Иден быстро приобретал заметное положение в партии; но человек уж так устроен, что, как бы энергично ни двигался он по пути успеха, ему в голову не приходит, что темп его продвижения вполне достаточен. Поэтому не удивительно, что в 1931 г. Иден, когда одно правительство заменялось другим, мечтал о том, чтобы его не забыли. Он полагал, что может рассчитывать на пост младшего министра. Но, конечно, уверенности в этом не было и быть не могло. Ведь за министерские посты шла острейшая борьба между тремя партиями и внутри каждой из них. Да к тому же Иден был очень молод и в парламенте заседал лишь восемь лет.

27 августа 1931 г. Иден записывает в дневнике, что в этот день завтракал с О. Чемберленом, который сказал, что у него, Идена, есть шансы получить пост в министерстве иностранных дел и что он, Чемберлен, твердо говорил об этом с лордом Редингом, либералом, только что назначенным министром иностранных дел. Болдуин тоже будет говорить с Редингом в этом плане. Болдуин, судя по всему, с бо́льшим энтузиазмом относится к кандидатуре Идена, чем к любой другой. «Министерство иностранных дел,— записывает Иден,— да еще при условии, что министр находится в палате лордов,— это больше, чем то, на что я надеялся, и я не думаю, что мне удастся получить этот пост». На следующий день в дневнике появляется запись: «Предложение последовало должным образом. Нельзя быть более добрым, чем был ко мне Стэнли Болдуин. Он сказал, что хочет, чтобы я вошел в министерство иностранных дел. Он предполагал направить меня туда и в том случае, если бы наша партия одержала победу на выборах. Болдуин добавил, что рассматривает меня как «потенциального министра иностранных дел» через десять лет, и поэтому хочет, чтобы я как можно скорее приобрел опыт. К сожалению, существует препятствие. Макдональд хочет, чтобы его сын получил пост в Форин Оффис. Болдуин не намерен соглашаться на это. Рединг, как и Болдуин, хочет, чтобы я был в министерстве иностранных дел... Сын Макдональда получит пост в министерстве доминионов. Во всяком случае, «один из этих

двух постов будет ваш...». Я сказал ему, что из этих двух предпочел бы Форин Оффис. Болдуин заметил: «Еще бы, еще бы».

Болдуину действительно не просто было обеспечить за Иденом пост заместителя министра. Поскольку правительство было коалиционным, каждая из трех партий добивалась для себя определенного количества портфелей, и всех нужно было по возможности удовлетворить. Да и в самой консервативной партии были молодые способные деятели, имевшие не меньше, чем Иден, права претендовать на пост заместителя министра в Форин Оффис, например, Д. Купер.

К 1 сентября вопрос был решен, и Иден стал заместителем министра иностранных дел [2]. Тем самым было положено начало почти двадцатичетырехлетнему периоду, на протяжении которого Иден с небольшими перерывами находился у руля английской дипломатии.

[2] Биографы Идена расходятся в освещении и изложении многих событий из его жизни. Выше обстоятельства назначения Идена в Форин Оффис даны по его собственным воспоминаниям. Согласно версии, изложенной в книге Л. Броада, «назначение Идена было произведено следующим образом. Фамилии ряда кандидатов, которых считали подходящими на этот пост, были написаны на листе бумаги. Лист был положен перед маркизом Ридингом, чтобы он мог выбрать из списка одного в качестве своего заместителя... Решалась судьба значительно большего, чем пост заместителя, дела в то время, когда лорд Ридинг задержался, читая фамилии. Его выбор пал на Антони Идена».

(Окончание следует.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

НОВЫЙ ШАГ В ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1945—1970 ГОДОВ

Советское правительство всегда придавало большое значение отношениям между СССР и Китаем. Такая позиция выражала не только естественное стремление Советского государства установить добрососедские отношения со страной, общая граница с которой тянется на несколько тысяч километров, но и понять роль и место Китая в мировом революционном процессе в том смысле, как его предвидел В. И. Ленин. «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того,— писал он,— что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [1]. В основном с этих позиций советская историческая наука рассматривала и рассматривает советско-китайские отношения [2]. Победа народной революции в Китае и образование Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. открыли новый этап в советско-китайских отношениях, характеризовавшийся дружбой и сотрудничеством между СССР и Китаем.

Что касается современной китайской историографии, то для нее характерна борьба, которая шла между линиями внутренней и внешней политики в руководстве Коммунистической партии Китая: марксистско-ленинской, интернационалистической, с одной стороны, и мелкобуржуазной, великодержавно-шовинистической — с другой. Пока интернационалистические силы в руководстве КПК сдерживали давление националистических сил и вели курс на укрепление государственных и партийных отношений с СССР и КПСС, китайская историография в общем развивалась под знаком укрепления дружбы и сотрудничества КНР и КПК с СССР и КПСС [3]. Но по мере того, как мелкобуржуазные, националистические элементы вытесняли сторонников трезвого внешнеполитического и внутриполитического курса из партийного руководства КНР и в нем укреплялись позиции маоистов, китайская историография все более и более отходила от принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, подменяя их враждебными научному коммунизму «идеями Мао Цзэ-дуна». Руководствуясь этими «идеями», современная китайская историография извращает прошлые и настоящие отношения СССР с Китаем.

Буржуазная историография, в свою очередь, стремится использовать малейшую возможность для подрыва советско-китайских отношений, прежде всего путем провокационного подыгрывания националистическим, антисоветским настроениям в маоистском руководстве КПК и КНР. Это главное направление буржуазной (преимущественно

---

[1] В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 404.

[2] См. П. Е. Скачков. Библиография Китая. М. 1960, стр. 204—211; В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М. 1970, стр. 349—350.

[3] См., например, Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. Пекин. 1955 (на кит. яз.). Русский перевод второго китайского издания этой книги: Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М. 1959.

американской) историографии обнаруживается во многих работах зарубежных «советологов» и китаеведов, особенно в публикациях 1964—1970 годов[4].

Советские историки и публицисты не раз давали достойный отпор маоистской и буржуазной историографии[5]. Поскольку по вине китайских руководителей все более напряженными становились советско-китайские отношения и, к нескрываемому удовлетворению реакционных кругов Запада, маоисты продолжали чернить внешнюю политику Советского Союза, то перед советскими китаеведами встала неотложная задача: тщательно разобраться в послевоенных советско-китайских отношениях и дать документально обоснованный ответ маоистским и буржуазным фальсификаторам внешней политики СССР.

Такой попыткой является монография О. Б. Борисова и Б. Т. Колоскова, посвященная истории советско-китайских отношений в 1945—1970 годах[6]. В ней констатируется, что развитие советско-китайских отношений не было «делом простым и прямолинейным, как это изображалось в работах некоторых авторов, изданных в 40—50-е годы. Это был сложный противоречивый процесс, отражавший борьбу двух линий — последовательной линии КПСС на укрепление дружбы и сотрудничества между нашими партиями, народами и странами и противоположной ей линии националистических и антисоциалистических сил в Китае» (стр. 8—9). Вместе с тем, подчеркивают О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков, история советско-китайских отношений «неотделима от летописи национально-освободительной и революционной борьбы китайского народа, ее важнейшую сторону составляет тема помощи и поддержки этой борьбы Советским Союзом» (стр. 3). В этой связи авторы видят свою задачу в том, чтобы «на основе обобщения имеющихся данных проследить развитие советско-китайских отношений в 1945—1970 гг., показать основные направления интернациональной помощи и поддержки революционным силам Китая со стороны КПСС, подлинно ленинский характер политики нашей партии и Советского государства в отношении Китайской Народной Республики, полное соответствие этой политики коренным интересам советского и китайского народов» (стр. 9).

Ознакомление с монографией убеждает в том, что авторы справились с поставленной задачей. Этому способствовало творческое использование основополагающих ленинских высказываний о Китае, подтверждающих, что еще на заре становления Советского государства В. И. Ленин придавал огромное значение развитию и укреплению советско-китайских отношений. Успешное решение авторской задачи было бы невозможно и без привлечения обширной документации КПСС, Советского правительства и без критического анализа многочисленных материалов китайской стороны. Насыщенность монографии документацией придает ей характер объективного научного исследования, достоверность и убедительность.

Прослеживая развитие советско-китайских отношений за послевоенные 25 лет, авторы выделяют 1945—1949, 1949—1952, 1953—1957, 1958—1959, 1960—1965, 1966—1970 годы. Каждый из этих периодов авторы рассматривают в тесной связи с главными факторами, влиявшими на советско-китайские отношения: с общим

[4] См., например, Harrison E. Salisbury. The War between Russian and China. N. Y. 1969. Заверяя китайских руководителей в том, что США не находятся в союзе с СССР против КНР (стр. 200), Г. Солсбери с циничной откровенностью заявляет, что многие американцы рассматривают «конфликт между Россией и Китаем и даже войну» между ними «как благодеяние для Соединенных Штатов.., которое могло бы только ослабить обоих соперников и усилить США» (стр. 201). Подчеркивая антисоветскую линию китайских руководителей и прикрываясь «миротворческими целями», Г. Солсбери призывает американскую администрацию к активному вмешательству в отношения между СССР и КНР (стр. 205). Такое вмешательство, которое Г. Солсбери оценивает как редчайшую «возможность для Соединенных Штатов, равной которой не было» (стр. 211), объективно направлено на поддержку и раздувание антисоветского курса маоистов и обострение отношений Китая с Советским Союзом.

[5] См. сборник статей «Ленинская политика в отношении Китая» (М. 1968), освещающий важнейшие аспекты советско-китайских отношений (1917—1967 гг.); М. С. Капица. КНР: два десятилетия — две политики. М. 1969; А. Кручинин. Пролетарский интернационализм — основа ленинской политики СССР в отношении Китая. «Ленин и проблемы современного Китая». Сборник статей. М. 1971.

[6] О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. *Советско-китайские отношения. 1945—1970. Краткий очерк.* М. Изд-во «Мысль», 1972. 476 стр. Тираж 27 000. Цена 1 руб. 71 коп. Книга является переизданием быстро разошедшегося тиража 1971 года. В новое издание авторы внесли некоторые уточнения и дополнения.

внешним и внутренним положением Китая и с борьбой между пролетарско-интернационалистической и мелкобуржуазно-националистической линиями в руководстве КПК. Вместе с тем авторы уделяют большое внимание интернациональной помощи КПСС и Советского государства революционным силам Китая.

Анализируя период 1945—1949 гг. как важную предпосылку последующего развития советско-китайских отношений и учитывая, что в советской историографии эти годы «освещались крайне однобоко, а подчас и неверно» (стр. 11), О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков подчеркивают, что советско-китайские отношения этих лет определялись победой во второй мировой войне над германским фашизмом и японским милитаризмом, достигнутой при решающем вкладе Советского Союза. Как на пример однобокого понимания последствий этого исторического фактора и того, что уже в тот период советско-китайские отношения осложнялись давлением националистических и антисоветски настроенных сил в руководстве КПК, авторы ссылаются на то, что Мао Цзэдун, переоценивая силы китайской революции и недооценивая силы ее врагов, желая «подтолкнуть революцию», настаивал на не имевшем должной подготовки и оснащения форсированном наступлении Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Свидетельством шараханья Мао Цзэ-дуна от «левого» к правому оппортунизму служит и тот факт, что в указанный период, игнорируя классовый подход, ставя СССР и США на одну доску, он утверждал, что, мол, было бы лучше, если бы Китай не имел дипломатических отношений ни с Советским Союзом, ни с Соединенными Штатами Америки (стр. 42). Эти обстоятельства, имевшие место еще до образования КНР, когда маоистское руководство не стояло у кормила государственной власти, следует учитывать как важные причинные вехи формирования антисоветской линии группы Мао Цзэ-дуна.

Советский Союз был первым государством в мире, признавшим 2 октября 1949 г. Китайскую Народную Республику и установившим с нею дипломатические отношения. 14 февраля 1950 г. был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. В соответствии с ним Советский Союз помогал китайскому народу восстанавливать экономику страны, разрушенную длительным хозяйничаньем японских оккупантов, гоминьдановцев и их заокеанских союзников, поддерживал народный Китай в его борьбе с агрессией США. Авторы приводят убедительные факты, свидетельствующие об этом. Например, в 1949—1950 гг. по просьбе правительства КНР крупные авиасоединения СССР прикрыли с воздуха промышленный центр Восточного Китая — Шанхай и промышленные районы Северо-Восточного Китая (стр. 54). Этот факт и другие акции братской помощи Советского Союза китайскому народу в области экономики, обороны, а также науки и культуры способствовали крупным социально-экономическим сдвигам в стране, надежно гарантировали ее безопасность, укрепляли в ней народно-демократическую власть, создавали условия для постепенного перехода к социалистическому строительству в Китае.

Руководящие деятели КПК, государственные и партийные органы КНР, говорится в книге, подчеркивали значение дружбы и сотрудничества Китая с СССР и странами социализма. Авторы анализируют многочисленные документы и материалы, в которых нашла отражение тогдашняя позиция китайской стороны. Выступая на четвертой сессии Народного политического консультативного совета (НПКС) Китая в феврале 1953 г., Мао Цзэ-дун в числе трех главных исторических задач указал на необходимость «учиться у Советского Союза» (стр. 64). В конституции КНР, одобренной осенью 1954 г. первой сессией Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), было записано, что «наша страна уже установила отношения нерушимой дружбы с великим Союзом Советских Социалистических Республик и со странами народной демократии...» (стр. 66). Принятые VIII съездом КПК (сентябрь 1956 г.) «Основные положения Программы» призывали прилагать «усилия для развития и укрепления дружбы со странами лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом...», воспитывать партию и народ «в духе интернационализма», а в политическом отчете ЦК КПК съезду провозглашалась необходимость борьбы с «любыми проявлениями опасных уклонов великодержавного шовинизма и буржуазного национализма» (стр. 80).

В книге отмечается, что решения VIII съезда КПК, подчеркнувшего, что партия в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом и строго соблюдает принцип коллективного руководства, по существу, отменяли решения предыдущего, VII съезда КПК (1945 г.) о том, что партия руководствуется «идеями Мао Цзэ-дуна», всту-

пали «в резкое противоречие с политическими концепциями Мао Цзэ-дуна и создавали реальную угрозу его самовластию» (стр. 82). Вот почему, заключают авторы, после съезда обостряется борьба двух линий в КПК, маоисты наступают на марксистско-ленинские силы партии с целью ревизии решений VIII съезда, подмены теоретической и организационной основы партии «идеями Мао Цзэ-дуна». Все это сказывалось на политике КНР по отношению к СССР.

«1960 год,— пишут О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков,— явился переломным рубежом в развитии советско-китайских отношений. Он ознаменовал начало нового периода (1960—1965 гг.— Е. К.), в течение которого в руководстве КПК возобладали силы навязавшие Китайской Народной Республике националистический курс. Осуществление этого курса привело к коренной переориентации внешней политики КНР, к отходу Коммунистической партии Китая от позиций пролетарского интернационализма, к разрыву пекинскими лидерами отношений дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, к развертыванию открытой политической борьбы против них» (стр. 192). В монографии сделан правильный вывод о том, что националистический курс был неотделим от внутренних процессов в КНР. Крупные просчеты в экономическом строительстве в результате маоистской политики «большого скачка» и принудительных «народных коммун» повлекли за собой общее ухудшение состояния народного хозяйства и снижение жизненного уровня трудящихся, ослабили позиции социализма и развязали свободу действий для антисоциалистических сил в Китае.

Капитулируя перед трудностями, маоисты отложили строительство социализма на неопределенно длительный срок и, по существу, заняли троцкистскую позицию неверия в возможность победы социализма в Китае. Маоистская пропаганда, как показывают авторы, твердила, что «глупо говорить» о строительстве коммунизма, «пока империализм существует и относительно силен в главных районах мира» (стр. 200). Потерпев провал в своей внутренней политике, но не отказываясь от нее, маоисты изыскивали новые возможности ее осуществления путем проведения авантюристической внешней политики. Лицемерно провозглашая борьбу с империализмом (особенно американским) по принципу «острие против острия», китайские руководители на деле усиленно добивались налаживания отношений КНР с капиталистическими государствами (не исключая и США), причем делали это в ущерб развитию сотрудничества Китая со странами социализма, рассчитывая «войной «подтолкнуть» мировую революцию, вовлечь... СССР и США в военную взаимоуничтожающую схватку и на их развалинах создать «новую блестящую цивилизацию...» во главе с Китаем (там же). Этой великодержавной, гегемонистской цели, констатируют авторы, соответствовал курс на срыв политики мирного сосуществования и обострение международной напряженности, отход от согласованной линии социалистических стран на международной арене, особенно наглядно выявившийся в период карибского кризиса осенью 1962 г., когда лидеры КПК не сочли нужным предпринять активные меры в поддержку Кубы (стр. 202).

Осенью 1963 г. резче обозначился поворот маоистского руководства к открытой борьбе против КПСС и Советского Союза. С сентября 1963 г. публикуется серия антисоветских статей в газете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» под предлогом ответа на Открытое письмо ЦК КПСС от 14 июля 1963 года. Эти «ответные» статьи, пишут О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков, «примечательны не только своей патологической ненавистью к Советскому Союзу. В них маоисты предстали как ярые враги мирового коммунистического движения, объявившие открытую борьбу марксистско-ленинской идеологии» (стр. 283). Усилилась напряженность и на советско-китайской границе. По вине китайской стороны деловые связи между двумя странами были сведены к минимуму. В международной области маоисты отклонили советские предложения о совместных акциях помощи Демократической Республике Вьетнам. Характерен в этом отношении следующий факт, приводимый в монографии. Во время одной из остановок в Пекине в начале 1965 г. советской делегации во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, направлявшейся в ДРВ, китайские руководители отклонили предложение Советского Союза о совместном заявлении ДРВ, КНР, СССР, КНДР и других социалистических стран, которое разоблачило бы нарушение Соединенными Штатами Женевских соглашений 1954 г., гарантировавших независимость ДРВ и предусматривавших вывод всех иностранных войск из Индокитая (стр. 337).

Во второй половине 1966 г., отмечают авторы, маоистское руководство КПК от-

крыто порывает с принципами марксизма-ленинизма во внутренней и внешней политике (стр. 361). Начало этого периода совпало с принятием на XI пленуме ЦК КПК (август 1966 г.) решения о проведении «культурной революции» в Китае. «Усиление борьбы против КПСС и Советского Союза стало одним из важнейших направлений деятельности пекинских лидеров в ходе «культурной революции» (стр. 362). Империалистические круги всячески одобряли антисоветскую политику Пекина. В Вашингтоне говорили, что США заинтересованы в сохранении у власти Мао Цзэ-дуна (стр. 406). Много места уделено в книге разоблачению провокационного характера инцидентов, имевших место по вине маоистов на советско-китайской границе. Они прикрывались флагом территориальных претензий к СССР. 26 марта 1967 г. Чжоу Энь-лай заявил, что «война пограничная между Китаем и СССР начнется раньше, чем война с США» (стр. 416). Нагнетание антисоветского психоза в Китае было возведено на IX съезде КПК (апрель 1969 г.) в ранг официальной политики КНР.

От дружбы и сотрудничества с Советским Союзом к вооруженным провокациям против него — такова эволюция политики маоистского руководства по отношению к СССР. «Как могло случиться, что националистические, антимарксистские тенденции взяли верх в китайском руководстве и определяют ныне политическую обстановку в стране?» (стр. 104),— спрашивают авторы. Отвечая на этот вопрос, они вскрывают объективные и субъективные социальные и исторические факторы, объясняющие возникновение антимарксистских, националистических взглядов в руководстве КПК, и приходят к выводу, что «открытый переход нынешнего руководства КПК на позиции антисоветизма не был неожиданным или случайным» (стр. 470). В прошлом Китай — архиотсталая страна с преобладанием в ней крестьянского мелкого земледелия. А «чем более отсталой является страна,— писал В. И. Ленин,— тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности» [7]. Еще до победы народной революции, отмечают О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков, в КПК шла борьба двух линий: марксистско-ленинской, интернационалистической, и мелкобуржуазной, националистической. Сторонники первой линии ориентировались на марксизм-ленинизм, на пролетарский интернационализм, на союз с мировым рабочим и коммунистическим движением, на дружбу и сотрудничество с КПСС и СССР. Сторонники второй линии, прикрываясь псевдомарксистской фразеологией и специфическими особенностями китайской революции, ориентировались на «китаизированный марксизм» («идеи Мао Цзэдуна») и, по существу, тянули КПК в сторону от мирового рабочего и коммунистического движения, от КПСС и СССР, были проводниками мелкобуржуазной революционности и национализма. После победы народной революции, захватив в результате «культурной революции» власть в партии и стране, маоисты активизировали свой гегемонистский, великодержавно-шовинистический, «антисоветский курс, на позициях которого они находились с давних пор, но осуществить который на практике раньше не имели возможности» (стр. 470). Таковы основные четко выявленные авторами объективные и субъективные социальные и исторические условия, породившие антисоветский курс нынешнего руководства КПК и КНР.

Монография О. Б. Борисова и Б. Т. Колоскова приводит читателя к ряду весьма важных выводов. Характеризуя послевоенный курс советской внешней политики по отношению к Китаю, можно с полным основанием сказать, что он выдержал проверку временем. Теоретической основой этого курса были и остаются великие принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Руководствуясь ими, КПСС воспитывала и продолжает воспитывать советских людей в духе дружбы и сотрудничества со всеми народами, братской помощи и поддержки их борьбы за национальную независимость и справедливый социальный порядок. Социалистический интернационализм, как это убедительно показано авторами, лежит в основе политики СССР по отношению к Китаю. На победный исход китайской революции повлияла не только расстановка классовых сил внутри страны, но и активная помощь и поддержка революции со стороны международных сил социализма. В этой связи нельзя не согласиться с имеющимся в книге выводом: «Китайская революция представляет собой яркое свидетельство того,

[7] В. И. Ленин. ПСС Т. 41, стр. 168.

что в современную эпоху успех революционного движения в любой стране, и особенно в стране, где пролетариат относительно слаб, где партии приходится опираться прежде всего на революционность широких мелкобуржуазных слоев, в огромной степени зависит от помощи и поддержки, которую это движение получает со стороны уже победившего социализма, от той роли, которую социализм играет в международной жизни, от того, какое место он занимает в расстановке сил на мировой арене. Без такой поддержки успешное развитие революции и переход к строительству социализма невозможны» (стр. 10).

Маоистская историография, солидаризируясь с антисоветскими высказываниями буржуазных авторов, всячески принижает и замалчивает решающий вклад Советского Союза в разгром гитлеровской Германии и милитаристской Японии, огромное воздействие этого факта на исход борьбы в послевоенном Китае. «Забыв» высокие оценки, которые китайские руководители (в том числе Мао Цзэ-дун) неоднократно давали роли Советского Союза в освобождении Северо-Восточного Китая от японских оккупантов, маоистская пропаганда изображает дело чуть ли не таким образом, будто не советские войска, а НОАК очистила северо-восточный район страны от Квантунской армии и только ее усилия оказали решающее влияние на победный исход послевоенного революционного движения во всем Китае. Не игнорируя роль НОАК, авторы книги убедительно раскрывают тезис, что освобождение Северо-Восточного Китая Красной Армией было первостепенным фактором развязывания революционных сил китайского народа. Коммунистическая партия Китая и ее вооруженные силы, опираясь на помощь и поддержку Советского Союза, получили возможность превратить почти одну пятую часть страны в плацдарм для расширения территориальных границ китайской революции, ее победы в общенациональном масштабе и образования Китайской Народной Республики. В последующие годы помощь и поддержка СССР и других социалистических стран сыграли решающую роль в закладывании основ социализма в Китае.

Анализ послевоенных советско-китайских отношений, содержащийся в книге, наносит удар по сторонникам ревизии интернационального характера марксизма-ленинизма и фальсификаторам советской политики в отношении Китая. В современной буржуазной литературе протаскивается тезис о том, что, поскольку марксизм-ленинизм якобы был «экспортирован» Советским Союзом в Китай, он оказался «чужеродной» идеологией для этой страны и как реакция на эту «чужеродность» появился «окитаизированный марксизм» Мао Цзэ-дуна. Исключенный из рядов Французской компартии Р. Гароди, например, утверждает, что развитие Китая в 60-х годах — это доказательство того, что страна освободилась от «импортной», «иностранной модели социализма» и вступила на путь «китайской модели» социализма. В «культурной революции» он видит «взрыв» с целью «разрушить чары власти... иностранных образцов», включая «образец» Советского Союза. Поэтому, продолжает он, нельзя осуждать «культурную революцию», так как она хотя и «трудный, но и необходимый этап осуществления социализма в Китае» [8]. Защищая необходимость и законность разнообразия моделей социализма и благословляя «китайскую модель», то есть маоистскую концепцию революционной борьбы и строительства социализма, Гароди не только подвергает ревизии интернациональный характер марксизма-ленинизма и объективную закономерность мирового революционного процесса, но и клевещет на СССР, заявляя, будто последний «навязал» Китаю «советскую модель».

Объективный анализ советско-китайских отношений опровергает эти клеветнические измышления. До образования КНР по просьбе китайских руководителей и выполняя свой интернациональный долг, *Советский Союз помогал китайскому народу в его* борьбе за победу народной революции, а после победы — в строительстве основ социализма. Эта позиция ничего общего не имеет с «навязыванием» китайскому народу «советской модели», поскольку такие факторы, как объективный ход послевоенного развития Китая, а также собственный опыт КПК, накопленный ею в процессе многолетней

[8] Эти взгляды Р. Гароди развивает в своей книге «Le grand tournant du socialisme» (P. 1969). В той части, где речь идет об «иностранных образцах» и «импортных моделях», Гароди неоригинален: он пропагандирует праворевизионистскую идею Мао Цзэ-дуна, еще в конце 30-х — начале 40-х годов призывавшего бороться за право на существование «окитаизированного марксизма», против «иностранных образцов», за «китайскую модель».

антиимпериалистической и антифеодальной революции, открывали закономерную перспективу социалистического обновления этой страны с учетом ее национальных особенностей. Гароди не считается с объективным характером социалистической перспективы, открывшейся Китаю после того, как он сбросил оковы колониального рабства. Эта перспектива в глазах Гароди — всего лишь «навязанная» китайскому народу «советская модель». Он не скрывает своих симпатий к антисоветской направленности «китайской модели», которая, по его мнению, якобы получила всенародную поддержку в ходе «культурной революции» 1966—1969 годов. Но, как свидетельствует монография О. Б. Борисова и Б. Т. Колоскова, «культурная революция» не была свободным волеизъявлением китайского народа и КПК. Цель «разрушить чары... иностранных образцов» была поставлена не китайским народом и КПК, а господствующей в партии и стране великодержавно-националистической группой Мао Цзэ-дуна. Она сумела идеологически растлить мелкобуржуазные слои населения и поднять их на разрушение дружбы и сотрудничества Китая с Советским Союзом и другими странами социализма. Однако хунвэйбины и цзаофани, как и руководящая верхушка маоистов, еще не представляют весь Китай, всю КПК. Советский народ не отождествляет выступления и действия нынешнего китайского руководства с подлинными интересами КПК и народов Китая.

В последнее время, после того, как внешняя политика китайских руководителей вызвала изоляцию КНР на международной арене, маоисты вынуждены были кое-что менять, перекрашивать и более надежно камуфлировать в своих одиозных внешнеполитических доктринах. До недавнего прошлого малейший намек на призыв к контактам с буржуазным Западом квалифицировался правоверными маоистами как «черная» измена «идеям Мао Цзэ-дуна». Теперь, исходя из чисто прагматического соображения ускорить рост военно-промышленного потенциала для достижения мировой гегемонии Китая, маоисты налаживают экономические и политические отношения с капиталистическими странами, в первую очередь с США, активизируют свои усилия в ООН. Что касается отношения Пекина к странам социалистического содружества, к Советскому Союзу, то оно не изменилось. Как и раньше, махровый антисоветизм и борьба с мировой системой социализма остаются главным содержанием внешней политики КНР. Рассматривая Советский Союз, страны социализма и марксистско-ленинские партии в качестве основных препятствий, мешающих установлению великодержавно-шовинистической гегемонии Китая, Пекин не гнушается никакими средствами в своих попытках дискредитировать СССР, КПСС и социалистическое содружество, расколоть мировое коммунистическое движение. С этой целью используется трибуна ООН, права КНР в которой были восстановлены при поддержке Советского Союза и других социалистических стран; этой же цели служит систематическое торпедирование предложений СССР и других социалистических стран, направленных на разрядку международной напряженности в Южной и Юго-Восточной Азии, на укрепление мира и безопасности в Европе и во всем мире; с этой же целью пропагандируется провокационная, лишенная классового подхода концепция «двух сверхдержав», ставящая Страну Советов на одну доску с США и рассчитанная на подрыв авторитета КПСС в мировом коммунистическом движении, влияния идей социализма на развивающиеся страны и на национально-освободительную борьбу народов.

В условиях, когда прогрессивное человечество борется за торжество принципов мирного сосуществования, за ликвидацию агрессивных сил, нагнетающих атмосферу недоверия, подозрительности и новых локальных и мировых конфликтов, действия маоистов наносят огромный вред делу социализма, демократии и мира. Не случайно антисоциалистический курс пекинских руководителей поддерживается и поощряется реакционными режимами капиталистического мира. Как заявил на XX съезде Компартии США ее Генеральный секретарь Гэс Холл, американские правящие круги приветствуют «независимость маоистского типа — «независимость», которая, по существу, враждебна социалистическим странам и примирительна по отношению к империалистическим государствам». Они одобряют «нынешние маоистские клеветнические нападки на Советский Союз и на другие социалистические страны... маоистскую политику внесения раскола и разногласий в национально-освободительное движение... маоистскую политику оказания поддержки всем раскольническим группам во всем мире» [9].

---

[9] «Правда», 20. II. 1972.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев заявил: «Мы решительно отметаем клеветнические вымыслы по поводу политики нашей партии и государства, распространяемые из Пекина и внушаемые китайскому народу. Сеять раздор между Китаем и СССР тем более абсурдно и вредно, что это происходит в обстановке, когда империалисты активизируют свои агрессивные действия против свободолюбивых народов. Обстановка более чем когда-либо требует сплочения, совместных действий всех антиимпериалистических, революционных сил, а не раздувания вражды между такими государствами, как СССР и Китай... Вместе с тем наша партия и Советское правительство глубоко убеждены, что улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным, долговременным интересам обеих наших стран, интересам социализма, свободы народов и укрепления мира. Поэтому мы готовы всемерно содействовать не только нормализации отношений, но и восстановлению добрососедства и дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и выражаем уверенность, что в конечном счете это будет достигнуто» [10].

Книга О. Б. Борисова и Б. Т. Колоскова, написанная со знанием дела, убедительно документированная и глубоко партийная в оценках, не только разоблачает ложь и клевету маоистской и буржуазной историографии, но и подводит к выводу, что объективная потребность в оздоровлении советско-китайских отношений на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма приведет, несмотря на препятствия, чинимые маоистским руководством, к торжеству идей дружбы и сотрудничества Китая с Советским Союзом.

Е. Ф. Ковалев

[10] «Материалы XXIV съезда КПСС», М. 1971, стр. 11—12.

Рецензии

Р. Ю. КАГАНОВА. *Ленин во Франции. Жизнь и деятельность (декабрь 1908 г.— июнь 1912 г.). Революционер, теоретик, организатор.* М. Изд-во «Мысль». 1972. 430 стр. Тираж 15 000. Цена 1 руб. 28 коп.

Научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС Р. Ю. Каганова в течение 10 лет скрупулезно изучала один из наиболее интересных периодов деятельности В. И. Ленина во время его пребывания в Западной Европе — парижский. Специалисты и читатели уже знакомы с некоторыми результатами ее изысканий по более чем 40 статьям и рецензиям, опубликованным в 1962—1971 гг. в советских газетах и журналах, а также во Франции на страницах еженедельника ЦК ФКП «France Nouvelle» и издаваемого АПН в Париже журнала «Etudes soviétiques» [1]. Исследование «Ленин во Франции», являясь первой в советской Лениниане монографией на эту тему, подводит итог этим изысканиям.

Работа основана на обширном, в значительной степени новом советском и французском материале. Наряду с широким использованием ленинских работ и писем, вошедших в 17—21-й, 47-й, 48-й и 55-й тома его Полного собрания сочинений, автор обстоятельно исследовал относящиеся к теме фонды Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС. Среди них — фонды выходивших в Париже газет РСДРП «Пролетарий», «Рабочая газета», «Социал-демократ»; архив И. Арманд, тогдашнего секретаря Комитета заграничной организации РСДРП, документы партийной школы в Лонжюмо и др. Очень ценный материал обнаружен Р. Ю. Кагановой в фонде неопубликованных писем к В. И. Ленину, а также в фондах семьи Ульяновых. Наряду с этим автор ис-

[1] См., например, Р. Ю. Каганова. Ленин в Париже. «Новая и новейшая история», 1969, № 1; ее же. Ленин и французские социалисты. «Французский ежегодник за 1970 г.». М. 1972; ее же. Выступает Владимир Ильич (из истории рефератов В. И. Ленина парижского периода). «Наука и жизнь», 1971, № 4 и др.

пользовал большое число опубликованных источников. Мимо внимания Р. Ю. Кагановой не прошли даже газетные заметки последних лет, хотя бы косвенно затрагивающие тему ее монографии. Автор учел один важный источник, на который обратил внимание еще А. М. Горький: материалы устных бесед с живыми, непосредственными участниками событий. В первую очередь это старые большевики: С. И. Гопнер, И. М. Полонский (письмо которого к автору от 18 февраля 1966 г. по поводу выступления В. И. Ленина на митинге русской политической эмиграции в 1912 г., посвященном памяти А. И. Герцена, приводится в приложении к книге), Т. Ф. Людвинская и др., а также дочь Инессы Арманд — И. А. Арманд.

Хорошее знание советских и французских источников, а также французской марксистской литературы о пребывании В. И. Ленина во Франции (автор, в частности, участвовал в издании на русском языке книги Жана Фревиля «Ленин в Париже» (М. 1969), очень интересного и необычного фотоальбома «Когда Ленин жил в Париже» и др.) — все это позволило Р. Ю. Кагановой существенно дополнить документальную базу для изучения второго периода пребывания В. И. Ленина за границей. Ей удалось воссоздать наиболее полную картину многочисленных устных рефератов Владимира Ильича в Париже (гл. III «Я должен выступать!») и воспроизвести в связи с этим в приложении к своей работе несколько новых документов. К числу несомненных удач автора следует отнести и установление персонального состава парижской группы большевиков 1908—1912 гг., также впервые публикуемого в приложении к книге.

В монографии рассматриваются три проблемы: парижский период борьбы В. И. Ленина за сохранение и укрепление партии против ликвидаторов, отзовистов, Троцкого и других лидеров «разброда и шатания», напуганных отливом революционного движения после поражения первой русской революции; В. И. Ленин и международное и французское социалистическое движение и, наконец, парижская эмиграция В. И. Ленина и современность.

Политическая борьба В. И. Ленина в 1908—1912 гг. в целом хорошо исследована историками. Существенный вклад Р. Ю. Кагановой в изучение этой проблемы состоит в том, что она воссоздает картину повседневной не только теоретико-политической, но и очень важной в тех условиях практически-организационной деятельности В. И. Ленина и его соратников по возрождению партии. Именно благодаря усилиям В. И. Ленина она в тот период не оторвалась от революционной борьбы в России, не превратилась, как это утверждают некоторые современные буржуазные фальсификаторы истории, в кучку враждующих между собой фракций, сохранила свои кадры и даже при активном участии В. И. Ленина организовала партийную школу в Лонжюмо, где проходили теоретическую учебу большевики-практики, приехавшие из России. Р. Ю. Каганова приводит много ярких примеров поистине титанической работы В. И. Ленина, когда, едва вернувшись с очередного бурного диспута с Богдановым, Даном или Троцким, он вместе с Н. К. Крупской, О. А. Пятницким и другими опытными конспираторами-большевиками должен был готовить очередной транспорт нелегальной большевистской литературы для отправки в Россию.

Р. Ю. Каганова обращает внимание здесь на очень важный, но недостаточно раскрытый в советской литературе факт — действия заграничного филиала царской охранки. Используемые ею донесения парижских резидентов охранки Гартинга и Андреева, тайных агентов, провокаторов, перлюстрированные письма и т. д. показывают, что В. И. Ленину приходилось постоянно вести незримую войну с царской тайной полицией. Автор приводит обширные выдержки из опубликованных и неопубликованных воспоминаний Н. К. Крупской о деятельности двух провокаторов, засланных охранкой в эмиграцию РСДРП в период пребывания В. И. Ленина во Франции.

Много места занимает в книге анализ деятельности В. И. Ленина в Международном социалистическом бюро (МСБ). Как представитель РСДРП В. И. Ленин использует МСБ в качестве международной социалистической трибуны для борьбы против милитаризма и колониализма, за сплочение левых социалистов, борется против растущего оппортунизма лидеров II Интернационала. Р. Ю. Каганова обращает при этом внимание на одну из очень важных сторон деятельности В. И. Ленина в международном социалистическом движении того времени — на его борьбу за марксистское понимание соотношения интернационального и национального в рабочем движении. Характеризуя деятельность Ленина в МСБ, Р. Ю. Каганова широко использует его переписку с К. Гюисмансом, лишь сравнительно недавно, в 1963 г., опубликованную

в Париже Ж. Гауптом (письма В. И. Ленина из этой публикации ныне вошли в Полное собрание его сочинений).

В. И. Ленин всегда, и особенно в период своей парижской эмиграции, интересовался французским рабочим и социалистическим движением. Р. Ю. Каганова приводит в своем исследовании дополнительный материал по этому вопросу. 18 марта 1909 г. В. И. Ленин выступает с докладом о Парижской коммуне на большом собрании политических эмигрантов в столице Франции. В октябре того же года он участвует в политической демонстрации парижского пролетариата против казни в Испании видного анархиста Феррера. В книге приводится интересный материал о встрече В. И. Ленина и Н. К. Крупской с Полем и Лаурой Лафарг, об отношении В. И. Ленина к страстному борцу против милитаризма и шовинизма Ж. Жоресу, к Ж. Геду и другим французским социалистам. Правда, автор оставил здесь в стороне один важный вопрос — отношение В. И. Ленина к борьбе гедистов и жоресистов в рамках объединенной Французской социалистической партии.

Р. Ю. Каганова нашла ряд оригинальных решений в стремлении связать освещение парижского периода жизни и деятельности В. И. Ленина с современностью. Показывая, как В. И. Ленин в борьбе с лидерами II Интернационала вскрывал глубинные корни оппортунизма в рабочем движении, Р. Ю. Каганова в подстрочнике напоминает читателю, какие всходы дают эти корни сегодня и в нашумевшей книжке вождя анархиствующих французских студентов в мае 1968 г. Д. Кон-Бендита и в отступнических писаниях Р. Гароди.

Органически вписывается в тему «Ленин и современность» заключение автора, посвященное празднованию во Франции 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Здесь дана обширная характеристика того, как бережно французские коммунисты и все передовые французы чтут память Ленина.

Р. Ю. Кагановой удается создать эффект личного присутствия читателя при описываемых ею событиях. Достигается это тем, что, характеризуя политический диспут, реферат В. И. Ленина, митинг или демонстрацию, наконец, личную жизнь В. И. Ленина, автор дает портреты как соратников, так и недругов Ленина, описание места, помещения, улицы, бытовую обстановку Парижа тех лет — словом, тот повседневный «психологический микроклимат», в котором жил В. И. Ленин в Париже.

В. Г. Сироткин

«Свержение самодержавия». Сборник статей. М. Изд-во «Наука». 1970. 328 стр. Тираж 3 700. Цена 1 руб. 46 коп.

Рецензируемая книга[1] представляет собой сборник переработанных докладов и сообщений, сделанных на Всесоюзной научной сессии, посвященной 50-летию свержения царизма в России. В ней освещаются социально-экономические предпосылки Февральской революции, ее ход в Петрограде, на фронте и периферии, деятельность большевистской партии по мобилизации масс на борьбу с царизмом, соотношение классовых сил в стране и т. д. В книге показаны также основные этапы изучения в нашей стране истории второй русской революции и критически рассмотрена новейшая англо-американская историография Февраля 1917 года.

Сборник открывается статьей Д. М. Кукина. Он пишет, что, несмотря на жесточайшие репрессии, обрушившиеся на большевистскую партию с первых же дней войны, она продолжала напряженную работу в массах, сочетая различные формы борьбы, нелегальной и легальной. В статье разоблачаются лживые «концепции» реакционных буржуазных историков о том, что в февральские дни 1917 г. массы действовали якобы анархически, стихийно, без организо-

[1] Утверждена к печати Институтом истории СССР АН СССР и Научным советом по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Редакционная коллегия: И. И. Минц (отв. редактор), Л. М. Иванов (зам. отв. редактора), П. В. Волобуев, И. Ф. Гиндин, Е. Н. Городецкий, Г. М. Деренковский, А. П. Корелин, К. Н. Тарновский, А. Л. Фрайман, К. Ф. Шацилло, Н. Н. Яковлев. Авторы: Д. М. Кукин, П. В. Волобуев, И. Ф. Гиндин, В. В. Адамов, И. П. Лейберов, Х. М. Астрахан, Г. И. Злоказов, А. Я. Грунт, В. И. Миллер, С. С. Хесин, П. И. Воробей, И. К. Апине, С. А. Сидоренко, Г. Г. Макаров, И. М. Дажина, Э. Н. Бурджалов, О. Н. Знаменский, В. Л. Харитонов, Г. З. Иоффе, И. М. Пушкарева.

ванного участия революционной партии, для которой революция явилась будто бы полнейшей неожиданностью.

Буржуазные историки, основываясь на одной фразе, вырванной из доклада В. И. Ленина о революции 1905 г., создали легенду о том, что он не ждал революции, что она была для него неожиданной. Между тем, как справедливо подчеркивает Д. М. Кукин, через все ленинские труды периода первой мировой войны красной нитью проходит мысль, что Россия стоит накануне новой революции. Еще в статье «О двух линиях революции» (1915 г.) В. И. Ленин писал: «Теперь мы снова идем к революции»[2]. Цитируя далее письма В. И. Ленина к И. Арманд, Д. М. Кукин замечает, что в конце 1916 г. и начале 1917 г. В. И. Ленин предвидел назревание в России «решающих революционных событий. В этом духе он и ориентировал своих ближайших соратников» (стр. 19).

К написанному Д. М. Кукиным можно добавить, что именно в предвидении близкой революции В. И. Ленин в конце 1916—начале 1917 г. усиленно занимался теоретической разработкой вопроса о роли и значении государства. Он развил марксистское учение о государстве на основе опыта Парижской коммуны и особенно Советов 1905 года. В плане статьи «Уроки войны»[3] и более определенно в работе «Марксизм о государстве» проводилась мысль о превосходстве Республики Советов над буржуазной парламентарной системой. В. И. Ленин писал, что задачей пролетарской революции должна явиться «*замена* старой («готовой») государственной машины **и парламентов** *Советами рабочих депутатов* **и их** доверенными лицами. В этом суть!!»[4]. Таким образом, В. И. Ленин в преддверии Февральской революции в России определил роль Советов как государственной формы диктатуры пролетариата взамен парламентарной республики.

Большевистская партия во главе с В. И. Лениным не только предвидела неизбежность новой революции в России, но и активно готовила к ней массы. Действия масс в первые дни Февральской революции во многом были подготовлены самоотверженной работой партии среди рабочих и солдат, неутомимо пропагандировавшей «неурезанные» революционные лозунги. В то время как лидеры меньшевиков и эсеров, наблюдая за стремительным развитием революционных событий, пытались их сдерживать, «большевики делали все возможное, чтобы внести элементы организованности и сознательности в развертывающуюся борьбу масс» (стр. 21). Если тем не менее социал-шовинистам удалось перехватить инициативу и стать у руля Петроградского Совета, добровольно уступившего власть буржуазии, то это было обусловлено в первую очередь тем, что гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула пролетарские массы, заразив их на какое-то время соглашательскими настроениями. В известной мере захват меньшевиками и эсерами руководства в Петроградском Совете был облегчен ошибками Русского бюро ЦК, которое не заняло достаточно ясной позиции в вопросе о власти, не проявило необходимой гибкости и политического искусства в тогдашней сложной и противоречивой обстановке (стр. 23).

В статье Д. М. Кукина проблема соотношения стихийности и сознательности в Февральской революции решается в общем верно. В то же время некоторые авторы сборника, как указано в постановлении Бюро Отделения истории АН СССР, «допустили известный крен в сторону преувеличения роли стихийности и умаления роли передового авангарда пролетариата, подпольных большевистских организаций в подготовке Февральской революции и ее проведении»[5]. П. В. Волобуев склонен рассматривать начало Февральской революции как стихийный взрыв. При этом он упрекает «некоторых исследователей» в недиалектическом, упрощенческом подходе к проблеме соотношения стихийности и сознательности в ходе второй русской революции: они, мол, делают упор либо на стихийность, либо на сознательность и организованность. В свою очередь, П. В. Волобуев выдвигает положение о некоем «механизме» рождения революции, которое он сводит, по сути дела, к двум взаимно исключающим друг друга тезисам: 1) «всякая революция — результат стихийно объективного процесса, не зависящего от воли или желания отдельных классов, партий, их

---

[2] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 79.

[3] В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 397—398.

[4] В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 231.

[5] Постановление Бюро Отделения истории АН СССР «Об итогах обсуждения в Институте истории СССР изданных в 1970 году сборников «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия». «Вопросы истории», 1972, № 8, стр. 142.

вождей и т. п.; 2) революция идейно и политически готовится передовыми революционными партиями» (стр. 32). Но если революция развивается стихийно, независимо от воли и желания отдельных партий, то непонятно, каким образом передовая партия может готовить ее. В соответствии со своим первым тезисом П. В. Волобуев пишет: «Февральская революция, как и большинство подлинно народных революций, выросла на основе стихийного революционного подъема. Стихийный революционный взрыв, происшедший 23 февраля и положивший начало революции, никем не готовился» (стр. 33) [6]. Но, говоря о «стихийном начале» в буржуазно-демократических революциях вообще и в России как мелкобуржуазной стране в особенности, П. В. Волобуев упускает из виду одно из коренных отличий Февральской революции от подобных революций, имевших место на Западе, которое состоит в том, что она совершалась в эпоху империализма. К тому же в это время существовала в России марксистско-ленинская партия. А эти обстоятельства не могли не наложить свой отпечаток на процесс подготовки и свершения революции в феврале 1917 года.

Как известно, 23 февраля забастовки в Петрограде происходили главным образом на Выборгской стороне. И именно здесь, по свидетельству члена подпольного Выборгского районного комитета большевистской партии Н. Ф. Свешникова, «в 20-х числах райком принял решение принять меры к снятию с работ работниц на фабриках 23 февраля, когда праздновался Международный женский день. То политическое оживление, которое чувствовалось на заводах и фабриках в районе, а также заминка с хлебом в эти дни создали очень благоприятную почву для агитации» [7]. С утра 23 февраля на заводах и фабриках большевики проводили митинги, после которых многие рабочие выходили на улицу. Особенно воинственно были настроены женщины. Они являлись на фабрики и заводы и «снимали с работ» [8].

Трудно согласиться и с утверждением Х. М. Астрахана о том, что «значительная часть рабочих-металлистов в первые дни Февральской революции находилась не в авангарде движения, а шла в его хвосте... была в то время настроена не революционно и поддерживала оборонцев (меньшевиков и эсеров)» (стр. 121). По подсчетам И. П. Лейберова, в начавшейся 23 февраля всеобщей политической стачке преобладающая роль принадлежала рабочим-металлистам: на их долю приходился самый высокий процент участников движения — 79,3, тогда как на долю текстильщиков — 12,7, на остальные группы рабочих — 8 (стр. 111).

Вечером 23 февраля состоялось экстренное заседание Выборгского райкома большевиков с участием членов Бюро ЦК и ПК. На нем было вынесено решение об усилении агитации среди солдат, о приобретении оружия и продолжении забастовки. Представителям от заводских партийных коллективов было предложено на следующий день с утра явиться на предприятия и, не приступая к работе, после летучего митинга вывести рабочих на демонстрацию в центр города, на Невский [9]. В этот же вечер решение о вовлечении в движение солдат, работавших на Путиловском заводе, вынес Нарвский райком большевиков [10]. 24 февраля Русское бюро ЦК постановило развивать движение, чтобы перевести его во всеобщую политическую стачку, а также усилить агитацию среди солдат [11]. Вечером 26 февраля на заседании, происходившем на ст. Удельная, большевики — члены Выборгского райкома, ПК и Бюро ЦК — приняли решение о переводе стачки в вооруженное восстание [12]. Даже царские власти отмечали руководящую роль большевиков в начавшейся революции. Столичная охранка доносила по поводу событий 23—25

[6] Приблизительно так же изображает в своей статье ход событий в первые дни Февральской революции и Х. М. Астрахан: «Снятие заводов» 23 февраля происходило стихийно. Заранее оно не планировалось» (стр. 127). Ср. Р. Абрамович. Советская революция 1917—1939 гг. Лондон. 1962, стр. 12: «Демонстрации были совершенно стихийными... Ни большевики, ни меньшевики, ни социалисты-революционеры, чьи подпольные группы почти вымерли в эти дни, даже не претендовали на то, чтобы играть какую-либо роль в подготовке и начале восстания» (цит. по: «Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС». М. 1970, стр. 111).

[7] Н. Свешников. Отрывки из воспоминаний. «Петроградская правда», 14. III. 1923.

[8] «Правда», 5. III. 1917.

[9] Н. Свешников. Отрывки из воспоминаний. «Петроградская правда», 14.III.1923.

[10] М. Миттельман, Б. Глебов, А. Ульянский. История Путиловского завода. М. 1961, стр. 549.

[11] А. Шляпников. Семнадцатый год. Кн. I. Птгр. 1923, стр. 87—88.

[12] «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 2, стр. 668—669.

февраля: «Петроградская организация РСДРП в течение двух дней происходящих в Петрограде волнений, взяв руководство участвующих в нем масс в свои руки, решила дать ему явное революционное направление» [13].

Приведенные факты — а число их можно значительно увеличить — подтверждают справедливость неоднократных ленинских указаний на активнейшую роль большевистской партии в Февральской революции. Уже во втором «Письме из далека» В. И. Ленин писал: «Считаться с социал-демократической партией Центрального Комитета принудило Керенского и Чхеидзе влияние ее на пролетариат, на массы. Наша партия оказалась с массами, с революционным пролетариатом, *несмотря* на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский комитет за свою нелегальную работу во время войны *против* войны и против царизма. «Факты — упрямые вещи», говорит английская пословица... Факт руководства или по крайней мере беззаветной помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии *должен* был признать *«сам»* английский гучковец» [14].

П. В. Волобуев находит, что вопреки предостережениям В. И. Ленина «в февральские дни стихийно, снизу сложился временный блок пролетарски-интернационалистских и оборонческих элементов» на платформе революционного оборончества (стр. 38). Однако активные участники Февральской революции единодушно подчеркивают, что социал-оборонцы в отличие от большевиков всячески пытались сдерживать нараставшее движение. На некоторых предприятиях Выборгской стороны, по воспоминаниям И. Матвеева, члена большевистской партии с 1917 г., рабочего завода «Старый Лесснер», «меньшевики-оборонцы выкрикивали: «Нужно раньше войну кончить и тогда только свергать самодержавие!» [15]. По словам старого большевика И. Гаврилова, «27-го на «Фениксе» рабочие пришли на завод, но в мастерские не шли, ожидая митинга. В речах от нашей партии по вопросу вооруженной борьбы выступали И. Кодацкий и П. Алексеев, а меньшевик Жуков называл безумием вооруженную борьбу, призывая рабочих приступить к работе. Но после выступления большевиков молодежь «Феникса» вышла на улицу и стала разоружать городовиков» [16]. Как вспоминает В. Н. Залежский, «освобожденные восставшими рабочими большевики и ликвидаторы с первых же шагов разошлись — одни пошли в рабочие кварталы, к массе, другие в Думу» [17]. Оборонцы звали рабочих к Таврическому дворцу, чтобы поддержать помещичье-буржуазную Думу, большевики — в центр города, на Невский, с оружием в руках. Только тактика большевиков была единственно последовательной и революционной.

Далеко от действительности и утверждение И. П. Лейберова о том, что тактика межрайонцев, левых эсеров и части меньшевиков-интернационалистов была в февральские дни «подлинно революционной» (стр. 118). Ведь даже самая левая из названных групп —«межрайонка»— явно отставала от размаха движения, на ее лозунгах все время сказывалась недооценка революционных возможностей рабочего класса. Так, в ночь на 25 февраля, когда движение уже стало перерастать во всеобщую политическую стачку, межрайонцы выпустили листовку, в которой призывали петроградский пролетариат всего лишь к «трехдневной стачке протеста против арестов и расстрела рабочих Путиловского завода». Одновременно они выпустили специальный листок к солдатам, но в нем, по свидетельству К. К. Юренева, «не звали к непосредственному восстанию», так как еще не были уверены в том, что «настоящий бой есть решающий» [18]. Только

---

[13] «Вопросы истории КПСС», 1972, № 9, стр. 126.

[14] В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 26. В. И. Ленин критически использовал в своем письме телеграммы о Февральской революции корреспондента «Times» в Петрограде Р. Вильтона, которого он и называет «английским гучковцем».

[15] Ленинградский партархив (ЛПА), ф. 4000, оп. 5, д. 383, л. 6.

[16] И. Гаврилов. На Выборгской стороне в 1914—1917 гг. «Красная летопись», 1927, № 2(23), стр. 52.

[17] В. Н. Залежский. Первый легальный ПК. «Пролетарская революция», 1923, № 1(13), стр. 139.

[18] И. Юренев. Межрайонка (1911—1917 гг.). «Пролетарская революция», 1924, № 2(25), стр. 140—141. Ср. А. Ф. Керенский. Канун Февраля: «Накануне самого взрыва, 26-го февраля, у меня на квартире собралось очередное заседание «Информационного бюро левых партий»: два представителя крайне левых настроений — будущий «левый» эсер Александрович и большевик (на самом деле межрайонец.— *Е. Ч.*) Юренев — заявили нам, что никакой революции нет, что солдатское движение идет на убыль, что с солдатами «нам во-

большевики сразу же возглавили массовые выступления рабочих и солдат. Передовые питерские рабочие-большевики, следуя традициям 1905 г., проявляли замечательную революционную инициативу, руководя боевыми действиями масс.

П. В. Волобуев в своей статье делает акцент на обострении конфликтов буржуазии с царизмом во время войны. По его мнению, в конце 1916 г. «буржуазия перешла в яростную оппозицию царизму» (стр. 30). Нам думается, что автор, концентрируя свое внимание на том, что разделяло буржуазию и царизм, переоценил силу и размах буржуазного оппозиционного движения.

Как известно, в начале войны буржуазные партии во главе с кадетами выступили с призывом сплотиться вокруг царя, отложив «внутренние споры» и «счеты» с правительством. Поражения царских войск в 1915 г. заставили буржуазию забить тревогу. На открывшейся 19 июля сессии Государственной думы П. Н. Милюков призывал правительство изменить приемы управления: «Снимите путы, дайте стране внутренний мир, прекратите разжигание национальных распрей, и вы вызовете новый порыв энтузиазма, вы дадите народу возможность сосредоточить всю свою мысль на задаче момента: все для войны»[19]. 11 и 12 августа на совещаниях членов Государственной думы и Государственного совета с участием представителей думских фракций прогрессистов, кадетов, левых октябристов, земцев-октябристов, центра и части националистов, а также членов двух групп Государственного совета — академической и центра — было положено начало так называемому прогрессивному блоку. Программа блока представляла собой компромисс между полуфеодальными (националисты и партия центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами третьеиюньской политической системы с равнением на самые умеренные — фракцию русских националистов. Вступая в такой блок, кадеты решили не упоминать в его платформе о социальных реформах и сняли лозунги о политических свободах и ответственном министерстве, которые украшали их собственную партийную программу. Блокистская программа предполагала образование коалиционного кабинета, состоящего из царских бюрократов и буржуазных деятелей и ответственного не перед законодательными учреждениями, а перед монархом.

Таким образом, прогрессивный блок предпочитал оставить руководящую роль в управлении государством за полуфеодальным дворянством в обмен на некоторые уступки и предоставление буржуазной общественности возможности участия во власти. Лидер прогрессивного блока Милюков не раз подчеркивал его значение как «спасательного пояса тонущей монархии»[20]. В. В. Шульгин называл участников блока пожарными, ставившими своей задачей тушить революцию и раздувать огонь войны[21]. Конечно, образование прогрессивного блока означало расширение оппозиционного фронта за счет «олибераления» правых кругов, но в то же время и приглушение, обесцвечивание лозунгов либеральной буржуазии. Вместо консолидации буржуазных сил получилось их распыление в бесформенно рыхлом думском блоке. Единственной причиной, которая привела к временному и весьма непрочному объединению разноликих думских фракций, была «тревожность момента», неодолимый страх перед революцией. У прогрессивного блока, собственно, не было программы, которая стала бы альтернативой правительственному курсу и импонировала бы широким массам. Вследствие своей изолированности от демократических сил прогрессивный блок оказался бессильным и бесплодным.

Оппозиционность буржуазии достигла своей кульминации на открывшейся 1 ноября 1916 г. последней сессии IV Государственной думы. Милюков в своей нашумевшей речи заявил, что «кучка темных личностей руководит, в личных и низменных интересах, важнейшими государственными делами» и что «с этим правительством мы так же не можем законодательствовать, как не можем с ним вести Россию к победе»[22]. Эта речь, разумеется, вовсе не была «штурмовым сигналом к революции», о чем трубили буржуазные лидеры в 1917 г., когда им было вы-

---

обще не по пути», что не следует увлекаться думскими настроениями и надо заниматься пропагандой, подготовляя рабочих к движению, которое еще не скоро развернется». «Дни», 22. V. 1932.

[19] «Государственная дума». Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия IV. Пгр. 1915. стб. 103.

[20] «Последние известия» (Париж), 12. III. 1921.

[21] «Мы хотели стать между улицей и властью... Наша цель была, чтобы массы оставались покойными, так как за них говорит Дума» (В. Шульгин. Дни. Л. 1925, стр. 85).

[22] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 266, лл. 69, 82.

годно по тактическим соображениям муссировать легенду о «заглавной» роли Думы во второй русской революции. Как признался впоследствии Милюков, «речь, в которой я предоставлял слушателям решить, «глупость» это или «измена», была произнесена в Думе с целью предотвратить, а не вызвать революцию. Я знал, что революция во время войны приведет Россию к величайшей катастрофе» [23]. Примечательно, что заправилы прогрессивного блока сами были встревожены «резкостью» своих речей. Хотя с думской кафедры они и заявляли, что армия, крестьяне, рабочие будут спокойнее, зная, что за них с правительством «борется» Дума [24], но в душе они боялись, как бы их словесные громы против Штюрмера не вызвали тот самый «призрак революции», который они во что бы то ни стало хотели не допустить. Думские ораторы уже были не рады, что, подлаживаясь к настроению в стране, они намекнули на предательство в верхах, так как подобная «демагогия» могла привести к революционным «эксцессам».

На деле прогрессивный блок вовсе не хотел рвать нитей, соединявших его с правительством. Думские лидеры добивались соглашения, хотя бы видимости уступок блоку. Милюков в своей речи, увлекшись, сказал, что блок будет бороться со Штюрмером до тех пор, пока тот не уйдет. Этим заявлением блок отрезал себе путь к переговорам и соглашению с правительством. Но конфликт с последним страшил думское большинство. Как доносил начальник московской охранки 10 ноября 1916 г. в департамент полиции, кадетское собрание 9 ноября на квартире у А. А. Кизеветтера «ясно показало всю растерянность, беспомощность в искании выхода, полное понимание своего бессилия. Настроенные непримиримо боевым образом на страницах своих партийных официозов, кадеты в частных беседах проявляют большую склонность к компромиссам и детально разбираются в сравнительных достоинствах возможных преемников Штюрмера, как-то А. Ф. Трепова, А. В. Кривошеина, адмирала И. К. Григоровича... Требование «общественного» кабинета есть требование «с запросом», основная цель свалить хотя бы одного Штюрмера» [25]. И действительно, после отставки Штюрмера и назначения премьер-министром А. Ф. Трепова, принадлежавшего к той же правой группе Государственного совета, что и его предшественник, блокисты выразили готовность приступить если не к совместной, то, во всяком случае, «параллельной» работе с правительством. Они категорически отвергли мысль о парламентском бойкоте кабинета Трепова. Когда же фракции меньшевиков и трудовиков устроили обструкцию при появлении 19 ноября на думской кафедре Трепова, они были исключены на 8 заседаний. Из декларации нового председателя Совета министров выяснилось, что с уходом Штюрмера правительственный курс остается без перемен и ни на какие уступки блоку Трепов не пойдет. Тем не менее Дума отвергла формулу прогрессистов с выражением недоверия правительству и решила занять выжидательную позицию в надежде, что Трепову удастся вывести из своего кабинета А. Д. Протопопова и других распутинцев. Даже переход черных сил в самом конце 1916 г. в наступление (отставка Трепова и утверждение Протопопова в должности министра внутренних дел, назначение «мозга реакции» И. Г. Щегловитова председателем Государственного совета, распространение слухов о досрочном роспуске Думы и превращении ее в совещательное учреждение) не вызвал отпора со стороны думского большинства. Родзянко ограничился вызовом в Петроград председателя постоянного совета объединенных дворянских обществ А. Д. Самарина и московского губернского предводителя дворянства П. А. Базилевского для переговоров о передаче дела, начатого Думой, в случае ее роспуска в руки объединенного дворянства [26].

[23] Андрей Седых. Далекое близкое. Нью-Йорк. 1962, стр. 156—157.

[24] «Государственная дума». Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия V. Птгр. 1917, стб. 47. Речь В. В. Шульгина.

[25] ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 4, д. 92, лл. 273—274. Ср. с выпиской из письма князя Г. Н. Трубецкого, Москва, 17 ноября 1916 г., к графу Хрептовичу-Бутеневу в Ялту: «В Петрограде я завтракал с Струве, Н. Н. Львовым и В. А. Маклаковым. Они были в очень приподнятом настроении и в то же время поразили меня скромностью своих желаний. Во время войны они хотели бы вовсе не министерства общественного и думского, а просто из несомненно честных людей. В качестве желательного министра внутренних дел они указывали А. Д. Самарина, потому что знают, что он не продаст России ни немцам, ни Распутину». ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 1061, л. 32.

[26] Рукописный отдел Библиотеки имени В. И. Ленина (РОБИЛ), ф. 15, папка IV, ед. хр. 1, л. 30. Дневник Базилевского. Январь 1917 г.

В свете приведенных выше фактов никак нельзя согласиться с мнением П. В. Волобуева о том, что оппозиционность буржуазии накануне Февральской революции проявлялась в более острых формах, чем в 1905 году. Это противоречит и высказываниям В. И. Ленина. Автор упускает из виду, что до 17 октября 1905 г. российская буржуазия, несмотря на растущую концентрацию экономической мощи в ее руках, была политически бесправной. Высшее государственное управление оставалось для нее «запретной зоной». Только после 17 октября буржуазия бесповоротно повернула к реакции. Среди причин этого поворота В. И. Ленин на первое место ставил два обстоятельства: 1) буржуазия получила привилегии 11 декабря 1905 г., и даже 3 июня 1907 г. сохранило для нее «положение *терпимой* оппозиции» и 2) она «сама смертельно испугалась народного движения»[27]. Подтверждением полного и необратимого разрыва русского либерализма с освободительным движением и перехода его на контрреволюционные позиции явился сборник «Вехи», который В. И. Ленин заклеймил как *«энциклопедию либерального ренегатства»*, как «сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию»[28].

П. В. Волобуев упрекает советских историков в том, что они «забывают» о присоединении буржуазии в ходе Февральской революции к революционным классам (стр. 35). При этом он ссылается на ленинское высказывание о том, что «тогда была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма»[29]. Но каков же характер, каковы цели этого «участия» русской буржуазии и англо-французского империализма в событиях Февральской революции? В. И. Ленин постоянно подчеркивал контрреволюционный характер «участия» буржуазии в революции. Целью этого «участия» было стремление буржуазии спасти монархию, если же это не удастся, то взять власть в свои руки с тем, чтобы задержать развитие буржуазно-демократической революции, сохранить экономическое и закрепить свое политическое господство. Говоря о роли рабочего класса и буржуазии в Февральской революции, В. И. Ленин писал: «Революционные рабочие разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до основания гнусную царскую *монархию*, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К° *за смену* одного монарха *другим монархом* и тоже предпочтительно Романовым!»[30].

П. В. Волобуев пишет об «известной модификации в феврале 1917 г. большевистской формулы 1905 г.: «буржуазная революция против буржуазии» (стр. 38). Собственно, такой формулы у большевиков не было, но, как видно из сноски, автор имеет в виду известное выражение В. И. Ленина: «Победа буржуазной революции у нас невозможна, *как победа буржуазии*»[31]. «В действительности же,— замечает П. В. Волобуев,— революция формально закончилась победой буржуазии, поскольку государственная власть оказалась в ее руках» (*там же*). Но смысл ленинской формулы заключался в другом: буржуазия не была и не могла быть ни движущей силой, ни тем более гегемоном революции, и это подтвердилось в 1917 году. Основными участниками Февральской революции были пролетариат и крестьянство, прежде всего часть его, одетая в солдатские шинели. Буржуазия же, учитывая победное шествие революции, «признала» и даже поспешила провозгласить Февральскую революцию своей, но сделала она это с затаенной мыслью «обмануть и предать ее»[32]. Во время переговоров об организации правительственной власти Временный комитет Государственной думы принял требование Исполнительного комитета Петроградского Совета оставить вопрос о форме правления открытым до Учредительного собрания. Но за спиной Совета думский комитет не оставил своих монархических происков. Он тайно отправил А. И. Гучкова и В. В. Шульгина в Псков с проектом «добровольного» отречения Николая II в пользу сына. Царь подписал манифест об отречении и о передаче престола, правда, не сыну, а своему брату великому князю Михаилу. 3 марта на конспиративном совещании членов думского комитета и Временного правительства с Михаилом Милюков уговаривал его принять корону. Он советовал великому князю в эту же ночь оставить Петроград с его револю-

---

[27] В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 80.
[28] В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 168, 173.
[29] В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 257.
[30] В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 17; ср. также: т. 31, стр. 19, 24 и 240; т. 34, стр. 58—59, 258.
[31] В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 44.
[32] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 46.

ционным гарнизоном и, не теряя ни минуты, выехать в Москву, где якобы были еще верные царю войска[33]. Так Милюков замышлял монархический переворот против революции, которая привела его к власти![34].

О том, как буржуазные лидеры, лицемерно прославляя Февральскую революцию, в то же время точили ножи против нее, поведал в неопубликованной автобиографии бывший адмирал М. А. Кедров. А. И. Гучков хотел назначить его своим помощником по морскому министерству. Кедров стал возражать, указывая, что флот погиб как боевая сила и его не восстановишь. «Я с вами почти согласен, но надо попробовать что-нибудь спасти»,— ответил Гучков. Кедров предложил Гучкову с оставшейся еще надежной минной дивизией захватить и обезоружить Кронштадт, прибавив к морским силам еще одну сухопутную дивизию из надежных частей с фронта. По словам Кедрова, «А. И. Гучков был согласен с планом, пошли к А. Ф. Керенскому за благословением, так как без согласия Совета рабочих и солдатских депутатов ничего нельзя было предпринять. Керенский, вполне нас понимая, сказал, что бесполезно обращаться к Совету, так как те ни за что на это «кровопролитие» не согласятся... и вместо всего этого предложил лично отправиться туда и попробовать уговорить кронштадтцев сдаться. Мне же лично не советовал ехать с ним, так как я «одиозен» для них, как бывший свитский адмирал. Был взят в попутчики революционный генерал Потапов... Съездили и едва унесли ноги, а у Потапова к тому же оказались сорванными погоны, и его чуть ли не арестовали»[35]. Что же касается того обстоятельства, что в результате Февральской революции, совершенной рабочими и солдатами, к власти пришла буржуазия, то В. И. Ленин еще в 1913 г. писал, что «либералы «проходят к власти» *лишь тогда,* когда побеждает демократия *вопреки* колебаниям либерализма»[36]. Оправдалось и его предвидение, что после революции «придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского»[37].

Но сами «победители» чувствовали себя «пленниками революции», и это было недалеко от истины. «Буржуазия овладела властью, — вспоминал член Временного комитета Государственной думы Б. А. Энгельгардт. — Но подлинной победы она не чувствовала. Перед нею на страже интересов рабочих масс стоял Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором новый кабинет чувствовал угрозу своей власти»[38]. В середине марта «заложник демократии» во Временном правительстве А. Ф. Керенский жаловался В. В. Водовозову: «Делается что-то ужасное. Все разваливается. Правительство не имеет никакой власти. Армия разлагается. В управлении невозможно наладить порядка. Все хотят командовать, никто не хочет исполнять. В самом министерстве нет единодушия. Совет рабочих депутатов вмешивается во все мелочи»[39]. Действительно, все усилия Временного правительства задержать развитие революции оказывались тщетными. Вот один из многочисленных примеров. В связи с повсеместным исчезновением губернаторов, полицмейстеров и прочих представителей царской власти Временное правительство на своем первом заседании 4 марта приняло решение возложить обязанности губернаторов на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование комиссаров Временного правительства. Но провинция в огромном большинстве случаев не приняла этих новых администраторов, считая их ставленниками «старого режима»[40].

П. В. Волобуев считает, что если «гвоздем» первой русской революции был аграрный вопрос, то в центре Февральской революции стал вопрос о войне и мире (стр. 28). На деле главным содержанием (или «гвоздем») Февральской революции был вопрос об уничтожении феодально-крепостнических остатков как в политическом строе страны (царизм), так и в области аграрных отношений (помещичье землевладение). Аграрный вопрос оставался в центре и рево-

---

[33] См. В. Шульгин. Дни. Л. 1925, стр. 238; П. Н. Милюков. Воспоминания. Т. II. Нью-Йорк. 1955, стр. 316; М. Алданов. Третье марта. «П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929». Париж. 1929, стр. 33.

[34] Абсолютизируя победу буржуазии и недооценивая сознательность массового революционного движения, П. В. Волобуев в другой своей работе приходит к заключению о временной утрате пролетариатом, оказавшимся в плену иллюзий революционного оборончества, роли гегемона в освободительной борьбе. См. «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». М. 1970, стр. 21.

[35] ЦГАОР СССР, ф. 5881, оп. 1, д. 27, лл. 21, 23, 24.

[36] В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 334.

[37] В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 341.

[38] РОБИЛ, ф. 218. папка 306, стр. 752.

[39] ЦГАОР СССР, ф. 539, оп. 1, д. 1820, л. 27. Дневник В. В. Водовозова.

[40] «Дни», 10. III. 1929.

люции 1905—1907 гг. и Февральской революции 1917 г., ибо аграрная проблема — конфискация помещичьих земель и национализация всех земель — не была решена. П. В. Волобуев в подтверждение своей мысли указывает, что в отличие от революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин Февральскую революцию «никогда не характеризовал как крестьянскую буржуазную революцию» (стр. 28). Но ссылка на В. И. Ленина в данном случае сделана без достаточных оснований. В «Нескольких тезисах» и подробнее в статье «О двух линиях революции» В. И. Ленин в 1915 г. дал ту же оценку характера предстоящей революции и ее движущих сил, что и революции 1905 года. Он подчеркивал, что «социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством»[41]. Поэтому В. И. Ленин считал, что для грядущей революции остаются в силе лозунги Пражской конференции РСДРП — демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день — с добавлением призыва к беспощадной борьбе с шовинизмом, против империалистической войны. Именно эти лозунги могли увлечь за пролетариатом крестьянство. Полемизируя с Троцким, отрицавшим революционную роль крестьянства и на этом основании доказывавшим невозможность в России «национальной» революции, В. И. Ленин писал: «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию! А в этом сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, *то есть* за привлечение крестьянства, за *исчерпание* его революционных сил, за участие «*не*пролетарских народных масс» в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодального* «империализма» (= царизма)[42]. Впоследствии, в письме Я. Ганецкому от 30 марта 1917 г., В. И. Ленин отмечал, что его «тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией»[43].

П. В. Волобуев, указывая на неспособность буржуазии, пришедшей к власти в результате Февральской революции, решить общедемократические задачи, делает вывод, что «в коренных задачах, поставленных, но не решенных второй буржуазно-демократической революцией, был залог победы Октябрьской социалистической революции» (стр. 37). Между тем общеизвестно, что залог победы социалистической революции заключался не в аграрной и других проблемах, которые не были решены на этапе буржуазно-демократической революции, а в главных противоречиях между трудом и капиталом в России, в острой классовой борьбе пролетариата против буржуазии. Что же касается не решенных Февральской революцией вопросов, то они содействовали обострению классовой борьбы, усилению революционного движения и ускорению победы социалистической революции в октябре 1917 года.

Серьезные недостатки имеются и в статье И. Ф. Гиндина, где среди других проблем идет речь о сущности октябристского капитала. По мнению автора, в России весь крупный капитал, от торгово-купеческого до «передового» промышленного и финансового, был заинтересован в самых грубых формах эксплуатации, не только политически, но и экономически был заинтересован в существовании полуфеодального царизма (стр. 60). Но этим перечеркивается известное положение В. И. Ленина о том, что «интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию»[44]. Мнение И. Ф. Гиндина о заинтересованности всей крупной буржуазии в экономическом приспособлении к царизму, по сути дела, исключает общепринятое в советской историографии деление политических сил России на три лагеря: черносотенный, либеральный и демократический. Более того, чрезмерно широкое толкование понятия «октябристский капитал» привело И. Ф. Гиндина, по существу, к игнорированию закономерности буржуазно-демократического этапа революции в России. Автор, в частности, пишет: «Объективные предпосылки, экономические, социальные, политические задачи буржуаз-

[41] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 49.
[42] Там же, стр. 81.
[43] В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 421.

[44] В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 266—267.

но-демократической и социалистической революции накануне первой мировой войны тесно сплелись... Сложившаяся стойкая заинтересованность монополистической буржуазии в сохранении докапиталистических форм эксплуатации объективно привела к невозможности разрешения задач буржуазно-демократической революции и прежде всего центральной ее задачи — ликвидации полукрепостнических латифундий, без экспроприации материальной базы —.собственности крупной буржуазии, т. е. без ликвидации этого класса» (стр. 86). Другими словами, по И. Ф. Гиндину выходит, что в принципе невозможно решение буржуазно-демократических задач в эпоху империализма иначе, как через социалистическую революцию. С такого рода стиранием граней между Февралем и Октябрем [45] связан и другой ошибочный тезис И. Ф. Гиндина — о том, что «все российское крестьянство было заинтересовано и в победе пролетарской революции» (стр. 57).

Но В. И. Ленин никогда и нигде не утверждал, что в эпоху империализма общедемократические задачи могут быть решены только социалистической революцией. Общеизвестна постановка В. И. Лениным вопроса о классовых силах, призванных решить задачи буржуазно-демократической и социалистической революций: в первом случае — пролетариат и все крестьянство, во втором — пролетариат и беднейшее крестьянство. Разумеется, что демократические и социалистические задачи существовали в России не изолированно друг от друга. Но при всей их взаимозависимости они имели четко выраженный самостоятельный характер и не были слиты воедино. На первом стратегическом этапе революции главными были общедемократические задачи, на втором — социалистические. Но, поскольку Февральская революция, решив главный вопрос — вопрос о власти, не решила аграрную проблему и вопрос об окончании войны, эти общедемократические задачи были попутно, мимоходом, осуществлены в ходе социалистической революции.

Фактически безоговорочно отождествляя интересы монополистической буржуазии и царизма, И. Ф. Гиндин вслед за этим впадает в другую крайность, пытаясь объяснить «новый курс» царизма накануне войны победой в правящих кругах антимонополистической тенденции. По его словам, смена В. Н. Коковцова И. Л. Горемыкиным в январе 1914 г. привела к полному преобладанию в царском правительстве выразителей интересов реакционных помещиков, которые требовали поворота экономической политики к борьбе против промышленных и банковских монополий (стр. 78—79). В данном случае И. Ф. Гиндин явно преувеличивает расхождение между черносотенными помещиками и монополистической буржуазией, упуская из виду, что пресловутый «новый курс» явился лишь демагогической уловкой дворцовой камарильи, терявшей под собой всякую почву в обстановке быстро созревавшей революционной ситуации. Так понимал его и сам Горемыкин. В разговоре со своим предшественником он заметил: «Все это чепуха, одни громкие слова, которые не получат никакого применения: государь поверил тому, что ему наговорили, очень скоро забудет об этом новом курсе, и все пойдет по-старому» [46].

Г. И. Злоказов довольно путано освещает в своей статье отношение соглашательского руководства Совета к империалистической войне. Автор склонен отнести эсеро-меньшевистских лидеров Совета к «добросовестно-бессознательным» оборонцам, которые хотели — и в этом Г. И. Злоказов видит двойственность их позиции — совместить борьбу за демократический мир с поддержкой буржуазного Временного правительства, стремившегося к продолжению империалистической войны до победного конца (стр. 131, 134). Развивая свою точку зрения, автор совершенно неоправданно пытается противопоставить политическую линию И. Г. Церетели линии Н. Суханова — Ю. Стеклова, заявляя, что «вступление Церетели в состав исполкома ознаменовало резкий крен вправо всей политической линии лидеров Совета и ее сближение с позицией Временного правительст-

[45] Ср. оценку Великой Октябрьской социалистической революции лидерами правой социал-демократии и меньшевизма: «Современная русская революция... по действительному содержанию своему, вопреки намерениям ее руководящих элементов, революция буржуазная» (К. Каутский. Пролетарская революция и ее программа. Берлин. 1922, стр. 106); «Объективно русская революция есть революция буржуазная» (Д. Далин. После войн и революций. Берлин, 1922, стр. 8); «Социальное содержание русской революции не могло быть иным, как буржуазно-демократическим» (Ф. Дан. «Социалистический вестник». Берлин. 1925, № 23/24, стр. 5).

[46] См. В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. I. Париж. 1933, стр. 323.

ва» (стр. 133). Между тем из изложения Г. И. Злоказова видно, что разногласия между меньшевистскими членами исполкома были только «словесными», ибо все они были объединены поисками такой формулы по вопросу о войне и мире, которая могла бы замаскировать завоевательные планы русской буржуазии. Для этого не только «левые» члены исполкома, но и «правый» Церетели предлагали потребовать от Временного правительства опубликования декларации об отказе от всяких аннексий и контрибуций. И достаточно было Временному правительству вставить в текст своей декларации после фразы «цель свободной России — не господство над народами, не отнятие у них национального достояния» слова «не насильственный захват чужих территорий», как большинство членов исполкома, не исключая и «левых» Ю. Стеклова и Н. Суханова, выразило полное удовлетворение этой ничего не значащей словесной уступкой.

На деле же, как справедливо замечает и сам автор, в декларации не было и намека на разрыв с империалистическими целями русской буржуазии и ее западных союзников. Лицемерно заявляя об отказе от господства над чужими народами, Временное правительство далее заверяло, что будет полностью соблюдать обязательства, принятые в отношении союзников. Это означало, что тайные договоры, заключенные царским правительством с союзниками, например, о разделе Турции или Австро-Венгрии, сохраняли свою силу. Поэтому следует строго отличать бессознательное «революционное оборончество» обманутых буржуазией широких народных масс, которые *«действительно* от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают»[46], от «революционного оборончества» эсеро-меньшевистских лидеров Петроградского Совета, сознательно поддерживавших империалистическую политику Временного правительства, но прикрывавших эту политику эффективными «интернационалистскими» фразами о борьбе за демократический мир и всеобщее разоружение.

Нет необходимой четкости и в статье А. Я. Грунта. Автор мобилизовал новый фактический материал о возникновении, составе и деятельности Комитета общественных организаций в Москве. Но, поставив в центр своего исследования вопрос о том, правильно ли поступили московские большевики, войдя в состав Комитета общественных организаций, он, в сущности, не дал на него ясного ответа. Автор полагает, что вхождение представителей московской партийной организации в Комитет общественных организаций «едва ли может быть признано правильным», так как «сколько-нибудь серьезного влияния на ход дел в Комитете большевики оказать не могли, но иллюзии насчет возможности сотрудничества с буржуазией этим шагом были посеяны и преодолевать их в дальнейшем приходилось с немалым трудом. С другой стороны, это ослабляло силу и авторитет Совета рабочих депутатов, снижало его возможности выступать и действовать в качестве органа власти рабочих и крестьян» (стр. 165). Однако никаких фактов, подтверждающих, что серьезного влияния на ход дел в Комитете общественных организаций большевики не оказывали, А. Я. Грунт не привел. Он детально изложил малейшие нюансы в поведении буржуазных лидеров Комитета, но, говоря о деятельности представителей Московской большевистской организации в Комитете, ограничился лишь беглым упоминанием, что от рабочих организаций в исполком Комитета были избраны большевики С. С. Белоруссов (заменен В. П. Ногиным) и И. И. Егоров и что Ногин вошел в президиум исполкома Комитета в качестве товарища председателя (стр. 157).

Вместе с тем А. Я. Грунт считает, что вхождение большевиков в Комитет общественных организаций было следствием их нечеткой позиции, которую они занимали довольно продолжительное время по отношению к Временному правительству (поддержка «постольку-поскольку», «давление», «контроль» и т. д.). Такая позиция, в свою очередь, была, по мнению автора, результатом «бессознательно доверчивого» отношения большевиков к буржуазии[47]. При этом он ссылается на доклад В. И. Ленина на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 апреля 1917 года. Но В. И. Ленин, говоря о большевиках, обнаруживавших доверчивость к Временному правительству, имел в виду, как нам кажется, группу В. С. Войтинского — П. Н. Севрука, а также Л. Б. Каменева, которые на Всероссийском совещании партийных работников 27 марта — 2 апреля 1917 г. действительно настаивали на поддержке Вре-

[46] В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 160.

[47] «Московские пролетарии, как и российский пролетариат в целом,— пишет А. Я. Грунт,— проявили бессознательно доверчивое отношение к буржуазии. Не избежали этого и большевики» (стр. 164).

менного правительства. Что касается Бюро ЦК и Петербургского комитета РСДРП (б), то они неоднократно заявляли о контрреволюционной природе Временного правительства, являвшегося «классовым представительством крупной буржуазии и крупного землевладения», о недопустимости каких-либо соглашений с ним и о необходимости борьбы за создание Временного революционного правительства. На заседании Петроградского Совета 2 марта депутаты-большевики подвергли суровой критике соглашение исполкома Совета с Временным комитетом Государственной думы и потребовали, чтобы Совет объявил себя Временным революционным правительством. Но за предложение большевиков проголосовало лишь 19 депутатов (из 400). На следующий день, 3 марта, Петербургский комитет РСДРП, считаясь с резолюцией Совета, заявил о «непротиводействии» власти Временного правительства. Вслед за тем и Бюро ЦК РСДРП(б), признавая неспособность Временного правительства разрешить задачи, выдвинутые революцией, в то же время допускало, что при условии «постоянного давления» и «решительного контроля» со стороны Советов можно заставить это правительство осуществить основные требования революционного народа, не только отказаться от всяких завоевательных планов, но немедленно и открыто предложить всем воюющим государствам демократический мир на основе самоопределения наций [48]. Такая непоследовательная, противоречивая позиция, кстати сказать, быстро исправленная после приезда В. И. Ленина в Петроград, не дает оснований для обвинения большевиков «в бессознательно доверчивом отношении к буржуазии». Скорее ее можно объяснить опасением, что открытое и резкое выступление против эсеровско-меньшевистского большинства в Советах не будет правильно понято широкими массами.

[48] См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М. 1957, стр. 106—107.

Подводя итог, можно сказать, что в ряде статей сборника введены в научный оборот и правильно истолкованы новые исторические факты, значительно углубляющие наши представления о различных аспектах Февральской революции. В то же время некоторые авторы уклонились в сторону преувеличения элементов стихийности в массовом революционном движении и недооценки идейного и организационного воздействия большевистской партии на это движение. Это привело их, как мы пытались показать выше, к неправомерным и несостоятельным в научном отношении выводам.

Появление в сборнике такого рода ошибочных положений может отрицательно сказаться на научной разработке проблем Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций. Вскрытие допущенных ошибок, их научная критика и быстрейшее преодоление являются сейчас одной из важнейших и неотложных задач советских историков. Решение ее будет способствовать развертыванию борьбы с буржуазными фальсификаторами истории, которые всячески преувеличивают элементы стихийности в рабочем движении для обоснования своих попыток умалить в нем руководящую роль Коммунистической партии.

Е. Д. Черменский

А. Н. САХАРОВ, С. М. ТРОИЦКИЙ. *Живые голоса истории*. М. Изд-во «Молодая гвардия». 1971. 320 стр. Тираж 65 000. Цена 1 руб. 22 коп.

В эпоху научно-технической революции, когда наука превратилась в непосредственную производительную силу, легко объяснима необходимость ознакомления широких слоев народа с достижениями науки и техники. В связи с резким расширением контингента читателей особо важное значение приобретают научно-популярные книги. Среди них вызывают интерес работы, живые и яркие по стилю изложения, доходчивые и простые по форме, глубокие по своему научному содержанию, имеющие высокую информативную плотность, зовущие к размышлениям. Особенно нужны подобные книги, адресованные молодежи, ибо они формируют мировоззрение, учат научной логике, самостоятельному мышлению, отвечают целям коммунистического воспитания.

Высокие требования, предъявляемые к научно-популярной литературе, большие трудности создания книг занимательных и увлекательных, с одной стороны, простых и доступных для усвоения малоподготовленным читателем, но не теряющих при этом своего научного значения,— с другой, значительно сужают круг авторов, обращаю-

щихся к решению благородной задачи популяризации науки и ее достижений. Историки-профессионалы остаются пока в большом долгу перед советским читателем и в особенности перед молодежью. Правда, можно было бы назвать ряд удачных произведений, но, посвященные отдельным проблемам, порой узким вопросам или сюжетам, они не в состоянии удовлетворить глубокий и всеобщий интерес к историческому прошлому нашей Родины в целом. Поэтому очень своевременными и важными являются предложения академиков С. Д. Сказкина, Б. А. Рыбакова и И. И. Минца о расширении круга чтения юного читателя, о необходимости создать для него специальную серию научно-популярных книг по единому плану и призыв чл.-корр. АН СССР Ю. А. Полякова к историкам строго соблюдать научный подход при обращении к этому жанру [1].

С этой точки зрения привлекает внимание книга А. Н. Сахарова и С. М. Троицкого. Можно спорить об ее архитектонике, диспропорциональности ее отдельных разделов, говорить об известной и неизбежной субъективности в отборе материала и т. п. Но бесспорно одно: создано полезное, яркое, запоминающееся и оригинальное произведение, пробуждающее (что соответствует авторскому замыслу) «живой и непосредственный интерес к исторической науке вообще» (стр. 10). Книга учит (и в этом ее главное воспитательное значение) любви к Родине, к ее истории. Вступительная статья совершенно правомерно озаглавлена «Почему мы любим историю?». Но любовь к Родине не может быть абстрактной. И книга учит любви конкретной: к родным уголкам, труду, русской песне, народному героизму — всему тому, что составляет в совокупности историю народа. Она учит и ненависти: к несправедливым войнам, к захватчикам, к различным проявлениям социального гнета и эксплуатации.

Авторы раскрывают отдельные стороны отечественной истории, повествуют о сюжетах, связанных с некоторыми наиболее важными событиями: образование и внешняя политика Киевской Руси, борьба против иноземных захватчиков в XIII в., революционное движение XVII — XIX вв., революция 1905 г., Февральская революция 1917 г., Великая Октябрьская социалистическая революция, гражданская война, строительство социализма в СССР, Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Увлеченность авторов невольно захватывает читателя и передается ему.

Другой особенностью книги является оригинальность композиционного решения. Не преследуя цели создать «единую и цельную историческую панораму», авторы удачно сосредоточили в нескольких разделах («На охране рубежей русских», «Как жили наши предки», «За вольность, за счастье народное», «В борьбе за власть Советов, за социализм») материалы, представляющие «отдельные исторические картины» народной жизни. Таким образом, раскрытие кардинальной темы — народ и история — составляет главное идейное содержание книги.

Третьей особенностью книги является то обстоятельство, что она рассчитана прежде всего на думающего читателя и «наталкивает его на первые начала серьезной науки». В этом отношении авторы руководствуются ценнейшими методологическими указаниями В. И. Ленина о популяризации науки. Противопоставляя популяризацию популярничанью или вульгаризации, В. И. Ленин считал, что «популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные *выводы* из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, — напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и *помогает* ему делать эту серьезную и трудную работу, *ведет* его, помогая ему делать первые шаги и *уча* идти дальше самостоятельно» [2]. «Живые голоса истории» содержат обильный материал для подобного учения и для размышлений, заставляют думать о путях и методах решения некоторых исторических задач и загадок, ведут от осмысления отдельных фактов и явлений к раскрытию таинств исторического обобщения, учат проводить социальный и нравственный анализ. Книга проникнута глубоким уважением и доверием к читателю. Она вводит его в чудесный мир истории, рассказывает о достижениях исторической науки, открытиях ученых, радуется успехам, упо-

---

[1] «Вопросы истории», 1971, № 2, стр. 201; 1972, № 6, стр. 190.

[2] В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 358.

минает о спорных, дискуссионных и нерешенных вопросах, а главное, подводит к неизбежному выводу о закономерных связях прошлого, настоящего и будущего, о преемственности поколений. «Продолжать создание истории послевоенных дней нашей Родины,— пишут А. Н. Сахаров и С. М. Троицкий в заключение,— предстоит не только сегодняшнему поколению историков, но и тем, кто нынче еще сидит за школьной партой» (стр. 316).

Обучение азам исторической науки на современном этапе ее развития и квалифицированное изложение основных сведений по избранному авторами плану достигается с помощью целого ряда выразительных научных и художественных средств и приемов. Каждый тематический «блок» книги заполнен разнообразными по стилю, жанру и другим особенностям материалами. Здесь лаконичные вводные комментарии к разделу в целом и к его отдельным частям, беллетризированные научно-популярные очерки, исторические справки и заметки, «ответы на вопросы», исторические документы, краткое содержание некоторых замечательных исторических памятников, иллюстративные материалы. Несмотря на привлечение и использование обширных, в основном опубликованных исторических документов и исследований, авторам удалось избежать злоупотребления «хрестоматийными» примерами. При всей кажущейся «пестроте» различных материалов все они подчинены единой и стройной системе отбора и органически вписываются в общую ткань книги. Разделы открываются небольшими авторскими вставками, раскрывающими главные черты того или иного исторического периода или события. Например, краткая характеристика противоречий феодальной эпохи и понятие о справедливых и несправедливых войнах предшествуют очерку о походах Святослава; перед рассказом о крестьянских войнах под предводительством И. И. Болотникова, С. Т. Разина и Е. И. Пугачева сообщается о формах и существе антифеодальной борьбы.

К несомненным творческим удачам книги следует отнести научно-художественные очерки. Чувство меры и хороший литературный вкус не изменили авторам и при изображении эмоционально окрашенных, исторически достоверных, занимательных картин русской истории. Таковы очерки «Оборона Рязани», «Страдные дни крестьянина XVII в.», «Дозор на засечной черте», «Посольство Ивана Грозного в Англию», «Крах нэпмана Николая Кузьмина» и другие. Живые диалоги в них сменяются повествованиями или небольшими исследованиями, например, о Ф. Каржавине, движении декабристов, народовольцах. Большое познавательное значение имеют ономастические, топонимические и этимологические заметки («Как появилось слово «авось», «Почему нас так зовут?», «Знаешь ли ты свой край?»), исторические справки («Были ли скифы предками славян?», «Когда в России появился оперный театр?», «Когда впервые в России было поднято красное знамя?»), материалы по геральдике («О чем рассказывают гербы», «Символ века»).

Особое внимание в книге уделено публикации исторических документов. Делается это тремя способами: изложение содержания памятника с цитированием части подлинного текста («Домострой», «Юности честное зерцало»); воспроизведение документа с комментариями к нему («Азбука о голом и богатом человеке», «Плач холопов»); приведение источников без сопроводительного текста в тех случаях, когда их содержание особенно колоритно. Так, величие подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. убедительно раскрывают документы о битве под Москвой, партизанские листовки, письма и записки погибших защитников Родины.

Многочисленные иллюстративные материалы не только дополняют и оживляют текст, но в ряде случаев имеют и самостоятельное источниковедческое значение. Книга (со вкусом оформленная художником Д. Шимилисом) богато иллюстрирована рисунками, схемами, фотографиями археологических памятников, музейных экспонатов, документов, миниатюр, лубочных картин, старинных гравюр, титульных листов редких книг, портретов исторических деятелей.

Отдельные недостатки книги не являются существенными. Целесообразно было бы привести в ней рекомендательный список научно-популярной литературы по отдельным разделам и темам. Следовало бы шире прибегать к комментированию, так как не все старинные термины, встречающиеся в публикуемых документах, понятны без объяснений современному читателю.

Л. А. Гольденберг

П. П. ТОЛОЧКО. *Історична топографія стародавнього Києва. (Друге стереотипне видання)*, Київ. «Наукова думка». 1972. 220 стор. Тираж 12 000. Ціна 1 карб. 42 коп.

П. П. ТОЛОЧКО. *Историческая топография древнего Киева.*

Киев издавна привлекает к себе внимание исследователей. Русские летописцы и западноевропейские хронисты X—XIII вв. неоднократно выражали удивление по поводу размеров этого города, восхищались его красотой и величием, называли Киев соперником Константинополя — одного из величайших городов средневековой Европы. Однако и до сих пор во многих отношениях средневековый Киев представляет загадку. Почти нет данных о площади, которую он занимал в древности, о планировке его улиц, о численности жителей, о жилых и хозяйственных постройках, принадлежавших различным социальным категориям, о динамике развития города и о многом другом.

Научный сотрудник Института археологии АН УССР, кандидат исторических наук П. П. Толочко предпринял попытку решить один из сложных и запутанных вопросов — вопрос о социальной топографии Киева на отдельных этапах его существования. С этой целью он широко использовал труды ученых, в которых речь идет о топографических особенностях Киева, тщательно проанализировал летописные и актовые материалы, свидетельства иностранных авторов, описания Киева XVII—XVIII вв., географические планы города XVII—XIX вв., а также многочисленные археологические и нумизматические данные. Автор лично участвовал в раскопках отдельных районов Киева, что также положительно сказалось на его работе.

Рассматривая естественно-географическое положение и исторические предпосылки возникновения Киева, автор установил, что территория, которую занимал тогда город, в микрогеографическом и топографическом отношениях не имела себе равных во всем Среднем Поднепровье. Господствовавшая над округой Киевская возвышенность была во многих местах изрезана реками и ручьями, создававшими вместе с глубокими оврагами естественные укрепления для поселений, расположенных на киевских горах, причем устья некоторых рек представляли собой вместительные гавани. Автор показывает, что Киев являлся одним из важнейших ключевых пунктов Восточной Европы, запиравшим водные пути, шедшие на север и на юг, на запад и на восток. В этом П. П. Толочко видит одну из главных причин возникновения столицы Древней Руси в районе Киевской возвышенности. И с ним можно согласиться. В VI—XIII вв., когда большая часть Восточной Европы была покрыта густыми, труднопроходимыми лесами, основными магистралями, связывавшими отдельные районы Руси, становились реки и озера. В этих условиях владетели Киева могли контролировать не только торговую и военно-экспедиционную деятельность соседних с полянами племен и народностей, но и великий путь «из варяг в греки», имевший общеевропейское значение. П. П. Толочко отмечает и то обстоятельство, что полянская земля, центром которой был Киев, находилась на стыке различных восточнославянских племен и как бы связывала их между собой. Исходя из всего этого, автор делает верное заключение, что Киев своим возвышением обязан, кроме политических причин, географическим и этнографическим особенностям его месторасположения.

П. П. Толочко приходит к выводу что самое раннее славянское поселение, образовавшееся в районе Киева, располагалось на горе Киселевке, и датирует его появление VI—VIII веками. Он называет это поселение «плацдармом», с которого началось освоение людьми Киевской возвышенности. Городище на Старокиевской горе П. П. Толочко относит к VII—VIII столетиям, причем доказывает, что уже в то время было заселено не только плато горы, но и его склоны. Основываясь на археологических находках, исследователь считает, что в третьей четверти I тысячелетия были заселены также гора Детинка и частично Подол. По его мнению, центральную часть раннего Киева представляли детинцы на горах Киселевке и Старокиевской, а древний посад размещался на склоне Старокиевской горы и на Подоле (стр. 54, 202). Вполне правомерно предположение П. П. Толочко, что Киев VI—VIII вв. по своей внутренней структуре походил на такие из-

вестные по археологическим изысканиям поселения, как Зимно, Хотомель, Плисneск, Пастырское, с. Микульчицы. Автор замечает, что «территория, занятая находками первой половины I тысячелетия, в десятки раз превышает территорию, занятую находками третьей четверти» (стр. 202). Однако это интересное явление П. П. Толочко не объясняет.

Четко выделяется в книге историческая топография Киева VIII—X веков. Автор умело анализирует массовый археологический материал, в то же время он полностью использует и скудные летописные даные, касающиеся этого периода. П. П. Толочко активно оспаривает мнение некоторых исследователей, утверждавших, что вплоть до княжения Владимира Святославича княжеская часть города полностью размещалась на плато Старокиевской горы (стр. 55). Отстаивая свою мысль о том, что уже в первой половине X в. Киевский детинец выходил из рамок плато, автор обращает внимание на теремной двор княгини Ольги, упоминаемый летописью под 945 г. и расположенный в районе будущей Десятинной церкви. Он не соглашается и с акад. М. Н. Тихомировым, утверждавшим, что торгово-ремесленный посад Киева Подол был заселен не ранее конца X века [1]. П. П. Толочко не пишет, какая часть Подола была заселена в IX—X вв., однако уверяет, что в это время люди на Подоле уже проживали. Убедительно доказывает он и то, что выдвинутый В. П. Петровым в 1964 г. тезис о трехчленном социальном делении Киевского детинца конца X в. [2] не находит подтверждения ни в археологических, ни в письменных источниках.

Детально изучив рельеф древнего Киева по топографическим картам XVIII—XIX вв., автор заключает, что из множества реконструкций «города Ярослава» наиболее удачной является реконструкция А. М. Тихонович и М. М. Ткаченко, хотя и этот вариант нуждается в уточнении. По его мнению, «Город Изяслава — Святополка» (Михайловская гора) был отделен от «Города Ярослава» высоким валом и глубоким рвом и представлял собой особо укрепленный участок древнего Киева (стр. 105—106). Проанализировав летописные записи, а также использовав граффити на стенах Софийского собора, обнаруженные С. А. Высоцким [3], автор убедительно доказывает, что сооружение «Города Ярослава» следует относить не к 1037 г., а к первой половине княжения Ярослава Мудрого в Киеве. Он считает 1037 г. временем завершения многих построек, перечисленных летописью, а также годом закладки церквей св. Георгия и св. Ирины, что и отмечается в «Повести временных лет». Эти изыскания являются важным вкладом в изучение строительной деятельности Ярослава Мудрого.

Путем картографирования кладов золотых и серебряных вещей, а также анализа летописных известий П. П. Толочко пытается решить некоторые вопросы социальной топографии средневекового Киева. Он локализует местоположение ряда княжеских и боярских дворов, а также монастырских подворий и в некоторых случаях определяет их площадь. Много внимания уделено в книге исторической топографии Подола. По подсчетам П. П. Толочко, в XI—XIII вв. он занимал площадь порядка 180 га и был хорошо укреплен. Автор не только определяет место, где располагалось подольское торжище, но и подсчитывает его примерную площадь (5—6 га). Устанавливает он и площадь Копырева конца — одного из посадов Киева XI—XIII вв. (около 40 га). По его мнению, эта часть города имела дворовый характер планировки и была также укреплена земляными валами.

По подсчетам автора, территория Киева XI—XIII вв. приблизительно равнялась 360—380 га. Он считает, что древний Киев состоял из отдельных дворов, средняя площадь каждого из которых равнялась 200 кв. м. Всего таких дворов на территории Киева и близких его пригородов должно было быть около 9 тысяч. Предполагая, что в каждом дворе проживала семья, в среднем состоявшая из 5 человек, П. П. Толочко делает вывод, что Киев в тот период насчитывал примерно 45 тыс. жителей (стр. 174). По-видимому, автор занижает численность населения Киева XI—XIII веков. Он не учитывает, что городская территория жестко лимитировалась тогда валами, рвами, стенами и башнями и что горожанам приходилось строить жилые постройки в несколько ярусов. Такие двух- и трехэтажные здания были в большом количестве обнаружены при раскопках Новгорода [4].

---

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1945, стр. 25.

[2] В. П Петров. Історична топографія древнього Києва. Сб. «Історичні джерела та їх використання». Т. I. Київ. 1964, стр. 124.

[3] С. О. Висоцький. Графіті та споруджения Київської Софії.— «Український історичний журнал», 1966, № 7.

[4] П. И. Засурцев. Новгород, открытый археологами. М. 1967, стр. 50, 143 и др.

Думается, что в Киеве в изучаемое время многоярусные жилые постройки также имелись. Наверняка такими были дворцы феодалов. Поэтому в среднем в киевских дворах проживало, очевидно, не по 5 человек, а больше.

Особняком в книге П. П. Толочко стоит раздел «Киев XI—XIII ст.— центр Руси». Он не имеет прямого отношения к исторической топографии древнерусской столицы. Здесь автор пытается доказать, что в XII — начале XIII в. на Руси не было феодальной раздробленности, а Киев продолжал сохранять значение ее политического центра. П. П. Толочко не признает, что после смерти Мстислава Великого (в 1132 г.) произошло ослабление великокняжеской власти. По его словам, и преемник Мстислава Ярополк Владимирович и Всеволод Ольгович, княживший в Киеве в 1140—1146 гг., распространяли свою власть буквально на все русские области. С этими положениями трудно согласиться. Они противоречат имеющимся письменным источникам [5] и расходятся с общепризнанным мнением историков.

В целом же книга П. П. Толочко является серьезным исследованием, проливающим свет на одну из важных страниц истории Древней Руси.

О. М. Рапов

[5] См. Ипатьевская летопись под 6641—6654 гг.; Лаврентьевская летопись под 6640—6654 гг.

«Международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение». М. Изд-во «Мысль». Ч. I (60—80-е годы XVIII в.— 1939 г.). Ответственные редакторы Л. А. Бидинская, З. А. Замыслова. 1970. 333 стр. Тираж 16 700. Цена 54 коп. Ч. II (1939—1970 гг.). Ответственный редактор С. П. Сурат, зам. ответственного редактора Л. А. Бидинская. 1971. 559 стр. Тираж 29 000. Цена 86 коп.

Нелегкую и ответственную задачу взял на себя авторский коллектив рецензируемого пособия [1] —изложить сложную и многообразную историю международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Ее выполнение осложнялось специфическим назначением издания, адресованного слушателям, обучающимся заочно. Следует подчеркнуть, что авторский коллектив в основном справился со своей многотрудной задачей.

Во «Введении» к первой части учебного пособия определяются теоретические основы, предмет и задачи курса. В первых трех главах этой части пособия освещается международное рабочее движение в периоды домонополистического капитализма, его перерастания в империализм и утверждения этой стадии развития капитализма, то есть с середины XVIII в. и до 1918 года. В этих главах характеризуется формирование промышленного пролетариата в странах Европы и США, кратко освещаются его первые самостоятельные выступления, описывается возникновение и развитие марксизма, создание и деятельность I Интернационала, история Парижской коммуны, история II Интернационала с момента его организации и до краха в годы первой мировой войны. Большое место здесь уделено перемещению центра революционного движения в Россию, влиянию первой русской революции 1905—1907 гг. на международное рабочее движение, борьбе марксистов во главе с В. И. Лениным против оппортунизма во II Интернационале и за создание III, Коммунистического Интернационала. В главе IV читатель знакомится с характерными чертами национально-освободительного движения в домонополистическую эпоху, с мощными выступлениями народов Азии и Африки против колонизаторов в начале XX века. Здесь же сжато излагается определение К. Марксом и Ф. Энгельсом исторического места национально-освободительных движений, дальнейшее развитие В. И. Лениным идей К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросам теории и тактики освободительной борьбы на-

[1] Авторы I части: О. И. Бершадская, Л. А. Бидинская, И. Ф. Горин, З. А. Замыслова, А. Д. Шутов; II части: В. В. Александров, О. И. Бершадская, Л. А. Бидинская, И. И. Гаршин, И. Ф. Горин, З. А. Замыслова, С. П. Сурат.

родов колониальных и зависимых стран, ее превращения в составной элемент единого мирового революционного процесса.

Вторая половина первой книги охватывает период от Великой Октябрьской социалистической революции и до начала второй мировой войны. В ней характеризуется коренной поворот в развитии международного рабочего и национально-освободительного движения в результате Великой Октябрьской социалистической революции, ее международный характер, образование коммунистических партий и Коминтерна, его деятельность в годы революционного подъема (1919—1923 гг.). Затем излагается история коммунистического и рабочего движения в годы временной частичной стабилизации капитализма и в период мирового экономического кризиса, борьба Коминтерна за идейное и организационное укрепление компартий, борьба компартий за единый рабочий и Народный фронт, против фашизма и войны. Книгу завершает глава о подъеме национально-освободительного движения на первом этапе общего кризиса капитализма. В этой части учебного пособия убедительно показана огромная роль В. И. Ленина в создании Коминтерна, выработке его программных документов, оказании помощи молодым коммунистическим партиям, передаче им опыта большевиков, беспощадной и упорной борьбе с правым оппортунизмом и с «левыми» уклонистами. Одновременно в книге подчеркивается положительный вклад ряда компартий в разработку стратегии Коминтерна, в развитие тактики международного коммунистического движения.

Нельзя пройти мимо некоторых недостатков этой части пособия. Главный из них заключается в том, что авторы слишком часто оперируют сжатыми определениями и готовыми формулами, верными сами по себе, но не раскрытыми ни с помощью логической аргументации, ни на конкретном материале. Это относится, например, к определению сущности движения луддитов (стр 18), различиям между американским и прусским путями развития капитализма в сельском хозяйстве (стр. 46), характеристике ревизионизма в международном рабочем движении в начале XX в. (стр. 57). То же обстоятельство привело к нечеткому изложению причин раскола в социалистическом движении во Франции на рубеже XIX—XX вв. (стр. 81, 102). В слишком общем виде — буквально в трех строках — изложены известные 21 условие приема в Коминтерн (стр. 214). В пособии правильно отмечено засилье реформизма и влияние буржуазной идеологии на большинство американских рабочих в 1930-х годах (стр. 303), но не объяснены причины этих явлений, коренившихся, как известно, в социально-экономических, политических и национальных факторах развития США. Что может сохраниться в памяти читателя от характеристики Ганди и гандизма, которая уместилась в абзаце из трех фраз (стр. 310)? Между тем программа курса требует от слушателей развернутых знаний по этим вопросам. Еще один пример того же рода. Отмечая, что в годы временной частичной стабилизации капитализма национально-освободительное движение продолжает нарастать, авторы далее пишут, что в основе этого явления «лежали социально-экономические процессы, которые вели к росту прогрессивных сил» (стр. 311). Однако в чем эти процессы заключались, не конкретизируется.

Некоторые важные исторические события и теоретические положения освещены в книге с недостаточной полнотой и ясностью. Так, в пособии лишь вскользь упоминается о захвате фашистами власти в *Италии* в 1922 г. (стр. 197), о росте фашистской опасности в Германии в 1927 г. (стр. 242). Нигде, даже в разделе о VII конгрессе Коминтерна, нет развернутой характеристики классовой базы и сущности фашизма. Крайне лаконично, явно в ущерб содержанию, изложена борьба прогрессивных сил Китая с гоминьдановской реакцией в 1927—1937 годах. Неоднократно отмечая роль в этой борьбе китайских Советов, авторы в то же время не дали их четкой социально-политической характеристики.

С некоторыми оценками описываемых в книге исторических событий и явлений трудно согласиться. Так, не вполне правильно характеризуются действия правой группировки гоминьдана во главе с Чан Кай-ши, спровоцировавшей 20 марта 1926 г. инцидент в целях вытеснения коммунистов и левых гоминьдановцев с руководящих постов и закрепления гегемонии буржуазии в национальной революции. Этой цели Чан Кай-ши добился благодаря тому, что на его стороне был перевес сил, а в известной степени и вследствие оппортунистической позиции тогдашнего секретаря ЦК КПК Чэнь Ду-сю, неуклонно проводившего политику уступок в отношении китайской национальной буржуазии в лице правого кры-

ла гоминьдана [2]. В пособии же утверждается, что «провокационные действия (Чан Кай-ши.— *А. С.*) получили отпор трудящихся, и Чан Кай-ши вынужден был отказаться от своих намерений...» (стр. 318). В книге правильно отмечается, что в 30-х годах в КПК в связи с изменением ее состава «в рядах партии и особенно в руководящих органах ее усилились мелкобуржуазные националистические настроения» (стр. 325). Но это обязывало авторов остановиться на обстоятельствах захвата Мао Цзэ-дуном и его сторонниками руководства партией, в том числе и на известном расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в январе 1935 г. в Цзуньи. Однако этот важный факт в книге даже не упомянут. Вообще вопрос о борьбе двух тенденций — интернационалистской и националистической — в руководстве КПК в первой части пособия не раскрыт. Между тем освещение этой борьбы крайне важно для понимания истоков сегодняшнего политического курса группы Мао Цзэ-дуна.

К сожалению, в работу вкрались фактические неточности. Искажено название печально известной книги Э. Бернштейна. Вместо «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» напечатано «Предпосылки социализма и наши задачи» (стр. 75). Эльзас и Лотарингия характеризуются как провинции, богатые углем и железом (стр. 75). Между тем известно, что они (преимущественно Лотарингия) богаты только железом. Видный деятель правого крыла германской социал-демократической партии и многолетний председатель социал-демократической фракции рейхстага Ф. Шейдеман назван лидером профсоюзного движения (стр. 118). В книге утверждается, что Германия захватила на Тихом океане Маршалловы и Каролинские острова в 1900 г. (стр. 144). На самом деле Германия купила у Испании Марианские (кроме о. Гуам, захваченного США в 1898 г.) и Каролинские острова в 1899 году. Маршалловы же острова Германия аннексировала еще в 1885 году.

Стремление к краткости изложения в ряде случаев (особенно в первой части пособия) привело к упрощенному изложению некоторых существенных вопросов. Это, в частности, относится к характеристике центризма в различных странах (стр. 100), к анализу событий гражданской войны и интервенции фашистских держав в Испании в 1936—1939 гг. (стр. 296—297).

Вторая часть пособия открывается главой, посвященной борьбе народов против фашизма и колониального гнета в годы второй мировой войны. В главах II—IV характеризуется образование и развитие мировой социалистической системы, народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии. В главе V дана сжатая, но достаточно выразительная картина бурного развития и успехов мировой системы социализма, превращения ее в 50—60-х годах в главную революционную силу современности. Авторы стремятся объяснить причины возникновения в некоторых странах трудностей в социалистическом строительстве, причем внимание читателя обращено на показ путей и средств их преодоления при решающей интернационалистской поддержке, неизменно оказываемой Советским Союзом. В параграфе, характеризующем современное положение в КНР, справедливо подчеркивается связь между нынешним внешнеполитическим курсом китайских лидеров и развертыванием империалистическими кругами США агрессивной войны против народов Индокитая (стр. 123).

Вызывает замечание структура главы V. Было бы более целесообразным поместить раздел «Значение успешного коммунистического строительства в Советском Союзе для укрепления мировой социалистической системы», в котором речь идет о факторе основополагающей значимости, не в заключительную часть главы, а в самое ее начало. Жаль, что в этой же главе отсутствует материал о развитии Югославии в конце 50—60-х годах.

Глава VI — «Характерные черты коммунистического и рабочего движения в империалистических странах после второй мировой войны» — является как бы вводной к последующим шести главам второй части пособия, в которых излагается история коммунистического и рабочего движения во Франции, Италии, Англии, ФРГ, США и Японии в 1945—1970 годы. Аналогичную роль играет глава XIII — «Национально-освободительные революции и крах колониальной системы империализма после второй мировой войны» — по отношению к XIV—XVII главам, в которых борьба народов за национальную независимость рассматривается по регионам (Южная и Юго-Восточ-

---

[2] См. М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М. 1968, стр. 312—322.

ная Азия, Африка, Латинская Америка) и группам стран. Предпоследняя глава учебного пособия «Борьба за единство рабочего класса и деятельность международных рабочих и демократических организаций» содержит характеристику Всемирной федерации профсоюзов, Международной демократической федерации женщин, Всемирной федерации демократической молодежи, различных международных объединений реформистского толка (Социалистический интернационал, Конференция социалистов Азии, Международная конфедерация свободных профсоюзов) и «обновленческого движения» в католической церкви.

В последней главе показано развитие и укрепление мирового коммунистического движения после второй мировой войны, создание и деятельность Информационного бюро некоторых коммунистических и рабочих партий, московские Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг., успехи и трудности в мировом коммунистическом движении после 1969 года. В особый параграф выделена тема «XXIV съезд КПСС о современном международном развитии, о борьбе за сплоченность всех революционных сил».

Несомненным достоинством второй части пособия является наличие широкого исторического фона, на котором изложены основные события международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Умелый отбор исторических фактов, описание важнейших явлений социально-экономического и политического характера придают убедительность и органичность изложению основного учебного материала.

Всему изданию присущи нормативность, лаконичность, наличие необходимого справочного материала, то есть те качества, которые необходимы учебному пособию. Однако при его переиздании было бы крайне желательно учесть замечания, высказанные выше, а также включить в пособие характеристику социально-психологического фактора, столь важного для объяснения особенностей классовой борьбы отдельных отрядов современного пролетариата. Появление за последние годы таких обобщающих изданий, как «Великий Октябрь и мировой революционный процесс» (М. 1967), «Ленинизм и мировое революционное движение» (М. 1969), в значительной мере облегчает выполнение этой задачи. Другое пожелание — несколько расширить пособие за счет включения в него характеристик видных деятелей современного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Целесообразно было бы там, где это возможно, указывать численность компартий и привести сводные статистические данные не только на 1960 г. (стр. 505), но и за последующее десятилетие.

А. С. Силин

Т. М. ИСЛАМОВ. *Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны 1906—1914.* М. Изд-во «Наука». 1972. 392 стр. Тираж 1 200. Цена 1 руб. 76 коп.

Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны представляет не только научный, теоретический, но и практический интерес. Опыт пролетариата в Венгрии в 1906—1914 гг., уроки его политической борьбы имеют важное значение для понимания процессов, происходивших в международном рабочем движении накануне первой мировой войны. По-видимому, этим и объясняется тот факт, что кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР Т. М. Исламов основное место в своей работе уделил освещению борьбы рабочего класса, его партии, идеям и делам ее руководителей, течениям в социал-демократической партии (СДП), тщательному анализу выкристаллизовавшегося тогда в ней левого крыла во главе с Э. Сабо, а затем Д. Алпари.

Основным содержанием политической борьбы в те годы была не только борьба господствовавших в Венгрии классов помещиков и буржуазии с революционным движением рабочего класса, но и части господствовавших классов, ориентировавшейся

на сохранение Венгрии в составе двуединой Австро-Венгерской монархии со сторонниками ограничения связей Венгрии и Австрии только персональной унией, то есть общей династией. Эти противоречия дополнялись разногласиями между венгерскими господствующими классами и австрийскими правящими кругами, вызванными различным экономическим положением двух частей монархии — преимущественно аграрной Венгрии и более развитой в промышленном отношении Австрии.

Значительная часть книги посвящена попыткам урегулирования экономических (таможенные тарифы) и иных отношений между Австрией и Венгрией. В монографии удачно показано отношение к этому конфликту венского двора, в частности императора Франца-Иосифа и престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда.

О сложности избранной Т. М. Исламовым темы свидетельствует и тот факт, что историки ряда стран, в особенности государств, образованных на развалинах Австро-Венгерской монархии после первой мировой войны, в течение последних двух десятилетий интенсивно изучают вопросы, связанные с двуединой монархией, положением отдельных наций и народностей в ее составе. Наряду с солидными монографическими трудами и статьями по частным вопросам — Ф. Пелешкеи, Т. Эрени, Ф. Мучи, Л. Маркуша и др.— созданы и обобщающие труды. Во втором томе «Истории Венгрии» (Будапешт. 1964) уделено внимание и проблемам, изучаемым Т. М. Исламовым. В «Истории венгерского революционного рабочего движения» (Будапешт. 1967), в первом томе ее (изданном на русском языке, 1970 г.), тем же сюжетам отведена специальная обобщающая глава. Упоминая о периодических международных форумах историков, занимающихся этими проблемами, автор подчеркивает, что в результате общих усилий достигнуты не только значительные успехи в изучении эпохи дуализма, но и заметна эволюция во взглядах историков ряда стран. Однако, несмотря на ощутимые результаты, на успехи историков Венгрии и других стран в изучении периода, который исследует Т. М. Исламов, все же пока нельзя утверждать, что история Венгрии первого и начала второго десятилетия нашего века исследована достаточно полно.

Более 20 лет Т. М. Исламов изучает вопросы политической борьбы в Венгрии конца XIX и начала XX века. Он хорошо знаком с литературой, венгерскими и частично австрийскими архивными источниками и является признанным у нас и за рубежом специалистом по новой истории Венгрии. О степени его знакомства с кругом источников и литературы свидетельствует помещенный во «Введении» обширный и содержательный историографический обзор. В нем проанализированы точки зрения ведущих венгерских и других иностранных марксистских и буржуазных, а также советских авторов не только по вопросам, хронологические рамки которых ограничены 1906—1914 гг., но и по проблемам, выходящим за их пределы, охватывающим тему дуализма вообще и относящимся к периоду первой мировой войны в частности. Автору пришлось затратить колоссальный труд, чтобы проанализировать широкий круг работ, принадлежащих перу историков многих стран и политических течений, эволюцию взглядов участников ряда международных форумов.

Почти треть основного текста книги посвящена борьбе партий и классов с 1900 по 1906 г., то есть является как бы вводной частью книги. Еще в 1959 г. Т. М. Исламов опубликовал по данному вопросу капитальную монографию[1]. Новая книга отражает достижения исторической науки за последние годы. Положительным моментом монографии является стремление автора дать глубокий анализ происходивших событий, разобраться в существе внутренних процессов. Это прежде всего относится к тем разделам, где показано социально-экономическое развитие Венгрии в начале XX века.

Какие бы сложные вопросы ни рассматривал Т. М. Исламов, будь то арьергардные бои пролетариата в конце 1906 г., или кризис политики социал-демократической партии, или деятельность коалиционного правительства с его социальной демагогией, или австро-венгерские переговоры, он стремится дать им убедительное объяснение. Характеризуя, например, правительство коалиции и его премьера Векерле, автор подчеркивает, что он был горячим сторонником тесных политических и экономических отношений Венгрии с Австрией и стремился «добиться эволюции партии 1848 г. в партию Соглашения 1867 г., заставить партию независимости принять платформу дуализма» (стр. 166). В другом месте книги показано, как на позицию правительства прямое влияние оказывали руководители деловых

[1] Т. М. Исламов. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М. 1959.

кругов, представители финансовой олигархии, требовавшие учреждения самостоятельной таможни для защиты интересов венгерской промышленности.

Анализируя ход переговоров венгерского и австрийского правительств (осень 1906 г.), путь ликвидации австро-венгерского конфликта, автор подчеркивает, что позиция венгерского правительства в этих переговорах определялась «скорее соображениями престижа, чем политической или экономической целесообразностью» (стр. 169). Он также обратил внимание на то, что правительства стремились использовать эти переговоры для отвлечения внимания народных масс от насущной необходимости проведения социальных и национальных преобразований. «Отсюда многочисленные маневры и контрманевры, к которым охотно прибегала время от времени та или другая сторона» (стр. 173).

Интересны параграфы, в которых освещается позиция генералов, не желавших идти ни на какие уступки Венгрии, а также оценка плана Эренталя, министра иностранных дел Австро-Венгрии (а не австрийского министра, как сказано на стр. 180), надеявшегося спасти монархию путем уступки Венгрии Далмации. Этот план, по мнению Т. М. Исламова, «в конечном счете перекликался с теми проектами преобразования монархии на началах триализма, которые разрабатывались в окружении эрцгерцога» (стр. 183). Именно осенью 1906 г. произошел поворот в сторону усиления практического влияния эрцгерцога Франца-Фердинанда и его окружения на политику монархии (стр. 164). Подтверждает эту мысль и материал параграфа, раскрывающего взаимоотношения Криштофи и Франца-Фердинанда.

В книге в общем скупо говорится о внешнеполитической борьбе, хотя монография посвящена кануну войны. Однако, уделяя основное внимание урегулированию финансово-экономических, политических и юридических разногласий между Австрией и Венгрией, что способствовало временному укреплению дуалистической системы, ухудшило условия борьбы народов монархии за демократию и свободу, автор заключает, что это «развязало руки австро-венгерскому империализму для внешнеполитических экспансий» (стр. 209).

В специальной главе монографии анализируется крах коалиционного режима. Т. М. Исламов обратил внимание на внутреннюю политику правительства, направленную прежде всего против рабочих и их организаций, на преследование национальных меньшинств. Освещается в книге также отношение правительства к аграрному вопросу. Рассмотрены в ней действия ряда партий, в том числе СДП. Кроме того, автор раскрывает историю борьбы рабочего класса за демократизацию страны, ее подъем, вылившийся в 1907 г. в события «красного четверга» 10 октября. Что касается отношения СДП к национальному вопросу, то Т. М. Исламов констатирует, что она не шла дальше признания прав национальностей в области языка. Практически СДП относилась к национальной борьбе угнетенных венграми народов «с не меньшим равнодушием, чем к национальным чаяниям самих венгров, считая национальный вопрос чем-то чуждым для социалистического движения» (стр. 247). По-новому раскрыта в монографии история некоторых буржуазных партий, например, зарождение, цели, программа деятельности буржуазных радикалов (стр. 272). Это важно, если учесть, что, например, в венгерской исторической литературе получило широкое распространение утверждение, что «Кружок Галилея» — партии радикалов — был даже якобы революционнее рабочих организаций, поскольку в него входили некоторые деятели, ставшие впоследствии революционерами.

Оригинальны портретные зарисовки и характеристики ряда видных политических и партийных деятелей, в том числе эрцгерцога Франца-Фердинанда, И. Тисы, К. Куэне-Хедервари, Ф. Кошута, Д. Андрашши, деятеля крестьянского движения А. Ахима и др. Особенно удачно показаны в книге деятели рабочего движения Д. Алпари, центрист Ж. Кунфи, правые Й. Гарами, Й. Динер-Денеш и другие. Автором дана объективная характеристика графа М. Каройи. На этот момент следует обратить внимание и потому, что в вышедшей за последнее десятилетие в Венгрии литературе проявилась тенденция идеализировать эту видную фигуру новейшей венгерской истории и ранний период его деятельности оценивать по более поздним делам.

Содержательное исследование Т. М. Исламова, несомненно, привлечет внимание советских и зарубежных специалистов. Можно лишь пожалеть о том, что заключительные его части написаны с меньшей основательностью, чем остальные. Встречается в нем и ряд неточностей вроде утверждения на странице 78: «Страна была поставлена перед дилеммой: или разорение, или полная

перестройка сельского хозяйства...». И тут же, в этом же абзаце, выясняется, что никакой дилеммы не было, поскольку все решилось компромиссом. В тексте сохранились досадные опечатки, порой искажающие его смысл, как на стр. 339, где профсоюзная газета «Листок плотников» названа «Листком слесарей». Не совпадают названия работ в тексте и в сноске (стр. 11), книги переименованы в статьи, и наоборот (стр. 25 и др.). Не везде автор учел то обстоятельство, что понятия «Венгерская социал-демократия» и «Социал-демократическая партия Венгрии» не идентичны.

А. И. Пушкаш

«Очерки истории культуры МНР». Улан-Удэ. Бурятское книжное издательство. 1971. 492 стр. Тираж 1 000. Цена 3 руб. 71 коп.

«Очерки истории культуры МНР» — обобщающий труд, созданный в связи с 50-летием народной революции в Монголии научными сотрудниками Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР с участием ученых Монголии и преподавателей вузов Улан-Удэ[1]. Кроме того, в написании глав по литературе и музыке принимали участие Л. К. Герасимович (Ленинград) и Б. Ф. Смирнов (Москва). Книга написана на основе анализа источников и большого количества литературы, появившейся в СССР, МНР и других странах.

История культурного строительства в МНР всегда привлекала внимание советских исследователей. Еще в 30-х годах на страницах журнала «Современная Монголия» были опубликованы статьи по данной проблематике. Ряд серьезных работ по отдельным ее вопросам вышел в 40—60-х годах.

Эти вопросы получили освещение также в недавно вышедших в Улан-Баторе фундаментальных трудах «Великая Октябрьская социалистическая революция и Монголия» (Улан-Батор, 1969), «История Монгольской Народной Республики» (т. III, Улан-Батор, 1969). За последние годы в МНР опубликован ряд работ, посвященных исследованию отдельных вопросов истории культурного строительства. Тем не менее как в советской, так и в монгольской историографии не было работ обобщающего характера по истории развития культуры в МНР с 1921 по 1970 год. Книга «Очерки истории культуры МНР» является удачной попыткой восполнить этот пробел. Авторы дали марксистско-ленинское освещение истории культурной революции в МНР, показали, как она в корне изменила духовный облик монгольского народа.

Становление новой культуры в МНР проходило в сложных и трудных условиях революционного перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм. В книге правильно отражена своеобразная конкретно-историческая обстановка Монголии, а именно: низкий уровень развития производительных сил, неграмотность, темнота народных масс дореволюционной Монголии, пережитки колониализма, феодальные отношения, господство ламаистского духовенства.

Авторы уделяют большое внимание острой идеологической борьбе, развернувшейся на фронте культурного строительства.

Монгольская народная революция в своем развитии прошла два этапа: общедемократический (1921—1940 гг.) и социалистический — с 1940 года. Соответственно этим историческим этапам «Очерки» состоят из двух больших разделов, в которых содержится характеристика развития народного образования, культурно-просветительной работы, здравоохранения, науки, литературы, искусства, материальной культуры и быта, а также физической культуры и спорта. Подобная структура книги логически оправдана и помогает читателю проследить за историей культурного строительства в Монголии.

На общедемократическом этапе проявились те коренные преимущества, какие при-

---

[1] Отв. редактор Д. Д. Лубсанов, зам. редактора Р. Е. Пубаев. Авторский коллектив: Р. Л. Балдаев, Г. Г. Банчиков, Л. К. Герасимович, С. Пурэвжав, Б. Ф. Смирнов, Т. Содномдаржаа, И. И. Соктоева, Г. Л. Санжиев, Д. Б. Улымжиев, Б. Д. Цибиков, Г. Эрдэмбилик, В. Ц. Найдаков, Б. Дашцэвэг, Г. Н. Заятуев, Ш. Магван, Р. Е. Пубаев.

несла стране народная революция: в борьбе с феодально-ламаистской идеологией и в процессе ее преодоления произошло избавление трудящихся от вековечного духовного порабощения и приобщение их к знаниям. В процессе демократических преобразований в стране были созданы основы системы народного просвещения, здравоохранения и культурно-просветительных учреждений, зародилась революционно-демократическая литература и искусство, появились революционная печать, профессиональные средние учебные заведения, возникли научные учреждения. Большим достижением этого периода явилось формирование национальной интеллигенции. Но в центре внимания культурной работы стояла тогда задача ликвидации неграмотности.

В «Очерках» на конкретном и разнообразном материале показана многогранная деятельность МНРП и народного правительства по развитию революционно-демократической национальной культуры и просвещения. Трудностью и сложностью задач общедемократического этапа, пишут авторы, объясняются сравнительно скромные результаты в области ликвидации неграмотности населения и охвата детей школами. К концу общедемократического этапа грамотность населения поднялась до 21%, а из 130 тыс. детей школьного возраста школу посещали только 10 тыс. (стр. 38). К этому времени в Монголии сформировалась революционно-демократическая национальная культура, начала складываться своя интеллигенция и был заложен прочный фундамент для перехода к социалистическому этапу.

Характерной особенностью второго, социалистического, этапа революции (1940—1967 гг.), подчеркивается в книге, была культурная революция. Как справедливо отмечают авторы, это время расцвета социалистической по содержанию и национальной по форме культуры на основе победы социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве (стр. 491—492). Победой исторического значения для монгольского народа явилось завершение ликвидации неграмотности, осуществление всеобщего начального обучения и переход ко всеобщему восьмилетнему обучению. Система народного просвещения МНР обеспечила не только расцвет национальной школы, но и приобщение населения к культуре. Выросла национальная интеллигенция. Крупным событием в жизни страны было создание высших учебных заведений (университета, Высшей партийной школы, Политехнического института и др.). Успешно развивается наука. Академия наук МНР объединяет десятки научных учреждений.

Громадное значение для утверждения марксистско-ленинской идеологии в монгольском народе, как отмечают авторы, имеет перевод на монгольский язык и издание Собрания сочинений В. И. Ленина в 35 томах и основных трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. На монгольский язык переведены основные произведения русской классической и советской художественной литературы. Газеты, журналы и книги прочно вошли в быт трудящихся. Печать, радио и телевидение стали мощным орудием партии и государства в воспитании трудящихся масс. В период социалистического строительства монгольские писатели создали произведения, в которых отражено закономерное и успешное продвижение страны к социализму. Разительные изменения произошли в быту монгольского народа. Выросли города, появились поселки нового типа. Уходят в прошлое отсталые традиции и обычаи, внедряются новые. Широкое развитие получило здравоохранение. Коренным образом изменилось положение женщины, она стала равноправным членом общества.

Невиданный скачок в культурном развитии за короткий срок был совершен МНР при всесторонней помощи советского народа. В своем выступлении на XXIV съезде КПСС первый секретарь ЦК МНРП, председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал подчеркнул, что «установление тесного союза монгольской революции с первой пролетарской революцией, с родиной Октября — великим Советским Союзом обеспечило те исторические успехи, которых добились трудящиеся нашей страны за 50 лет существования своей свободной Родины» [2].

Всестороннее марксистско-ленинское освещение исторического опыта культурной революции в МНР представляет большой научный и политический интерес. Оно разоблачает клеветнические измышления буржуазной историографии, оплакивающей исчезновение «уникальной пастушеской кочевой культуры», ламаистской церкви и идеологии. Опыт строительства социалистической культуры в МНР особенно важен в наши дни, когда многим народам Азии и Африки приходится решать проблемы, подобные тем, которые в течение минувшего полустолетия стояли перед монгольским

[2] «Правда», 3. IV. 1971.

народом. В целом «Очерки истории культуры МНР» — нужная и полезная книга.

В то же время следует отметить разностильность, неровность отдельных глав и параграфов книги как по охвату фактического материала, так и по уровню выводов и обобщений. Если разделы, освещающие историю театра, культурно-просветительных учреждений, печати и спорта в МНР, недостаточно подкреплены фактическим материалом, то главы о материальной культуре и быте изобилуют подробными описаниями различных явлений и событий без должного их обобщения. Содержательная в целом глава о развитии музыки слишком растянута, перенасыщена специальными терминами, теоретическими выкладками. Многие параграфы книги страдают описательностью, перечислением и повторами. О ликвидации неграмотности в Монголии говорится не только в главе о народном образовании, но и в других главах, в частности в той, которая посвящена культурно-просветительной работе. Неоднократно повторяются факты, характеризующие деятельность правых и «левых» в МНРП, различных реакционных элементов. Однако борьба с ними революционного ядра партии показана недостаточно четко и последовательно. Подробнее следовало бы охарактеризовать монголо-бурятские культурные связи изучаемого периода, учитывая, что оба народа имеют много общего в своей истории, в развитии языка и культуры. Известно, что ученые Бурятской АССР поддерживают широкие научные связи с АН и другими научными организациями МНР. Недостаточно отражена в книге и деятельность Общества монголо-советской дружбы, проводящего большую работу по укреплению связей между двумя братскими странами.

Н. П. Егунов, Ш. Б. Чимитдоржиев

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Абрамов А. *Мавзолей Ленина.* 3-е, доп. изд. М. «Московский рабочий». 1972. 136 стр. с илл. 50 000 экз. 54 коп.

Агарышев П. Г. *В забой, как в бой.* Коммунисты Челябинского угольного бассейна в годы Великой Отечественной войны. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1972. 186 стр. с илл. 5 000 экз. 17 коп.

Азизян А. К. *Ленинская национальная политика в развитии и действии.* М. «Наука». 1972. 382 стр. 8 500 экз. 1 руб. 89 коп.

Алексимов А. А. *4 октября 1957 года.* Спутник и США. М. «Молодая гвардия». 1972. 222 стр. с илл. 65 000 экз. 55 коп.— Очерк посвящен 15-летию запуска первого искусственного спутника Земли.

Аминов А. *Проблемы экономической истории Средней Азии и ее зарубежные критики.* Ташкент. «Узбекистан». 1972. 174 стр. 3 000 экз. 82 коп.

Асангулов К. *Коммунистическая партия Киргизии в борьбе за научный прогресс (1959—1965 годы).* Фрунзе. «Кыргызстан». 1972. 127 стр. 2 500 экз. 14 коп.

Белевич А. *Хатынь: боль и гнев.* Минск. «Беларусь». 1972. 95 стр. с илл. 150 000 экз. 19 коп.— Писатель рассказывает о трагедии 149 жителей белорусской деревни Хатынь, которые живыми были сожжены фашистами в марте 1943 года.

Беляев А. *Подвиг продолжается.* М. Изд-во ДОСААФ. 1972. 160 стр. с илл. 100 000 экз. 24 коп.— Документальная повесть о подвигах воинов мотострелковой «Железной» дивизии в годы Великой Отечественной войны.

Берхин И. Б. *История СССР. 1917—1971 гг.* Изд. 2-е, перераб. и доп. М. «Высшая школа». 1972. 726 стр. 50 000 экз. 1 руб. 65 коп.— Учебное пособие для университетов.

Бессмертие Чукотского ревкома. Магадан. Книжное изд-во. 1972. 160 стр. с илл. 2 000 экз. 1 руб. 3 коп.— Материалы научного симпозиума, посвященного 50-летию образования Анадырского уездного ревкома — первого органа Советской власти на Чукотке (декабрь 1969 г.).

Булатова В. А. *Древняя Кува.* Ташкент. «Фан». 1972. 94 стр. с илл. 1 000 экз. 75 коп.

Булацева З. и Кургосова М. *Сквозь годы мчась.* Из летописи Северо-Осетинской пионерской организации 1922—1972 2-е, доп. изд. Орджоникидзе. «Ир». 1972. 272 стр. с илл. 5 000 экз. 35 коп.

В. И. Ленин во главе великого строительства. Фрунзе. «Кыргызстан». 1972. 359 стр. 3 000 экз. 60 коп.— На кирг. яз.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1971 г. Сборник документов. М. «Международные отношения». 1972. 256 стр. 15 000 экз. 70 коп.

Вторая профессия полководца. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 1972. 127 стр. с илл. 8 000 экз. 13 коп.— Воспоминания основателей Бессарабской коммуны, бывших воинов 2-го кавалерийского корпуса, которым командовал Г. И. Котовский.

Герои подполья. О борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. I. 4-е, испр. и доп. издание. Сост. В. Е Быстров. М. Политиздат. 1972. 446 стр. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 37 коп.

Глазов Л. М. *Об исторической роли КПСС в создании советской федерации.* Харьков. Изд-во Харьковского ун-та. 1972. 166 стр. 2 300 экз. 1 руб. 14 коп.— На укр. яз.

Гук П. *Комсомольская «катюша».* М. «Молодая гвардия». 1972. 255 стр. с илл. 100 000 экз. 38 коп.

Демочкин Н. Н. *Партия большевиков накануне и в годы первой революции в России. 1904—1907 гг.* М. «Высшая школа». 1972. 152 стр. (Лекции для студентов исторических факультетов). 12 000 экз. 24 коп.

Джикиев А. *Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана.* Конец XIX — начало XX в. Под науч. ред. Д. Овезова. Ашхабад. «Ылым». 1972. 110 стр. с илл. 1 000 экз. 46 коп.

Дозорные западных рубежей. Документальные очерки по истории войск Краснознаменного Западного пограничного округа. Авт. В. А. Козлов и др. Киев. Политиздат Украины. 1972. 443 стр. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 27 коп.

Дружба. О дружественных связях и сотрудничестве молодежи СССР и Финляндии. М. «Молодая гвардия». 1972. 143 стр. с илл. 7 000 экз. 1 руб. 16 коп.

Живут герои на Урале. Сборник очерков. Сост. Ю. А. Левин. Предисл. П. И. Батова. Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1972. 159 стр. (Подвиг обретает имя). 35 000 экз. 31 коп.

Зинченко О. *Комсомола боевой отряд.* Предисл. С. М. Буденного. М. «Молодая гвардия». 1972. 149 стр. с илл. 50 000 экз. 60 коп. — Очерк о комсомоле Советских Вооруженных Сил.

Златопольский Д. Л. и Чистяков О. И. *Образование Союза ССР.* М. «Юридическая литература». 1972. 319 стр. (50 лет Союза ССР). 5 000 экз. 1 руб. 42 коп.

Золотые звезды Адыгеи. Майкоп. Краснодарское книжное изд-во. Адыгейское отделение. 1972. 207 стр. с илл. 5.000 экз. 52 коп.— Очерки об участниках Великой Отечественной войны — Героях Советского Союза, полных кавалерах ордена Славы и Героях Социалистического Труда Адыгейской автономной области.

Золотые звезды Полесья. Очерки о Героях Советского Союза. Киев. Политиздат Украины. 1972. 472 стр. с илл. 10 000 экз. 1 руб. 12 коп.

Зуфаров М. *Гвардейцы.* Ташкент. «Узбекистан». 1972. 108 стр. с илл. 5 000 экз. 15 коп.— Воспоминания комиссара минометного батальона гвардейской Кантемировской дивизии.

Камаев В. Д. *Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности.* М. «Мысль». 1972. 261 стр. 18 000 экз. 1 руб. 4 коп.

Карпов А. А. *Выходим на цель.* Киев. Политиздат Украины. 1972. 233 стр. с илл. 65 000 экз. 44 коп.— Воспоминания о героических буднях летчиков штурмового авиационного полка.

Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири. 1927—1937 гг. Глав. ред. А. А. Говоркова. Томск. Западно-Сибирское книжное изд-во. Томское отделение. 1972. 333 стр. (История коллективизации сельского хозяйства СССР. Документы и материалы). 3 000 экз. 1 руб. 72 коп.

Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе. 1927—1937 гг. Под ред. П. В. Семернина и Е. Н. Осколкова. Краснодар. Книжное изд-во. 1972. 823 стр. (История коллективизации сельского хозяйства СССР. Документы и материалы). 4 000 экз. 2 руб. 3 коп.

КПСС и Советское правительство об Узбекистане. Сборник документов 1925—1970. Ташкент. «Узбекистан». 1972. 656 стр. 10 000 экз. 1 руб. 62 коп.

Крестьянская одежда населения Европейской России. XIX — начало XX в. Определитель. М. «Советская Россия». 1971. 365 стр. с илл. 1 500 экз. 3 руб. 4 коп.

Луначарский А. В. *Об атеизме и религии.* Сборник статей, писем и других материалов. Предисл. и общ. ред. А. Ф. Окулова. М. «Мысль». 1972. 509 стр. 26 000 экз. 1 руб. 31 коп.

Лунин Б. В. *У истоков великой дружбы.* Ташкент. «Узбекистан». 1972. 406 стр. 5 000 экз. 1 руб. 21 коп.

Макаров Г. И. *Петр Заломов.* Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1972. 159 стр. с илл. (Нижегородцы-революционеры). 15 000 экз. 32 коп.

Маланчук В. Е. *Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР.* М. «Высшая школа». 1972. 294 стр. с илл. 11 000 экз. 52 коп.— Учебное пособие для исторических факультетов.

Малинин В. А. *Философия революционного народничества.* М. «Наука». 1972. 340 стр. 5 700 экз. 1 руб. 37 коп.

Милкова В. И. *Высшее образование в СССР и за рубежом.* Библиографический указатель книг и журнальных статей. 1959—1969. М. «Высшая школа». 1972. 462 стр. 2 000 экз. 1 руб. 46 коп.

Надысев Г. С. *На службе штабной.* Воспоминания начальника штаба артиллерии фронта. Рига. «Лиесма». 1972. 291 стр. с илл. 15 000 экз. 77 коп.

Наумов Д. Ф. *Лесная война.* Алма-Ата. «Казахстан». 1972. 192 стр. с илл. 49 000 экз. 35 коп.— Очерк об участии казахстанцев в партизанской борьбе в Белоруссии.

Научно-техническая революция и проблемы коммунистического движения. Ежегодник 1972. М. «Мысль». 1972. 366 стр. 11 500 экз. 1 руб. 34 коп.

Николаев В. *Отдаю себя революции...* М. Политиздат. 1972. 128 стр. с илл. (Герои Советской Родины). 200 000 экз. 19 коп.— Очерк о жизни и деятельности М. В. Фрунзе.

Новожилов В. В. *Вопросы развития социалистической экономики.* М. «Наука». 1972. 328 стр. 4 700 экз. 1 руб. 49 коп.

Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири Сарматского времени. М. «Наука». 1972. 161 стр. с илл. 1 600 экз. 1 руб. 8 коп.

Пересыпкин И. Т. *Связисты в годы Великой Отечественной.* М. «Связь». 1972. 248 стр. с илл. 35 500 экз. 75 коп.

Поглубко К. А. *«Молодые штурманы будущей бури».* Бессарабцы в общероссийском революционном движении 60-х — начала 80-х годов XIX столетия. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 1972. 74 стр. с илл. 5 000 экз. 10 коп.

Пулатов Г. и Рашидов Г. *Ташкент в первые годы Советской власти.* Ноябрь 1917—1920 гг. Ташкент. «Узбекистан». 1972. 190 стр. с илл. 3 000 экз. 63 коп.

Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую Советскую Республику 1919 г. Сборник документов. М. Политиздат. 1972. 255 стр. с илл. 76 коп.

Савичев Г. А. *В дальнем плавании.* М. Воениздат. 1972. 120 стр. с илл. 21 000 экз. 20 коп.— Записки участника одного из дальних плаваний на советских военных кораблях в Атлантическом океане в 1969 году.

Сарбей В. Г. *В. И. Ленин и дооктябрьское наследие историографии Украины.* Киев. «Наукова думка». 1972. 287 стр. 1 000 экз. 1 руб. 44 коп.— На укр. яз.

Саркисьян К. и Ставницер М. *Улицы рассказывают.* 3-е изд., переработ. и доп. Одесса. «Маяк». 1972. 247 стр. с илл. 50 000 экз. 66 коп.— Исторические очерки об улицах Одессы.

Свирин А. Н. *Ювелирное искусство Древней Руси XI—XVII веков.* М. «Искусство». 1972. 186 стр. с илл. 20 000 экз. 5 руб. 57 коп.— Текст на рус., англ., франц. и нем. яз.

Смирнов Д. *Записки чекиста.* 2-е, переработ. и доп. изд. Минск. «Беларусь». 1972. 288 стр. с илл. (Серия «Мемуары»). 100 000 экз. 63 коп.

Советское содружество народов. Объединительное движение и образование СССР. Сборник документов. 1917—1922. М. Политиздат. 1972. 336 стр. 60 000 экз. 98 коп.

Созвездие полководцев. Слово о военачальниках Советской Армии — дальневосточниках. Благовещенск. Хабаровское книжное изд-во. Амурское отделение. 1972. 362 стр. с илл. 30 000 экз. 1 руб. 33 коп.

СССР в цифрах в 1971 году. Краткий статистический сборник. М. «Статистика». 1972. 240 стр. с илл. 60 000 экз. 2-й завод. 23 коп.

Строительство Советского государства. Сборник статей. К 70-летию доктора исторических наук, проф. Э. Б. Генкиной. М. «Наука» 1972. 306 стр. с портр. 5 400 экз. 1 руб. 46 коп.

Сумбатзаде А. С. *Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане.* М. «Наука». 1972. 254 стр. 3 600 экз. 1 руб. 16 коп.

Устиев Е. К. *У истоков золотой реки.* История одной экспедиции. М. «Мысль». 1972. 174 стр. с илл. (Путешествия. Приключения. Поиск). 90 000 экз. 38 коп.— В очерках рассказано о первой советской экспедиции 1928—1929 годов, раскрывшей золотые богатства Колымы.

Хайрутдинов Р. Г. *На путях к советской автономии.* Проведение ленинской национальной политики Центральным Татаро-Башкирским комиссариатом в 1918—1919 гг. Казань. Изд-во Казанского ун-та. 1972. 160 стр. 1 650 экз. 1 руб. 20 коп.

Чарнолуский В. В. *В краю летучего камня.* Записки этнографа. Послесл. Т. В. Лукьянченко и Ю. Б. Симченко. М. «Мысль». 1972. 271 стр. с илл. 50 000 экз. 69 коп.

Шлевко Г. *Ради жизни на земле.* Это книга о Героях Советского Союза, тех, кто родился, жил и живет в г. Омске и Омской области. Омск. Западно-Сибирское книжное изд-во. Омское отделение. 1972. 463 стр. с илл. 40 000 экз. 89 коп.

Шорохова И. Н. *Партийная организация Архангельска 1920—1925.* Архангельск. Северо-Западное книжное изд-во. 1972. 111 стр. с илл. 2 000 экз. 37 коп.

Шучкин Н. *Грозное небо Москвы.* Записки летчика-фронтовика. М. Изд-во ДОСААФ. 1972. 208 стр. с илл. 100 000 экз. 32 коп.

Всеобщая история

Бирюков И. Д. *Под сенью монополий.* Буржуазная идеология — враг рабочего класса Британии. М. Политиздат. 1972. 287 стр. (Запад наших дней). 50 000 экз. 49 коп.

Бушуев В. Г. *Ветер перемен над Андами.* К событиям в Чили и Перу. М. Политиздат. 1972. 112 стр. 41 000 экз. 19 коп.

Грачев В. П. *Сербская государственность в X—XIV вв.* Критика теории «жупной организации». М. «Наука». 1972. 332 стр. 1 200 экз. 1 руб. 29 коп.

История Африки в XIX и XX столетиях. Сборник статей. М. «Наука». 1972. 312 стр. 3 000 экз. 1 руб. 46 коп.

История Франции. В 3-х т. Отв. ред. А. З. Манфред. Т. I. М. «Наука». 1972. 359 стр. с илл. 77 000 экз. 2 руб.

Княжинский В. Б. *Международная стратегия антикоммунизма.* М. «Международные отношения». 1972. 111 стр. (В помощь слушателям народных университетов). 20 000 экз. 19 коп.

Комолева Н. П. *Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии.* 1943—1947 гг. М. «Наука». 1972. 444 стр. с илл. 2 000 экз. 2 руб. 4 коп.

Конрад Н. И. *Запад и Восток.* Статьи. Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Наука». 1972. 496 стр. с илл. 15 000 экз. 2 руб. 29 коп.

Марьина В. В. и Мурашко Г. П. *Путь чехословацкого крестьянства к социализму. 1948—1960.* М. «Наука». 1972. 336 стр. 1 750 экз. 1 руб. 29 коп.

Мацко А. *Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков. 1918—1939 гг.* Минск. «Беларусь». 1972. 336 стр. 1 500 экз. 1 руб. 33 коп.

Новейшая история Китая. 1917—1970 гг. М. «Мысль». 1972. 437 стр. 17 500 экз. 2 руб. 9 коп.

Новое в изучении Австралии и Океании. Сборник статей. М. «Наука». 1972. 263 стр. 1 500 экз. 1 руб. 52 коп.

Пегушев А. М. *Кения.* Очерк политической истории. 1956—1969. М. «Наука». 1972. 270 стр. 2 700 экз. 1 руб.

Первый Интернационал и Парижская Коммуна. 1871—1971. Документы и материалы. М. Политиздат. 1972. XVIII, 692 стр. (Документы Первого Интернационала), 9 000 экз. 1 руб. 84 коп.

Розанов Г. Л. и Яковлев Н. Н. *Новейшая история. 1917—1945.* Изд. 3-е, переработ. и доп. М. «Просвещение». 1972. 271 стр. 80 000 экз. 73 коп.— Пособие для учителей.

Солидарность народов с Испанской Республикой. 1936—1939. М. «Наука». 1972. 368 стр. с илл. 4 200 экз. 1 руб. 92 коп.— Сборник работ зарубежных ветеранов интернациональных бригад в Испании, советских участников испанской национально-революционной войны и научных сотрудников Института международного рабочего движения АН СССР.

Фридрих Энгельс — великий мыслитель и революционер. Материалы научно-теоретической конференции преподавателей общественных наук и вузов и научных сотрудников учреждений АН СССР. Под ред. Н. А. Беляева. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1972 192 стр. 5 615 экз. 95 коп.

Этническая история народов Азии. Сборник статей. М. «Наука». 1972. 295 стр. 2 000 экз. 1 руб. 88 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Вопросы истории КПСС» № 9, 1972. А. М. Гиндин, С. Г. Маркин. Воплощение в жизнь ленинских принципов национальной политики; Л. Я. Флорентьев. Линия партии на повышение эффективности сельскохозяйственного производства; Я. И. Стеркин, А. В. Фролов. Развитие социалистического соревнования в промышленности после XXIV съезда КПСС; П. Т. Пименов. Верность принципам пролетарского интернационализма; А. И. Лощаков, Ю. Н. Попов. Единство и сплоченность; В. И. Ларев. Извращение маоистами ленинского учения о партии; С. Л. Титаренко. Оруженосец антикоммунизма; В. К. Дегтярев. В. И. Ленин и Волховстрой; В. Н. Долженков, Н. П. Баринов. Принципы социалистического интернационализма и мирного сосуществования во внешнеэкономической политике КПСС; Э. Ю. Юсупов, Р. А. Нуруллин. Крупный центр идейной и научной жизни Узбекистана; Х. Г. Везиров. Верная дочь Коммунистической партии (К 90-летию со дня рождения Н. Н. Колесниковой).

Военно-исторический журнал № 9, 1972. А. Епишев. Партией руководимые; П. Батицкий Развитие Войск ПВО страны в годы Великой Отечественной войны; А. Бабаджанян, И. Кравченко. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции; А. Василевский. Маршал Б. М. Шапошников; А. Сиванков. Упорство и стойкость; Е. Носков. Сигнал «145-К»; В. Мельников. На понтонной переправе; Н. Кузнецов. Памятные дни сорок пятого года; А. Хрулев. Железнодорожная линия Кизляр — Астрахань; А. Катуков. Бросок через укрепленный район к Одеру; М. Кожевников. Рождение воздушных армий; А. Винский. Применение инженерных заграждений в обороне по опыту Великой Отечественной войны; Н. Бугай. Красная Армия и создание ревкомов на Юго-Востоке России; П. Голубев. Ленинский комсомол и подготовка кадров для Военно-Морского Флота СССР (1922—1941 гг.); С. Захаров. Некоторые вопросы партийно-политической работы на кораблях флота по защите морских сообщений; Б. Сапожников. Антимарксистская практика маоизма в вопросах военного строительства; Л. Ольштынский. Английский флот во второй мировой войне.

«Народы Азии и Африки» № 4, 1972. Б. Г. Гафуров, Л. И. Мирошников. Сотрудничество ученых мира в исследовании проблем Центральной Азии (К Ашхабадской конференции ЮНЕСКО); В. П. Якунин. По пути укрепления национального суверенитета и прогресса (К 25-летию провозглашения независимости Индии); В. В. Грайворонский. Преобразование кочевого образа жизни в МНР; А. В. Кива. Африка: некоторые аспекты политической нестабильности; А. Я. Эльянов. Научно-техническая революция и социально-экономические проблемы развивающихся стран; Г. А. Меликишвили. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке (Опыт стадиально-типологической классификации классовых обществ); Ю. М. Кобищанов. «Полюдье» в Тропической Африке (К вопросу о формах отчуждения прибавочного продукта в раннефеодальных обществах); В. И. Данилов. Турция и проблемы «третьего мира» в Организации Объединенных Наций; А. Мирахмедов. Неизвестная рукопись К. Н. Смирнова об Иранской революции; К. А. Антонова. Из истории англо-французской борьбы в Индии в XVIII в. (По неопубликованной рукописи 1775 г.).

«Советская этнография» № 4, 1972. Ю. В. Ганковский. Интернациональное значение опыта решения национального вопроса в СССР; И. С. Гурвич. Современные направления этнических процессов в СССР; В. В. Востров, Г. Ф. Дахшлейгер, Х. Кауанова. Этнографическое изучение казахского народа (К 50-летию образования Союза ССР); М. В. Крю-

ков. К методике сбора полевого материала по системам родства; Я. В. Чеснов. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии; Б. П. Полевой, А. М. Решетов. В. К. Арсеньев как этнограф; В. И. Кочнев, Т. В. Петров. Народная Республика Бангладеш; Ю. Ю. Сурхаско. Об историко-этнической типологии карельской свадьбы; Н. Х. Авакян. Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX—XX веках (В связи с подготовкой Кавказского этнографического атласа); В. Н. Басилов. Через сто лет после Маклая [пребывание группы советских этнографов на Берегу Маклая]; Ю. В. Маретин. Этнография, антропология и другие науки о человеке на XIII Международном конгрессе по истории науки.

«Украинский исторический журнал» № 8, 1972. Н. И. Супруненко. Изменения в социальной структуре социалистического общества и возрастание руководящей роли рабочего класса; А. А. Асадов. Солнечный Азербайджан в созвездии советских республик; А. С. Ткаченко. Дружба трудящихся Донбасса, Урала и Кузбасса (1941—1942 гг.); П. В. Волобуев. Роль отечественной истории в патриотическом воспитании трудящихся СССР на революционных, боевых и трудовых традициях; А. Г. Митюков. Навстречу VII Международному конгрессу архивов; Н. Ф. Мельник. Деятельность КП Украины по развертыванию социалистического соревнования среди рабочих промышленности республики во второй пятилетке (1933—1937 гг.); А. Н. Катренко. Студенческое движение на Украине в конце 70-х — начале 80-х годов XIX ст.; В. А. Загоруйко. Формирование и крах государственно-монополистического капитализма на юге Украины; С. Ю. Бодян. Об основных этапах и формах экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и Румынией (1948—1970 гг.); Эдвард Прус. Антинародная деятельность украинских и польских буржуазных националистов накануне образования и в первые месяцы существования Народной Польши; В. В. Добрецова. Сионизм на службе антикоммунизма; Г. С. Островский. Социалистическое соревнование комсомольцев на энергостройках Украины (1959—1965 гг.); В. Г. Сарбей. «Колокол» и Украина; Е. М. Добрушкин. К истории похода русских князей на половцев 1185 г.; И. П. Андрусяк. Рабочее движение в Венгрии в период первой мировой империалистической войны (1914—1918 гг.); Ф. А. Редько. Мои встречи с А. Ю. Крымским; Е. О. Колесник. К 200-летию со дня рождения И. Ф. Тимковского; М. А. Якименко. С Кобзарем будил он волю (К 150-летию со дня рождения кирилломефодиевца Н. И. Гулака); А. С. Островерхов, И. Т. Черняков. Основатель Одесского археологического музея (К 200-летию со дня рождения И. П. Бларамберга); А. В. Картунов, И. В. Шульга. Против буржуазных фальсификаций союза рабочего класса и крестьянства.

«Международная жизнь» № 9, 1972. С. Ольшовский. Главные направления польской внешней политики; Б. Гребенников, Л. Николаев. СЭВ: год интеграции; И. Асеев. Европа 1972 года: время надежд; В. Емельянов. Ядерную энергию — на службу человечеству; Ю. Захаров. Важная предпосылка разрядки в Европе; Д. Пензин. Нефть и независимость; Л. Москвичев. Антикоммунизм под маской «деидеологизации»; Л. Югов. Итальянская политика и разрядка в Европе; В. Викторов. Всемирный форум государств (накануне XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН); И. Кэбин. Торжество идей социалистического патриотизма и интернационализма; Н. Капченко. Марксизм-ленинизм — научная основа социалистической внешней политики; М. Ильинский. Народы Индокитая победят; А. Королева. Негритянское движение и выборы в США; Л. Дадиани, Г. Мусаелян. Израиль — милитаристское агрессивное государство.

«США — экономика, политика, идеология» № 9, 1972. Г. А. Трофименко. Советско-американские соглашения об ограничении стратегических вооружений; Вал. Зорин. Съезд демократической партии (письмо из Майами-Бич); Хаймен Лумер. Сионизм и монополистический капитал; Ф. А. Горюнов. Реклама: экономика и организация; Н. В. Мостовец. Коммунистическая партия США на новом этапе; С. А. Далин. О границах эконометрического познания капиталистической действительности; Ю. А. Юханапов. Политическое решение — единственный путь урегулирования во Вьетнаме; М. А. Портной. Валютная ситуация после Смитсоновского соглашения; Г. А. Орионова. США — Япония: попытки смягчить противоречия; В. М. Герман. Джордж С. Макговерн; Г. И. Святов. Военно-морские силы США.

«Мировая экономика и международные отношения» № 9, 1972. Э. Плетнев. Ленинское учение о противоречиях империализма и их развитие в наше время; Ю. Костко. Военная конфронтация и проблема безопасности в Европе; Ю. Ожегов. Борьба за будущее человечества (Основные направления в социальном прогнозировании); Н. Федулова. Межимпериалистическая борьба за влияние в бассейне Тихого океана; Т. Белоус. Международные тресты и концерны в современных условиях; Тенденции развития капиталистической экономики в 1972 г.; Р. Ульяновский. О едином антиимпериалистическом фронте прогрессивных сил в освободившихся странах; И. Геевский. Американцы третьего сорта; А. Колпаков. Трагедия Северной Ирландии; М. Кобрин. Пасынки Британии; Е. Павличук. Валлонско-фламандский вопрос в Бельгии; А. Авилова. Борющаяся Испания; А. Шлихтер. Квебекская проблема; Г. Драгунов. Национальные конфликты в Швейцарии; Ю. Кузнецов. Перемены в Токио; В. Усоскин. Разногласия не уменьшаются; Три взгляда на экономическую политику Никсона и ее последствия; В. Андреев. Ядерная энергетика капиталисти-

ческих стран; С. Марин. США: планы перестройки госаппарата; С. Парканская. «Золотая лихорадка».

«Преподавание истории в школе» № 5, 1972. В. В. Каргалов. Куликовская битва.

«Советская педагогика» № 8, 1972. С. Д. Бабишин. К истории зарождения школы высшего типа в Древней Руси.

«Вестник» Академии наук СССР № 7, 1972. Актуальные комплексные проблемы общественных наук. Выездная сессия Секции общественных наук в Ташкенте; З. Г. Самодурова. Е. А. Косминский и советская медиевистика.

«Проблемы классовой борьбы». Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Вып. 1. 1971. В. Иншакова. В. И. Ленин о развитии классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму; П. Сибельдин. Большевизм — образец использования пролетарской демократии в борьбе против «мирной» контрреволюции; В. Ганьшин. В. И. Ленин о союзе сил социализма и национально-освободительного движения в борьбе против империализма; Ф. Белоус. К вопросу о путях развития революций в латиноамериканских странах; К. Нефедова. Коммунистическая партия Сирии в борьбе за единый национальный фронт и укрепление независимости (1954—1958 гг.); Е. Данчеев. Движение солидарности американских рабочих с Советской Россией в начале 20-х годов; Л. Керов. Бегины и папство (некоторые проблемы классовой борьбы в эпоху феодализма).

«Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Археология и этнография Татарии. Вып. 1. 1971. А. Х. Халиков. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья; П. Н. Старостин. Этно-культурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье; А. Г. Петренко. Некоторые особенности развития животноводства I тыс. н. э. у пришлых племен Волжско-Камского края; Е. А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника; Т. А. Хлебникова. Алексеевское городище (К вопросу о своеобразии раннеболгарской культуры района Нижнего Прикамья); Р. Г. Фахрутдинов. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР; Р. М. Полесских. Исследование памятников типа Золотаревского городища; Г. В. Юсупов. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар; В. П. Алексеев. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии; Е. И. Чернышев. Селения Казанского ханства (По писцовым книгам).

«Труды» Самаркандского государственного университета. Новая серия, вып. 215. Из истории Коммунистической партии Узбекистана. 1971. М. А. Нугаева. Самаркандский «Иттифак» — организация трудящихся местных национальностей; Т. Д. Джавлянов. В. И. Ленин и развитие ирригации в Узбекистане; Д. А. Усманов. Из истории деятельности Компартии Узбекистана по организации и политическому укреплению сельских партийных ячеек (1924—1925 гг.); Х. Б. Бегматов. К вопросу о деятельности Средазбюро ЦК ВКП(б) по развитию промышленности в Средней Азии (1926—1928 гг.); С. И. Иноятов. XV съезд ВКП(б) и пропаганда его решений в партийно-советской печати Узбекистана; В. С. Нуриева. Коммунисты Самаркандской области в борьбе за раскрепощение женщин (1925—1927 гг.); З. С. Иргашев. Деятельность Компартии Узбекистана по подготовке квалифицированных кадров для хлопкоочистительной промышленности (1929—1933); Т. Х. Маджидова. Партийное руководство технической пропагандой в промышленности Узбекистана в годы первой пятилетки; А. К. Камалов. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Самаркандской области (1925—1937 гг.); Х. У. Усаров. Деятельность Компартии Узбекистана по улучшению работы сельских Советов (1933—1937 гг.); К. М. Маматкулов. Роль парторганизации Самаркандской области в размещении эвакуированных предприятий в первый период Великой Отечественной войны; Х. Р. Зухурова. Социалистическое соревнование — школа трудового воспитания сельской молодежи (По материалам Самаркандской области (1953—1958 гг.); М. В. Мирошниченко. Мероприятия Компартии Узбекистана по развитию специализации и кооперирования промышленного производства (1953—1958 гг.); М. А. Израилов. Борьба Компартии Узбекистана за дальнейшее развитие ленинских организационных принципов в деятельности профсоюзов (1956—1958 гг.); К. С. Суяров. Развитие общественных начал в работе местных Советов Узбекистана (1960—1965 гг.).

«Уральский археографический ежегодник за 1970 год». 1971. А. А. Преображенский. Об источниках по истории крестьянства Урала и Западной Сибири XVII — начала XVIII веков; А. С. Терехин, Г. Д. Канторович. Памятники каменной архитектуры XVII — начала XVIII веков в Соликамске; С. М. Томсинский. Новые материалы об эксплуатации детского труда на заводах Урала XVIII века; А. С. Черкасова. Ревизские сказки как источник по истории формирования горнозаводского населения; Е. Д. Харитонова. Ведомости о работных людях как источник для характеристики рабочей силы соляных промыслов Прикамья середины XVIII века; Ф. С. Горовой. О дате основания города Перми (К вопросу о датах основания городов как исторических памятниках); В. Я. Кривоногов. Источники о развитии найма рабочей силы в горнозаводской промышленности Урала дореформенного периода; Б. Г. Плющевский. Материалы центральных архивов о крестьянских отхожих промыслах в предреформенной русской деревне (1830—1850 гг.); Л. П. Вакатова. «Дела» землеустроительных комиссий Пермской губернии по ходатайствам крестьян о переселении; В. Г. Черемных. Некоторые

источники о численности и составе рабочего класса Урала в период реконструкции народного хозяйства СССР (1926—1937 гг.); В. В. Мухин. Материалы архива вотчины Всеволожских как источник по истории горнозаводской промышленности Урала конца XVIII — первой половины XIX веков; В. А. Оборин. Археографическая деятельность А. А. Дмитриева; Л. А. Трефилова. Обзор семейного фонда Теплоуховых; Л. С. Кашихин. Виктор Александрович Весновский (К истории уральского краеведения); Л. В. Коротаева. Участие Пермской комсомольской организации в борьбе за построение социализма в СССР (обзор фонда Пермского окружного комитета ВЛКСМ); Е. Н. Полякова. Соликамские рукописи XVII — XVIII веков как источник изучения топонимики; В. В. Мухин. Волнения крестьян пермской вотчины Всеволожских в 1796—1797 годах; А. В. Шилов. Ценное свидетельство о положении вотчинных крестьян на золотых промыслах Пермской губернии в конце 30-х годов XIX века; К. С. Маханек. К истории крупного помещичьего хозяйства на Урале 40—50-х годов XIX века; Н. Д. Аленчикова. Документы о Петре Сцегенном в Государственном архиве Пермской области; Я. Б. Рабинович. К истории бесцензурной демократической печати на Урале; Э. М. Мильман. Новые материалы о первой стачке на строительстве уральских железных дорог; Н. А. Аликина. Новые листовки Пермской организации РСДРП; М. А. Киприянова. Из истории возрождения Мотовилихинской большевистской организации в годы нового революционного подъема (1910—1912 гг.); М. Н. Царт. Лениным призванный; А. Г. Будрина, Г. А. Поликарпова. Из неопубликованных писем И. Э. Грабаря; М. А. Бобков. Совет Ильича (воспоминания о встрече с В. И. Лениным); А. Г. Наумова. Встречи с Клавдией Ивановной Кирсановой-Ярославской.

Хроникальные заметки

◆ В Свердловске 27—28 сентября проходила Республиканская научная конференция, посвященная 50-летию образования СССР,—«Ленинский план культурной революции и духовное развитие советского общества». Ее организовали Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, Уральский научный центр АН СССР, Уральский государственный университет имени А. М. Горького. На пленарном заседании с докладами выступили: В. Я. Климушев — «В. И. Ленин — создатель Союза ССР»; В. Л. Соскин — «Ленинский план культурной революции и проблемы культурного строительства в РСФСР в первые годы Советской власти»; В. Г. Чуфаров — «Победа социализма и решающие успехи культурной революции в СССР»; Л. Н. Коган — «XXIV съезд КПСС и проблемы духовного развития советского общества»; Л. М. Зак — «Основные проблемы истории культурного строительства народов СССР в советской историографии». На конференции работали секции: основные закономерности культурной революции и духовного развития советского общества; партийное руководство развитием народного образования и науки в СССР; формирование социалистической интеллигенции; партийное руководство развитием культурно-просветительной работы и искусства.

◆ 6—7 апреля в Риге состоялась научная сессия, посвященная проблемам источниковедения и историографии города Риги. Сессию открыл академик-секретарь Отделения общественных наук, чл.-корр. АН Латвийской ССР В. А. Штейнберг. На пленарном заседании был заслушан доклад В. И. Савченко — «Проблемы и задачи изучения истории социалистической Риги». Доклад «Документальные источники об участии рижских рабочих в социалистической революции 1940 года» сделал Э. А. Жагарс. Был заслушан также доклад «Проблемы основания города Риги в историографии» Т. Я. Зейда. Дальнейшая работа сессии проходила в трех секциях: проблемы источниковедения и историографии Риги эпохи феодализма; исторические источники и историография капиталистической Риги; проблемы источниковедения и историографии социалистической Риги. В прениях приняли активное участие сотрудники институтов республики, а также преподаватели высших учебных заведений.

◆ ИМЛ при ЦК КПСС, Центральный музей революции СССР, Центральный музей В. И. Ленина 20 сентября провели заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Н. Н. Колесниковой, члена КПСС с 1904 года. С докладом «Жизнь и революционная деятельность Н. Н. Колесниковой» выступила А. И. Толстихина (директор Центрального музея революции СССР). Воспоминаниями о Н. Н. Колесниковой поделились А. М. Арсеньев (директор Института общей педагогики, действительный член АПН СССР); М. Т. Иовчук (ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС, чл.-корр. АН СССР); М. Е. Непряхин, член КПСС с 1918 г.; П. Н. Поспелов (академик-секретарь Отделения истории АН СССР). Сообщение «Фонд Н. Н. Колесниковой в Центральном музее революции СССР» сделала М. А. Юхвец. Были заслушаны также выступления А. Султановой (председатель Совета женщин при ЦК Компартии Азербайджана); В. Я. Зевина (заместитель директора

ИМЛ при ЦК КПСС); О. С. Кривошеиной (директор Центрального музея В. И. Ленина).

◆ Политиздат выпустил подготовленный ИМЛ при ЦК КПСС сборник документов и материалов «Первый Интернационал и Парижская коммуна». Вошедшие в него материалы охватывают период с 18 марта 1871 г. до окончания деятельности I Интернационала, официально распущенного в июле 1876 года. В отличие от выпущенного этим институтом в 1941 г. сборника «Первый Интернационал в дни Парижской коммуны» новое издание содержит наряду с документами К. Маркса и Ф. Энгельса, Генерального совета Интернационала и письмами деятелей международного рабочего движения многочисленные материалы, публикуемые впервые. Это документы парижских секций Международного товарищества рабочих и Парижской коммуны.

◆ В книге «Советское содружество народов», выпущенной Политиздатом, собраны документы, рассказывающие о том, как рождалось и крепло первое в мире многонациональное социалистическое государство. Это работы В. И. Ленина, решения съездов партии и ее Центрального Комитета, декреты Советской власти, решения съездов Советов, документы государственных органов, резолюции и постановления собраний и митингов трудящихся. Значительная часть материалов публикуется впервые.

◆ В издательстве «Мысль» вышла книга В. А. Китаева «От фронды к охранительству (Из истории русской либеральной мысли 50—60-х годов XIX века)». Она посвящена западническому крылу дворянского либерализма 60-х годов XIX века. В книге показывается нарастание либерального движения в середине 50-х годов прошлого столетия, взаимоотношения либералов и революционных демократов. Автор дает портреты либеральных деятелей того времени — К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, М. Н. Каткова.

◆ Издательство «Мысль» выпустило книгу В. В. Чарнолуского «В краю летучего камня. Записки этнографа». В ней ныне покойный советский этнограф, путешествовавший в 20—30-е годы по Кольскому полуострову, рассказывает о жизни, обычаях, фольклоре небольшого северного народа саами, о природе полуострова. Книга иллюстрирована рисунками автора и редкими фотографиями.

◆ Вышла в свет в издательстве «Мысль» «Новейшая история Китая (1917—1970)», принадлежащая перу В. И. Глунина, А. М. Григорьева, К. В. Кукушкина, В. Н. Никифорова. В ней исследуется история китайской революции, борьба, которую вел китайский народ под руководством компартии против империализма и внутренней реакции. Большое внимание уделено истории КНР. В заключительных главах книги освещается внутренняя и внешняя политика КНР, разоблачается великодержавная националистическая политика Мао Цзэ-дуна и его группы, их раскольническая деятельность в международном рабочем движении.

◆ В Центральном государственном архиве Москвы обнаружены «выборные листы» Московского избирательного комитета с результатами голосования в районные думы города 24 сентября 1917 г. (по ст. ст.). Большевики стремились создать из дум опорные пункты для дальнейшей борьбы за власть Советов. Свыше половины избирателей отдали свои голоса списку № 5. В числе 710 избранных «гласных» было 359 большевиков. Почти 84% армейских избирателей голосовало за список № 5. Это голосование солдат гарнизона показало их поворот к большевистской партии, что сыграло важную роль в период социалистической революции.

◆ В результате проведенного в последнее время тщательного исследования фондов русской книги XVIII в. в библиотеках имени В. И. Ленина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, АН СССР, Публичной исторической и др. обнаружены книги, дошедшие до нас в одном-двух оттисках. Большую ценность представляет радищевское «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», сохранившееся в государственных хранилищах в двух экземплярах. В Фундаментальной библиотеке МГУ есть первый том собрания сочинений Ломоносова издания 1787 г., отпечатанный Н. Новиковым. Больше этой книги нет нигде.

◆ Через двести лет в поселок Добрянка, Черниговской области, вернулся... паспорт Е. И. Пугачева. Копию его с подлинника прислали сотрудники ЦГАДА краеведу Д. А. Хропачеву, составившему досье о пребывании вождя крестьянской войны в тех местах. Выдав себя за раскольника — выходца из Польши, Пугачев получил в Добрянском форпостном правлении охранный документ, представляющий собой густо исписанный лист бумаги. О владельце этого своеобразного паспорта говорилось: что «приметами он: волосы на голове темнорусые и борода черная с сединой... росту 2 аршина 4 1/4 вершка, от роду 40 лет». Ожидая разрешения на «свободный проход» к Иргизу — левому притоку Волги, избранному для жительства, Пугачев, как гласит предание, строил в Добрянке баню, помогал купцам торговать, чтобы сколотить немного денег на дорогу.

◆ Тагильские краеведы передали в Свердловский областной государственный архив письмо, написанное М. И. Кутузовым. Речь в нем идет о Бородинском сражении. Кутузов сообщает адресату, что Уральский полк за две недели был приведен в боевую готовность и вступил в соединение с действующими частями армии. 26 августа (по ст. ст.) бо́льшая часть людей этого полка была откомандирована в корпус генерал-лейтенанта Тучкова, который сражался на левом фланге Бородинской битвы, на Утицком кургане.

◆ Два года работали на ловозерской земле участники Кольской археологической экспедиции Карельского филиала АН СССР. Ими открыто в среднем и верхнем течениях реки Вороньей около 40 стоянок. Обнаружено двухслойное поселение. Удалось установить, что верхний слой относится к рубежу нашей эры. Инвентарь древних жителей этого поселения пред-

ставлен орудиями из камня и кости. Есть также топоры, желобчатые долота, наконечники стрел. Найдена асбестовая керамика, позволяющая сделать вывод, что в ту эпоху исследуемый район был заселен предками саамов.

◆ Археологическая экспедиция АН СССР, МГУ и Новгородского музея обнаружила уже пятисотую по счету с начала раскопок в древнем городе на Волхове берестяную грамоту. Одна из новонайденных грамот представляет особый интерес. Она написана чернилами и относится к XV веку. В ней идет речь о нападении в воскресный день на несколько новгородских усадеб каких-то людей. Этот документ еще раз свидетельствует об острой борьбе в годы, предшествовавшие присоединению Новгорода к Москве.

◆ При раскопках древнего городища Бурлы-кала, расположенного на южных отрогах Султан-Уиздага, в числе других уникальных предметов обнаружена кость животного с написанными на ней черной тушью десятью словами. Они начертаны раннехорезмийским письмом. Надпись датирована II в. до нашей эры. Она прочитана доктором филологических наук В. Лившицем. Древние слова оказались собственными именами хорезмийцев. Вот некоторые из них в переводе на русский: Хорошо дышащий, Идущий вместе (или соратник), Смотрящий, Сильный скотом, Обладающий благодатью божеств... Специалисты считают, что это одна из древнейших надписей, обнаруженных на территории Средней Азии.

◆ На Афрасиабе — древнем самаркандском городище — раскопана соборная мечеть, возведенная в IX в. н. э. и разрушенная спустя четыре столетия завоевателями. Находки археологов подтвердили и дополнили дошедшие до нас письменные свидетельства трагедии, постигшей Самарканд в 1220 году. Обнаружены следы пожара, уничтожившего этот последний оплот защитников города. Из-под слоя земли и пепла проступили фрагменты величественного сооружения. Пять входов вели в соборную мечеть. Ее стены были украшены фресками, фигурной керамикой, потолки сделаны из резного дерева.

◆ Мохраблур («холм пепла») расположен в Араратской долине недалеко от Эчмиадзина. Здесь археологи Армении обнаружили город, который возник в конце IV тыс. до нашей эры. Остатки плотин и каналов, жилых домов из сырцового кирпича и керамики, металлургического производства и оружия свидетельствуют о достаточно высоком уровне цивилизации древних. Обнаружен огромный храм, возраст которого насчитывает пять тысячелетий. По утверждению руководителя раскопок акад. Б. Б. Пиотровского, этот храм является древнейшим памятником монументальной архитектуры на территории Советского Союза.

◆ Раскопки уникальной палеолитической стоянки начали археологи Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Оказалось, что наши предки, желая придать особую прочность сооружениям, использовали в качестве строительного материала кости мамонта. На месте стоянки археологи обнаружили также много каменных орудий первобытных людей. Это топоры, ножи, дротики, наконечники для копий. Новое открытие позволяет предполагать, что первоначальное заселение Сибири шло в древнейшие времена не только с юга, но и, возможно, с запада, из Европы. Помимо каменных орудий, около жилища найдена украшенная орнаментом, мастерски вырезанная из бивня мамонта шпилька для волос.

◆ Археологическая экспедиция Киргизского государственного университета проводила раскопки в долине, которую скоро затопят воды Токтогульского водохранилища. Цель раскопок — найти вещественные доказательства, свидетельствующие о жизни саков в VI—IV вв. до нашей эры. Найдены редкие вещи, которые позволяют полнее представить жизнь и материальную культуру саков. Большой интерес вызывает обнаруженная при раскопках голова тигра из бронзы. Ученые считают, что возраст этого произведения древнего искусства около 25 веков. Среди находок также кувшины разной формы, бронзовая стрела, золотые украшения.

◆ Ленинградские ученые А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин вели раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре. Под разрушенными сводами одного из помещений были найдены бердыши, ядра, стволы карабинов, остатки кольчуг. Затем в архивах ими было просмотрено большое количество документов и рукописей, касающихся некоторых военных вопросов. В Ленинградском областном историческом архиве они обнаружили, в частности, почти полсотни рукописных книг и тетрадей, рассказывающих, как создавался Новый город — каменное «ожерелье» внешних укреплений Кирилло-Белозерского монастыря, кто возводил эти укрепления, какие денежные средства были при этом затрачены. Теперь с уверенностью можно сказать, когда была возведена та или иная башня или церковь монастыря. Разыскания позволили впервые узнать о подлинных именах строителей цитадели, даже восстановить некоторые стороны их биографии. Одним из них был К. И. Серков из деревни Шидгора, имя которого упоминается в документах на протяжении 30 с лишним лет. Сначала он рядовой каменщик, затем глава строительной артели, потом каменных дел подмастерье, руководивший уже всеми работами: архитектурными, строительными, военными. Довольно часто в документах встречаются также фамилии каменщиков Костоусовых из села Лоза. При раскопках в монастыре открыты хозяйственные постройки. Одна из них с большой печью, с ванной для замачивания зерна, в которой приготовляли солод. Таких находок раньше не встречалось. Исследована и усыпальница князей Воротынских.

◆ Археологическая экспедиция, организованная Архангельским краеведческим музеем, обследовала ряд древних памятников в верхнем и нижнем течении реки Пинеги. Наибольший интерес представляют петроглифы, обнаруженные в известняковом гро-

те близ деревни Курги. Первобытный художник изобразил на стенах пещеры фигуры людей в ритуальных позах. Рисунки высечены в скале острым металлическим зубилом, использована так называемая контурная техника. Аналогии изображения людей в кургинских петроглифах обнаруживаются среди так называемых чудских бронзовых идолов, в особенности они близки идолу из Кузомени. Это позволяет датировать ансамбль рисунков в Курге приблизительно рубежом нашей эры. Достоверность древних рисунков в Курге подтверждается, в частности, тем, что во всех изображениях имеются высеченные здесь же кресты. Последние были высечены воинствующими церковниками, боровшимися с языческими верованиями аборигенов Пинеги — «чуди белоглазой».

◆ Клад мастера-литейщика бронзового века найден в селе Махо, Хелвачаурского района Аджарии. Экспедиция археологов Батумского научно-исследовательского института АН ГрузССР извлекла из земли 11 топориков и остатки глиняного сосуда, в котором они были спрятаны. Находка относится приблизительно к концу II — началу I тыс. до нашей эры. Бронзовые орудия труда такой формы и таких размеров встречаются только в Колхидской низменности.

◆ Много лет археологов привлекает древняя Ольвия. Более 3 десятилетий ведутся здесь, у села Порутино, Очаковского района, раскопки, которыми руководит чл.-корр. АН УССР Л. М. Славин. В 1971 г. при раскопках древнего города были обнаружены земляные и каменные жилища, хранилища для зерна, посуда, в том числе амфоры, скульптура. Открыты остатки грандиозного здания, ряд надписей римской эпохи. Находки относятся к I в. до нашей эры.

◆ В Бресте завершились длившиеся четыре года раскопки древнего Берестья. Изучение дошедших до нас письменных источников позволило сделать вывод, что Берестье находится на мысе при впадении левого рукава реки Мухавец в Буг. Археологические раскопки дали много сведений о внешнем виде этого поселения, о высокой культуре его населения. Здесь сохранилось по 7—8—12 венцов построек, обнаружены дверные проемы в домах, выявлена улица. Укрепленная часть города отличалась высокой плотностью застройки, расстояние между домами доходило до 40—45 сантиметров. Найдено много металлических серпов, кос, топоров, каменных жерновов, приспособления для обработки льна, сверла, рыболовные снасти. Находки говорят о том, что население занималось земледелием, скотоводством, рыболовством, различными ремеслами.

◆ Археологическая экспедиция Института археологии АН УССР обнаружила на Украине, близ Умани, остатки одного из древнейших городов юго-восточной Европы, существовавшего более 5 тыс. лет назад. На плато, возвышающемся над речной долиной, выявлены остатки глинобитных домов. Обращает на себя внимание планировка улиц: они расположены по кольцевой и радиальной системам. Многие дома были двухэтажными. Об этом говорят остатки обвалившихся межэтажных перекрытий, под которыми погребены орудия труда и домашняя утварь древних обитателей. Раскопки свидетельствуют о степени развития древних племен, проживавших в юго-восточной Европе, культура которых известна науке под названием трипольской.

Рецензии

MAURICE COUVE DE MURVILLE. *Une politique étrangère, 1958—1969.* Paris. Plon. 1971. 500 p.

МОРИС КУВ ДЕ МЮРВИЛЬ. *Внешняя политика. 1958—1969 гг.*

На протяжении почти двух последних веков в истории французской внешней политики ни один министр иностранных дел, если не считать графа Ш. де Вержена (21 июля 1774 г.— 13 февраля 1787 г.), не оставался бессменно на своем посту в течение десятилетнего периода. Призванный генералом де Голлем в июне 1958 г. возглавить Кэ д'Орсе, его преданнейший сторонник еще со времени Сражающейся Франции, тогдашний французский посол в Бонне, Морис Кув де Мюрвиль находился у кормила одной из самых гибких дипломатических служб капиталистических стран вплоть до майских событий 1968 года. Его книга содержит разнообразный и достаточно хорошо систематизированный материал по внешней политике Франции с момента прихода де Голля к власти в мае 1958 г. до его «добровольного» отказа от президентского поста в апреле 1969 года. Автор довольно широко использует ранее малоизвестные или неопубликованные документы, нередко пространно цитирует дневниковые записи важнейших встреч, переговоров с иностранными главами государств и правительств. В целом книга носит мемуарный характер.

Касаясь в общем плане некоторых принципов внешней политики V Республики, Кув де Мюрвиль отмечает, что, отягощенная грузом колониального наследия, она в послевоенные годы не могла быть в полной мере независимой. Период «деколонизации» автор с пафосом называет «великим начинанием», заслугой Франции. Но, сам того не замечая, он делает вывод, с которым нельзя не согласиться: «Начиная с 1945 года стало ясно, что время империй прошло и наши заморские территории должны будут не сегодня, так завтра взять в свои руки свою судьбу», и «в конечном итоге главной проблемой для Франции оставалось выяснить, каковы будут отношения в будущем... между бывшим сувереном и освободившимися странами» (стр. 17—18). Кув де Мюрвиль отводит значительное внимание франко-американским отношениям. После войны, констатирует он, контроль США над странами Западной Европы достиг такой степени, что «он стал для многих политических деятелей Европы своего рода второй натурой» (стр. 50). Поскольку, по его мнению, «с 1946 по 1958 год США господствовали над французской внешней политикой» (стр. 18), перед деголлевской дипломатией, естественно, вставал вопрос о дальнейшей судьбе франко-американских отношений. В этом плане наибольший интерес представляют сообщаемые в книге факты, связанные с попытками западных стран наладить более тесное политическое сотрудничество перед лицом сплоченного социалистического содружества. Длившиеся более трех лет переговоры США, Франции и Англии наталкивались, по словам автора, на два препятствия: во-первых, отсутствие единого подхода к характеру планируемых консультаций (вопрос об их регулярности и обязательности) и, во-вторых, разногласия по проблемам ядерного планирования (отказ американцев вести переговоры об этом) и принятия решения о применении атомного оружия.

Поскольку французские предложения о совместных консультациях и согласованных действиях западных стран, обладающих атомным оружием, не получили поддержки, Франция приступила к осуществлению решения обеспечить себя атомным оружием. Автор, касаясь вопросов ядерной стратегии, довольно детально и пространно рас-

сматривает англо-американские отношения в этой области, отношение Франции к выработанному Кеннеди и Макмилланом на Багамских островах в декабре 1962 г. «пакту Нассау», а также вопрос о создании так называемых многосторонних ядерных сил («МЯС») в рамках НАТО. В книге приводятся обширные выдержки из дневниковых записей встреч Кув де Мюрвиля с Кеннеди в мае и октябре 1963 года. В одной из бесед французский министр выразил тревогу по поводу того, что планы создания «МЯС» «порождают в Бонне надежды» и таят в себе опасность «вызвать там аппетит». На замечание Кеннеди о том, что ядерная политика Франции может вызвать у ФРГ «вкус» получить в собственные руки атомное оружие, Кув де Мюрвиль ответил, что «в любом случае у нас нет намерения помогать ей в производстве и во владении этим оружием. На настойчивую просьбу моего собеседника по последнему вопросу я подтвердил ему мой ответ: «Нет, ни в коем случае» (стр. 97). После подписания в 1963 г. договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, отмечает Кув де Мюрвиль, «всякая мысль о сотрудничестве была окончательно оставлена Вашингтоном и одновременно был установлен строгий контроль над поставками Франции частными американскими промышленниками материалов для выполнения ее программы» (стр. 64). Вообще с приходом к власти Кеннеди франко-американские разногласия по вопросам ядерного оружия приняли более резкие формы. «Атомные дела,— говорится в книге,— занимали значительное место в наших отношениях и самое большое место в наших дискуссиях с США во время президентства Д. Кеннеди, чем в любое другое время» (стр. 99).

Автор довольно подробно рассматривает проблемы, связанные с деятельностью Североатлантического пакта. Выход Франции в 1966 г. из военной организации этого агрессивного блока, по словам Кув де Мюрвиля, был продиктован отчасти широким процессом разрядки в отношениях с социалистическими странами Восточной Европы. С другой стороны, США все больше вмешивались в дела Юго-Восточной Азии, и Франция могла быть однажды втянутой против своей воли в какой-нибудь конфликт, а «пример Вьетнама давал широкий простор для размышлений» (стр. 75). Ввиду несогласия с американской политикой, пишет автор, и отказа поддержать действия американцев во Вьетнаме, как этого требовали союзники на одной из сессий совета СЕАТО в Маниле, Франция в 1964 г. отказалась участвовать впредь в заседаниях этой организации. Заявление генерала де Голля 1 сентября 1966 г. в Пномпене о необходимости соблюдения Женевских соглашений 1954 г., политического решения проблемы Индокитая и вывода оттуда американских войск еще больше обострило франко-американские отношения.

Вызывает интерес объяснение Кув де Мюрвилем причин франко-американских разногласий в подходе к судьбам Европы. Если французская концепция сводилась к тезису «европейской Европы», то мнение США, в частности Кеннеди и его советников, склонялось в пользу «атлантической Европы», то есть Европы во главе с Соединенными Штатами. Но для начала, пишет автор, по американским замыслам нужно было, чтобы Великобритания присоединилась к «Общему рынку». Однако на пресс-конференции 14 января 1963 г. де Голль категорически высказался против вступления Англии в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и против интеграции ядерных сил Франции и НАТО.

Известно, что установление во Франции режима V Республики совпало по времени с первыми шагами «Общего рынка», в котором она намеревалась стать, по словам Кув де Мюрвиля, «движущим элементом» (стр. 303), преследуя не только сугубо экономические цели, но и планы организации политического союза внутри этого сообщества. Поэтому попытки расширить его на всю Западную Европу, в том числе и на Англию, вызвали со стороны Франции возражения, поскольку могли, по мнению автора, «задушить в зародыше экономическое сообщество, потопив его в конгломерате государств, где оно потеряет свой собственный характер» (стр. 385). Отсюда ухудшение англо-французских отношений в период президентства де Голля.

Касаясь франко-западногерманских отношений, Кув де Мюрвиль пишет, что в силу известных причин «Германия с давних пор представляет для Франции предмет главной заботы ее внешней политики» (стр. 235). Поскольку развитие обстановки в Европе, по мнению Кув де Мюрвиля, зависит и сейчас от состояния франко-западногерманских отношений, вопрос о «примирении» между Францией и ФРГ обсуждался начиная с 1958 г. в обеих странах. Франция, идя на сближение с ФРГ, полагала, что «только «привязанная» к Западу Германия (име-

ется в виду ФРГ. — В. В.) дала бы возможность заложить основы европейского равновесия» (стр. 240). Отчасти это один из побудительных мотивов, толкнувших Францию на подписание 23 января 1963 г. с ФРГ политического договора о систематических двусторонних консультациях. Затрагивая вопрос о разногласиях с ФРГ, автор считает, что они касались в основном трех аспектов: обороны, НАТО и отношений с США. В Бонне вызывала недовольство позиция Франции относительно признания европейских границ и реальностей, возникших в результате разгрома фашистской Германии. 25 марта 1959 г. де Голль указал на пресс-конференции на необходимость признания правительством ФРГ существующих границ, а 22 мая того же года на Женевской конференции министров иностранных дел по берлинскому вопросу Кув де Мюрвиль заявил, что Западный Берлин «не является частью Федеративной Республики и не должен принадлежать ей» (стр. 171). В книге говорится и о том, что между Францией и ФРГ существовали расхождения в вопросе о восточной политике. Но поскольку после прихода в ФРГ к власти коалиционного правительства во главе с В. Брандтом наметился сдвиг в отношениях с социалистическими странами, точки зрения Франции и ФРГ сблизились. «Это был путь, на который мы советовали ей давно вступить,— пишет Кув де Мюрвиль.— И как только она на него вступила, наша роль состояла в том, чтобы поощрять ее и попытаться ей помочь» (стр. 280).

Затрагивает автор и вопросы отношений Франции с рядом других стран мира. Он сообщает, например, некоторые детали налаживания франко-китайских контактов на Женевской конференции (1961—1962 гг.), приведших к установлению в январе 1964 г. дипломатических отношений между двумя странами. В книге характеризуется также политика Франции на Ближнем Востоке. Автор, в частности, сообщает, что де Голль в его присутствии заявил 24 мая 1967 г. министру иностранных дел Израиля А. Эбану, что Франция в любом случае осудит того, кто первым начнет военные действия (стр. 469).

Немаловажное место в книге занимает рассмотрение франко-советских отношений. Кув де Мюрвиль отмечает, что «в 1958 г. отношения Франции с Советским Союзом были редкими и ограниченными» (стр. 161). Но к этому времени в условиях общей разрядки напряженности как на европейском континенте, так и в мире в целом постепенно «пробила себе дорогу другая концепция отношений между странами Запада и Востока». «Конец «холодной войны» знаменовал собою также начало ослабления жесткого раздела на соперничающие и, следовательно, враждебные друг другу блоки» (стр. 191). Такой подход французской дипломатии к налаживанию добрососедских отношений с социалистическими странами Европы, и в частности с Советским Союзом, не мог не вызвать положительной реакции с их стороны. Автор признает, что интересы народов Франции и СССР по многим главным проблемам не сталкиваются. Но в вопросах германского мирного урегулирования и решения берлинской проблемы советская и французская позиции резко расходились, что и составляло, по словам Кув де Мюрвиля, предмет главных разногласий между ними в послевоенные годы.

В начале 1965 г. в советско-французских отношениях наметился определенный поворот. Во время встречи А. Н. Косыгина с французским послом в Москве Ф. Бодэ было выражено пожелание проводить между двумя правительствами консультации, так как по многим вопросам их «взгляды не расходились, а нередко даже совпадали» (стр. 204). В июле 1966 г. состоялся визит де Голля в Советский Союз. Оказанный ему прием был во всем «поразительным», отмечает автор, а «объяснение» с советскими руководителями «было искренним, и стало очевидным, что с той и другой стороны стремятся к миру... Это был главный вывод, который мы вынесли из переговоров» (стр. 221). Кроме того, по мнению Кув де Мюрвиля, стала очевидной необходимость «продолжить проведение систематических консультаций в плане политики и одновременно налаживать сотрудничество во всех областях» (стр. 222). Важное место в переговорах, продолжает автор, заняли вопросы, касающиеся судеб европейского континента и всего мира. Тогда, пишет Кув де Мюрвиль, «впервые Брежнев выдвинул идею европейской конференции по безопасности» (стр. 221). Улучшение советско-французских отношений, подтверждает автор, оказало благотворное влияние на развитие более широких связей Франции с другими социалистическими странами.

В. Н. Владимиров

J. H. M. LASLETT. *Labor and the Left. A. Study of Socialist and Radical Influences in the American Labor Movement, 1881—1924.* Basic Books. Inc. New York—London. 1970. 326 p.

ДЖ. ЛАСЛЕТТ. *Труд и левые. Исследование социалистических и радикальных влияний на американское рабочее движение, 1881—1924.*

Книга американского историка Джона Ласлетта посвящена проблеме влияния социалистического движения и тред-юнионизма на формирование классового сознания американского пролетариата. Обычно историки, пишет Ласлетт, стремясь объяснить относительную слабость социалистической идеологии в американском рабочем движении, ограничиваются характеристикой роли и воззрений национальных профлидеров, особенно С. Гомперса, который упорно сопротивлялся как социалистическому движению, так и политике «третьей партии» (стр. 4). Из социалистических деятелей, пишет Ласлетт, американские историки наибольшее внимание уделяют Де Леону, В. Бергеру, М. Хилквиту и Ю. Дебсу и при этом, как правило, исходят из того, что большинство лидеров и активистов социалистического движения США были иммигрантами. Не отрицая различий в концепциях американских историков, Ласлетт тем не менее объединяет на этой охарактеризованной выше платформе таких резко отличающихся друг от друга исследователей, как М. Карсон и Д. Шэннон, Ф. Фонер и Г. Гроб, З. Перлман и Д. Белл. Сам Ласлетт же стремится доказать, что рост социалистических и радикальных тенденций в американском рабочем движении в 1881—1924 гг. происходил в результате «разнообразных политических, технологических и экономических факторов, влиянию которых было подвержено американское общество на протяжении рассматриваемого периода» (стр. 15). Тот факт, что в работе Ласлетта предпринята попытка установить связь между американскими социально-экономическими условиями и социалистической тенденцией в рабочем движении этой страны, в известной степени отличает ее от других изданий.

Автор пытается проследить на материале истории шести крупных и влиятельных тред-юнионов, как шло формирование социалистических воззрений в сознании пролетариата США. Ласлетт умышленно берет профсоюзы, отличающиеся друг от друга составом, историей возникновения, уровнем квалификации своих членов, этническим составом, географическим местоположением. Среди них: объединенный союз пивоваров, союз дамских портных, союз рабочих-металлистов, объединенный союз горняков, наконец, самый «мятежный» из них — профсоюз Западная федерация горнорабочих (ЗФГ). Как известно, именно ЗФГ сыграла наибольшую роль в создании производственного профсоюзного объединения Индустриальные рабочие мира (ИРМ). Ссылаясь на протоколы съездов АФТ, автор утверждает, что перечисленным выше союзам принадлежало на разных этапах от $^1/_3$ до $^1/_2$ голосов «всех социалистов и радикалов» на съездах Федерации (стр. 8). Опираясь на документы этих профсоюзов и их печатные издания, Ласлетт показывает (и эти страницы принадлежат к самым интересным в его книге), как складывалась и становилась влиятельной оппозиция официальному курсу АФТ по таким коренным вопросам, как независимое политическое движение рабочего класса, борьба за производственные профсоюзы, приобщение к профдвижению неквалифицированных рабочих, отношение к иммигрантам и к иммиграционной политике правительства, позиция относительно рабочего законодательства и негритянской проблемы.

Социалистические настроения в указанных союзах были, по мнению Ласлетта, следствием тех условий, в которых оказались рабочие данных отраслей промышленности в конце XIX — начале XX века. При этом для каждой из них решающую роль сыграли свои особые обстоятельства: в одном случае — преобладание социалистически настроенных иммигрантов (пивовары и портные), в другом — более низкие по сравнению со средним американским уровнем условия жизни и труда (обувщики и металлисты). Ко всем союзам относился такой фактор, как резкое ухудшение положения рабочих и снижение эффективности борьбы с предпринимателями в связи с появлением и ростом могучих корпораций.

О пивоварах Ласлетт пишет: «Плохие условия и низкая зарплата, расширение применения неквалифицированного труда, производственный принцип организации и преобладание немцев среди рабочих данной от-

расли были определяющими обстоятельствами для роста просоциалистических настроений в союзе пивоваров» (стр. 16). В течение более чем десяти лет союз оставался одним из самых верных и энергичных сторонников социалистической партии (стр. 21). Объединенный союз пивоваров критиковал «беспартийную политическую линию» АФТ, одобрил билль о нуждах рабочих, представленный АФТ президенту и лидерам обеих палат конгресса в марте 1906 года. Газета этого союза «Brauer Zeitung» обвинила АФТ в лицемерии за то, что в течение длительного времени тред-юнионы не допускались к участию в решении политических вопросов, в то время как «политические комбинаторы из обеих главных партий» получили доступ в тред-юнионы. Газета открыто протестовала против бесполезной «тактики давления» на кандидатов буржуазных партий, она резко осудила Гомперса за то, что тот участвовал в распространении клеветы на социалистического кандидата Дебса (стр. 26). Объединенный союз пивоваров неустанно критиковал сотрудничество АФТ с Национальной гражданской федерацией (стр. 25).

В Массачусетсе, центре обувной промышленности США, продолжает Ласлетт, в конце XIX в. социалистическое движение имело прочную почву, так как его «поддерживал профсоюз обувщиков, большая ирландская организация, созданная в 1895 г.» (стр. 55), в составе которой были и англичане (стр. 58). Здесь социалистическая традиция, пишет автор, питалась другими по сравнению с союзом пивоваров источниками: «радикальной» направленностью, «гуманизмом», кооперативными устремлениями Рыцарей труда, к которым ранее принадлежали обувщики, тяжелыми последствиями механизации производства и внедрения фабричной системы (стр. 59).

В таком же ключе автор прослеживает социалистические тенденции в других профсоюзах. Состав, характер и местопребывание (южные штаты) межнациональной ассоциации рабочих-металлистов, высококвалифицированных специалистов железнодорожных мастерских — типичного цехового союза АФТ, возникшего в 1888 г., пишет Ласлетт, как будто бы не способствовали развитию радикальных взглядов у его членов. Однако в конце XIX в. к этому союзу примкнули северные отделения, а с ними и социалист Т. Дж. Морган, выступивший в 1890 г. на съезде АФТ с политической программой. Ласлетт указывает также на «глубокие изменения, происшедшие в профессии механиков» (стр. 151) в связи с технологическими усовершенствованиями, снижением их квалификационного уровня, повлекшие за собой ухудшение их материального положения. «Главное значение межнациональной ассоциации рабочих-металлистов,— указывает Ласлетт,— состояло в том вкладе, который она внесла в национальную социалистическую традицию в американском рабочем движении. Она оказала влияние на развитие социалистической тенденции среди рабочих американского происхождения, в то время как союз дамских портных — среди рабочих-иммигрантов». Рассмотрев вопрос о распространении социалистических идей в этом профсоюзе, автор пришел к выводу, что «тяготение американских рабочих к социалистическому движению не ограничивалось неквалифицированными и лишенными привилегий» или теми союзами, где преобладали иммигранты. «Социализм,— признает Ласлетт,— имел большое влияние и на квалифицированных рабочих и на рабочих, родившихся в Америке» (стр. 145).

Вместе с тем, несмотря на широкое использование многих новых документов, Ласлетт не сумел воссоздать процесс роста социалистических настроений в среде рядовых членов профсоюзов, в самой толще рабочего класса. Он, как и большинство других буржуазных историков, в основном оперирует материалами, характеризующими позиции лидеров движения. Среди факторов, способствовавших росту социалистических настроений среди пивоваров, обувщиков, механиков и западных горняков, Ласлетт называет и такой, как сокращение возможностей вступить на путь предпринимательства. Однако этот фактор действовал в более ранний период, а в 90-е годы XIX в. и тем более в 900-е годы практически уже не было речи о подобных перспективах. Нельзя не возразить и против утверждения Ласлетта о решающем влиянии на психологию американцев «границы», будто бы определившей радикализм горняков Запада[1] (стр. 281).

Автор упоминает единственный случай, когда АФТ поддержала на выборах «третью партию» — Р. Лафоллета (1924 г.). В дальнейшем на протяжении длительного времени интересы и надежды АФТ были связаны с демократической партией, что прервало

---

[1] В данном случае Ласлетт полемизирует с М. Дубовским (см. М. Dubofsky. The Origins of Western Working Class Radicalism. 1890—1905. «Labor History». Vol. VII, 1966, № 2).

развитие движения в пользу самостоятельного политического действия. В торжестве «прагматического» рабочего движения и в дальнейшей «ассимиляции рабочих в американском обществе» Ласлетт видит главное проявление «исключительности» американского рабочего движения. Однако этот тезис вызывает решительное возражение; марксистские исследователи, и не только они, показали, что в США происходил дальнейший рост социалистических настроений, окрепло влияние коммунистов, сыгравших важную роль в создании КПП.

Свою концепцию истории американского рабочего движения Ласлетт противопоставляет марксистскому учению о классовой борьбе, о роли пролетариата как революционной силы. Вывод автора о неизбежности отказа пролетариата от самостоятельного политического движения связан с его нежеланием видеть борьбу двух тенденций — революционной и оппортунистической — в рабочем движении США, а тем более признавать значение революционной теории для рабочего движения.

С. М. Аскольдова

VARGA JÁNOS. *A jobbágyfelszabadítás kivívása 1848-ban.* Budapest. Akadémiai Kiadó. 1971. 367. old.

ЯНОШ ВАРГА. *Освобождение крепостных в 1848 году.*

Книга известного исследователя аграрной истории Венгрии XVIII—XIX вв. Яноша Варги посвящена одной из важнейших проблем истории Венгрии XIX века. Монография охватывает совсем небольшой отрезок времени — всего два месяца. Но это был исключительно напряженный и острый период в истории страны: на протяжении этих дней решился вопрос об освобождении крепостных в Венгрии.

Книга подытоживает многолетний труд автора по изучению поземельных отношений и положения крестьянства [1]. Она отличается широкой источниковедческой базой, будучи написана по материалам венгерских и австрийских архивов и опубликованных документов, мемуаров и периодической печати.

В 11 ее главах шаг за шагом прослеживается постановка крестьянского вопроса на венгерском сейме, заседавшем в Пожони (Братислава), и дебаты по нему. Исходным моментом исследования является февральская революция 1848 г. во Франции, известия о которой быстро дошли до депутатов собрания, заседавшего с ноября 1847 г., и придали более активный характер действиям оппозиции, требовавшей решить давно назревшую проблему. В первых главах работы характеризуется обстановка в Венгрии и Австрии в феврале 1848 года. Под воздействием революционных событий во Франции группа Кошута 3 марта составила адрес императору, в котором потребовала не только освобождения крепостных (с выкупом), но и уступок в вопросе о государственном статусе Венгрии. Сплочение оппозиции, с одной стороны, и раскол консервативного лагеря — с другой, привели в замешательство венский двор и заставили его перейти к тактическим маневрам. Меттерних и его окружение на определенном этапе вынашивали план роспуска сейма. Однако крестьянское движение в Венгрии весной 1848 г. и вспыхнувшая в Вене революция помешали его реализации.

Автор показывает качественные сдвиги в постановке на сейме крестьянского вопроса после мартовской революции в Вене. Сейм впервые юридически признал необходимость налогового обложения дворянства с тем, чтобы выкуп крестьянских повинностей взяло на себя государство. В этой обстановке разразилась 15 марта революция в Пеште и были выдвинуты известные «12 пунктов», сформулировавшие основные требования революции (свобода печати, создание ответственного правительства Венгрии и ежегодный созыв государственного собрания, политическое и религиозное равенство, всеобщее налогооб-

---

[1] Varga János. A jobbágyi földbirtoklás típusai és problémái 1767—1849. Budapest. 1967; ejusd. A jobbágyrendszer a magyarországi feodalizmus kesei századaiban. 1556—1767. Budapest. 1969.

ложение, ликвидация крепостничества, введение суда присяжных, создание национального банка, принесение армией присяги конституции, вывод иностранных солдат из Венгрии, запрещение венгерским солдатам служить за пределами страны, освобождение политических заключенных, уния с Трансильванией и т. д.). Заслугой Я. Варги надо признать то, что он дал скрупулезный анализ этих пунктов и обосновал вывод, что эти требования в целом и по крестьянскому вопросу в частности являлись программой либерально-дворянской оппозиции и не могли удовлетворить стремлений широких народных масс. Автор подробно рассматривает позицию представителей революционно-демократического лагеря — Петефи и Вашвари, требовавших дальнейшего углубления революции. В частности, в 5-й главе разбирается известное стихотворение Петефи «Магнатам» и влияние этого произведения на дальнейший ход событий. Я. Варга решает здесь важные вопросы, связанные с творчеством великого поэта-революционера. Новые материалы, приведенные в книге, полностью подтверждают то мнение, что на решение сейма, принятое 18 марта, отменить крепостное право определяющее влияние оказали слухи, получившие широкое распространение в стране, что Петефи во главе крестьянского войска стоит под Пештом и готов двинуться на Пожонь.

Ситуация в Пожони после принятия закона об отмене крепостного права раскрыта автором в 7-й и 8-й главах, где показана попытка представителей консервативного лагеря отменить закон об освобождении крестьян или путем издания дополнительных декретов свести на нет его значение. Автор показывает, как Вена пыталась сыграть на этих противоречиях, стремясь использовать их для того, чтобы ослабить революционный лагерь. Он убедительно обосновывает тезис о решающей роли широких трудящихся масс в защите завоеваний революции. Именно в результате их твердой позиции реакционному лагерю не удалось осуществить своих замыслов. Однако на данном этапе борьбы революционные демократы, выдвигавшие требование провозглашения республики и считавшие недостаточными уступки сейма по крестьянскому вопросу, не смогли взять в свои руки руководство революцией.

В заключение Я. Варга, подчеркивая прогрессивное значение освобождения крепостных, останавливается на недостатках аграрного законодательства, принятого сеймом в марте 1848 года. Самым существенным пороком этого законодательства он справедливо считает то, что остались в силе многие феодальные прерогативы, а бо́льшая часть крестьянства, по сути дела, лишилась земли. В монографии рассматривается имущественное и юридическое положение, в каком оказались различные группы крестьян в результате освобождения.

Книга впервые в венгерской литературе даст с марксистско-ленинских позиций освещение крестьянского вопроса в монархии Габсбургов в период революции 1848 г., проливает свет на многие спорные и не решенные до сих пор вопросы. Своим богатым содержанием она направлена против концепций буржуазной историографии, опровергая ту распространенную в ней легенду, будто венгерское дворянство принесло в марте 1848 г. жертву на алтарь отечества. Даже для ряда придерживающихся в целом передовых взглядов исследователей, вроде историка-позитивиста И. Ачади, крестьянское законодательство 1848 г. было «великой реформой», составной частью «золотой книги венгерского законодательства» 1848 г., целью которого (и здесь Ачади цитирует преамбулу законов) являлось «предоставление всему венгерскому народу равных прав»[2]. Он совершенно обходит молчанием то обстоятельство, что реформа была вырвана у господствующих классов силой, и, по существу, расценивает ее как благодеяние со стороны дворянства.

Я. Варга отнюдь не считает позицию дворянских депутатов проявлением классового мира, как это склонны представлять буржуазные историки. Крестьянское законодательство 1848 г. он рассматривает как закономерный результат исторического развития и его большое значение видит в том, что оно создало основу для дальнейшего развертывания классовых выступлений крестьянства, сыгравшего значительную роль в ходе революции и национально-освободительной борьбы в Венгрии в 1848—1849 годах. При этом автор оперирует заслуживающими доверия фактами и цифровыми данными о положении разных групп крестьян после реформы, о выдви-

[2] И. Ачади. История венгерского крепостного крестьянства. М. 1956, стр. 340.

нутых ими конкретных требованиях, о характере и направлении их борьбы.

Более глубокому уяснению крестьянской реформы способствует и попытка Я. Варги сопоставить борьбу за освобождение крепостных в Венгрии с аналогичным процессом в других странах Центральной и Восточной Европы в те годы. Однако нам представляется, что этот материал носит несколько фрагментарный характер и не раскрывает определенных закономерностей и специфических черт Венгрии. Можно также отметить, что книга, несомненно, выиграла бы, если бы автор более активно вступил в полемику с буржуазными историками.

И. М. Мешко, Я. И. Штернберг

A. KUHN. *Hitlers aussenpolitisches Programm. Entstehung und Entwicklung. 1919—1939.* Stuttgart. Ernst Klett Verlag. 1970. 286 S.

А. КУН. *Возникновение и развитие внешнеполитической программы Гитлера (1919—1939 гг.).*

Западногерманский буржуазный историк Аксель Кун стремится в своей книге проследить зарождение и эволюцию гитлеровской внешнеполитической программы в период между двумя мировыми войнами. Работа состоит из двух неравноценных по замыслу и воплощению частей. В первой автор рассматривает процесс формирования внешнеполитической программы национал-социализма в 1919—1924 гг., концентрируя основное внимание на причинах, обусловивших у Гитлера мысль о войне с СССР. Основная идея этой части книги заключается в следующем: в 1923 г., после того, как Гитлер обнаружил иное, чем у Франции, отношение Англии к вопросу об оккупации Рура, в его представлении союз с Великобританией стал необходимой предпосылкой ревизии Версальского договора (стр. 93, 95). Но такой союз был возможен лишь при условии отказа Германии от притязаний на колонии и от гонки морских вооружений. Поскольку Гитлер рассматривал колонии как необходимое «жизненное пространство», следовало найти новый объект для планов германской экспансии. Тут-то его взгляд и обратился на Восток, к России (стр. 104, 128). Мысль о войне с Советским Союзом, пишет А. Кун, впервые была сформулирована Гитлером в «Майн кампф» в 1924 г. (стр. 99, 109).

Таким образом, подготовительную стадию выработки фашистской внешнеполитической программы Кун относит к 1919—1923 годам. На этом этапе, утверждает он, Гитлер еще не видел в России «абсолютного» врага, к каковым он тогда причислял Францию, Англию и США (стр. 47), хотя его враждебное отношение к Советской власти с самого начала было выражено вполне определенно (стр. 50, 69) и он возлагал большие надежды на победу белых в гражданской войне (стр. 53). Признавая этот факт, Кун тем не менее пытается доказать, что вплоть до середины 1924 г. Гитлер не помышлял о завоевательном походе против России, поскольку до этого якобы рассчитывал на падение Советской власти (стр. 99, 131). Такова логика, которой придерживается западногерманский историк.

Прежде всего вызывает возражение то, как Кун трактует вопрос о времени формирования у Гитлера замысла войны с Советским Союзом. Во-первых, автор упускает из виду, что уже с 1920 г. Советское правительство стало рассматриваться в Германии как единственный представитель народов России [1]. Концентрируя внимание на личности Гитлера, Кун забывает о внутри- и внешнеполитическом положении Германии после первой мировой войны. Он явно не считается с тем обстоятельством, что в первые годы Веймарской республики ни одна из буржуазных партий, если она не хотела лишиться поддержки избирателей, не могла игнорировать тот факт, что Советская Россия противостояла державам — учредительницам Версальской системы. Поэтому буржуазные партии избегали включать в свои программные документы призывы к завоева-

---

[1] H. Linke. Deutschland und die Sowjetunion von Brest-Litowsk bis Rapallo. «Aus Politik und Zeitgeschichte». 1972, № 16, S. 33; H. Meier-Welcker. Seeckt. Frankfurt a. M. 1967, S. 322—323.

тельному походу против Советской России, как бы им того ни хотелось. Кун сам косвенно подтверждает эту мысль, когда пишет, что агитация против Версальского мира доминировала в речах Гитлера вплоть до 1923 г. (стр. 32). Международная обстановка изменилась к 1924 г.: на Западе стало ясно, что положение Советского государства стабилизировалось, а в лагере государств — победителей Германии открыто проявились глубокие политические и экономические противоречия. США в это время уже готовы были предоставить практически любую помощь Германии, рассматривая ее в качестве главного «антикоммунистического бастиона» западного мира. В этих условиях преимущество ориентации на англо-американский блок стало для правящих кругов Германии очевидным. В такой политической атмосфере четкое формулирование откровенной антисоветской внешнеполитической программы было достаточно обусловленным шагом германского фашизма. Однако нельзя идентифицировать этот шаг с моментом зарождения у фашистов планов войны с Советской Россией, как это делает Кун. К тому же он сам признает, что уже в 1920 г. Гитлер наметил переориентацию германской внешнеполитической экспансии на Восток, не конкретизируя, однако, объектов этой экспансии (стр. 59).

Вызывает возражение и то, как Кун оценивает фашистскую внешнюю политику до прихода нацистов к власти. Стержнем ее он считает стремление к созданию различных внешнеполитических союзов. В действительности подобное стремление не могло стать ни стержнем, ни лозунгом внешней политики нацизма, тем более в течение столь длительного периода. Этот курс гитлеровцы использовали, добиваясь ревизии Версальского мира, под прикрытием которой Германия осуществляла свою экспансию на европейском континенте, он выполнял важную, но все же лишь вспомогательную функцию. Тезис о «политике союзов», видимо, призван подтвердить главную идею книги, содержащуюся в том, что союз с Англией играл решающую роль в формировании внешнеполитических планов Гитлера. Между тем во «Второй книге» Гитлер писал, что единственно возможным путем для создания «комбинации сил» явится конкретный внешнеполитический замысел [2], а не наоборот.

Относя вызревание у Гитлера замысла о войне с Россией к середине 1924 г., Кун тем самым резко противопоставляет идеологические цели фашизма его «геополитическим» планам. К тому же автор явно желает изобразить идеологический фактор во внешнеполитической программе германского фашизма как своего рода камуфляж (стр. 127). Между тем замысел войны против Советского Союза как главной цели внешней политики национал-социализма включал в себя решение ряда идеологических, экономических и военно-стратегических задач и возник вовсе не как производная от идеи Гитлера о союзе с Великобританией и отказе от приобретения «жизненного пространства» в заморских владениях. Он был квинтэссенцией всей нацистской программы, воплотившей в себе наиболее реакционные концепции идеологов германского милитаризма и империализма.

Во второй части книги Кун рассматривает отношение Гитлера к Англии в 1933—1939 гг., когда, по мнению автора, она занимала центральное место в его внешнеполитических комбинациях вплоть до начала второй мировой войны (стр. 142). Представляет интерес гипотеза автора о времени зарождения у Гитлера идеи войны с Великобританией. Буржуазные исследователи, как правило, относят ее возникновение к лету — осени 1938 г. [3], то есть связывают ее непосредственно с реакцией в правящей верхушке третьего рейха на события майского кризиса 1938 года. Возражая им, Кун приводит ряд свидетельств того, что уже в конце 1936 г. у Гитлера начинает складываться убеждение в неизбежности войны с Англией (стр. 201). Хотя эта гипотеза и нуждается в дополнительной проверке (не совсем ясны мотивы подобного решения «фюрера», в особенности их связь с состоянием англо-германских отношений в указанный период), она представляет интерес для понимания дальнейшей политики фашистской Германии. Оценка Англии как «смертельного врага» Германии, данная на совещании Гитлера с руководящей верхушкой рейха 5 ноября 1937 г., не кажется в таком случае слишком неожиданной и случайной [4].

Однако и вторая часть книги содержит немало тенденциозных выводов и положений. Это относится прежде всего к оценке политики Германии по отношению к Чехосло-

---

[2] «Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928». Stuttgart. 1961, S. 154.

[3] M. Salewski. Die deutsche Seekriegsleitung 1933—1945. Bd. I. Frankfurt a. M. 1970, S. 41.

[4] «Совершенно секретно! Только для командования!». М. 1967, стр. 55.

вакии в мае 1938 года. Искажая события, Кун фактически сваливает ответственность за ухудшение международной обстановки на правительство Чехословакии, которое, якобы не имея достаточных оснований, провело частичную мобилизацию (стр. 222). Автор склонен также к идеализации действий правительства Чемберлена весной 1939 г., повторяя довольно избитый тезис о «радикальном повороте английской внешней политики» после оккупации фашистами Праги (стр. 236—239, 266), и т. д.

В книге скорее поставлены, чем решены основные вопросы эволюции внешнеполитической программы нацизма. И это не удивительно, ибо большинство выводов автора основывается на некритической интерпретации заявлений самого Гитлера, без учета конкретной политической обстановки и аудитории, к которой они были обращены. Все это не могло не привести автора к противоречиям, неверным оценкам и даже искажению событий.

С. З. Случ

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Известия на военноисторическото научно дружество». Т. XIII. София. 1972.

Д. Христов. О некоторых военно-стратегических проблемах первого периода Отечественной войны 1944—1945 гг.; И. Иванов. Военные коалиции и проблемы их стратегии; П. Хаджииванов. Командование 1-й болгарской армией в Мурской наступательной операции 1945 г.; И. Марков. Особенности наступательных действий болгарской армии в горной местности в 1944 г.; И. Илиев. Боевой путь 34-го Троянского полка в первый период Отечественной войны (1944 г.); Участие болгарских женщин в Отечественной войне (1944—1945 гг.); С. Т. Недев. Дороги западного Причерноморья в римскую и ранневизантийскую эпоху; Л. Рангелов. Военно-педагогические взгляды полковника Б. Дрангова (1872—1917 гг.); Н. Сладкаров. Неизвестные факты жизни и деятельности майора К. Паницы; Д. С. Чилингиров. Макгахан и болгарский вопрос в 1876—1878 гг.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1972, № 4.

Л. Берг. Борьба за претворение в жизнь линии международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. и политика СЕПГ; Я. Штребер. От «Основных принципов» к «Комплексной программе». К истории укрепления экономического сотрудничества стран — членов СЭВ; К. Маммах. Помощь Г. Димитрова КПГ в антифашистской борьбе; Документы и материалы: В. Херден. В союзе с рабочим классом. Писатели и публицисты об антифашистском движении Народного фронта; Воспоминания: О. В. Кузнецова. Год в фашистской Германии; Научные сообщения: А. К. Воробьева. Ф. Энгельс и революционное движение в России в последние годы его жизни; М. Хундт. Генрих Бауэр — один из первых пролетарских революционеров.

«Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1972, № 1.

Г. Повик. Мировое коммунистическое движение — инициатор и ведущая сила антиимпериалистической борьбы народов; И. Цельт. Стадии развития и критерии пролетарского интернационализма; В. Юнгхэнель. Значение Комплексной программы интеграции стран — членов СЭВ; В. Штраух. Антиимпериалистический курс правительства Народного единства Чили; А. Бёниш. Существо и цели буржуазного исследования проблем войны и мира; Д. Вайдеманн. За кулисами империалистической политики опорных пунктов в Индийском океане; М. Л. Набе. Проблемы некапиталистического развития Гвинеи.

«Deutsche Aussenpolitik». 1972, № 2.

Б. С. Николаев. СССР и европейская безопасность; З. Квилитч. СССР — главная сила мировой социалистической системы; В. Г. Трухановский. СССР и разоружение. Этапы переговоров по разоружению; Г. Кламар. Важнейшие шаги Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам по прекращению американской агрессии и политическому урегулированию южновьетнамской проблемы.

«Deutsche Aussenpolitik». 1972, № 3.

Г. Отт. О классовом характере внешней политики ГДР; З. Квилитч. О некоторых теоретических вопросах развития мировой социалистической системы; Г. Крёгер. Классовый характер государственного суверенитета; П. Батке. Арушская декларация — поворотный пункт развития Объединенной Республики Танзании в государство социалистической ориентации.

«Deutsche Aussenpolitik». 1972, № 4.

Г. Тиш. Неделя Балтийского моря и борьба за мир и безопасность в Европе; И. Крюгер. Пражская Декларация о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе (январь 1972 г.) — демократическая программа действий; З. Квилитч. СССР — главная сила в борьбе за укрепление социалистического содружества; В. И. Цапанов. Принципы сотрудничества марксистско-ленинских партий социалистических стран; А. И. Полторак. О новом качестве суверенитета социалистических стран; К. Золь. Г. Димитров — выдающийся деятель международного рабочего движения.

«Dzieje Najnowsze». Warszawa. 1971, № 1—2.

Международный симпозиум «Центральная Европа накануне второй мировой войны». Ч. Аморт (Прага). Движение Сопротивления в Чехословакии; Г. Батовски. Германская экспансия в Центральной Европе в 1919—1939 гг.; Ж. Кастеллян (Париж). Тайная ремилитаризация Германии в межвоенный период; К. Дрекслер, Г. Дресс, Г. Хаас (Берлин). Место Центральной Европы в германской концепции «экономика большой территории»; Э. Дурачиньски, К. Собчак. Некоторые политические и военные аспекты движения Сопротивления в Центральной Европе в годы второй мировой войны; Т. Ендрущак. Центральная Европа накануне второй мировой войны; Н. И. Кондакова (Москва). Восстановление, идейное и организационное укрепление партийных рядов в районах РСФСР, освобожденных от немецко-фашистской оккупации; И. Костюшко (Москва). Генеральный план Ост; В. Т. Ковальски. Проблема европейской безопасности в политике большой коалиции (1943—1945 гг.); В. Краль (Прага). Экономическая эксплуатация Чехословакии гитлеровской Германией; М. Кропиляк (Братислава). Словакия во время второй мировой войны. Состояние изучения и новейшие результаты исследований; Х. Лашитца (Берлин). Антифашистское движение Сопротивления и программа подготовки антифашистско-демократического переворота в Германии под руководством КПГ; Л. Логин, М. Ковач (Бухарест). Антифашистское движение Сопротивления в Румынии в 1940—1944 гг.; Ч. Мадайчик. Складывание оккупационной системы в Центральной Европе (1938—1945 гг.); З. Маньковски, С. Океницки. Движение Сопротивления и освобождение Польши (1939—1945 гг.); Ц. Нуту, А. Петри (Бухарест). Политическое и военное значение вооруженного восстания в Румынии в августе 1944 г.; И. Пинтер (Будапешт). Венгерское движение Сопротивления; Х. Штайнер. (Вена). Вопросы планирования послевоенной внешней политики Австрии в Центральной Европе; Н. Шеховцов (Москва). Освободительная миссия Советской Армии; П. Жилин (Москва). О несостоятельности легенды о «превентивной войне» фашистской Германии против Советского Союза.

«Dzieje Najnowsze». 1971, № 3.

Б. Петрозолин-Скowроньска. Из истории польского либерализма. Либерально-демократические партии интеллигенции Королевства Польского в 1905—1907 гг.; Н. Дэвис (Оксфорд). Гораций Румболд в Варшаве 1919—1920 гг.; А. Скжипек. Клайпеда как международная проблема (1918—1939 гг.); А. Корзон. Союз польских патриотов в СССР; Т. Лепковски. Польские исследования по истории Латинской Америки в XIX и XX вв.; А. Чубиньски. Проблематика польских Западных земель и вопросы германистики в научной и общественной деятельности Познаньского университета в период II Речи Посполитой; Я. Борковски. «Людовцы» (члены крестьянской партии) и их печать; Материалы. Шесть писем Ю. Пилсудского С. Шептицкому во время польско-советской войны (В. Станкевич); Положение в Трудовом объединении деревни и города и его позиция относительно Беспартийного блока сотрудничества с правительством в 1929—1930 гг. (М. Гринберг); Новые документы о Генеральном плане Ост (Ч. Мадайчик).

«Dzieje Najnowsze». 1971, № 4.

Г. Батовски. Подписание польско-английского договора от 25 августа 1939 г.; З. Бода-Кренжель. Ликвидация последствий немецкого национального заговора в Верхней Силезии в первые месяцы после освобождения; Д. Яблоньска. Интеграция переселенцев в Шлезвиг-Гольштейне после второй мировой войны; Ю. Яблоницки (Братислава). Словацкое национальное восстание; П. Годлевски. Варшавское восстание и Словацкое национальное восстание. Сходство и отличия; М. Кропиляк (Братислава). Против искажения истории Словацкого восстания; Я. Борковски. «Людовцы» и вопрос независимости Польши.

«Dzieje Najnowsze», 1972, № 1.

Э. Дурачиньски. К истории возникновения Польской рабочей партии; Л. Тшечаковски. Польские политические группировки в землях, захваченных Пруссией, и их отношение к Германии (1871—1918 гг.); В. Пруха, К. Ех. О

новые направления экономического развития Чехословакии в 1945—1948 гг.; С. Озимек. Документальный фильм в роли свидетеля истории; З. Чечот-Гаврак. Фильм как исторический документ; Х. Хамерска. Новые тенденции документации и информации в области общественных наук; Дискуссии: Общественные конфликты в Польше первой половины XX в. (Ч. Мадайчик, М. М. Дроздовски, В. Маркевич, Ф. Рышка, А. Жарновска, Е. Хольцер, Я. Борковски, Х. Слабек, Я. Жарновски); Ю. Лещиньски. Р. Г. Геппнер и формирование политики «жизненного пространства» во время второй мировой войны.

«Śląski kwartalnik historyczny Sobótka». Wrocław. 1972, № 2.

Р. Хек. Кутногорские выборы 1471 г. К 500-летию избрания Ягеллонов на престол Чешского королевства; Ю. А. Геровски. Пиетизм как религиозное течение на польских землях (до середины XVIII в.); М. Ожеховски. Образование ГДР и общественное мнение Польши; Ю. Лещиньски. Силезия и второе избрание Станислава Лещиньского польским королем; С. Янковски. Состояние промышленности Нижней Силезии в 1945 году.

«Studia historyczne». Kraków. 1972. № 2.

А. Подраза. О необходимости разработки истории Малопольши (Дискуссионные замечания); Р. Турасевич. Плутарх из Херонеи о смешанном типе государственного устройства (конец I — начало II в. н. э.); Е. Михалевич. Применение кодирования и селекционной картотеки в исследовании массовых явлений; Материалы. В. Урбан. Документы о Польше XVI—XVII вв. в венгерских архивах; Б. Лопушаньски. Циркуляр 1838 г. для нелегальных польских организаций в Галиции; Х. Жадковска. Из жизни и деятельности М. Лянгевича; Дискуссии. К вопросу о генезисе фашизма; Б. Чаецка, Э. Скалиньска-Диндорф. К вопросу о борьбе за укрепление народной власти в Бяльском и Вадовицком районах в 1945—1950 годах.

«Studii și cercetări de istorie veche». București. 1972, № 2.

Ю. Винклер. К вопросу о происхождении монет с легендой «козон», хранящихся в Венском музее истории искусства; З. Шекели. Древняя дакийская крепость возле г. Ковасна; Л. Т. Маринеску. О происхождении некоторых типов надгробных монументов Верхней Дакии; П. И. Дику. Памятники культуры нижнего палеолита по среднему течению р. Арджеш; И. Нания. Орудия нижнего палеолита, найденные в долинах Дымбовника и Мозака; Е. Комша. Новые данные об орудиях из полированного камня эпохи неолита и бронзового века на территории Румынии; Д. Гальбену. Некоторые проблемы, касающиеся переходного периода от неолита к эпохе бронзы в Олтении; О. Раду. Древняя керамика Ватина; В. Паладе, Н. Циука. Новые находки культуры скифов в уезде Васлуй; Э. Москалю. Некоторые проблемы истории гето-даков.

«Československý časopis historický». Praha. 1972, № 4.

В. Пэша. Кинодокументы по истории освобождения Чехословакии (1944—1945 гг.); И. Бэран. I и III классы Чешской Академии наук и искусств 1891—1914 гг.; О. Кодедова. Наемные рабочие в мелком сельскохозяйственном производстве Чехии в конце XIX — начале XX в.; О. Полишенски, Ф. Сныдэр. Изменения в составе чешского дворянства в XVI—XVII вв.; Г. Полрейхова. Современные направления в историографии США и общественная роль исторической науки; Я. Цезар. Индия в политике Британской империи.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Авербух Р. А. Революция в Австрии. (1848—1849 гг.). М. 1970. 246 стр. Рец.: Hilke G.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1972, № 3, S. 504—505.

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. (Вторая половина XVII в.). М. 1969. 240 стр. Рец.: Yoshida K.— «To: e: gakuxo». Токио. 1971, № 3, с. 105—111. На яп. яз.

«Архивы академий наук социалистических стран». Библиография. Вып. 1. 1917—1968. Л. 1971. 251 стр. Рец.: Šd.— «Arch. čas.», Praha. 1972, № 1, s. 58—59.

Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л. 1971. 173 стр. Рец.: — «Archeol. rozhledy». Praha. 1972, № 4, s. 441—442.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М. 1970. 484 стр. Рец.: Künstler M. J.— «Przegląd orient.». Warszawa. 1972, № 2, s. 182—184.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации и Фундаментальную библиотеку по общественным наукам АН СССР в течение августа 1972 г.

«Век Просвещения». Сборник. Москва — Париж. 1970. 332 стр.: Рец.: Skrzypek M.— «Studia filoz.». Warszawa. 1972, № 6, s. 190—194.

«Вопросы демографии». (Исследования, проблемы, методы). М. 1970. 278 стр. Рец.:— «Slezský sbornik». Opava. 1972, № 2, s. 154—156.

«Вопросы истории». М. 1965—1970. Рец.: Bértolo G.— «Movimento dí liberazione in Italia». Milano. 1972, № 106, pp. 101—112.

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». В 5 т. Т. 1—5. М. 1968—1969. Рец.: Wuttke I.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1972, № 3, S. 300—302.

Гречко А. А. Битва за Кавказ. М. 1967. Пер. на нем. яз.: В. 1972. Рец.: Jammer D.— «Literatur». B. 1972, № 6, S. 4.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М. 1967. 505 стр. Рец.: Hegyi I.— «Ethnographia». Budapest. 1972, № 1, 120—123. old.

«9 мая 1945 года». М. 1970. 751 стр. Рец.: Nesvadba F.— «Historie a vojenství». Praha. 1971, № 5, s. 824—825.

Делюсин Л. П. Спор о социализме. Из истории обществ.-полит. мысли Китая в начале 20-х гг. М. 1970. 92 стр. Рец.: — «Sprawy międzynar.». Warszawa. 1972, № 5, s. 135.

Ермашев И. И. Сунь Ят-сен (1866—1925). М. 1964. Пер. на венг. яз.: Budapest. 1969. Рец.: Józsa S.— «Századok». Budapest. 1972, № 1, 192—193. old.

Ермалаева Р. А. и Манусевич А. Я. Ленин и польское рабочее движение. М. 1971. 504. стр. Рец.: Reisberg A.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1972. H. 3, S. 499—500.

Замерцев И. Т. Через годы и расстояния. М. 1965. Пер. на венг. яз.: Budapest. 1969. Рец.: Tóth S.— Századok». Budapest. 1972, № 1, 217—219. old.

«Идеология современного реформизма». Критика концепций правых социалистов. М. 1970. Пер. на нем. яз.: В. 1972. Рец.: Raguse B.— «Wirtschaftswissenschaft». B. 1972. № 6, S. 922—928.

«Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в.». Документы и материалы в 3 т. Т. 1—3. М. 1965—1970. Рец.: Ionescu-Nişcov Tr.— «Rev. arhivelor». Bucureşti. 1972, № 1, pp. 177—180.

«История Коммунистической партии Советского Союза». В 6 т. Т. 5, кн. I. М. 1970. 723 с. Рец.: 1. Бърдарова С.— «Изв. на Ин-та по история на БКП при ЦК на БКП». София. 1972, № 27, с. 477—484; 2. Kühnrich H., Löwel B.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1972, H. 3, S. 490—493; 3. Lipták J.— «Historie a vojenství». Praha. 1971, № 5, S. 808—815.

«История Румынии. 1848—1917». М. 1971. 668 стр. Рец.: Dolmányós I.— «Századok». Budapest. 1972, № 1, 176—182. old.

«История Румынии. 1918—1970». М. 1971. 742 стр. Рец.: Dolmányós I— «Századok». Budapest. 1972, № 1, 176—182. old.

Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М. 1970. 415 стр. Рец.: Urbani G.— «Militärgeschichte». B. 1972, № 1, S. 115—117.

«Когда Ленин жил в Париже». Альбом. Текст и макет Ш. Фельда. М. 1969. 263 стр. Рец.: Epstude B.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1972, H. 3, S. 507—510.

«Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. (Июнь 1941—1945 г.)». Документы и материалы. М. 1971. 494 стр. Рец.: Nesvadba F. — «Historie a vojenství». Praha. 1971. № 5, s. 823—824.

Кондратьев Г. С. Путь Мали к независимости. (Очерки антиколониального движения 1945—1960 гг.). М. 1970. 190 стр. Рец.: Poláček J.— «Mezinár. vztahy». Praha. 1972, № 2, s. 68—70.

Коптев М. М. и Очков М. С. Империализм и развивающиеся страны. М. 1970. 227 стр. Рец.: Kumpf-Korfes S.— «IPW-Berichte». B. 1972, № 3, S. 65.

Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. (1941—1945 гг.). 2-е, перераб. и доп. изд. М. 1970. 389 стр. Рец.: Urbani G.— «Militärgeschichte». B. 1972, № 1, S. 115—117.

Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. М. 1970. 391 стр. Рец.: Nesvadba F.— «Historie a vojenství». Praha. 1971, № 5, s. 825—826.

«Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника. Т. 1. 1870—1905. М. 1970. XII, 627 стр. Рец.: Uhlmann M.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1972, H. 3, S. 496—497.

«В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М. 1970. 562 стр. Рец.: Jähn G.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1972, H. 3, S. 497—499.

«Маркс — историк». М. 1968. 711 стр. Рец.: Niederhauser E.— «Századok». Budapest, 1972, № 1, 182—192. old.

Мильман Ш. Азербайджанская ССР — суверенное государство в составе СССР. Баку. 1971. 300 стр. Рец.: Kolakowska-Przelomiec H.— «Państwo i prawo». Warszawa. 1972, № 5, s. 130—132.

Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М. 1970. 349 стр. Рец.: Stöber H.— «Deutsche Aussenpolitik», B. 1972, H. 3, S. 591—594.

Мохнач Н. Н. Идейная борьба в Белоруссии в 30—40-х гг. XIX в. Минск. 1971. 157 стр. Рец.: Łopuszański B.— «Przegląd hist.». Warszawa. 1972, z. 2, s. 347—348.

Мыльников А. С. Чешская книга. Очерки истории. Книга. Культура. Общество. М. 1971. 208 стр. Рец.: Novotný J.— «Českosl. čas. hist.». Praha. 1972, № 3, s. 415—416.

Овсянников Ю. М. Лубок. Русские народные картинки XVI—XVIII вв. М. 1968. 120 стр. Рец.: Kriza I.— «Ethnographia». Budapest. 1972, № 1, 133. old.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М. 1967. 198 стр. Рец.: Nagrodzka-Majehrzyk T.— «Przegląd orient.». Warszawa. 1972, № 2, s. 180—181.

«Повесть временных лет». Подготовка текста Д. С. Лихачева. Ч. 1—2. М.-Л. 1950. Рец.: Michelis C. G. de.— «Rassegna sovietica». Roma. 1971, № 4, p. 201.

П о з д е е в а Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941—1945 гг. М. 1969. 552 стр. Рец.: N e s v a d b a F.— «Historie a vojenství». Praha. 1971, № 5. s. 802—807.

П о з д н е е в а Л. Д. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М. 1967. 403 стр. Рец.— «Orient. Literaturzeitung». B. 1972, № 1/2. Sp. 82—83.

П о р ш н е в Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. 1970. 387 стр. Рец.: H r o c h M.— «Českosl. čas. hist.». Praha. 1972, № 3, s. 374—377.

«Пролетариат во главе освободительного движения в России. (1895—1917 гг.)» М. 1971. 334 стр. Рец.: K u m p f-K o r f e s S.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1972. H. 3. S. 502—504.

Р а н о в В. А. Каменный век Таджикистана. Вып. I. Палеолит. Душанбе. 1965. 121 стр. Рец.: K o w a l s k i St.— «Acta archaeologica carpathica». Kraków. 1971, № 1—2, s. 222—223.

«Расы и народы». Ежегодник. М. 1971. 316 стр. Рец.: P u k e P.— «Anthropologie». P. 1972, № 1—2, pp. 167—170.

«Розвиток народного господарства Української РСР. 1917—1967». В 2 т. 1—2. Київ. 1967. Рец.: N e j e d l á O.— «Zprávy Slezského ústavu ČSAV». Opava. 1972, № 161, s. 12—13.

«Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» М. 1970. 502 стр. Рец.: U r b a n i G.— «Militärgeschichte». B. 1972, № 1, S. 115—117.

С т р о н г и н а М. И. Социально-экономические проблемы развития больших городов СССР. М. 1970. Пер. на итал. яз.: Roma, 1971. Рец.: Q u i l i c i V.— «Rassegna sovietica». Roma. 1971, № 4, pp. 198—199.

Т а б а г у а И. М. Ленин во Франции. Тбилиси. 1970. 51 стр. Рец.: E p s t u d e B.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», B. 1972, H. 3, S. 509—510.

«Теория и практика архивного дела в СССР». М. 1966. 468 стр Рец.: L a l i ć S.— «Archivist». Beograd. 1970. № 1, s. 53—54.

Ш е й н м а н М. М. Христианский социализм. История и идеология. М. 1969. 317 стр. Рец.: M o h r H.— «Deutsche Literaturzeitung». B. 1971, H. 9, Sp. 790—792.

«Этнические процессы в странах зарубежной Европы». М. 1970. 284 стр. Рец.: K a s p e r M.— «Lětopis. R. B.-Geschichte». Bautzen. 1971, № 18/2, S. 237—238.

«Этнонимы». Отв. ред. В. А. Никонов. М. 1970. 269 стр. Рец.: E i c h l e r E.— «Deutsche Literaturzeitung». B. 1971, H. 9, Sp. 749—751.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ Работа Мечислава Юхневича «Поляки в европейском движении Сопротивления в 1939—1945 гг.» написана по материалам западноевропейских и польских архивов. Это — первая монография такого объема, посвященная указанной теме. Автор обстоятельно рассматривает участие поляков в антифашистской борьбе в Западной Европе, на Балканах, на временно оккупированной территории СССР и в странах Центральной Европы (M. J u c h n i e w i c z. Polacy w europejskim ruchu oporu 1939—1945. Warszawa. «Interpress». 1972. 177 str.).

◆ Третья часть труда известного польского германиста Ежи Красуского посвящена участию Федеративной Республики Германии в НАТО и ЕЭС в период с момента установления дипломатических отношений между ФРГ и СССР и до заключения последних договоров в Москве. Автор дает обзор главных событий в ФРГ за истекшие 15 лет (J. K r a s u s k i. Niemiecka Republika Federalna w NATO i EWG. Poznań. «Instytut Zachodni». 1972. 288 str.).

◆ Книга Эдмунда Цесляка «Политические и общественные конфликты в Гданьске в середине XVIII в. Союз народа с королевским двором» посвящена последним крупным общественно-политическим выступлениям в Гданьске, имевшим место в феодальную эпоху. Читатель найдет здесь очерк экономики города в первой половине XVIII в., сведения об изменениях в составе городского совета и суда, о выступлениях плебса против этого совета, описание борьбы за проведение в жизнь королевского указа от 20 июля 1750 г. (E. C i e s l a k. Konflikty polityczne i społeczne w Gdańsku w połowie XVIII w. Sojusz pospólstwa z dworem królewskim. Wrocław. «Ossolineum». 1972. 312 str.).

◆ Монография Штефана Якобельского о Фарасе касается малоизвестных страниц истории Судана в VI—XII вв. Вышедший в свет ее т. III написан по данным рукописных материалов, найденных в ходе археологических раскопок в Судане, проводившихся в 1961—1964 гг. под руководством К. Михаловского. Здесь же приведены коптские тексты, большинство которых публикуется впервые, а также греческие и древненубийские надписи, обнаруженные в Фарасе. Основная часть книги излагает историю этой территории. Последняя глава содержит специальные сведения о фарасских постройках. В приложении дан список фарасских епископов (S. J a k o b i e l s k i. Faras. A History of the Bishopric of Pachoras. T. III. Warszawa. PWN. 1971. 300 str.).

◆ Книга действительного члена Германской АН в Берлине Эдуарда Винтера «Рим и Москва» издана для западноевропейской общественности. В основу труда легла трех-

томная монография «Россия и папство», два первых тома которой вышли ранее в ГДР. Написанная на основе источников, извлеченных из архивов Москвы, Берлина, Рима и Мадрида, работа дает всестороннее представление о «российской» политике Ватикана за последние 500 лет. В первой части книги рассматривается борьба папства за господство над всеми христианскими церквами мира, прежде всего над православной. Читателю сообщается масса сведений, начиная с попыток пап возвести на царский трон Лжедмитрия I и вплоть до событий конца XVIII в., когда Павел I оказывал всемерную поддержку распущенному иезуитскому ордену и с целью укрепления его позиций в районе Средиземного моря возглавил Мальтийский орден. Во второй части книги дан анализ восточной политики римской курии после 1917 года. В центре внимания автора — так называемая тридцатилетняя война, которую Ватикан вел против Советского Союза и коммунизма. Автор показывает, что старания Ватикана по сколачиванию антибольшевистского фронта носили отнюдь не сугубо церковный характер, а касались вопросов власти и политики. Подробно обрисованы фигура и роль папы Пия XII, его тесная связь с германской политикой «натиска на Восток», его действия по подготовке капитуляции Польши в 1939 г. и его деятельность в послевоенные годы, когда он стал активным участником развертывания «холодной войны» (E. Winter. Rom und Moskau. Ein halbes Jahrtausend Weltgeschichte in ökumenischer Sicht. Wien. «Europaverlag». 1972. 490 S.).

◆ «A. D. Xenopol» (Bucureşti. EARSR. 1972. 443 p.) — сборник статей, посвященных жизни и деятельности румынского либерально-буржуазного историка Александру Ксенопола (1847—1920 гг.). Сюда вошел 41 этюд историко-исследовательского, историографического, библиографического, социологического, философского, педагогического, этнографического и политического содержания.

◆ Под редакцией Альбера Мемми издается серия «Магрибская область». В ней уже увидели свет такие работы, как Фадхма Аит Мансур-Амруш «История моей жизни», Абдаллах Мазуни «Культура и просвещение в Алжире и Магрибе» и др. Новая книга для этой серии написана Ахсеном Зехрауи. Она посвящена алжирским рабочим во Франции (A. Zehraoui. Les travailleurs algériens en France. Paris. «F. Maspero». 1971. 174 p.) и касается следующих вопросов: расширение миграции алжирцев, массовые анкеты мигрантов, первые шаги в их эксплуатации французскими предпринимателями, социально-экономическое положение этих лиц, их культура, процесс их приспособления к «индустриальному обществу». В приложении помещен социологический вопросник, с которым исследователь работал среди мигрантов. Им прослежены судьбы многих алжирцев, осевших во Франции с 1930 г. до наших дней.

◆ Эдуард Брэтуайт, докторант Сассекского университета (Англия), выпустил книгу о креолах Ямайки в 1770—1820 гг. (E. Brathwaite. The Development of Creole Society in Jamaica 1770—1820. Oxford. «Clarendon Press». 1971. 374 p.). Основные ее разделы охватывают анализ социально-политических учреждений на острове в XVIII в., влияние Американской буржуазной революции на ямайское общество, проблему черного и белого населения, культуру черных рабов, процесс креолизации. В приложении помещены перечни членов местной Ассамблеи в 1787 г., результаты голосований за 1774—1816 гг., негритянские народные песни, описание обряда бракосочетания, законы о рабах 1770—1817 годов. Помимо разносторонней библиографии, автором использованы архивные материалы из хранилищ Англии, Ямайки, Барбадоса, а также британская, американская и испанская периодика той эпохи.

◆ Профессор Индианского университета (США) Джон Ломбарди, командированный в 1967 г. в Каракасский университет (Венесуэла), написал работу о борьбе за освобождение черных рабов в Венесуэле в 1820—1854 гг. (J. V. Lombardi. The Decline and Abolition of Negro Slavery in Venezuela 1820—1854. Westport. GPC. 1971. 217 p.). Это — вып. 7 в серии «Содействие афро-американским и африканским исследованиям», выпускаемой в Коннектикуте Гринвудской издательской корпорацией, которая специализируется на публикации монографий по негритянскому вопросу. В книге анализируются: система рабства в Венесуэле, порядок отпуска рабов на волю, экономические аспекты рабовладения, место рабов в обществе и их освобождение в середине прошлого столетия. В приложении помещены 15 статистических таблиц, словарь терминологии, употреблявшейся в венесуэльских городах и на плантациях, и детальная библиография. Автором были использованы материалы 6 венесуэльских, 1 британского и 5 североамериканских архивов, 108 венесуэльских газет XIX в. и многочисленные специальные труды.

◆ С предисловием президента Республики Замбия К. Каунды выпущена книга преподавателя Института африканских исследований при Замбийском университете Генри Меебело «Реакция на колониализм» (H. S. Meebelo. Reaction to Colonialism. Manchester. MUP. 1971. 304 p.). Она посвящена истории северных провинций Замбии в 1893—1939 годах. Автор использовал материалы государственного и местных архивов, отчеты британских чиновников, дневники миссионеров, записки белых поселенцев, сообщения путешественников, рассказы старых замбийцев и обширную специальную литературу. Главные темы книги: жизнь замбийцев в колониальный период, взаимоотношения белых и черных, методы колониального управления, религиозная политика, использование колонизаторами племенных вождей, зарождение «нового колониализма» в 1930-е годы.

◆ История Веймарской республики в 1918—1933 гг. стала темой книги, написанной Джоном Маккензи (J. R. P. McKenzie. Weimar Germany 1918—1933. London. BP. 1971. 269 p.) в «Блэнфордской серии»,

содержащей идентичные работы в подсериях: по истории различных эпох в Европе, истории Англии, проблемам мировой истории, смежным историко-литературным сюжетам. Опираясь на общеизвестные труды либеральных английских и немецких авторов, автор последовательно рассказывает о Германии в годы первой мировой войны, Ноябрьской революции, основания Версальской системы, инфляции начала 20-х годов, временной стабилизации капитализма, мирового экономического кризиса и прихода гитлеровцев к власти.

◆ «Восставший брахман» — так назвал свою книгу Леонард Бэйкер об американском политическом деятеле Герберте Пелле (L. Baker. Brahmin in Revolt. Garden City. «Doubleday and Co». 1972. 350 p.). Автор пользовался, помимо обычных источников, фамильными бумагами, полученными им от сына Г. Пелла — сенатора К. Пелла; воспоминаниями государственных деятелей США и сотрудников бывшей рузвельтовской администрации; секретными архивами разведки и пр. Работа, являющаяся очерком жизни и деятельности Г. Пелла, содержит также ряд любопытных страниц о Ф. Д. Рузвельте и его времени.

◆ Известная английская лейбористка Маргарет Коул выпустила книгу о своем муже, умершем в 1959 г., праволейбористском деятеле, фабианце Джордже Дугласе Хоуарде Коуле (M. Cole. The Life of G. D. H. Cole. Glasgow. «Macmillan». 1971. 304 p.). В нее вошли: хронология жизни и деятельности Дж. Коула, подробное описание пройденного им пути, перечень его работ, выдержки из заметок лично знавших его людей (в приложении). Книга представляет собой фактически персонализированную историю английского лейбористского движения за первую половину XX века.

◆ Корнеллский университет (США) издает серию работ о Таиланде под общим названием «Таиландский проект». Выпуск 79-й составило исследование Боонсанонга Пуниодьяны о взаимоотношениях китайцев и таи в Бангкоке (B. Punyodyana. Chinese-Thai Differential Assimilation in Bangkok: an Exploratory Study. Ithaca. CUP. 1971. 117 p.). Вып. 80 — это очерк Джойса Накахары и Рональда Уиттона о развитии современного таиландского общества (J. Nakahara, R. A. Witton. Development and Conflict in Thailand. Ithaca. CUP. 1971. 80 p.). Обе книги входят в «Корнеллскую программу по изучению Юго-Восточной Азии», начатую в 1950 году. Она охватывает отдельные серии исследований по Камбодже, Индонезии, Лаосу, Малайзии, Филиппинам, Сингапуру, Таиланду и Вьетнаму.

◆ Вышел сборник статей по истории лейбористского движения с 1886 г. до 1923 г. («Essays in Labour History 1886—1923». Basingstoke. «Macmillan». 1971. 360 p.). Авторы — профессора и преподаватели Уорвикского, Сассекского, Лидского, Северно-Уэллского, Шеффилдского, Стирлингского университетов и Лондонской высшей политехнической школы — касаются таких сюжетов, как взгляды К. Гарди, программа гайндмановской Демократической федерации, Лидская стачка 1913 г., союз трех организаций промышленных рабочих в 1913—1922 гг., роль Р. Макдональда в лейбористской партии, Клайдский рабочий комитет, основание Кооперативной партии (1917—1919 гг.), деятельность гендерсоновского Национального комитета в 1914—1920 гг., гильдейский социализм, профсоюзы строительных рабочих. Общая политическая направленность всех статей — праволейбористская.

◆ «Труд в американской политике» — название книги преподавателя Саутхэмптоновского университета (Англия) Вивиан Вэйл (V. Vale. Labour in American Politics. London. «Routledge and Kegan Paul». 1971. 172 p.). Она затрагивает следующие темы: влияние Международной федерации профсоюзов на рабочих США в начале XX в., деятельность С. Гомперса, роль рабочих при осуществлении рузвельтовского «нового курса», деятельность С. Хиллмэна во время второй мировой войны, антирабочее законодательство Тафта — Хартли.

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ БРОШЮРЫ *

Появление брошюры Н. П. Киценко объясняется, видимо, желанием автора познакомить широкий круг читателей с традициями запорожского казачества. Ему известны результаты археологических раскопок в изучаемом районе, местные предания, фольклор и другие источники, а также литература (преимущественно дореволюционная).

Однако в брошюре имеется ряд серьезных недостатков, и она явно не соответствует уровню, достигнутому советской наукой в изучении истории Запорожской Сечи. Н. П. Киценко лишь формально признает наличие в запорожском казачестве «острых внутренних противоречий» (стр. 7—8, ср. стр. 74): он не выясняет их причин, не прослеживает, как они отражались на казачьем быте, не показывает борьбы угнетенной части казачества — серомы против старшины и богатых казаков. Между тем он мог бы воспользоваться в данном случае обстоятельным освещением этих вопросов в работах В. А. Голобуцкого[1].

Для характеристики политической организации Запорожской Сечи автор цитирует два отрывка из конспектов К. Маркса по истории России. Безусловно, эти конспекты должны быть предметом исследования: самый отбор К. Марксом тех или иных фактов из изучаемого им труда представляет для историка большой интерес. Но при этом следует учитывать состояние науки того времени и характер конспектируемой литературы, чтобы не приписать К. Марксу выводов, которые на самом деле принадлежат авторам изучаемых им работ. Н. П. Киценко пренебрегает этим требованием и в результате называет Запорожскую Сечь «христианской казацкой республикой»[2], приписывая данное определение К. Марксу (стр. 8). Между тем это почти дословная выписка из книги Н. М. Карамзина («казаки образовали воинскую христианскую республику»)[3]. Та или иная выписка К. Маркса еще не означает, что он был согласен с определением, предлагаемым автором конспектируемой им книги. В тех случаях, когда советские историки, обращаясь к конспектам К. Маркса, анализируют приведенную формулировку, они высказывают свое отношение к проблеме государственности в казачьих областях — украинских и русских[4]. Однако, к сожалению, чаще просто цитируется конспект К. Маркса (без указания источника его сведений), причем слово «христианская» опускается или заменяется словом «вольная»[5].

---

* М. КИЦЕНКО. *Хортиця в героїці і легендах.* Видання друге, доповнене і перероблене. Вид-во «Промінь». Дніпропетровськ. 1972. 132 стор. з іл. Тираж 50 000. Ціна 31 коп.

[1] См. В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев. 1957; его же. Черноморское казачество. Киев. 1956; его же. Запорожская Сечь. «Вопросы истории», 1970, № 12; 1971, № 1.

[2] Цитата из конспекта К. Маркса по истории России. «Архив Маркса и Энгельса». Т. 8. М. 1946, стр. 154.

[3] Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. V. СПБ. 1842. стр. 231.

[4] См. И. Г. Рознер. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI—XVIII вв. «Вопросы истории». 1970, № 8; В. А. Голобуцкий. Запорожская Сечь.

[5] В первом издании своей брошюры Н. П. Киценко (1967 г.) так и поступил (стр. 7), и выражение «вольная казацкая республика», приписанное К. Марксу, было подхвачено рецензентом брошюры Г. Забиякой (см. «Индустриальное Запорожье», 24.XI.1967). Хотя Н. П. Киценко и исправил данную ошибку во втором издании брошюры (см. стр. 8), этот факт свидетельствует о том, что он не владеет методикой исторического исследования. Это подтверждается и тем, что в другом месте брошюры он неверно цитирует слова Т. Г. Шевченко (стр. 92; ср. Т. Шевченко. Повне збірання творів. Т. 6. Київ. 1964, стор. 34) для того, чтобы подкрепить свой ошибочный тезис, будто поэт противопоставлял Запорожскую Сечь как единое социальное целое колонистам, поселившимся на Хортице в конце XVIII века.

Что касается другого отрывка, относящегося к Запорожской Сечи, то по поводу его имеется прямое указание К. Маркса на Н. И. Костомарова, работу которого следует называть в качестве источника выписок К. Маркса. У Костомарова говорится: «заложилось славное Запорожье и разлило из себя дух казачества по всей Украине»[6]. К. Маркс конспектирует это место следующим образом: «заложилось славное Запорожье, и дух казачества разлился по всей Украине»[7]. Н. П. Киценко полагает, что, по К. Марксу, «дух казачества» означал стремление угнетенных бороться за свое социальное и национальное равенство (стр. 8). В соответствии с этим определением (которое представляется вполне приемлемым) автору следовало подробно остановиться в брошюре на социальных движениях запорожского казачества (в том числе на борьбе против польских феодалов, российских крепостников и казацкой старшины). Запорожская Сечь была очагом таких движений. Однако в брошюре нет их характеристики.

Классовая борьба казачества отступает у Н. П. Киценко на второй план; основное содержание его брошюры составляет история борьбы против внешнего врага. Не Наливайко, Тарас Федорович, Палий и другие народные вожди и казацкие предводители, выступавшие против феодально-крепостнического гнета, обрисованы автором, а такие лица, как литовский князь Д. Вишневецкий и выходец из польской шляхты П. Сагайдачный. Вишневецкому отведено 15 страниц из 82, посвященных прошлому Хортицы (стр. 34—48). По сравнению с первым изданием эта часть брошюры расширена. Прибавился и портрет Д. Вишневецкого как «основателя малохортицких укреплений», который «водил отряды против турок и татар». Но ведь строительство Вишневецким крепости на Хортице было лишь эпизодом из истории освоения южных украинских степей шляхтой, которая шла по следам народной колонизации этой территории. Феодалы (в том числе и Вишневецкий) стремились захватить освоенные казаками земли, а для этого нужно было иметь здесь свои опорные пункты и совершать походы против турок и татар, также претендовавших на эти земли. По данным В. А. Голобуцкого, Вишневецкий, используя реестровых казаков и крепость на Хортице, пытался не пропускать беглых крестьян в низовья Днепра.

Во втором издании брошюры автор расширил и характеристику П. Сагайдачного, деятельность которого рассматривается только с положительной стороны (см. стр. 50—52). Во введении к книге его имя названо в числе героев, прославивших Запорожскую Сечь (стр. 7); в конце брошюры помещен его портрет. Никто не станет отрицать значения смелых рейдов этого гетмана на турецкие крепости и освобождения им томившихся в плену невольников. Однако Сагайдачный оставался представителем богатой казацкой верхушки, он поддерживал польского королевича Владислава, пытавшегося захватить московский престол в интересах ненавистных казачеству польских феодалов. Во время походов на Москву он жег русские города и жестоко расправлялся с населением[8]. Во время войны 1621 г. с Турцией Сагайдачный держался иной позиции, чем выдвинутый казачьими низами Я. Неродич-Бородавка, и зверски разделался с последним. Поэтому вряд ли правомерно ставить Сагайдачного рядом с Б. Хмельницким, И. Сирко, Т. Трясило и другими народными героями (см. стр. 125). Ошибочность методологических позиций Н. П. Киценко состоит в данном случае в том, что для него главным, определяющим было не то, что разделяло, а то, что объединяло казацкую старшину с серомой: борьба против турок и татар. Тем самым он сползает на позиции дореволюционных буржуазных историков типа А. А. Скальковского, видевших в Запорожской Сечи общество равных — своего рода украинский рыцарский орден.

Политику русского правительства на Украине Н. П. Киценко рисует поверхностно и односторонне. Например, он не счел нужным пояснить читателю, что Мазепа и его подручные из казацкой старшины стремились при помощи шведских и польских феодалов вновь надеть на украинский народ ярмо, от которого он освободился в 1648—1654 годах. Говоря о русско-турецких войнах XVIII в., Н. П. Киценко делает ударение на бездарности Миниха, не отмечая военно-

[6] Н. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПБ. 1859, стр. 6.

[7] К. Маркс. Конспект работы Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 107.

[8] См. В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, стр. 158—162; ср.: «Сагайдачный, Петр Кононович». «Русский биографический словарь». СПБ. 1904, стр. 39—44.

го искусства П. А. Румянцева, А. В. Суворова, Г. А. Спиридова, Ф. Ф. Ушакова и других военачальников, своими победами обеспечивших прочность южных границ России, а следовательно, и Украины. Последствия ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г. были иными, чем те, которые изображены в брошюре. Автор утверждает, будто бы рядовым казакам земля не была дана и им предложено было «итти в рабство к помещикам» (стр. 83). В действительности казакам было предложено переселяться в казенные слободы и записываться в сословия государственных крестьян, мещан и купцов. Такая политика диктовалась стремлением царского правительства как можно скорее заселить и освоить в хозяйственном отношении Новороссию[9]. Бывшие запорожцы активно участвовали в этом освоении. В частности, из их рядов рекрутировались лоцманы, проводившие через пороги груженые барки и другие суда; для развития судоходства на Черном море большое значение имел опыт строительства знаменитых «чаек» (лодок), так же как и смелые морские походы запорожских казаков. Наконец, не следует забывать о такой традиционной сфере их деятельности, каким было чумачество. Оно получило особенный размах в XIX в., когда к черноморским портам потянулись обозы с хлебом и другими товарами.

Все эти данные не привлекли внимания Н. П. Киценко, так же как сведения о сотрудничестве украинцев с другими народами на хозяйственном и культурном поприще. Самый факт поселения рядом с украинцами других народов он рассматривает только с отрицательной стороны. Выходцев из заграницы он квалифицирует не иначе как «иностранный сброд» (стр. 76), некритически используя цитату, взятую из дореволюционной литературы. Он договаривается даже до восхваления погромов, направленных против колонистов и организованных, по его сведениям, какими-то (очевидно, отсталыми) слоями местного населения (стр. 87)[10]. Противопоставляя запорожцам колонистов-богачей, автор забывает, что и в среде запорожцев были богатые люди, владевшие многотысячными стадами овец и рогатого скота и табунами лошадей. В. И. Ленин в свое время писал, что «русский зажиточный крестьянин ближе к немцу-колонисту, чем к своему бедному соотечественнику»[11]. То же самое можно сказать и о запорожской старшине. Кстати, сами запорожцы никогда не считали себя замкнутой в национальном отношении группой и охотно включали выходцев из других народов в состав своего войска.

Подведем итог. Социально-экономические отношения в Запорожской Сечи, классовая борьба казачества, а также политика русского правительства в отношении запорожцев не получили в брошюре Н. П. Киценко правильного освещения. Героические традиции Хортицы представлены в ней неполно. В брошюре не нашел должного отражения дух братства и дружбы, связывавший запорожцев с представителями других народов, как во время войн и классовых боев, так и в годы мирного труда, направленного на хозяйственное освоение просторов Степной Украины.

Очень жаль, что украинские историки не обратили внимания на ошибки брошюры Н. П. Киценко, когда вышло первое ее издание. В результате автор не только повторил, но в ряде случаев даже усилил их.

Е. И. Дружинина

[9] Подробнее см.: Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье. М. 1959, стр. 65—66.

[10] И в этом случае Н. П. Киценко снова прибегает к недопустимому, с точки зрения историка, приему, вводя в текст слова Т. Г. Шевченко, употребленные поэтом в отношении гайдамаков.

[11] В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 58.

К ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В КЁЛЬНЕ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

В начале марта 1848 г. кёльнская община Союза коммунистов выступила с программой «Требования народа», предусматривавшей установление демократических свобод и обеспечение для всех человеческих условий существования [1]. В советской историографии нет ясности в вопросе об отношении этой программы к другим программным документам кануна германской революции 1848 года. Так, в одной из книг сказано, что пять ее пунктов (за исключением первого) содержались в буржуазно-либеральной Геппенгеймской программе 1847 г., в другой — что эти пункты, по существу, были заимствованы из буржуазно-либеральной Оффенбургской программы 1847 года [2].

В действительности «Требования народа» не имели ничего общего с Геппенгеймской программой. Этот документ под названием «Обсуждения и решения» был принят 10 октября 1847 г. на встрече либеральных депутатов ландтагов южногерманских государств и Рейнской провинции, состоявшейся в Геппенгейме при содействии одного из лидеров рейнской либеральной буржуазии, Д. Ганземана [3]. В отношении пожеланий демократических прав, хотя и очень ограниченных — свободы печати, суда присяжных, самостоятельности общин, сокращения расходов на постоянную армию, в документе говорилось лишь то, что они «были подвергнуты обстоятельному обсуждению». Что же касается вопроса о «средствах против обнищания и нужды», то он был передан комиссии для выработки предложений «в течение ближайшего года» [4]. Совершенно иной характер носила Оффенбургская программа, принятая по предложению мелкобуржуазного демократа Г. Струве на народном собрании в составе 500—600 человек, происходившем 12 сентября 1847 г. в Оффенбурге под председательством мелкобуржуазного демократа Ф. Геккера [5]. Правда, Оффенбургская программа не содержала требования республики. Ни в одной из ее 13 статей вообще ничего не сказано о желаемой форме государственной власти [6]. Тем не менее по своему содержанию она была не буржуазно-либеральной, а демократической «программой передовых мелкобуржуазных сил» [7].

Вполне естественно, что в условиях, когда на повестке дня стояли буржуазно-демократические преобразования, кёльнские коммунисты, которые были связаны с Г. Струве в Мангейме [8], переняли ряд пунктов из оглашенной им программы. Но при этом они переработали их по-своему. Сравнение пунктов 2—6 «Требований народа» с соответствующими пунктами Оффенбургской программы показывает, что коммунисты Кёльна не просто заимствовали свои требования из этой программы, но выразили их большей частью в более четкой и более последовательной форме. Однако главное заключалось в том, что авторы «Требований народа» первым пунктом своей программы поставили важнейшее для того времени политическое требование, которого не было в Оффенбургской программе, а именно: «Законодательство и управление через народ. Всеобщее избирательное право и всеобщая выборность в общине и государстве» [9]. Как отметил известный исследователь политического движения в Рейнской провинции И. Ханзен, в формулировке первого пункта «Требований народа» сказалось воздействие политической линии Союза коммунистов, выраженной, в частности, в словах К. Маркса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» за 12 сентября 1847 г. о том, что «народ прежде всего намерен вырвать у его величества конституцию с всеобщим избирательным правом, свободу союзов, свободу печати и другие неприятные вещи» [10].

[1] См. «Ежегодник германской истории 1968». М. 1969, стр. 161—163.

[2] См. М. И. Михайлов. История Союза коммунистов. М. 1968, стр. 226; С. З. Левиова. Маркс в германской революции 1848—1849 годов. М. 1970, стр. 35.

[3] I. Hansen. Rheinische Briefe und Akten. Bd. II. 1. Hälfte. Bonn. 1942, S. 336.

[4] «Einheit und Freiheit. Die deutsche Geschichte in zeitgenossischen Dokumenten», dargestellt und eingeleitet von Dr. Karl Obermann. B. 1950, S. 215—217 (далее — «Einheit und Freiheit»).

[5] I. Hansen. Op. cit., S. 335—336.

[6] «Einheit und Freiheit», S. 213—214; K. Obermann. Flugblätter der Revolution. Eine Flugblattsammlung zur Geschichte der Revolution von 1848/49 in Deutschland. B. 1970, S. 47—48.

[7] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. 1. B. 1966, S. 102.

[8] I. Hansen. Op. cit., S. 496.

[9] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. I, S. 508.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 206.

И. Ханзен показал, что тут также имело место влияние идей февральской революции в Париже, о которых «Kölnische Zeitung» информировала своих читателей уже 28 и 29 февраля 1848 года [11].

Все это показывает, что «Требования народа» явились значительным шагом вперед по сравнению с Оффенбургской программой. Недостатком «Требований народа» было то, что в них отсутствовал призыв к республике. Но ведь до мартовской революции было очень трудно открыто выступать с таким лозунгом. Даже спустя неделю после революции, то есть 25 марта 1848 г., Г. Веерт сообщил из Кёльна К. Марксу, что кёльнцев «пробирает дрожь при слове республика» [12]. Пишут, что в «Требованиях народа» Готшальк формулировал свою программу. Спрашивается, что именно из сектантской идеологии Готшалька, отрицавшего необходимость борьбы рабочего класса за демократические преобразования, нашло отражение в этом документе?

Прав историк из ГДР Г. Беккер, который, показав, что в своей речи на заседании кёльнского городского совета 3 марта 1848 г. Готшальк фактически обесценил революционно-демократическое содержание «Требований народа», пришел к заключению, что «петиция была составлена не Готшальком, а другими членами Союза коммунистов, так как содержание петиции как раз противоречило взглядам Готшалька» [13]. Особого внимания заслуживает и сообщение К. Оберманна о листовке, обнаруженной им в делах обер-президента Рейнской провинции, из которой явствует, что и после событий 3 марта кёльнская община Союза коммунистов продолжала работать над «Требованиями народа». Оберманн отмечает, что так как руководители рабочей демонстрации Готшальк, Аннеке и Виллих были тогда в тюрьме, то «изготовление и распространение новой листовки с шестью требованиями следует отнести на счет деятельности старых руководящих членов кёльнской общины Союза — Д'Эстера и Бюргерса» [14].

Политическое значение «Требований народа» состоит в том, что они послужили программой массовой демонстрации 3 марта 1848 г. в Кёльне, в которой рабочие Германии «впервые выступили самостоятельно с революционно-демократическими требованиями» [15].

Ф. Энгельс, находившийся тогда в Брюсселе, сообщал 9 марта 1848 г. в письме К. Марксу в Париж сведения о рабочей демонстрации 3 марта в Кёльне, переданные ему «активным участником событий» [16]. Им был член кёльнской общины Союза коммунистов П. Нотъюнг, прибывший после демонстрации 3 марта из Кёльна к Ф. Энгельсу в Брюссель. Но информация, которую Нотъюнг передал Ф. Энгельсу, о роли Д'Эстера была неправильной. В действительности Д'Эстер пробыл в магистрате во время демонстрации не «всего несколько минут», а с 3 час. дня до 11 час. вечера. Он ушел оттуда лишь тогда, когда спустя два часа после разгрома демонстрации на площади перед ратушей военные, предупредив, что «прольется кровь», вытеснили демонстрантов также из помещения ратуши [17].

Какую же роль сыграл Д'Эстер в событиях 3 марта 1848 г. в Кёльне? В городе было заранее широко известно, что 3 марта в 7 час. вечера, во время заседания магистрата, на площади перед ратушей состоится массовая рабочая демонстрация. Поэтому «отцы города» решили провести заседание не в вечернее время, как это обычно происходило прежде, а намного раньше, чтобы, протекая перед закрытыми дверями ратуши, демонстрация была бы лишена всякого эффекта. Заседание было назначено на 11 час. утра. Но так как почта не успела своевременно передать извещения депутатам магистрата, то оно началось лишь в 3 час. дня. На обсуждение был поставлен вопрос о принятии, в противовес «Требованиям народа», либеральной петиции королю из трех пунктов: немедленный созыв Соединенного ландтага и расширение избирательного права; отмена цензуры; преобразование Германского союза. Петиция должна была быть переслана находившемуся тогда в Берлине лидеру рейнской либеральной буржуазии Л. Кампгаузену с просьбой «предпринять необходимые шаги

---

[11] I. Hansen. Op. cit., S. 496, 339.

[12] «Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialen». Bd. I. B. 1970, S. 737.

[13] G. Becker. Karl Marx und Friedrich Engels in Köln. 1848—1849. B. 1963, S. 18.

[14] K. Obermann. Karl D'Ester, Arzt und Revolutionär; seine Tätigkeit in den Jahren 1842—1849. «Aus der Frühgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung». B. 1964, S. 139.

[15] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. I, S. 95.

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 112.

[17] I. Hansen. Op. cit., S. 503—504, 516, 662.

для ее доставки». И вот Д'Эстер, который вел протокол заседания, расстроил маневры либералов. Превратив заседание в арену ожесточенной борьбы против них, он добился затягивания заседания до появления демонстрантов. «Дискуссия,— писал либерал Малинкродт своему сыну,— была особенно доктором Д'Эстером (которого подозревают, что он не чужд сборищу черни) в такой мере растянута, что уже настал вечер, и теперь собралась масса народа на площади»[18].

Главный спор был на заседании по первому пункту петиции. Как сказано в протоколе заседания, лидер кёльнских либералов Клессен сформулировал этот пункт так: «Немедленный созыв Соединенного ландтага и предоставление таких прав, которые представителями народа признаются необходимыми для прочного обоснования конституции, как то: расширение избирательного закона, по возможности, на обширной основе и дарование решающего голоса Соединенному ландтагу». А формулировка этого пункта, предложенная Д'Эстером, гласила: «Предоставление конституции с избирательным законом, покоящимся, по возможности, на обширной основе и с решающим голосом, проект которой должен быть без промедления предложен созываемому сейчас же Соединенному ландтагу»[19]. Нетрудно разглядеть принципиальную разницу между этими двумя формулировками. В предложении Клессена основное внимание обращалось на необходимость немедленного созыва Соединенного ландтага — сословного органа, состоявшего из представителей всех провинциальных ландтагов Пруссии. Должны были осуществляться только такие права, которые заседающие в нем «представители народа» сочтут нужными. Ему же следовало предоставлять и право решающего голоса. Д'Эстер, правда, тоже требовал немедленного созыва Соединенного ландтага. Ведь в условиях домартовского режима это был прогрессивный оппозиционный лозунг. И Д'Эстер настаивал на введении избирательного закона «по возможности, на обширной основе». Но он подразумевал под этим совершенно иное, чем Клессен. Главное у него — предоставление конституции. А права решающего голоса он требовал именно для конституции. Кроме того, Д'Эстер предложил включить в петицию требование свободного объединения в союзы[20].

[18] Ibid., S. 517—518.
[19] Ibid., S. 494—495.
[20] Ibid., S. 495.

Приведенные выдержки из протокола показывают неточность мнения, что на этом заседании Д'Эстер внес предложение потребовать введения демократической конституции, всеобщего и равного избирательного права[21]. Почему же на заседании магистрата Д'Эстер высказался о требуемом избирательном праве в более сдержанной форме, чем об этом говорилось в «Требованиях народа»? Это объясняется тем, что, затянув заседание до начала демонстрации, он хотел вместе с тем отколоть от либерального большинства возможно большее число депутатов магистрата. В результате Д'Эстер добился того, что из 30 депутатов, участвовавших в заседании, 11 голосовали против предложения Клессена. Петицию в целом отказались подписать, помимо Д'Эстера, три мелкобуржуазных демократа — Бёккер, Раво и Б. И. Клейн[22]. А начавшийся тогда откол мелкобуржуазных демократов от либералов имел немаловажное значение для дальнейшей эволюции политической жизни в Кёльне.

К сожалению, в нашу литературу проникла неправильная оценка организационной структуры и характера экономической деятельности кёльнского Рабочего союза под руководством Готшалька (апрель — июнь 1848 г.), содержащаяся в книге меньшевика Б. Николаевского. Последний писал, что Готшальк «расчленил Рабочий союз на секции по профессиональным группам», а эти секции, стремясь помешать предпринимателям снижать заработную плату и удлинять рабочее время, «выработали тарифы заработной платы, пытались установить нормы рабочего дня»[23]. В действительности Рабочий союз был основан на узкоцеховом принципе. Это видно прежде всего из того, как составлялся его комитет. На организационном собрании Рабочего союза, происходившем 13 апреля 1848 г., наряду с председателем и названными им секретарями был избран комитет «в помощь председателю» в составе 32 представителей различных промыслов[24]. А в комитете, окончательно утвержденном на собрании 24 апреля, было 49 таких чле-

[21] K. Obermann. Op. cit., S. 138; М. И. Михайлов. Указ соч., стр. 206.
[22] I. Hansen. Op. cit., S. 495.
[23] B. Nicolajevsky, O. Maenchen-Helfen. Karl Marx. Eine Biographie. Hannover. 1963, S. 161—162.
[24] «Zeitung des Arbeiter-Vereins zu Köln» (далее — «ZAV»), № 1, 23.IV.1848.

нов[25]. Так как основную массу членов Рабочего союза составляли разоряющиеся ремесленники и обнищавшие подмастерья, то этим наряду с ошибочными воззрениями Готшалька и определялся характер его экономической деятельности, сущность которой заключалась вовсе не в том, чтобы бороться против снижения заработной платы и удлинения рабочего дня. В газете Рабочего союза можно было найти немало материалов тред-юнионистского характера. В ее втором номере от 30 апреля 1848 г. сообщалось, что 22 апреля общее собрание фабричных рабочих Кёльна выдвинуло требования к фабрикантам: установить продолжительность рабочего дня с 6 час. утра до 6 час. вечера (с тремя двухчасовыми перерывами на прием пищи); заработная плата взрослого рабочего не должна быть ниже 20 зильбергрошей в день; вычеты из заработной платы за опоздания на работу должны быть переданы в распоряжение союза фабричных рабочих[26]. Однако такого рода вопросы не обсуждались тогда в Рабочем союзе. Его экономическая деятельность выразилась только в потоке петиций органам власти, в которых «щедро отдавалась дань цеховым настроениям и предрассудкам ремесленников»[27]. Следует отличать «экономизм» Готшалька от «экономизма» С. Борна. «Экономизм» Борна, жившего в Берлине, где было тогда более 50 тысяч рабочих[28], имел в основном действительно тред-юнионистский характер, следствием которого, несмотря на его ограниченность и односторонность, являлось «пробуждение антагонизма рабочих и хозяев»[29]. Что же касается «экономизма» Готшалька, то он был направлен на удержание мелкого ремесленного производства от разорения в связи с растущей конкуренцией со стороны капиталистической промышленности.

Результатом экономической деятельности кёльнского Рабочего союза был быстрый рост числа его членов. Точного учета фактического состава Рабочего союза тогда не было, так как обязательные членские взносы не взимались. По образному выражению И. Молля на заседании комитета 6 июля 1848 г., понадобилось бы арестовать от 7 до 8 тыс. председателей, чтобы уничтожить Рабочий союз, так как «каждый член союза с радостью возьмет на себя обязанность председателя». Следует при этом учесть заявление Молля на общем собрании союза 3 сентября о том, что в связи с отсутствием обязательных членских взносов «никогда невозможно было точно сказать, имеется ли в Рабочем союзе 6 или 7 тыс. человек»[30].

В противовес организационной структуре по профессиям, в Рабочем союзе по инициативе членов Союза коммунистов были созданы филиалы по территориальному принципу. И совсем не случайно, что Николаевский обошел вопрос об этих филиалах. Ведь они являлись выражением второй тенденции в деятельности Рабочего союза, которая впоследствии привела к превращению его в массовую политическую организацию.

Выступив на заседании комитета Рабочего союза 11 мая, как раз в день, когда Готшальк подал заявление о выходе из Союза коммунистов[31], член Союза коммунистов и секретарь Рабочего союза Ф. Аннеке мотивировал необходимость таких филиалов «для цели взаимного просвещения и проведения дискуссий по текущим вопросам... особенно касающимся рабочего класса». А секретарь кёльнской общины Союза коммунистов, член комитета Рабочего союза от часовщиков И. Молль говорил, что филиалы нужны для того, чтобы «подготовить рабочий класс к тому положению, которое он займет в ближайшем будущем». Было решено создать пять филиалов[32]. Но ввиду отсутствия помещения на первых порах работали два из них: у Легемана и у Зимонса «в Кранце». Их собрания, извещения о которых с 11 июня регулярно печатались в газете Рабочего союза, происходили два раза в неделю[33]. Однако протоколы собраний филиалов не сохранились. Но не подлежит сомнению, что эти «маленькие просветительные клубы»[34] играли большую роль в борьбе сторонников К. Маркса за преодоление «экономизма» Готшалька в Рабочем союзе. В этих клубах коммунисты могли, по спра-

---

[25] «ZAV», № 2, 30.IV.1848.
[26] Ibid.
[27] «Карл Маркс. Биография». М. 1968, стр. 182.
[28] «Elberfelder Zeitung», № 179, 30.VI.1848. Beilage.
[29] В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 30.

[30] «ZAV», № 14, 13.VII.1848; № 29, 7.IX.1848.
[31] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 523.
[32] «ZAV», № 5, 21.V.1848.
[33] «ZAV», № 8, 11.VI.1848, «Extra Beilage».
[34] «ZAV», № 5, 21.V.1848; «Kölnische Zeitung», № 146, 25.V.1848. Beilage.

ведливому утверждению Г. Беккера, «начать целеустремленное политическое и идеологическое воспитание рабочих» [35].

Одним из помощников Готшалька по руководству Рабочим союзом был Ф. Аннеке. Но просто считать его единомышленником Готшалька, как это делал Николаевский, неверно [36]. Его политическая линия часто не совпадала с линией Готшалька. Характерно, что в письме своему духовному учителю М. Гессу от 26 марта 1848 г. Готшальк писал об Аннеке и Виллихе: «Оба они не принадлежат к нам» [37]. Что касается Виллиха, то он отправился в конце марта 1848 г. в Баден, где принял участие в республиканском вооруженном восстании. Порок этого восстания заключался не только в его путчистском характере, но и в том, что его руководители были связаны с созданным во Франции легионом немецких эмигрантов, перешедшим границу, чтобы силой оружия импортировать в Германию республику. «Произвести вторжение в Германию...,— отмечал Ф. Энгельс,— означало подрывать дело революции в самой Германии...» [38].

Аннеке же принимал активное участие в демократическом движении Кёльна. Он энергично выступал в защиту решений многолюдных народных собраний в зале Штольверка о демократизации политического строя Пруссии, для осуществления которых кёльнская демократическая делегация выработала в конце марта 1848 г. план совместных действий с населением Берлина и с прибывшими туда представителями силезских ткачей и делегацией Вестфалии [39]. «Теперь необходимо прежде всего,— писал Аннеке 28 марта своему другу по военной службе Ф. Хамахеру в Эссен,— чтобы вся страна высказалась за учредительное собрание, созданное в результате всеобщих выборов. Если мы будем иметь это и требуемые для этого жизненные условия — свободу печати, слова, собраний и объединения в союзы, а также вооружение народа, то добьемся всего, что нужно. Пусть только все присоединяются к постановлениям Кёльна» [40]. И когда 25 апреля 1848 г. на основе народных собраний в штольверкском зале организационно оформилось кёльнское Демократическое общество, Аннеке стал членом этого общества и был избран в состав его комитета.

Так как одновременно Аннеке был секретарем кёльнского Рабочего союза, то именно ему поручило созванное Демократическим обществом народное собрание в зале Штольверка привлечь Рабочий союз к поддержке принятого там 14 мая протеста против постановления министерства Кампгаузена о возвращении в Берлин принца Прусского, бежавшего в Англию в дни мартовской революции. Выполняя это поручение, Аннеке заявил на следующий день на заседании комитета Рабочего союза, что если принц Прусский возвратится в Берлин, он станет «страстно желаемым реакцией ее главой и руководителем». Точку зрения Аннеке поддержали Молль и Мюллер. И хотя среди членов комитета вызвало, как гласит протокол, «бурное волнение» выступление ставленника Готшалька Я. Зюрта, сказавшего, что «принятый у Штольверка протест является незаконным», Готшальку все же удалось воспрепятствовать принятию предложения Аннеке о присоединении Рабочего союза к важному политическому мероприятию Демократического общества [41]. Однако Готшальк не смог помешать успеху этой кампании. Уже 15 мая штольверкскую петицию подписали 8295 человек [42], что составляло около 40% всех избирателей Кёльна. В их числе было немало членов Рабочего союза.

Спустя две недели, во время вступления К. Маркса и его сторонников в кёльнское Демократическое общество, произошел конфликт между Аннеке и Демократическим обществом. Аннеке получил письмо от друга Виллиха К. Брахнана из Халонса, в котором сообщалось о бедственном положении отряда Виллиха, обосновавшегося после поражения баденского республиканского восстания в Безансоне (Франция). И вот 29 мая на заседании комитета Демократического общества Аннеке внес предложение, чтобы ему разрешили прочесть это письмо на общем собрании общества, назначенном на 1 июня, и провести там сбор средств в пользу отряда Виллиха. После длительного обсуждения заседание отклонило это предложение всеми голосами против голоса одного только Аннеке [43]. Ни-

[35] G. Becker. Op. cit., S. 31.
[36] B. Nicolajevsky, O. Maenchen-Helfen. Op. cit., S. 159.
[37] M. Hess. Briefwechsel. Nouton. 1959, S. 177.
[38] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 226.
[39] «Kölnische Zeitung», № 85, 25.III.1848, Zweite Ausgabe; № 92, 1.IV.1848.
[40] I. Hansen. Op. cit., S. 662.
[41] «ZAV», № 5, 21.V.1848.
[42] «Kölnische Zeitung», № 138, 17.V.1848.
[43] «ZAV», № 7, 4.VI, № 9, 18.VI.1848.

колаевский считает, что такое решение демократы приняли «потому, что они опасались, что их обвинят в общности взглядов с повстанцами»[44]. Спрашивается, почему же у Рабочего союза не было таких опасений? Ведь в связи с тем, что тогда же, 29 мая, Аннеке внес свое предложение на заседании комитета Рабочего союза, ему удалось при содействии Готшалька организовать через Рабочий союз сбор средств в поддержку отряда Виллиха. Сам Аннеке следующим образом объяснил мотивы отклонения его предложения в Демократическом обществе: «Оказать поддержку немецким республиканцам во Франции,— это значит желать, чтобы извне принесли нам свободу»[45].

Отсюда видно, что отклонение предложения Аннеке было результатом нежелания, чтобы кёльнское Демократическое общество имело что-нибудь общее с путчистской тактикой баденских повстанцев и с авантюристической линией импорта республики извне, противоречившими подлинным республиканским убеждениям. Готшальк же, ухватившись за предложение Аннеке, был как раз тогда не прочь заигрывать с идеей импорта республики. И на том же заседании комитета Рабочего союза, обращаясь к германским рабочим, он говорил о республиканцах Франции: «Именно они принесут вам республиканское устройство, если вы еще не будете достаточно сильны, чтобы самим управлять собою». Но для Готшалька суть дела заключалась также в том, чтобы опорочить Демократическое общество и добиться выхода из него Аннеке. Поэтому он не остановился даже перед фальсификацией в протоколе записи выступления Аннеке на заседании комитета Рабочего союза 29 мая. В протоколе заседания, опубликованном 4 июня в газете Рабочего союза, говорилось, что Аннеке, сообщив, что свое предложение он внес сначала на заседании комитета Демократического общества, добавил: «Мне отказано в этом из-за безрассудной трусости, *после чего я сейчас же заявил о своем выходе из комитета и из общества*... Я глубоко убежден, что вы не будете подражать трусливому поведению комитета Демократического общества»[46]. И вот 9 июня, выступая на общем собрании Демократического общества по поводу внесенного им предложения, Аннеке заявил, что сообщение газеты Рабочего союза о его высказывании в адрес комитета Демократического общества «явилось следствием ложного изложения протокола»[47].

Сущность этого «ложного изложения» становится очевидной из заявления, направленного Аннеке в газету 5 июня и опубликованного ею лишь 18 июня, когда Готшальк отсутствовал в Кёльне. «Приведенный в газете протокол заседания комитета Рабочего союза от 29 мая,— писал Аннеке,— приписывает мне в отношении комитета Демократического общества слова, которых я не произносил». При этом Аннеке сообщил, что он вовсе не говорил о «безрассудной трусости» и «трусливом поведении» членов комитета Демократического общества. Он также не заявлял о своем выходе из комитета Демократического общества и из самого общества; он только сказал, что не будет больше «заботиться о Демократическом обществе» и выйдет из его комитета[48]. И хотя 4 июня Аннеке подал заявление о выходе из комитета Демократического общества, все же членом общества он остался. Об этом свидетельствует его активное участие в общих собраниях Демократического общества вплоть до начала июля, то есть до его ареста[49].

Все сказанное выше опровергает установившееся в литературе мнение о выходе Аннеке из кёльнского Демократического общества. Эту неправильную точку зрения впервые высказал немецкий социал-демократ Г. Штейн в 1921 году. Потом она была повторена Николаевским[50]. То, что Готшальк не смог добиться выхода Аннеке из Демократического общества, несомненно, было его политическим поражением.

В своей книге о революции 1848 г. в Германии Вильгельм Либкнехт писал: «В Франкфуртском предварительном парламенте Готшальк выступил со следующими достопримечательными словами: «Я говорю здесь от имени 20 000 рабочих, которым совершенно безразлично, останется ли

[44] B. Nicolaevsky, O. Maenchen-Helfen. Op. cit., S. 167.
[45] «ZAV», № 9, 8.VI.1848.
[46] «ZAV», № 7, 4.VI.1848.
[47] «Der Wächter am Rhein», 1848, I. Dutzend, № 2.
[48] «ZAV», № 9, 18.VI.1848.
[49] «Der Wächter am Rhein», 1849, I. Dutzend, №№ 2, 4, 6.
[50] H. Stein. Der Kölner Arbeiterverein (1848—1849). Köln. 1921, S. 44; B. Nicolajevsky, O. Maenchen-Helfen. Op. cit., S. 167.

Германия монархней или превратится в республику» [51].

Готшальк в действительности не был депутатом Франкфуртского предпарламента, заседавшего с 31 марта по 3 апреля 1848 года. Его депутатами из Кёльна были либерал Леуе, мелкобуржуазные демократы Шнейдер II и Раво и коммунисты Бюргерс и Д'Эстер [52]. Однако отмеченное В. Либкнехтом высказывание Готшалька вполне соответствует его политическим взглядам в первые дни мартовской революции, когда как сторонник «истинного социализма» он проявлял равнодушие к политической форме государства. Наряду с этим, поскольку в массах были сильны иллюзии, связанные с превращением абсолютной монархии в конституционную, предпочтение Готшальк отдавал в то время последней. Это видно из его высказывания 3 марта 1848 г. на заседании кёльнского магистрата: «Мы хотим монархию, но монархию с демократической основой» [53]. А 26 марта он писал М. Гессу, что «конституционная монархия, как она складывается теперь в Германии, быстрее приведет к объединению всех немцев в единое целое, чем предпринимаемые ныне попытки республиканизации» [54].

Впоследствии Готшальк изменил свои политические взгляды и стал выступать за введение республики. Причины этого шага коренились в усилении республиканских настроений среди рабочих Кёльна, что, в свою очередь, было обусловлено обострением политической борьбы в Германии и повседневной деятельностью сторонников К. Маркса в кёльнском Рабочем союзе. С 1 июня 1848 г. прибавился к этому новый фактор — влияние «Neue Rheinische Zeitung» на классовое и политическое воспитание членов Рабочего союза. Примечательно в этой связи сообщение буржуазной «Deutsche Zeitung» в корреспонденции из Кёльна за 12 июня о том, что в Кёльне «находится столпившаяся масса рабочих, ежедневно и обильно опьяняемая у источника безрассудных теорий, которые преподносят ей представители местной социалистической школы, теоретики «Neue Rheinische Zeitung» — Маркс, Дронке, Веерт...» [55].

Причины эволюции политических взглядов Готшалька отметил впоследствии Ф. Энгельс, писавший В. Либкнехту: «Газета и наш Рабочий союз поставили его перед дилеммой: либо идти с нами, либо против нас» [56].

Но республику Готшальк понимал по-«левацки», отождествляя ее с «рабочей республикой», в которой «тунеядству невозможно будет жить на счет труда». Вместе с этим он представлял себе ее введение «законным путем свободы слова и свободы объединения», без «эксцессов», то есть без насильственных революционных действий против реакционных феодальных сил. Поскольку Готшальк, вообще являвшийся «хвостистом», стал под давлением широких масс возглавляемого им Рабочего союза высказываться за республику, то, избрав его делегатом на демократический конгресс во Франкфурте, комитет Рабочего союза на заседаниях 10 и 11 июня 1848 г. решил, чтобы он внес там следующее предложение: «Стремление всех рабочих союзов и других союзов, являющихся приверженцами одинаковых с ним воззрений, должно быть направлено к тому, чтобы открыто требовать единого республиканского устройства для всей Германии» [57].

В литературе высказывается мнение о том, что Готшальк, не понимая классового характера демократического конгресса, сеял среди рабочих иллюзии, что франкфуртский конгресс соберется, чтобы «организовать рабочий класс всех германских государств в большую, сильную, объединенную партию» [58]. Однако внимательное чтение документа показывает, что эти слова вовсе не принадлежат Готшальку. Они представляют собой добавление редакции газеты Рабочего союза к информации об указанных заседаниях и были написаны в то время, когда конгресс во Франкфурте уже собрался. Так как Готшальк был тогда на конгрессе, то их автором можно, видимо, считать Янсена, замещавшего Готшалька на посту председателя Рабочего союза [59]. В этих словах была выражена общая надежда рабочих союзов Германии, что на конгрессе во Франкфурте их представителями будет создана общегерманская рабочая организация.

Тяга рабочих союзов Германии к объеди-

[51] В. Либкнехт. Роберт Блюм и революция 48 г. в Германии. СПБ. Б. г., стр. 144.
[52] «Kölnische Zeitung», № 87, 27.III.1848, Zweite Ausgabe; № 88, 28.III.1848.
[53] I. Hansen. Op. cit., S. 500.
[54] M. Hess. Op. cit., S. 176.
[55] «Deutsche Zeitung», № 168, 18.VI.1848, Beilage.

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 250.
[57] «ZAV», № 8, 11.VI, № 9, 18.VI.1848.
[58] G. Becker. Op. cit., S. 68.
[59] «ZAV», № 9, 18.VI.1848.

нению в общегерманском масштабе была выражена во второй половине мая 1848 г. в решении собрания франкфуртского Рабочего союза и в письмах рабочих союзов в Ханау и в Дюссельдорфе кёльнскому Рабочему союзу. А в письме Рабочему союзу во Франкфурте, предложенном Аннеке 29 мая на заседании комитета кёльнского Рабочего союза, со всей ясностью указывалось на необходимость «создать один-единственный большой союз всего рабочего класса» [60]. Именно это учли марбургские организаторы франкфуртского конгресса демократов, когда, помимо приглашения на конгресс, адресованного ими 19 мая 1848 г. одним только демократическим обществам, они направили 30 мая пригласительное письмо рабочим союзам Германии, в котором им тоже предлагалось послать представителей на конгресс, «чтобы, с одной стороны, посредством общего взаимопонимания и объединения отдельные рабочие союзы... организовались в хорошо расчлененное целое, а с другой стороны, чтобы они вступили в теснейшее братание со стремящимися к осуществлению социальной демократической республики демократическими обществами в целях укрепления и поддержки друг друга» [61]. На конгресс, состоявшийся с 14 по 17 июня 1848 г., прибыли «большей частью делегаты рабочих союзов» [62]. Однако вопреки надеждам рабочих союзов они не создали самостоятельную рабочую организацию. Заседая совместно с представителями демократических обществ, они организационно оформили общую с ними Демократическую партию, представлявшую собой (вплоть до апреля 1849 г.) объединение демократических обществ и рабочих союзов.

Вследствие ведущей роли кёльнского Рабочего союза среди других рабочих союзов Германии видную роль на конгрессе играл его представитель Готшальк. Как сообщила «Neue Rheinische Zeitung» 24 июня 1848 г., именно по его предложению конгрессом было принято решение, гласившее: «Единственно прочной в Германии государственной формой является демократическая республика, в которой общество берет на себя заботу о свободе и благосостоянии каждого своего члена». Указав, что это решение представляло собой «основной принцип» Демократической партии, газета с удовлетворением отмечала, что делегаты «были согласны с тем, что Германия не может добиться своей цели в республике классовых привилегий, классовой монополии, как этого в настоящее время хочет господствующая партия во Франции». Правые элементы конгресса были недовольны такой формулировкой лозунга республики. Делегат боннского Демократического общества даже покинул в связи с этим конгресс, заявив, что он не может «согласовать свое убеждение с убеждением конгресса». Один из делегатов кёльнского Демократического общества, К. Крамер, хотя и согласился с мнением боннского представителя, все же остался на конгрессе [63].

Отсюда видно, что в вопросе о республике позиция Готшалька была продиктована массами членов кёльнского Рабочего союза, в котором все больше росло влияние приверженцев К. Маркса. Но, несмотря на это, Готшальк остался противником тактики К. Маркса и Ф. Энгельса. Учитывая, что влияние Готшалька было обусловлено уровнем развития рабочего движения, К. Маркс воздерживался от открытых выступлений против него, а боролся через своих сторонников за правильную политику кёльнского Рабочего союза. Успехом такой линии было то, что после ареста Готшалька председателем Союза был избран И. Молль. Недооценивая силу сторонников Маркса в кёльнском Рабочем союзе, Николаевский считает, что Молль был избран временным председателем Рабочего союза. А ведь в протоколе заседания комитета Союза от 6 июля 1848 г. записано, что Молль указал на необходимость «приступить к избранию нового председателя, после чего избран был гражданин Молль» [64]. Значит, слово «временный» — плод фантазии Николаевского. Молль был избран не потому, что, как писал Николаевский, «партийных сторонников Готшалька, которые могли бы заменить его, не было» [65], а именно потому, что только Молль (совместно с К. Шаппером) в состоянии был повести, наконец, кёльнский Рабочий союз по пути К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ш. З. Матлин

---

[60] «ZAV», №№ 6, 7, 9. 28.V, 4. 18.VI.1848.
[61] «Neue Rheinische Zeitung», № 7, 7.VI.1848, Beilage.
[62] «ZAV», № 10, 25.VI.1848.
[63] «Neue Rheinische Zeitung», № 24. 24.VI.1848; «Der Wächter am Rhein», 1848. I. Dutzend, № 4.
[64] «ZAV», № 14. 13.VII.1848.
[65] B. Nicolajevsky, O. Maenchen Helfen. Op. cit., S. 174.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ВОЕННО-НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

В 1919 г. при клубе Академии Генерального штаба РККА (ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе) была основана военно-историческая секция, главная цель которой состояла в том, чтобы организовать самостоятельную работу слушателей по изучению военной истории в соответствии с принципами марксизма. Но в ту пору слушатели не задерживались в стенах академии. Несколько месяцев учебы, а затем — на фронт. Лишь в 1920 г., когда гражданская война и интервенция подходили к концу, появилась возможность поднять вопрос о создании постоянной военно-научной организации. 13 октября 1920 г. состоялось совещание актива академии с участием К. Е. Ворошилова, начальника Всевобуча Н. И. Подвойского, комиссара академии В. Д. Виленского-Сибирякова и других ответственных работников. На совещании был сделан доклад о необходимости создания самодеятельной военно-научной организации, которая в центр внимания поставила бы изучение опыта гражданской войны. Там же была выделена комиссия, начавшая работу по вовлечению слушателей в эту организацию. В числе первых ее активистов находились С. М. Белицкий, С. А. Венцов, А. М. Вольпе, К. П. Подгорецкий, И. М. Подшивалов, В. К. Триандафиллов, Р. С. Циффер. Так возникло Военно-научное общество (ВНО).

Каковы же были причины зарождения этого общества?

ВНО возникло в то время, когда еще не окончилась гражданская война и в академии обучалось много красных командиров, стремившихся восполнить свои практические знания теоретическим пониманием боевых операций, хода революционной классовой войны. Однако профессорско-преподавательский состав главное внимание сосредоточивал на старых, «классических» образцах военного искусства. «В 1918 и 1919 гг. — писал М. Н. Тухачевский,— Красная Армия на фронтах выковывала свою мощь, свои организационные формы и вырабатывала свой командный и штабной состав. В центре дело обстояло гораздо хуже. Приходилось базироваться исключительно на старом офицерстве и генералитете, которые, не побывав на фронтах, очень медленно, не спеша, усваивали дух Красной Армии, проникались ее интересами, горестями и радостями. В военно-научной области господствовали метафизика, схоластика. Военное искусство объявлялось вечным и незыблемым... Конечно, не допускалось и мысли о том, что гражданская война может иметь какие бы то ни было особенности, какую бы то ни было свою собственную природу. Значение классовой борьбы совершенно игнорировалось, и считалось неприемлемым и недопустимым в какой бы то ни было мере пользоваться теорией марксизма при изучении военных вопросов» [1]. Оторванность части преподавательского состава от живой действительности и побудила наиболее активных слушателей, поддержанных академической ячейкой РКП(б), выступить инициаторами создания военно-научной организации, которая способствовала бы восполнению недостатков обучения.

Помимо ВНО при Военной академии РККА (так с августа 1921 г. стала называться Академия Генерального штаба), вскоре и в других высших учебных заведениях Красной Армии стали возникать свои военно-научные организации. 17 октября 1921 г. было организовано отделение ВНО при Военно-электротехнической академии. Такое же отделение 20 ноября появилось в Инженерной академии. В марте следующего года начало работать отделение ВНО при Военно-хозяйственной академии. Месяц спустя возникла организация ВНО при Высшей военно-химической школе [2]. Затем к созданию ВНО приступили военные округа, соединения и части Красной Армии. В числе первых был Киевский военный округ (КВО), ВНО которого организовалось 13 января 1922 г. на базе ранее существовавшей при штабе Юго-Западного фронта «Особой комиссии по изучению опыта империалистической и гражданской войн». Председателем

---

[1] «Красная Звезда», 17. VIII. 1924.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 9403, оп. 1, д. 7, лл. 27, 31, 34—35, 39.

правления ВНО КВО был избран видный советский военачальник И. Э. Якир[3]. Примерно в то же время были созданы отделения ВНО на Северном Кавказе, в Сибири и в других районах страны. В воинских частях появились первичные ячейки ВНО в виде военно-научных кружков. Вскоре местные отделения ВНО стали обращаться по всем вопросам, связанным с их работой, к ВНО при Военной академии РККА, уже имевшей подготовленные научные кадры. Так постепенно за последней закрепилась роль центра по осуществлению самодеятельной научной работы в Красной Армии. Председателем правления ВНО при Военной академии РККА в 1923 г. был избран М. В. Фрунзе, командовавший в то время войсками Украины и Крыма. Со временем Военно-научное общество превратилось во всеармейскую организацию. Поэтому идейное руководство им со стороны только академической ячейки РКП(б) было уже недостаточно. В связи с этим общее руководство перешло к Политическому управлению Реввоенсовета Республики (ПУР).

Так как ВНО возникло с целью изучения опыта революционных войн, это определило и первоначальную его деятельность. Один из инициаторов создания ВНО говорил: «Мы стремились отвечать на все животрепещущие вопросы текущего момента. Только недавно ликвидировался десант Врангеля, а в Военно-научном обществе уже делается доклад на эту тему... Не успел Врангель доехать из Крыма в Константинополь, как главнокомандующий делает сообщение в Военно-научном обществе о ликвидации Врангеля. Чем интересуется Красная Армия, чем она живет, на что она ждет ответа — вот содержание наших докладов»[4]. В ВНО при Военной академии РККА делались сообщения о тех военных произведениях Ф. Энгельса, которые тогда еще не были переведены на русский язык. В обществе обсуждался опыт Ноябрьской революции в Германии, слушались доклады о диалектике в военном деле, о военной доктрине. ВНО являлось той школой, в которой будущие командиры Красной Армии учились применять марксистскую теорию в военном деле[5]. Доклады и сообщения нередко вызывали оживленные дискуссии. Так, в 1921 г. ВНО при Военной академии РККА организовало широкое обсуждение докладов по военно-научной тематике, в котором участвовали М. Н. Тухачевский, профессора А. А. Незнамов, А. И. Верховский, А. А. Свечин, К. И. Величко, слушатели академии С. М. Белицкий, С. А. Венцов и другие. В докладах рассматривались вопросы, касающиеся характера будущей войны с империалистами, обсуждались наиболее яркие операции гражданской и первой мировой войн, изучались военно-технические новинки в армиях капиталистических государств. С сообщениями выступали такие крупные военачальники, как П. Е. Дыбенко, С. С. Каменев и другие.

Силами Военно-научного общества при академии был подготовлен ряд работ, опубликованных на страницах его изданий — журналов «Сборник трудов ВНО», «Красная Армия», «Военный зарубежник». Общество выпустило сборник «Иностранные армии», знакомивший с организацией войск буржуазных стран, книги о кавалерии, артиллерии, воздушном флоте, «Военно-политический словарь», издало серию брошюр под названиями «Библиотека красноармейца» и «Библиотека командира». Выход периодических изданий был налажен и некоторыми местными отделениями ВНО.

Первые годы Военно-научное общество вело работу только в Красной Армии. В 1923 г. было признано необходимым начать через него пропаганду военных знаний и среди трудящихся. Зачинателями явились воронежцы. В марте на собрании военнослужащих и комполитсостава запаса было основано местное отделение ВНО, призванное руководить самостоятельной работой личного состава армии в области научных исследований, самообразования, а также военной пропагандой среди населения. Воронежское ВНО установило связи с гражданскими учреждениями, создало в них свои ячейки, устраивало для слушателей рабфака доклады «Война, ее значение и подготовка к ней» и «Организация воздушной обороны», направляло своих представителей в деревни для проведения бесед и чтения лекций. Президиум ВНО при Военной академии РККА отмечал, что основные моменты деятельности Воронежского ВНО — это «практическая постановка деятельности ВНО вне армии и увязка ее с партийными, профессиональными, советскими и научными организациями и учреждениями»[6]. Позд-

---

[3] Там же, л. 36.

[4] «Общество содействия обороне». М. 1927, стр. 4.

[5] «40 лет Военной академии имени М. В. Фрунзе». М. 1958, стр. 102.

[6] «Из опыта вневойсковой работы ВНО (отчет о работе Воронежской организации ВНО за 1923—24 гг.)». М. 1925, стр. 3.

нее к работе среди населения приступили и другие организации ВНО. Например, в программе окружной конференции ВНО Харьковского гарнизона, которая состоялась в октябре 1924 г., говорилось, что основной и ближайшей задачей общества является выделение ответственных работников для докладов на собраниях в гражданских учреждениях с целью пропаганды военного дела и вовлечения трудящихся в члены общества [7].

На эту сторону дела обратило особое внимание I Всесоюзное совещание ВНО СССР, проходившее в мае 1925 года. Совещание открыл начальник ПУР А. С. Бубнов, который подчеркнул необходимость развертывания работы ВНО в теснейшей связи со всеми партийными и советскими органами, массовыми рабочими и крестьянскими организациями, со всеми трудящимися страны. С докладом «Наше военное строительство и задачи Военно-научного общества» выступил председатель Реввоенсовета СССР, наркомвоенмор М. В. Фрунзе. «Нам нужно покрепче внедрить в сознание всего населения нашего Союза представление о том,— говорил он,— что современные войны ведутся не одной армией, а всей страной в целом, что война потребует напряжения всех народных сил и средств, что война будет войной смертельной, войной не на жизнь, а на смерть, и что поэтому к ней нужна всесторонняя и тщательная подготовка еще в мирное время» [8]. М. В. Фрунзе предложил построить работу ВНО таким образом, чтобы она не замыкалась рамками армии, а охватила широкие массы населения. При этом он отметил, что центр тяжести в научно-исследовательской работе общества следует перенести на изучение непосредственных запросов повседневной жизни. Совещание сыграло большую роль в дальнейшей работе ВНО. Оно определило общество как широкую организацию всесоюзного значения и наметило дальнейшую развернутую программу его деятельности. На совещании был избран Центральный совет общества и его Президиум. Председателем ЦС стал М. В. Фрунзе, его заместителями — А. С. Бубнов и замнаркомвоенмора И. С. Уншлихт, генеральным секретарем — Р. П. Эйдеман. В Центральный совет вошли виднейшие военные деятели страны, а также ряд гражданских лиц.

[7] ЦГАОР СССР, ф. 9403, оп. 1, д. 15, л. 39.

[8] М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. II, М. 1957, стр. 344—345.

При ЦС ВНО были созданы агитационно-пропагандистская, организационная и научно-исследовательская комиссии. Председателем научно-исследовательской комиссии являлся начальник Штаба РККА С. С. Каменев. В эту комиссию входили секции тактическая, оперативная, военной истории и военного искусства, подготовки страны к обороне. В январе 1926 г. в составе комиссии было организовано техническое бюро, в задачу которого, в частности, входило установление тесной связи с гражданскими научно-исследовательскими организациями и идейное руководство их работой в целях лучшего использования гражданской техники для обороны страны; организация и идейное руководство работой кружков ВНО и секций в гражданских технических учреждениях и учебных заведениях. Отдельные организации ВНО стали привлекать трудящихся к практической деятельности: ознакомлению со стрелковым, саперно-маскировочным и военно-химическим делом и тактической подготовкой, изучению оружия и уставов Красной Армии.

Правда, в целом ВНО продолжало еще оставаться армейской организацией. Поэтому состоявшийся в марте 1926 г. I Всесоюзный съезд ВНО наметил дальнейшие пути превращения его в массовую общественную организацию. На съезде с речью о роли масс в военно-научной работе выступил Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин [9]. Об очередных задачах ВНО говорил на одном из заседаний съезда Председатель Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилов. Он отметил, что после Всесоюзного совещания 1925 г. работа ВНО оживилась, но важнейшее дело превращения ВНО в массовую общественную организацию еще находится в зачаточном состоянии. В работу общества необходимо вовлекать многомиллионные массы трудящихся. Для этого следует связать ВНО с деятельностью партийных, профсоюзных, советских, комсомольских, хозяйственных и кооперативных организаций. Военное общество объединяет людей, занятых исследовательской и теоретической работой. А теперь другая задача — содействие организации обороны страны [10]. В принятой съездом резолюции указывалось на необходимость усиления работы среди широких масс трудящихся, вовлечения в ряды общества новых членов, укрепления связи с общественными организациями. В при-

[9] «Красная Звезда», 10. III. 1926.

[10] «Красная Звезда», 11. III. 1926.

съезда в адрес ЦК ВКП(б) го- «Отчетливо сознавая необходи- дрения военных знаний в самые лои трудящихся масс страны — ем над отысканием лучших мето- ей, по которым современная воен- пойдет на фабрики, заводы и се- съезде был избран новый состав ве с К. Е. Ворошиловым.

с расширением функций общест- вопрос о переименовании ВНО в содействия обороне. 27 июля нарком СССР, учитывая рост истской деятельности ВНО среди страны и придавая большое зна- оте общества как массовой организации, способствующей укреплению обороноспособности СССР, постановил переименовать Военно-научное общество в Общество содействия обороне и обратил внимание всех советских и общественных организаций на необходимость оказания всемерной помощи организациям ОСО в популяризации военных знаний среди населения [12]. А в 1927 г. Общество содействия обороне слилось с Авиахимом в единое военно-патриотическое общество — Осоавиахим [13].

Л. П. Борисов

ная Звезда», 12. III. 1926.

[12] ЦГАОР СССР, ф. 9403, оп. 1, д. 100, л. 1.

[13] О его деятельности см.: Л. П. Борисов. Осоавиахим. Страницы истории. 1927—1941 годы. «Вопросы истории», 1965, № 6.

ПОДМОСКОВНЫЕ СЕЛА «КОЛОМНИНЬСКОЕ» И «НОГАТИНЬСКОЕ»

ени возникновения этих двух подмосковных сел документов ые же о «Коломниньском и Но- » упоминается в духовной гра- ы Калиты около 1339 г., в кото- ещал эти села своему младше- Андрею [1]. Коломенское предполо- было основано в конце 30-х го- . беженцами из Коломны, разо- тыем в 1237 году. Наименова- вной грамоте села как «Коло- » свидетельствует о том, что ие происходит от слова «Колом- ив родные места, одна группа их беженцев поселилась на вы- ом берегу реки Москвы, дру- одалеку, тоже на правом бере- и, то есть на месте, укреплен- стом, бревнами и насыпной зем- да идет название второго се- тинское, Нагатино. Не только аку близкого соседства, но и одинакового происхождения этих сел, прибывших с берегов Оки, а также по времени их основания Иван Калита упоминает их в духовной грамоте рядом. Однако судьба этих сел не была одинаковой. Коломенское получило громкую славу, а Нагатино осталось почти безвестным селением.

Новый владелец Коломенского и Нагатина боровско-серпуховской князь Андрей Иванович (1327—1353 гг.) завещал их своему сыну серпуховскому князю Владимиру Андреевичу Храброму, сподвижнику Дмитрия Донского. Затем «Коломеньское село со всеми луги и з деревнями, Ногатиньское со всеми луги и з деревнями» переходило от одного владельца к другому. Очевидно, во второй половине XV в. Нагатино было перенесено на новое (но уже без церкви), более высокое место. Причины перенесения села заключались, вероятнее всего, в неблагоприятных условиях жизни на низком, болотистом берегу реки, ежегодно затопляемом во время весеннего половодья. Вокруг Нагатина исстари было много заливных лугов и озер, которые жители могли, вероятно, использовать для постройки и ремонта судов. О «Нагатиньской заводи» (речном заливе)

ные и договорные грамоты ве- удельных князей XIV—XVI вв.». стр. 7.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

O. I. CHISTYAKOV. **The Russian Soviet Federative Socialist Republic and the Development of National Statehood Among the Peoples of the Land of Soviets (1917-1222)**

The article highlights the role played by the Russian Federation in establishing and developing national statehood among the peoples of the Land of Soviets on the eve of the formation of the U.S.S.R. Soviet Russia was the first Soviet state to pave the way for the formation of other socialist republics. Originally the concepts of "Russian Soviet Republic" and "Soviet state" practically coincided, but already in the period 1917-1921 several new Soviet Republics emerged on the territory of Soviet Russia and were granted recognition by the latter. They came into existence with the active support and all-round assistance of the R.S.F.S.R. which served as a model for the newly founded Soviet Republics. Just as important was the part played by the R.S.F.S.R. in establishing and promoting federal links between the Soviet Republics in 1917-1922. Soviet Russia played the leading role in integrating these republics.

Of no less significance was the activity carried on by the government bodies of Soviet Russia in promoting the development of national statehood within the R.S.F.S.R. itself. The Russian Soviet Republic, which came into being as a unitary state, was proclaimed a federation already in January 1918 and incorporated different autonomous formations as its members.

A. N. HEIFETZ. **The Soviet Republics and the Peoples of the East (1918-1922)**

The article examines the influence exerted on the Eastern countries by the national policy of the Communist Party and the Soviet government, by the first steps taken by Soviet Russia in the sphere of national-state development and above all by the diplomatic activity of the Soviet Transcaucasian and Central Asian Republics in the period preceding the formation of the U.S.S.R. Coordination of the Soviet Republics' diplomatic activity contributed to the success of Soviet foreign policy and helped to thwart the subversive actions of the imperialist powers aimed at isolating the Land of Soviets from the peoples of the East. The experience accumulated by the Soviet Republics in furthering a commonly agreed foreign policy helped to bring them closer together. This process of growing rapprochement was crowned with the formation of the Union of Soviet Socialist Republics in December 1922.

M. A. DODOLEV. **Russia and the Spanish People's War of Independence (1808-1814)**

The article examines the response in Russia to the Spanish people's war of independence. The author's attention is focussed on the attitude shown by representatives of Russia's progressive social thought, including the Decembrists, to the Spanish people's struggle for independence. He shows the clash of opinions in Russia during the 1810's-1820's around the developments in Spain and the change in the position of the tsarist government towards Spain.

A. A. YAZKOVA. **The Formation of the Little Entente**

The article investigates the initial period in the activity of the Little Entente—the political union of Czechoslovakia, Rumania and Yugoslavia formalized by the conclusion of bilateral treaties between these countries in 1920-1921. Drawing on a number of hitherto unknown documentary materials, the author traces the process of formation of the Little Entente since the moment in 1918 when, as a result of the disintegration of the Austro-Hungarian empire, there emerged in Central and Southeastern Europe a number of independent states in which the bourgeoisie and the landlords continued to remain in the saddle. The article shows the negative role played by the ruling circles of the Little Entente countries in the struggle against the European revolutionary movement, primarily against

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 11, 1972

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire» 1972, № 11

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 11, 1972

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 21/IX 1972 г.
А 01006. Подписано к печати 1/XI 1972 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Объем 19,60 усл. печ. л 22,29 учетно-изд. л. Тираж 29 000 экз. Изд. № 2517. Зак. № 3673.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

ГЕОРГИЕВ Г. **80 години под червеното знаме. 1891—1971.** София. «Държ. воен. изд-во». 1971. 267 с.

Георги Димитров. 1882—1972. Юбилеен сборник. София. «Изд-во на БАН». 1972. 336 с.

Георги Димитров. Биография. Авт.: Веселин Хаджиниколов, Давид Елазар, Добрин Мичев и др. София. «Партиздат». 1972. 643 с.

Георги Димитров и българската социалистическа държава и право. Сборник статей. (Ред. коллегия: Венеци Бузов и др.). София. «Изд-во на БАН». 1972. 155 с.

ГИНДЕВ П. **Демокрацията и идеологическата борба на съвременния етап.** София. «Наука и изкуство». 1972. 414 с.

ДАНАИЛОВ Л. и НОЙКОВ С. **Национално-освободителното движение в Тракия. 1878—1903.** София. «Изд-во на Отечествения фронт». 1971. 569 с.

ИВАНОВ В. **Чили. Има думата народът.** София «Партиздат». 1971. 139 с.

Извори на Българската история. Гръцки извори за българската история. VIII. Съст. М. Войнов. София. «Изд-во на БАН». 1972. 322 с.

Работническата класа, профсъюзите, социализмът. (Съст. и ред. Никола Илиев и др.). София. «Профиздат». 1971. 263 с.

A magyar polgári pártok programjai. (1867—1918). Összeál. és sajtó alá rendezte Mérei Gyula. Budapest. «Akad. kiadó». 1971. 383 old.

PATKÓ I. **Szigetlakók között.** Budapest. «Kossuth könyvkiadó». 1971. 286. old.

FÖRSTER A. **Die Gewerkschaftspolitik der deutschen Sozialdemokratie während des Sozialistengesetzes.** Vom Wydener Parteikongress 1880 bis zum Parteitag von St. Gallen 1887. Berlin. «Tribüne». 1971. 384 S.

Nichtkapitalistischer Entwicklungsweg. Aktuelle Probleme in Theorie und Praxis. (Studien über Asien, Afrika und Lateinamerika). Bd. I. Berlin. «Akademie Verlag». 1972. 453 S.

REISBERG A. **An den Quellen der Einheitsfrontpolitik.** Der Kampf der KPD um die Aktionseinheit in Deutschland 1921—1922. Ein Beitrag zur Erforschung der Hilfe W. I. Lenins und der Komintern für die KPD. Bd. I—450 S. Bd. 2—843 S. Berlin. «Dietz». 1971.

WIRTH G. **Für ein Europa des Friedens.** Eine historische Studie und aktuelle Betrachtung. Berlin. «Union-Verl.». 1971. 180 S.

Wir schweigen nicht! Eine Dokumentation über den antifaschistischen Kampf Münchner Studenten 1942/43. Hrsg. und mit einer biographischen Skizze der Geschwister Scholl eingel. von Klaus Drobisch. Berlin. «Union Verl.». 1972. 219 S. (2. bearb. Aufl.).

BASIŃSKI E. **Stosunki polsko-radzieckie 1944—1968.** (Kronika faktów i wydarzén). Warszawa. «KiW». 1972. 400 s.

GÓRA W., JUCHNIEWICZ M., TOBIASZ J. **Udział Polaków w radzieckim ruchu oporu.** Warszawa. P.Z.W.S. 1972. 129 s.

DOBLESZEWSKI A. i HEMMERLING Z. **Ruch ludowy w Wielkopolsce 1945—1949.** Warszawa. «Lud. spółdzielnia wyd.». 1971. 281 s.

Komunistyczna partia Polski. Informator o materiałach archiwalnych z lat 1918— 1939, przechowywanych w archiwach polskich. Warszawa. 1971. 655 s.

KUMANIECKI J. **Po traktacie ryskim.** Stosunki polsko-radzieckie 1921—1923. Warszawa. «KiW». 1971. 281 s.

PIOTROWSKI B. **Rządy niemieckie Saksonii i Prus a ruch narodowokulturalny serbów łużyckich 1815—1919.** Poznań Uniw. im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 1971. 188 s.

PAWLAK S. **Okinawa.** Warszawa. «Wyd-wo Min. obrony nar.». 1971. 256 s.

ZATORSKI A. **Polska Lewica wojskowa w Rosji w okresie rewolucji 1917—1918.** Warszawa. «KiW». 1971. 347 s.

HORVÁTH P. a KOPČAN V. **Turci na Slovensku.** Bratislava. «Sloven. ped. nakl.». 1971. 210 s.

KRÁTKÝ K. **Socialistické státy, evropská bezpečnost a spolupráce.** Praha. «Svoboda». 1972. 308 s.

KSČ a vychodné Slovensko. (Materiály z celouniverzitnej konferencie, konanej pri príležitosti 50. výročia založenia KSČ). (Hlav. red.: J. Bajcura). Košice. «Východosloven. vyd-vo». 1971. 265 s.

POLIŠENSKÝ J. **Der Krieg und die Gesellschaft in Europa 1618—1648.** Praha. «Academia». 1971. 237 S.

Zahranični politika NSR a její místo v evropské bezpečnosti a spolupráci od nástupu vlády SPD/FDP. (Sbornik příspěvku z vedecké konference. Napsali Vladimir Soják, Cestmir Konečny, Josef Slajchart a. j.). Praha. Ústav mezinárodnich vztahu. 1971. 254 s.

BARON G. **Der Beginn. Die Anfänge der Arbeiterbildungsvereine in Oberösterreich.** Hrsg. von der Kammer für Arbeiter und Angestellte für Oberösterreich. Linz an der Donau. 1971. 389 S.

WALDHEIM K. **Der österreichische Weg.** Aus der Isolation zur Neutralität. Wien. u. a. Molden. 1971. 326 S.

НОВЫЕ КНИГИ

O'BROIN L. **Fenian Fever. An Anglo-American Dilemma.** London. «Chatto and Windus». 1971.X, 264 p.

HARTWELL R. **The Industrial Revolution and Economic Growth.** London. «Methuen». 1971. XXI, 423 p.

JONES TH. **Whitehall Diary. Vol. 3.** Ireland 1918—1971. XXVII, 268 p.

LOW D. A. **Buganda in Modern History.** London. «Weidenfeld and Nicolson». 1971. XII, 264 p.

TRELEASE A. W. **White Terror.** The Ku Klux Klan Conspiracy and Southern Reconstruction. London. «Secker and Warburg». 1972. XLVIII, 556 p.

ZINS H. **England and the Baltic in the Elizabethan Era.** Manchester. Manchester Univ. Press. 1972, 347 p.

América Latina en armas. Buenos Aires. Ed. M. A. 1971. 127 p.

LAURING P. **Danmarks historie.** København. «Forum». 1971. 332 s.

Dossier sul neofascismo. Roma. «Editori Riuniti». 1972. 120 p.

MAC LOCHLAINN P. F. **Last Words. Letters and Statements of the Leaders Executed after the Rising at Easter 1916.** Dublin. Kilmainham Jail Restoration Soc. 1971. XII, 217 p.

TABARES DEL REAL J. A. **La Revolución del 30: sus dos últimos años.** La Habana. Ed. de arte y lit.— Ins. cubano del libro. 1971. 646 p.

WARD W. A. **Egypt and the East Mediterranean World 2200—1900 B. C.** Studies in Egyptian Foreign Relations during the First Intermediate Period. Beirut. Amer. Univ. of Beirut. 1971. XXIV, 145 p.

OFSTAD H. **Vår forakt for svakhet.** En analyse av nazismens normer og vurderinger. Oslo. 1971. 317 s.

FARAGO L. **The Game of the Foxes.** The Untold Story of German Espionage in the United States and Great Britain during World War II. New York. «McKay». 1972. XXI, 696 p.

HUGGET F. E. **The Modern Netherlands.** New York. a. o. «Praeger». 1971. VIII, 272 p.

LIGHTFOOT C. M. **Racism and Human Survival: the Lessons of Nazi Germany for Today's World.** New York. «International Publishers». 1972. 287 p.

LONG E. B. **The Civil War Day by Day.** An Almanac 1861—1865. Forew. by Bruce Catton. Garden City (N. Y.). «Doubleday». 1971. XIII, 1135 p.

DDR—Entwicklung, Probleme, Perspektiven. Frankfurt a. M. «Verlag Marxistische Blätter». 1972. 220 S.

BISCHOF H. **Die spanisch-indianische Auseinandersetzung in der nördlichen Sierra Nevada de Santa Marta (1501—1600).** Bonn. 1971. 518 S.

WORMSER O. **Les origines doctrinales de la «Révolution nationale».** Vichy: 10 juill. 1940—31 mars 1941. Paris. «Plon». 1971. 276 p.

CHAUNU P. **La civilisation de l'Europe des lumières.** Paris. «Arthaud». 1971. 665 p.

La fondation du Parti communiste français et la pénétration des idées léninistes en France. 50 ans d'action communiste (1920—1970). Compte rendu analytique du colloque scientifique organisé par l'Inst. Maurice Thorez. (Paris—31 oct. 1er et 2 nov. 1970). Paris. «Ed. sociales». 1971. 334 p.

LA-PICIRELLA J. **Témoignages sur le Vercors. Drome et Isère.** Préf de Fernand Rude. Lyon. 1971. III, 339 p.

URFER S. **Ujamaa, espoir du socialisme africain en Tanzanie.** Préf. par Daniel Pepy. Paris. «Aubier-Montaigne». 1971. 239 p.

FOGELSTRÖM P. A. **Kampen för fred.** Berättelsen om en okänd folkrörelse. Stockholm. «Bonnier». 1971. 303 s.

MOBERG V. **Min svenska historia.** Del. 2. Från Engelbrekt till och med Dacke. 1971. 389 s.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному соглашению; обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случаях отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Цена 70 коп. Индекс 70145

